

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ю. К. Кузьменко

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

ЛЕНИНГРАД
„НАУКА”
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

Рецензенты
Л. Г. Герценберг, Ю. А. Клейнер

К $\frac{4602020100-611}{042(02)-91}$ 658-91(I)

© Ю. К. Кузьменко, 1991

ISBN 5-02-028060-7

Эта книга посвящена анализу тех фонологических изменений, которые произошли в германских языках в период их отдельного существования начиная с эпохи первых письменных памятников до настоящего времени. В книге сделана попытка представить историю фонологических изменений не только в литературных нормах германских языков, но прежде всего в современных германских диалектах. Именно современные германские диалекты занимают центральное место в работе. Они являются и материалом реконструкции, и основным объектом исследования. Особенность метода реконструкции фонологических изменений, используемого в этой книге, заключается в том, что этапы изменений, не засвидетельствованные в одном диалектном ареале, будут устанавливаться главным образом на основании анализа изменений, происходящих в настоящее время в другом диалектном ареале. Такая диалектная реконструкция позволяет проследить любые фонологические изменения, в частности те изменения, которые либо совсем не отражены, либо отражены лишь косвенно в письменных памятниках.

Совокупность современного германского диалектного материалы позволяет не только реконструировать изменения, произошедшие около тысячи лет тому назад (в некоторых архаичных диалектах мы можем обнаружить «фонологические реликты», сохраняющие древнегерманское состояние), но и представить тенденции развития германских языков (и их литературных норм), которые наиболее ярко проявляются в диалектах, «обогнавших» в своем фонологическом развитии литературные нормы. Напомним в связи с этим мысль В. М. Жирмунского о том, что именно диалекты «наиболее последовательно и беспрепятственно осуществляют общие тенденции развития»

(Жирмунский, 1965, 3). Кроме того, сопоставление диалектов с разной степенью продвинутости того или иного изменения позволяет установить сам механизм изменений, определить позиции и группы слов, которые подвергаются изменению в первую очередь.

Для исследования фонологических изменений в германских языках уникальный материал представляют современные скандинавские диалекты. Именно архаичные скандинавские диалекты сохраняют фонологические черты, свойственные германским языкам и эпохи их первых письменных памятников, и эпохи памятников «среднегерманского» периода, почти не сохранившиеся в современных западногерманских диалектах; с другой стороны, изменения, произошедшие в некоторых современных скандинавских (датских) диалектах, могут рассматриваться как прообраз будущих изменений и в других германских языках. В этой книге скандинавские диалекты являются основным материалом для построения типологической модели изменений, происходивших и в западногерманских языках; поэтому значительная часть книги посвящена скандинавским диалектам.

Естественно, что в одной работе невозможно было описать все фонологические изменения, происходившие во всем ареале распространения германских диалектов и литературных норм германских языков, поэтому для анализа были выбраны те изменения, которые являются ключевыми в развитии германских языков последнего тысячелетия: просодическая эволюция корневой морфемы и вокалические изменения. В книге сделана попытка описать процессы, происходившие в разных германских языках и диалектах в разное время и установить, чем могло быть обусловлено сходство и различие этих процессов, т. е. сделана попытка внести вклад в создание историко-типологической фонологии германских языков.

Поскольку путь любого исследования — от известного к неизвестному, естественным представляется такое построение книги: в первой части описываются фонологические системы современных германских диалектов и литературных норм (что является одновременно и описанием результатов изменений, и материалом для их реконструкций), во второй части реконструируются этапы и механизм фонологических изменений. Во второй части работы современное состояние, существующее в разных литературных нормах и диалектных ареалах, представлено в виде диахронической последовательности.

Многие идеи, высказанные в этой книге, не раз обсуждались на заседаниях работающего при ЛО Института языкознания семинара по диахронической

фонологии, который основал и вел с 1972 по 1974 г. А. С. Либерман. Дискуссии на семинаре и беседы с его участниками вне его рамок помогли автору более четко определить свои позиции по многим вопросам исторической фонологии германских языков. Всем участникам семинара и прежде всего Л. Э. Найдич, Э. И. Мячинской, Ю. А. Клейнеру, Н. Н. Казанскому и А. Ю. Русакову автор приносит свою искреннюю благодарность.

СИНХРОНИЯ
МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ

Для фонологических характеристик современных германских литературных норм и диалектов большую роль играют просодические различия. Помимо словесного ударения, ударные слоги многосложных слов и односложные слова могут противопоставляться разными мелодическими и динамическими характеристиками, разным временным соотношением и способом примыкания основных составляющих слога — гласного и согласного (VC).

Словесное ударение обеспечивает выделение одного слога в многосложном слове по сравнению с остальными слогами. Во многих языках выделенность ударного слога по сравнению с безударным сочетается с возможностью противопоставления в ударном слоге большего инвентаря фонологических единиц (либо большего набора гласных фонем, как, напр., в русском, либо большего набора квантитативных типов, как в саамском, либо большего набора слоговых акцентов, как в шведском или норвежском). Высказывалось предположение, что только возможность противопоставления большего набора фонологических единиц и определяет ударность позиции (Liberman, 1982, 30-32; Клейнер, 1979, 7). Вряд ли такой вывод, однако, справедлив для всех языков. Есть языки, в которых местом ударения могут отличаться слоги, тождественные во всех других отношениях. Если в русском языке в противопоставлении мука́-му́ка безударность слога му- в первом слове и ка во втором может быть связана с невозможностью противопоставления в безударных позициях полного набора фонем, то в литовском языке противопоставления типа gĩria 'хвалит, хвалят' — girià 'лес' или ákis 'глаза' — akis 'глаз' не связаны с возможностью противопоставления в одной из позиций большего набора единиц. Более того, в литовском языке ударным может быть слог, в котором полный набор противопоставляющихся единиц невозможен: ударными могут быть краткие гласные, хотя их число меньше числа долгих гласных.

По-видимому, вряд ли правомерно считать единственным фонологическим коррелятом ударения возможность противопоставления полного набора фонемных или просодических единиц. В одних языках выделение одних слогов в слове сопровождается возможностью противопоставления в них большего набора фонологических единиц, в других языках наличие выделенности ударением одного слога по сравнению с другим может быть не связано с возможностью употребления в этом слоге большего по сравнению с безударным набором фонологических единиц.

В современных германских языках связь ударения с возможностью противопоставления в ударном слоге большего количества фонологических единиц очевидна. В шведском, норвежском, исландском и фарёрском языках и большей части баварских диалектов ударный слог всегда долог (долгий гласный + краткий согласный или краткий гласный + долгий согласный), тогда как в безударном слоге нет противопоставления $V:C \neq VC:$, что, в частности, свидетельствует о равнозначности длительности слога и ударности в этих языках (Либман, 1971в, 33). Только в ударных слогах в шведском и норвежском могут противопоставляться и слоговые акценты. В большинстве диалектов и литературных нормах западногерманских языков только в ударных слогах возможно противопоставление разных типов примыкания, а в датском и противопоставление толчок — отсутствие толчка. Противопоставление большего инвентаря фонологических единиц в ударных слогах, характерное для многих современных германских языков и диалектов, было, однако, свойственно германским языкам не всегда. В древневерхненемецком мы имеем дело не только с отсутствием редукции, но и с возможностью существования долгот (и противопоставлений долгий-краткий) в аффиксальных морфемах, которые обычно считаются безударными (ср. *machôn*, *salbôn*; ср. также готские формы типа *gibos* и т. п.). Иными словами, такое состояние более соответствует литовскому типу, где количественные противопоставления могут быть характерны для безударных слогов. Очевидно, что в тех языках, где ударение связано с возможностью противопоставления большего инвентаря фонологических единиц (как, напр., в русском или современных германских языках), его фонологическое содержание отличается от фонологического содержания ударения в языках с качественно и количественно равноценными слогами (как, напр., в готском и древневерхненемецком). В языках первого типа ударение не является фоно-

огической характеристикой, дополнительной к другим фонологическим характеристикам (фонемным или просодическим), в языках второго типа фонологическая значимость ударения не покрывается фонологической значимостью других фонологических единиц.

Второй тип просодических различий связан с противопоставлением ударных слогов (друг другу). Такие различия могут быть двух видов: различия супрасегментные и сегментные. К супрасегментным просодическим различиям относятся слоговые акценты (и морные акценты), которыми могут различаться ударные слоги многосложного слова (ср., напр., шв. литер. *-beta* 'пастиль' с акцентом II *'-beta'* 'бета' с акцентом I в первом ударном слоге, но *betá* 'лишать' с первым безударным слогом).

Слоговыми акцентами мы будем называть супрасегментные просодические различия, характерные только для одного слога в слове. В германских языках этот слог всегда является корневым; в некорневых морфемах здесь нет акцентных различий, хотя они могут быть ударными (ср., напр., шв. *tryckerí*). Корневая морфема *tryck-* в данном случае может иметь акцент I в словах типа *-trycker*, акцент II в словах типа *-trycka* и быть безударной в словах типа *tryckerí*, суффиксальные же морфемы либо вообще не могут быть ударными (все словоизменяемые и большинство словообразовательных морфем), либо могут быть ударными (*tryckerí*), но не могут служить ареной противопоставления акцентов.

В том случае, когда каждая морфема имеет соответствующий акцент (и может быть ударной), что, в частности, имеет место в слоговых языках Юго-Восточной Азии, мы говорим о тонах. Тоны — постоянные признаки морфемы в слоговых языках, и в том случае, когда фразовое ударение приводит к редукции тона, он всегда «восстанавливается» в независимой позиции. Фактически в языках со слоговыми акцентами могут существовать два типа морфем — сильные (морфемы, которые могут иметь разные акценты, — в германских языках это корневые морфемы) и слабые — морфемы, которые не могут различаться слоговыми акцентами (в шведском и норвежском языках эти слабые — некорневые — морфемы делятся на два типа — ударные и безударные). В языках с тонами все типы морфем сильные. Слоговые акценты встречаются в языках, где основная конституирующая единица языка — слово, тоны характерны для тех языков, где основная единица — морфема (ср., напр., языки Юго-Восточной Азии).

Слоговые акценты и тоны — это супрасегментные

просодические единицы, которые как бы накладываются на сегментную последовательность фонем. Существуют, однако, и сегментные просодические различия — это различия, определяющиеся взаимоотношением двух основных составных частей слога гласного и согласного (VC). Эти различия связаны с типом соединения гласного и согласного (слогоделения, способ примыкания) и с временным соотношением гласного и согласного в комплексе VC.

Важнейший вопрос сегментной просодики — фонологическая трактовка длительности. Н. С. Трубецкой утверждал, что длительность сама по себе не может быть релевантной и в каждом конкретном случае она является выражением какой-либо иной просодической корреляции: в латыни, в частности, она является выражением моросчитания ($\bar{V} = \check{V} + \breve{V}$), а в современных западногерманских языках она определяется типом примыкания (Trubezkoj, 1938, 155-174). Хотя положение Трубецкого о невозможности противопоставления долгих-кратких в языке (длительность в его интерпретации — это явление речи, но не языка) не стало общепринятым, его мысль о необходимости поиска «глубинного» фонологического признака, манифестацией которого могут быть противопоставления долгих и кратких, очень плодотворна. К приводимым Трубецким «глубинным» фонологическим признакам, выражением которых являются противопоставления по длительности, можно добавить и тоны (когда длительность является признаком тона, как в некоторых языках Юго-Восточной Азии), и слоговые акценты.

Один из основных вопросов просодики современных германских языков и диалектов — это вопрос фонологической трактовки длительности, а основной вопрос исторической просодики германских языков — вопрос об изменениях функций длительности.

Особенности просодической организации современных германских языков связаны с тем, что в значительной части основного и наиболее частотного словарного фонда ударной является корневая морфема, и именно корневые морфемы противопоставляются и типом супraseгментной просодики (слоговыми или морными акцентами), и типом сегментной просодики, и возможностью противопоставления в них большего инвентаря гласных фонем, т. е. выделенность корневых морфем обеспечивается возможностью противопоставления в них всех типов просодических и фонемных различий. Просодические различия (сегментные и супraseгментные) и фонемные различия в современных германских языках и диалектах — это прежде всего различия в просодическом и фо-

немном оформлении корневых морфем, и соответственно история германской просодики и фонематики — это прежде всего история просодической и фонемной эволюции корневых морфем.

В синхронной части работы все современные германские языки и диалекты разделены на группы в зависимости от типа организации сегментной просодики корневой морфемы, т. е. от типа взаимоотношения в ней гласного и последующего согласного. Супraseгментная просодика (слоговые и морные акценты, тоны) и вокалические системы описываются отдельно в каждой группе.

1. МОРОСЧИТАНИЕ

Просодика

Скандинавские языки

Сегментная просодика ряда шведских и норвежских диалектов очень архаична. В шведских диалектах Даларны и северной Швеции, в восточношведских диалектах Финляндии и Эстонии и в ряде восточнорвежских диалектов возможны четыре типа длительности в корневой морфеме. Здесь существует четыре типа соотношения длительности: краткосложные корневые морфемы CVC (ср., напр., шв., норв. диал. /b \check{e} k/, /t \check{a} l \check{a} / др.-исп. bik, tala), долгосложные корневые морфемы типа $C\bar{V}C$ (/b \bar{i} t/, /b \bar{i} ta/ др.-исл. bít, bíta) и типа $C\bar{V}\bar{C}$ (/fall/, /falla/ др.-исл. fall, falla) и сверхдолгие корневые морфемы (/b \ddot{u} nn/, /bl \ddot{u} nd/ др.-исл. b \ddot{o} ndi, blindr).

Сверхдолгие слоги могут быть и биоморфемными (ср., напр., шв., норв. диал. /f \bar{i} nt/ ср. род от /f \bar{i} n/ и шв., норв. диал. /gl \bar{a} tt/, /fl \bar{a} tt/ ср. род от /gl \bar{a} d/, /fl \bar{a} t/ шв. литер. glad, flat). Пропорция /f \bar{i} n/ прил. общ. род — /f \bar{i} nt/ прил. ср. род, /fl \bar{a} t/ -/fl \bar{a} tt/ свидетельствует о том, что долгие согласные в этих диалектах следует интерпретировать как бифонемные сочетания $C + C$ (т. е. долгое $t = t+t$).

Таким образом, мы видим, что в ряде шведских и норвежских диалектов сохраняется та система сегментной просодики, которую обычно реконструируют для всех древних германских языков ($\bar{V}C$, $\check{V}C$, $\check{V}CC$, $\bar{V}CC$). Однако ни один современный скандинавский диалект не

* В моросчитающих диалектах долгий (биморный) гласный будет обозначаться \bar{V} , краткий (одноморный) \check{V} .

сохранил всех краткосложных слов древних скандинавских языков. Количество краткосложных ударных корневых морфем в древнеисландских текстах по нашим подсчетам не превышало 12%, тогда как в наиболее архаичном норвежском говоре Вого (Гудбрандсдален) частотность краткосложных корневых морфем не превышает 5% — подсчеты производились по текстам Росса (Ross, 1906). Частотность краткосложных корневых морфем (CVC) в других диалектах, сохранивших исконное просодическое состояние, еще меньше. Причем степень сохранности исконной краткосложности связана с количеством слогов в слове, с качеством гласного и поствокалического согласного. Ни один даже самый архаичный диалект не сохранил исконных односложных слов типа *ĀĀ* (*tāl*): во всех скандинавских диалектах, сохранивших краткосложность, корневые морфемы типа *ĀĀ* вытеснены корневыми морфемами с долгой гласной (/glād/, /flāt/, /hāv/ шв. литер. *glad, flat, hav*). В норвежском Гудбрандсдалене сохраняются только несколько слов исконного типа *ĀĀ*, где краткое /ā/ сохранилось благодаря грамматической аналогии — это формы претерита глаголов *lese* и *være* /lās/, /bār/ (Horne, 1917, 24). Односложные краткосложные слова с исконными /ī/, /ǔ/, /ě/, /ǝ/ сохраняются в скандинавских диалектах на гораздо большей территории, поэтому в одном и том же говоре можно встретить и слова типа /tāk/ < /tāk/, и слова типа /sōn/ и /bēk/ др.-исл. *sonr, bik* (Storm, 1908, 61). Наиболее благоприятствуют сохранению краткосложности в скандинавских диалектах узкие гласные, глухие согласные, /r/, так называемое толстое l (одноударное ретрофлексное r) и /m/.

Во многих диалектах краткосложность сохраняется только в двусложных словах типа (CVCV), тогда как все исконные краткосложные, односложные слова удлинились. Часто корневые морфемы в разных грамматических формах слова имеют разное количество (ср., напр., чередование типа /dāl/-/dālā/, /rāv/-/rāvā/, /grāv/-/grāvā/ в диалектах северной Швеции (Söderström, 1972, 125) — шв. литер. *daldalar, räv-rävär, grav-gravar*). В двусложных словах краткосложность сохранилась на гораздо большей территории, и есть говоры, где нет слов CVC, но сохраняются слова типа CVCV(C) (см., напр., Danell, 1905; Christiansen, 1948, 130-137; Söderström, 1972, 123-126). Диалекты, сохраняющие только двусложную краткосложность, показывают, что и в данном случае качество гласного и последующего согласного небезразлично для сохранения краткосложности. Если, на-

пример, в северном Гудбрандсдалене сохраняется краткосложность во всех типах слов CVCV(C), то в говоре Солума краткосложность сохраняется только в двусложных словах с поствокалическими согласными /p/. /t/, /k/, /ʃ/, — ср., напр., /lěva/ < /lěva/, но /tāʃā/ др.-исл. lifa, tala (Dalene, 1953, 23-30, 65). В Ну-медале краткосложность сохраняется только в двусложных словах с узкими гласными и веллярными смычными и /m/ (ср., напр., /tiči/, /stūgūr/, /mýčý/ др.-исл. tekið, stofur, mikið).

В говоре Рингебу (Гудбрандсдален), где краткосложные корневые морфемы сохраняются только в двусложных словах (ср., напр., /něvǎ/, /sǎmǎr/, /vikú/ норв. литер. neve, sommer, uke), а все исконные слова типа CVC стали долгосложными (ср., напр., /vett/, /strokk/ ~ /strokk/ норв. литер. vett, strok), в двусложных формах односложных существительных (исконного типа CVC) также произошло удлинение (см., напр., /vett/ дат. /vette/), тогда как в формах сильных глаголов сохраняется различие в длительности корневых морфем — см., напр., /sǎvǎ/—/sōv/, /lěsǎ/—/lēs/ (Fliflet, 1954, 53-54).

Остатки краткосложности сохранились и в восточнонорвежском варианте литературной нормы. Хотя обычно принято считать, что система сегментной просодики норвежской литературной нормы соответствует системе шведской литературной нормы (долгий гласный + краткий согласный ~ краткий гласный + долгий согласный), в восточнонорвежском варианте литературной нормы есть небольшое количество слов, которое наряду с долгосложными могут иметь и краткосложные варианты типа CVCV или CVCVC — ср., напр., /mōrō/ morgon, /fūrǎ/ furu, /sirǎp/ sirup, /hǒvél/ høvel (Flydal, 1971, 67). Хотя ни один из этих вариантов не является единственно возможным (ср. /fūrǎ/ ~ /fu:ru/, /sirǎp/ ~ /si:rap/ и т.п.), краткосложность сохраняет частичную релевантность, поскольку не все долгосложные слова могут иметь краткосложные варианты, — ср., напр., частичное противопоставление, которое может быть описано в терминах янус-просодемы /ve:ta/ ~ /vēta/ норв. литер. veta, но только /ve:te/ норв. литер. vete (Flydal, 1971, 80). Ситуация янус-просодемы характерна и для многих норвежских диалектов — ср., напр., факультативные чередо-

* Термин «янус-просодема» введен по аналогии с термином «янус-фонема». О «янус-фонеме» см.: Steblin-Kamenskij, 1965, 370-371.

вания типа $C\check{V}C\check{V} \sim CVC:V$ в говоре Сельбу (Larsen, 1908, 20).

В говорах, сохраняющих краткосложность, возможны и сверхдолгосложные слова, причем не только исконные (типа /būnn/ др.-исл. /bóndi/), но и новые, в которых произошло удлинение перед гоморганными группами /nd/, /ld/, /mb/, /st/, — ср., напр., формы типа /blīnd/, /ēnd/, /hīnd/, /bīld/, /bīnd/, /kāld/, /hēst/, /ūst/, /lāmb/, /br̄yst/ шв. литер. blind, hända, änd, bild, bind, kall, höst, ost, lamm, bröst (Vendell, 1892, 9-10, 15; Thurman, 1898, 70; Hagfors, 1891, 19; Danell, 1905, 17; Freudenthal, 1889, 17; Horne H., 1917, 7; Ruthberg, 1924, 29; Pihl, 1924, 129). Сходную систему сегментной просодики имеет и шведский литературный язык Финляндии, в котором мы можем найти все просодические типы (CVCV, CVC, CVC, CVC), однако распределение их по словам иное, чем в диалектах, сохранивших архаичное состояние. Краткосложность характерна для заимствований из финского языка и для небольшого количества заимствований из диалектов (Nyholm, 1978, 43), а часть старых долгосложных слов представлена как сверхдолгосложные — /böttar/ шв. литер. bätar, /bu:kk/ шв. литер. bok (Reuter, 1973, 214-215). Еще в 1922 г. X. Бергрут писал о том, что краткосложные слова недопустимы в высоком стиле в шведском языке Финляндии (Bergroth, 1922, 27-35), однако сейчас, по замечанию М. Ройтера, «осуждение краткосложности вряд ли мыслимо» (Reuter, 1973, 7). Такое состояние — несомненное влияние финско-шведского двуязычия и влияния сегментной просодики финского языка.

Важной особенностью просодической структуры современных скандинавских диалектов, сохраняющих количественные типы $C\check{V}C$, $C\bar{V}C$, $C\check{V}\bar{C}$, $C\bar{V}\bar{C}$, является отсутствие связи длительности со слогоделением (т. е. существование открытого слога и в словах типа $C\bar{V}=CV$, и в словах типа $C\bar{V}=C\bar{V}$). Вопрос о критериях слогоделения неоднократно становился предметом дискуссий (см., напр., Aweduk, 1975, 7-54). Ряд лингвистов отказывает слогу в статусе самостоятельной единицы и соответственно слоговые границы проводят только между теми фонемами, которые могут стоять на границах слов, т. е. в качестве потенциального слога считается фонема или сочетание фонем, из которых может состоять отдельное слово (см., напр. Kuryłowicz, 1948-1949, 37).

Многие ограничиваются именно таким пониманием слога, однако Е. Курилович, одним из первых выдвинувший данный критерий слогоделения, объединяет его с

общефонетической тенденцией делать все слоги открытыми. В том случае когда эти два принципа слогоделения находятся в противоречии, Курилович говорит об отсутствии слоговой границы в двусложном слове. Так, анализируя латинские слова *cito*, *bene*, *senex*, он отказывается от традиционно предполагаемого, подтвержденного правилами стихосложения слогоделения *ci-to*, *be-ne*, *se-nex* (Hill, 1954, 439) на том основании, что в латинском языке нет слов типа *CV*; с другой стороны, слогоделение типа *ben-e* и т.п. хотя и удовлетворяет требованию (слог=слово), однако делает слог закрытым. На основании всего этого Курилович делает вывод об отсутствии слоговой границы и в словах типа *bene* в латинском языке, и в словах такой же структуры в древних германских языках (Kuryłowicz, 1948-1949, 37-38). Следуя за Куриловичем, нам пришлось бы предположить отсутствие слоговой границы в словах типа *CVCV(C)* и в архаичных скандинавских диалектах. Однако стремление связать все слоговые границы с границами слова (т.е. фактический отказ от слога как от самостоятельной единицы) противоречит во многих случаях интуитивному разбиению на слоги. В шведской и норвежской норме нам пришлось бы предполагать наличие слоговой границы после согласного в словах типа шв. *kalla* /ka:l:a/, поскольку здесь нет ни слов типа *CV*, ни слов типа *CVC*. Кроме того, пришлось бы отказаться от слогоделения *CV-CV* во всех живых языках, где есть противопоставление долгих и кратких гласных, но нет слов типа *CV* (в частности, в литовском или эстонском), несмотря на то, что слогоделение *CV-CV* в них не только ощущается интуитивно, но и постулируется лингвистами (см., напр., Грамматика, 1983, 43). Повидимому, слогоделение нельзя выводить из сочетаемости фонем на границах слов, а слог нельзя сводить к фонотактике. Каким же образом определить границы слогов? Границы слога легко определить там, где они имеют смыслоразличительную функцию, т.е. там, где последовательность одинаковых фонем может иметь разное значение в зависимости от места слоговой границы (ср., напр., *CV-CV≠CVC-C*). Там, где слогоделение релевантно, оно связано с границами морфем (как, напр., в языках Юго-Восточной Азии). Там, где слогоделение не выполняет различительной функции ни во внешнем сандхи, ни во внутреннем сандхи, оно определяется чисто фонетическими закономерностями, связанными с качеством фонем и прежде всего со степенью их

сонорности. * В языках с иррелевантным слогоделением последовательность CVCV, вероятно, всегда будет делиться на открытые слоги независимо от длительности гласной — именно таким традиционно считают слогоделение и в живых языках с противопоставлением $\bar{V}-\check{V}$, и в древнегреческом и латыни.

Слогоделение типа $C\check{V}-CV$ в архаичных шведских и норвежских диалектах (так же как и подобное же слогоделение в верхнеалеманнских и баварских диалектах — подробнее см. ниже, с. 25) свидетельствует об отсутствии связи длительности со слогоделением, характерным, как мы увидим, для многих современных германских языков и диалектов.

Длительность в архаичных шведских и норвежских диалектах не связана с типом примыкания и слогоделения, и, несмотря на кажущееся сходство типов сегментной просодики в архаичных скандинавских диалектах и в современных западногерманских литературных нормах и в датском (и там, и там есть типы CVCV, CVCV, CVC̄C), характеристика длительности в них должна быть разной, поскольку разным оказывается соотношение длительности и слогоделения: отсутствие связи длительности со слогоделением в архаичных шведских и норвежских диалектах и ее наличие в современных западногерманских языках и в датском (подробнее см. с. 63).

Многое свидетельствует о том, что в скандинавских диалектах с сохранившейся краткосложностью длительность является выражением моросчитания.

Понятие моросчитания было разработано применительно к классическим языкам и прежде всего к классическому стихосложению. Основанием для выделения моры — единицы меньшей, чем слог, — послужило правило метрического приравнивания одного долгого слога двум кратким. О существовании такого соотношения говорил еще Дионисий Галикарнасский, отмечая, что легкий слог в греческом равен $1/2$ тяжелого слога (Allen, 1968, 99-100). Такое приравнивание является свидетельством того, что «мельчайшей воспринимаемой

* В последнее время традиционное слогоделение, основанное на разделении согласных по степени сонорности, переформулировано в терминах консонантной силы (см., напр., Vennemann, 1988, 9), однако примечательно, что и слогоделение, учитывающее степень сонорности, и слогоделение, учитывающее консонантную силу (что то же самое), ориентировано на установление универсальных законов слогоделения (т. е. на те случаи, где слогоделение иррелевантно).

на слух частью слова оказывается не слог, а мора» (Тронский, 1962, 3). Часто такое членение слога на моры сопровождается выделением первой или второй моры интенсивностью или тоном. Биморные комплексы различаются, таким образом, местом вершинного акцента. В древнегреческом «наилучшим показателем двоечастности, двухморности гласного является акцентная система, в которой друг другу противопоставлено два вида ударения, «острое» и «облеченное», осуществляющееся на разных частях долгого гласного звука» (Тронский, 1962, 4). С. Д. Кацнельсон считает такое разное выделение мор обязательным условием моросчитания (Кацнельсон, 1966, 52). О существовании правила $\cup \cup = -$ может свидетельствовать не только метрическая система. В латыни о равенстве $\cup \cup = -$ говорит тип ударения, которое приходится на третью от конца мору (Зиндер, 1979, 191), в готском о моросчитании свидетельствует распределение алломорфных окончаний после биморных и одноморных основ (Плоткин, 1982, 32), в древних западногерманских языках о равенстве $\cup \cup = -$ говорит апокопа, затронувшая только третью мору, — ср. др.-а. wurgm, но lufu и wine (Kurųłowicz, 1948-1949, 34-37, 39).

Хотя понятие моросчитания и было разработано при анализе языков, в которых один долгий слог приравнивался двум кратким, моросчитание часто понимают и шире: любой язык, в котором долгие слогоносители имеют два типа ударения, а краткие — один, трактуется как моросчитающий (Трубецкой, 1960, 213).

Совершенно очевидно, таким образом, что термин «моросчитание» используется для обозначения разных просодических сущностей. С одной стороны, моросчитающими считают языки, в которых правила метрики, ударения свидетельствуют о существовании равенства $\cup \cup = -$, с другой — моросчитающими объявляют любые языки, в которых долгие слогоносители имеют два вида ударения. Причем отметим, что одно состояние вовсе не предполагает другого. Равенство $\cup \cup = -$ может не сопровождаться противопоставлением двух типов акцентов (как в латыни), а существованию двух акцентов на долгих слогоносителях не обязательно сопутствует правило $\cup \cup = -$, как в литовском языке или в тех языках, где вообще нет одноморных слогов и морфем, — ср., напр., шведскую и норвежскую литературные нормы, где нет правила метрического приравнивания $\cup \cup = -$ (поскольку нет одноморных слов и морфем), но есть противопоставление двух видов акцентов.

Основываясь на существовании двух типов тонического ударения в норвежском языке, Н. С. Трубецкой предлагал рассматривать его как язык моросчитающий: «... наличие смысловозначительных тональных мелодических противопоставлений $\text{-lyse}(t)$ 'свет' — восходящий тон, -lyse 'светить' — нисходящий тон свидетельствует о моросчитающем характере языка... и все типы ударных слогоносителей можно рассматривать как двуморные» (Трубецкой, 1960, 245-246). Моросчитание, однако, это прежде всего противопоставление одноморности-биморности, а в языках, где все типы ударных слогов долгие, такого противопоставления нет.

Счет на моры предполагает противопоставление $\text{CVC} \neq \text{CVC}$, CVC , однако существование такого противопоставления необходимое, но не достаточное условие моросчитания. Вторым таким условием является просодическое (метрическое) равенство $\text{CVCV} = \text{CVC}$, CVC . Именно приравнивание $\text{CVCV} = \text{CVC}$, CVC и позволяет нам выделить две части (моры) в комплексах CVC и CVC . Правило моросчитания удобнее сформулировать в терминах мор: в моросчитающем языке две моры, разделенные согласным, просодически приравниваются двум морам, не разделенным согласным (т. е. $\text{MCM} = \text{MM}$).

В скандинавских диалектах на моросчитание первым обратил внимание Б. Хессельман. Изучая просодические особенности норвежских диалектов, в которых сохранились исконные типы сочетаний гласных с согласными CVC , CVC и CVC , он обнаружил, что «краткие двусложные слова в ритмике предложения занимают в Воге такое же положение, что и в ранней латыни, и в древнеисландском: два кратких слога равны здесь одному долготому» (Hesselman, 1952, 247). Такое приравнивание проявляется и при акцентуации сложных слов: сложные слова типа — — имеют акцентуацию ˘ ˘ (jũlkváll), такую же акцентуацию имеют слова типа ˘ ˘ — (skũgũták). О равенстве $\text{MCM} = \text{MM}$ свидетельствует и то, что в двусложных словах типа — — ударение падает на первый слог, а в трехсложных словах с первыми двумя слогами ˘ ˘ — ударение падает на второй слог, что свидетельствует о том, что в сложных словах в Воге ударной, так же как и в латыни, является третья мора от конца.

Б. Хессельман отмечает, что реконструируемое для древнеисландского стихосложения (где возможно приравнивание $\text{MCM} = \text{MM}$) ударение находит подтверждение в говоре Воге. Если в древнеисландском стихе за словом типа konungr следует еще один слог, то ударным и долгим оказывается второй слог (ср. af konũngum),

подобным же образом в говоре Вого *mósyst* 'тетя', но *mosústám* дат. пад. мн. ч. этого слова (Hesselman, 1952, 248).

Приравниваемость МСМ=ММ видна в диалектах с балансом гласных и с балансной апокопой. Для большинства шведских и норвежских диалектов, сохраняющих тип *CV̇C* или *CVCV̇*, характерен баланс гласных, т.е. ослабление третьей конечной моры, но сохранение второй конечной моры (ср., напр., /-kaste/ или /kâst/, но /tå̌lå̌/). Шведско-норвежская балансная апокопа (типологически сходная с морной апокопой в западногерманских языках, ср. др.-англ. *wurm*, но *lūfū*) также свидетельствует о правиле МСМ=ММ — ср. /kâst/, но /tå̌lå̌/. Во многих скандинавских диалектах, сохраняющих тип МСМ, апокопа свободная — долгосложные слова могут иметь две формы — /kasta/ ~ /kâst/, а краткосложные слова всегда сохраняют конечный гласный — /tå̌lå̌/ (Geijer, 1921, 3-6, 13).

Приравниваемость ММ=МСМ видна и при освоении моросчитающими говорами заимствований. Слова литературной нормы типа *VC:V* или *V:CV*, попадая в моросчитающий говор с апокопой, становятся либо *VCV̇*, либо *V:C* (или *VC:*) — шв. литер. *Anna* соответствует в говоре Маллунга либо /ånå̌/, либо /an:/ (Söderström, 1972, 40).

Все эти данные свидетельствуют о том, что во всех шведских и норвежских диалектах, сохраняющих исконный тип корневой морфемы *CVC*, господствует моросчитание. Причем, хотя в большинстве шведских и норвежских говоров с моросчитанием есть противопоставление двух видов акцентов на биморных базисах типа ММ, их существование вовсе не является непременным условием моросчитания. В ряде шведских диалектов Финляндии и Эстонии, где нет противопоставления акцентов I-II, о моросчитании свидетельствует баланс и балансная апокопа (Geijer, 1921, 63), т.е. в этих говорах биморный слогоноситель имеет только один вид ударения — в отличие от большинства шведских и норвежских диалектов, в которых биморные слоги имеют два вида акцента.

В тех шведских и норвежских диалектах, где краткосложность сохраняется только в двусложных словах, мы имеем дело с тенденцией к словесной изохронии: самое короткое ударное слово здесь всегда биморно и состоит либо из *CVCV̇(C)*, либо из *CV̇(C)* или *CVC*. Изо-

* Области распространения моросчитания (Storm, 1884-1908, 60-65; Hesselman, 1952, 245; Naugen, 1976, карта 12 на с. 262).

хрония слов не предполагает в данном случае изохронии корневых морфем, которые могут быть и одноморными CVC (в словах типа $CVCV(C)$) и биморными (CVC , CVC).

В скандинавских диалектах и шведской, норвежской и датской литературных нормах существуют просодические различия (акценты I, II, равновесный акцент, циркумфлекс, толчок), трактовке которых посвящено большое число публикаций. Обычно все эти явления рассматриваются вне связи с сегментной просодикой, при этом чаще всего они трактуются как разная реализация одних и тех же фонологических сущностей. Н. С. Трубецкой трактует все скандинавские акценты (акцент I-акцент II и толчок) как инструменты моросчитания (Трубецкой, 1960, 242-246), С. Д. Кацнельсон рассматривает все скандинавские акценты как слоговые акценты (Кацнельсон, 1966), а в Скандинавии наиболее популярно рассмотрение всех скандинавских акцентов как словесных акцентов (Gårding, 1977)*. В монографии А. С. Либермана, посвященной скандинавской акцентологии (Liberman, 1982), противопоставление толчок-нетолчок в датских диалектах и акцент I-акцент II в некоторых шведских диалектах Даларны считаются инструментами моросчитания, тогда как противопоставление акцентов I и II в других шведских и норвежских диалектах и литературных нормах этих языков определяются как словесные акценты. Хотя скандинавские акценты трактуются, как мы видим, по-разному, эти трактовки роднит одна общая черта: все они рассматривают скандинавские акценты вне связи с сегментной просодикой, т. е. со структурой слога, и не ставят вопрос о том, насколько фонологическая значимость и фонетическая реализация акцентов связана с типом слоговой структуры. Если же попытаться связать супрасегментную просодику с просодикой «сегментной», то окажется, что и вид, и функция акцентов определяются в значительной степени типом сегментной просодики.

В моросчитающих шведских и норвежских диалектах (а к ним мы относим все диалекты, сохранившие одноморные корневые морфемы), тональные различия, называемые обычно как акцент I, акцент II, циркумфлекс

* Книга Э. Гординг так и называется: «Скандинавские словесные акценты».

** В соответствии со скандинавской традицией я называю акцентом I — акцент исконных односложных слов, а акцентом II — акцент исконных двусложных слов, независимо от их фонетической реализации.

и равновесный акцент оказываются морными акцентами, т. е. тональные пики акцентов I и II являются вершинными акцентами, выделяющими моры биморной корневой морфемы. Среди ста диаграмм Э.Мейера (Mejer, 1954, 82-86), в которых обозначено движение тона в шведских диалектах, можно найти и диаграммы, показывающие движение тона в моросчитающих диалектах Даларны, Уппланда и северной Швеции. Эти диаграммы показывают, что в одних моросчитающих говорах начальновершинным (т. е. выделяющим первую мору биморного корня) акцентом оказывается акцент I, а конечновершинным (выделяющим вторую мору корня) — акцент II (говоры Даларны), в северошведских и восточнонорвежских моросчитающих говорах начальновершинным акцентом оказывается акцент II (и его вариант в односложных словах циркумфлекс), а конечновершинным — акцент I. В любом случае противопоставление морных акцентов можно представить как i_2 (начальновершинный) и i_1 (конечновершинный) — ср., напр., формы типа /biiter/ (презент) — /biita/ (инфинитив) шв. лит. -biter, -bita.

Для слов типа $C\check{V}C\check{V}$ характерна особая акцентная структура: в них долгота, интенсивность и высота тона равномерно распределены на первом и на втором гласном (см., напр., Storm, 1884-1908, 62; Levander, 1909, 50; Geijer, 1921, 5). Хотя в одних говорах чуть больше может быть выделен первый гласный, а в других — второй (часто различное ударение зависит от позиции слова в предложении (Larsen, 1913, 8-9)), акцент краткосложных слов типа $C\check{V}C\check{V}$ очень точно характеризуется шведским термином *jämniktsaccent* (равновесный акцент). Важно отметить, что в любых своих проявлениях равновесный акцент заметно отличается от акцентов долгосложных слов (Geijer, 1921, 5-6).

С. Д. Кацнельсон считает, что равновесный акцент — избыточная примета слов с кратким корневым слогом, он не является ни морным, ни слоговым акцентом, а должен интерпретироваться как словесное ударение (Кацнельсон, 1966, 52; см. также Liberman, 1982). Рассматривая скандинавский равновесный акцент как словесное ударение, С. Д. Кацнельсон делает, однако, весьма важное уточнение: он замечает, что в языках, где есть моросчитание, равновесный акцент может относиться к слоговой (точнее было бы сказать — к морной. — Ю. К.) просодике. Поскольку С. Д. Кацнельсон отрицает существование счета на моры в современных

скандинавских диалектах, он отказывается считать морным и равновесомый акцент (Кацнельсон, 1966, 52).

Однако, как мы убедились выше, равенство ММ=МСМ в шведских и норвежских диалектах, сохранивших исконный тип морфем CVC , является несомненным свидетельством их моросчитающего характера. Равновесомый акцент оказывается здесь одним из инструментов моросчитания. В словах типа CVCV ни одна из мор не выделена ни тоном, ни силой. Морный акцент этих слов оказывается именно равновесомым. Традиционный термин, служащий для обозначения акцента слов типа CVCV , отражает, таким образом, не только фонетическое качество этого акцента, но и его просодическую сущность. Таким образом, в большинстве шведских и во всех норвежских моросчитающих диалектах существуют три морных акцента — начальновёршинный ($\overset{1}{\underset{2}{\text{C}}}\overset{3}{\text{V}}$), конечновёршинный ($\overset{1}{\text{C}}\overset{2}{\underset{3}{\text{V}}}$), и равновесомый ($\overset{1}{\underset{2}{\text{C}}}\overset{3}{\underset{4}{\text{V}}}$), ареной действия которых оказываются биморные комплексы. В диалектах, где нет одноморных слов, все слова как минимум биморны и различаются типами вершинных акцентов. Основной единицей, которая выделяется ударением, оказывается в данном случае биморный комплекс; в словах типа CMMC /-bite/ биморный комплекс совпадает с корневой морфемой, слова типа CMMC не только биморны, но и биморфемны (/tããã/).

А. С. Либерман считает, что самим своим существованием краткосложный акцент превращает противопоставление акцента I акценту II в противопоставление толчка-отсутствию толчка в говоре Урсы (Даларна) (Liberman, 1982, 184). Подтверждение этому он видит в реализации акцента I, который в Даларне похож на слабый толчок. Предположение это связано со спорной, на наш взгляд, трактовкой датского толчка как показателя моросчитания (подробнее об этом см. ниже). Сама же мысль о том, что в моросчитающих говорах акценты I и II оказываются показателями моросчитания, важна и плодотворна. Не следует, однако, искать фонетического сходства акцента I с толчком, а акцента II с отсутствием толчка. Во всех шведских и норвежских диалектах с моросчитанием (а не только в Урсе, где падение тона начальновёршинного акцента I действительно сходно с падением тона датского толчка) его показателями оказываются тоновые характеристики начальновёршинного, конечновёршинного и равновесомого акцентов.

Фонетическая длительность в моросчитающих диалектах оказывается выражением моросчитания. Причем, хо-

тя длительность корневого гласного в типе $CVC\check{V}$ может варьировать и в некоторых говорах достигать длительности биморного гласного, слова типа $CVC\check{V}$ продолжают отличаться от слов с биморными корнями типом акцента. Об этом говорил, основываясь на своих слуховых впечатлениях, Л. Левандер (Levander, 1928, 66), что подтвердили инструментальные исследования Э. Мейера, который показал, что двусложные слова с исконной краткой гласной могут удлиняться, но акцентуационно они продолжают отличаться от двусложных слов с биморными корнями (Meyer, 1937, 163). Таким образом, равновесный акцент является в некоторых говорах единственным показателем однородности.

Просодическая приравниваемость слов типа $CMCM$ словам $CMMS$ (особенно словам MM с биморным гласным) способствует объединению гласных в комплексе $\check{V}C\check{V}$ одним фонемным признаком. Для всех моросчитающих диалектов характерна метафония (шв. *tilljämning* 'выравнивание') — качественное уподобление однородных гласных друг другу. Чаще всего гласный корня уподобляется гласному окончания. Во многих моросчитающих говорах уподобление полное (ср. формы типа /vükü/, /lävä/, /vötö/, /dräpä/, /dripi/, др.-исл. viku, liva, vita, drepa, drepio), в других — частичное : /vikü/, /lävä/, /lävä/) и т.п. (Larsen, 1913, 29-32; Geijer, 1921, 28-30; Borg, 1973, 82-83).

Чаще всего при метафонии происходит уподобление по подъему (ср. /vikü/, но /lävä/ др.-исл. viku, lifa), гораздо реже можно наблюдать уподобление по огубленности — /vikü/, /výtä/, /lösä/ др.-исл. viku, vita, lesa — или взаимное уподобление — /sÿvÿ/, /skÿrÿ/, др.-исл. sofiö, skoriö (Ross, 1907, 1-2; Geijer, 1921, 28-29, 143). В моросчитающих диалектах метафония — живое морфонологическое чередование — ср., напр., /töřö/ инфинитив /täřär/ презенс в говорах Даларны (др.-исл. tala-talar) или /dräpä/ инфинитив — /dripi/ супин в Недеркаликсе (др.-исл. drepa-drepio). Гласные суффикса и корня оказываются объединенными одним качественным признаком. В говорах, где моросчитание исчезло, метафонические чередования могут нарушаться, однако следы метафонии можно найти и в шведской литературной норме (ср. *ve-ta*, но *bitit* др.-исл. vita, bitio).

В некоторых моросчитающих говорах, там, где прошла балансная апокопа, затронувшая третью мору слова, мы сталкиваемся с явлением, обозначаемым обычно термином циркумфлекс. Циркумфлексом в скандинавистике называют акцент апокопированных слов в шведских и

норвежских диалектах в том случае, если они просодически отличаются от исконных односложных слов, и хотя фонетическая реализация циркумфлекса может сильно варьироваться (Selmer, 1930, 122; Christiansen, 1932, 37), чаще всего он является двухвершинным акцентом с более высокой первой тонической и более сильной первой динамической вершиной.

Существуют две точки зрения на шведско-норвежский циркумфлекс. Одна из них восходит к А.Б.Ларсену, который считал, что при апокопе второй слог «не отпадает, а сохраняется в ударном слоге» (Larsen, 1915, 4). Таким образом, оказывается, что двусложность слова сохраняется несмотря на исчезновение гласного второго слога. Э.Сконлунд, описывая циркумфлекс в говоре Салты, предлагает искать границу слога во второй половине его сонорной части, в самой низкой точке тона и интенсивности перед их новым подъемом (Skånlund, 1973, 299), а Э.Хауген называет циркумфлекс «слоγοобразующей фонемой» (Haugen, 1954, 77). Таким образом, циркумфлекс с его точки зрения оказывается показателем двусложности корневой морфемы типа $\check{V}C$ или $\check{V}CC$, т.е. апокопа привела не к исчезновению слога, а к перемещению слоговой границы (т.е. /bi-ta/ > /bi-it/), слово потеряло окончание, но осталось двусложным. Однако даже сторонники двусложности циркумфлекса отмечают, что во многих случаях обнаружить слоговую границу, особенно в типе $\check{V}C$, невозможно (Skånlund, 1973, 230).

Вторая точка зрения восходит к Ю.Сторму и А.Нурену, которые рассматривали циркумфлекс как акцент II, разместившийся в односложном слове. «Иногда сложный тон (т.е. акцент II) стягивается на одну гласную так, что получаются две динамические вершины (to udaadningstryk), более сильная и более слабая, но они произносятся так быстро и связно, что слышатся как один слог», — писал Ю.Сторм (Storm, 1884-1908, 51; ср. также Noreen, 1903, 365; 1907, 199). Трактовка циркумфлекса как варианта акцента II наиболее распространена и среди скандинавских лингвистов (Selmer, 1930, 109; Christiansen 1933, 37; Gårding, 1977, 9; Skjekkeland, 1977, 15; Elstad, 1978, 168-170).

Особенно очевидна фонологическая равнозначность циркумфлекса и акцента II в говорах со свободой апокопой — в полной форме слово имеет акцент II, в апокопированной — циркумфлекс (-/kastə/ ~ /kâst/, -/bi:tə/ ~ /bî:t/). В некоторых случаях вторая фаза циркумфлекса настолько слаба, что акцент односложных слов обозначается диалектологами как акцент II, —

ср., напр., обозначение акцента апокопированных слов в говорах Нурденфьелла в Норвегии -/skriiv/ , -/viis/ норв. литер. *skrive*, *vise* (Storm, 1884-1908, 51) или в дальских говорах Швеции -/bryyn/ , -/öög/ шв. литер. *bryna*, *öga* (Levander, 1920, 65, 222).

В моросчитающих говорах без апокопы морные акцентные противопоставляются только в двухсложных словах, в говорах с апокопой такое противопоставление становится возможным и в односложных биморных словах, где вариантом акцента II является циркумфлекс.

Морфонологическая функция морных акцентов в значительной степени соответствует морфонологической функции слоговых акцентов в говорах со слоговым равновесием и в шведской и норвежской литературных нормах (см. ниже), однако морные акцентные в меньшей степени связаны с определенными грамматическими категориями, чем слоговые, поскольку сохранение краткосложности влечет за собой акцентные противопоставления одних и тех же грамматических классов слов (ср., напр., инфинитивы /tälå/ и -/kasta/ или /kást/ шв. литер. *tala* и *kasta*) и соответственно разную количественную структуру корней.

В скандинавских моросчитающих диалектах в долгосложных словах корневые ударные морфемы отличаются от безударных суффиксальных морфем и по количеству (в безударных морфемах нет противопоставления кратких и долгих), и по качеству (для всех моросчитающих диалектов в разной степени характерен так называемый баланс гласных, т.е. апокопа или редукция гласных после долгосложных корневых морфем, но сохранение гласных и их качественное «усиление» — например изменение $\text{a} > \text{å}$ — после краткосложных корневых морфем), только для долгосложных корневых морфем характерно и противопоставление морных акцентов I и II в областях их распространения, т.е. ударность корневых морфем в долгосложных словах связана с возможностью противопоставления в них большего набора просодических и фонемных единиц. В краткосложных биморных словах типа CVCV(C) корневая морфема не отличается от суффиксальной ни возможностью противопоставления морных акцентов, ни длительностью, ни разным набором гласных, чему способствует уподобление гласного корня гласному окончанию (метафония). Фонологически первый и второй слог в словах типа CVCV(C) (*viku*, *tala* и т.п.) равноценны, т.е. в отличие от долгосложных слов с биморными корнями корневой слог здесь не выделен. Такой фонологической невыделенности соответствует равновесность первого и второго слога. Иными словами, в словах типа CVCV(C) нет словесного

ударения. В тех диалектах, где равновесное ударение слов $\check{V}\check{C}\check{V}(\check{C})$ сосуществует с акцентами I и II долго-сложных слов с биморными корнями, оно входит в систему трех морных акцентов — конечновершинного, начальновершинного и равновесного. Выделенными этими акцентами оказываются биморные комплексы (т.е. единица ударения-биморный комплекс). В диалектах, где нет противопоставления акцентов I и II, равновесное ударение слов типа $\check{V}\check{C}\check{V}(\check{C})$ также свидетельствует об отсутствии словесного ударения в этих словах, с одной стороны, и о том, что выделяемой в потоке речи (т.е. фактически ударной) единицей является биморный комплекс либо $\check{V}\check{C}\check{V}$, либо $\check{V}\check{C}\check{V}$, либо $\check{C}\check{V}\check{C}$.

Западногерманские языки

В западногерманском ареале четыре исконных просодических типа корневой морфемы ($\check{V}\check{C}$, $\check{V}\check{C}$, $\check{V}\check{C}$, $\check{V}\check{C}$) сохранились только в верхнеалеманнских и некоторых баварских диалектах. Сохранение исконных кратких гласных в открытом слоге (ср., напр., /tse-lə/ нем. литер. zählen) считается одной из главных особенностей верхнеалеманнских диалектов (Keller, 1961, 32). Таким образом, в верхнеалеманнских диалектах в открытом слоге могут стоять и долгие, и краткие гласные — ср., напр., /bōgə/ — /blōgə/ нем. литер. Vogen, plagen (Berger, 1913, 18; Найдич, 1979, 238). Описывая архаичные баварские говоры (цимбрский говор семи общин), где также сохранились исконные типы сегментной просодики, Э.Кранцмайер указывает на то, что в этих говорах граница слога в словах типа $\check{V}\check{C}\check{V}$ проходит после краткого гласного — ср., напр., /hāzen/, /rē-gen/ нем. литер. Hasen, Regen (Kranzmaier, 1956, 99). Именно этим качеством — возможностью слогоделения CV-CV в словах с кратким гласным — верхнеалеманнские и южнобаварские диалекты отличаются и от верхненемецкой литературной нормы и от многих верхне- и нижненемецких диалектов, где также существует просодический тип краткий гласный + краткий согласный, однако в рамках иной просодической корреляции, суть которой в связи длительности с типом примыкания и слогоделения, после краткого гласного

* Об областях сохранения исконной краткосложности в верхненемецких диалектах см.: Jutz, 1931, 154-156; Hötzenköcherle, 1962, 1965, N 1044; 1984, N 48, 76-77; Wiesinger, 1983, 1088-1101.

открытый слог CV-CV здесь невозможен.

В немецкой диалектологической традиции не принято говорить об особой просодической системе в верхнеалеманнских и юнобаварских диалектах. П. Визингер в компендиуме по немецкой диалектологии (Wiesinger, 1983, 1083), выделяя три группы диалектов с релевантной вокалической длительностью, объединяет в первую группу верхнеалеманнские диалекты и диалекты, которые по своему просодическому типу не отличаются от верхненемецкой литературной нормы (восточно-франкские, рейнскофранкские, центрально-, восточно- и северогессенские, тюрингские, верхнесаксонские, силезские, верхнепруссские и южные нижненемецкие). Такое объединение верхнеалеманнских диалектов в одну группу с перечисленными выше диалектами связано с поверхностной трактовкой длительности. В обеих группах диалектов есть сочетания краткий гласный + краткий согласный и долгий гласный + краткий согласный. Однако просодическая сущность этого противопоставления в верхнеалеманнских (и юнобаварских) и перечисленных с ними в одной группе П. Визингером немецких диалектах различна. В диалектах с просодической системой, сходной с системой верхненемецкой литературной нормы, длительность гласного определяется типом примыкания (плотное примыкание-краткий гласный, свободное примыкание-долгий гласный), что в многосложных словах и в односложных словах в потоке речи выражается в разном типе слогаделения (после краткого гласного открытый слог CV-CV невозможен, после долгого гласного слог всегда открытый). В верхнеалеманнских и юнобаварских диалектах длительность не связана с типом примыкания и слогаделения (после краткого гласного здесь мы имеем дело со слогаделением CV-CV, т. е. здесь нет противопоставления типа слогаделения (и типа примыкания)): все слоги с одним интервокальным согласным открыты и тип примыкания свободный. Л. Э. Найдич справедливо критикует немецких диалектологов, пользующихся при описании просодической ситуации в верхнеалеманнских диалектах терминами *stark* und *schwachgeschnittener Akzent* (Найдич, 1979, 238-239). Эти термины были введены Э. Сиверсом для описания просодики немецкой литературной нормы, в которой различие этих «акцентов» связано с различием в типе слогаделения (подробнее об этом см. ниже), и они не могут быть использованы при описании просодической системы архаичных верхнеалеманнских и юнобаварских диалектов, поскольку последние сохраняют тип слогаделения CV-CV и в словах с кратким гласным. Об

отсутствии «сильнопримыкающего акцента» в верхнеалеманнских говорах писал и П. Трост, который рассматривал как один из основных признаков такого «акцента» невозможность открытого слога (Trost, 1970, 940).

По своим основным признакам (сохранение исконных просодических типов $\check{V}\check{C}(\check{V})$ и отсутствие связи длительности с типом слогоделения) система сегментной просодики верхнеалеманнских и южнобаварских диалектов соответствует системе сегментной просодики моросчитающих шведских и норвежских диалектов, однако по одному параметру они отличаются друг от друга. В верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах тип сегментной просодики связан с качеством поствокалического согласного. В этих диалектах согласные отличаются друг от друга как сильные (*fortes*) от слабых (*lenes*), при этом различие по силе и слабости фонетически выражается в различиях по интенсивности и длительности (Keller, 1961, 45-46). В интервокальной позиции сильные согласные в три раза длительнее слабых, в конечной позиции их длительность превышает длительность слабых в два раза (Keller, 1961, 46). Сильные и слабые противопоставляются друг другу в начале слова, в середине и конце слова после гласных и сонантов. Просодически краткосложный тип возможен здесь только в сочетании гласного со слабым согласным (см., напр., /gräs/, /tsüg/, /smid/, /grëbær/, /smidə/ нем. литер. Gras, Zug., Schmied, Gräber, Schmiede), поскольку сильные согласные всегда долгие.

При решении вопроса о том, какой признак фонологически релевантен при противопоставлении *fortes* и *lenes* в верхнеалеманнских диалектах (качество или длительность), решающее значение имеют, вероятно, наличие противопоставлений *fortes-lenens* в начальной позиции и в позиции после сонорных согласных /m/, /n/, /l/, /r/, /ŋ/ (ср., напр., /halte/-/halde/ нем. литер. halten-Halde; /hilf/-/wolf/ hilf-Wolf), где основными являются качественные различия. В интервокальной и конечной позициях качественные различия связаны с просодическими различиями: здесь возможны типы сочетаний $\check{V}\check{L}$, $\check{V}\check{F}$, $\check{V}\check{L}$, $\check{V}\check{F}$.

Хотя в верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах в целом сохранились просодические типы корневых морфем древневерхнемецкого периода ($\check{V}\check{C}$, $\check{V}\check{C}$, $\check{V}\check{C}$, $\check{V}\check{C}$), распределение просодических типов по словам стало частично иным, поскольку в верхнеалеманнских диалектах существует зависимость длительности от качества согласного и корневая морфема, состоящая из краткого

гласного и сильного согласного, просодически является долгой. Однако не только это определяет различие древневерхненемецкой и современной верхнеалеманнской систем сегментной просодики. Степень сохранности просодического облика исконных краткосложных корневых морфем со слабыми согласными ($\check{V} + L$) в разных верхнеалеманнских диалектах различна. Она связана и с количеством слогов в слоге, с качеством гласного и поствокалического согласного и зависит от грамматических и лексических факторов. Так же как и в скандинавских диалектах, в верхнеалеманнских диалектах в двусложных словах краткосложность сохранилась на гораздо большей территории, чем в односложных словах, таким образом, здесь мы можем встретить диалекты, где вообще нет односложных краткосложных слов, а сохраняются только краткосложные корневые морфемы в двусложных словах. Такая ситуация, знакомая нам по скандинавскому материалу, приводит к тому, что просодически различными оказываются корневые морфемы в односложных и двусложных словах при просодическом равенстве соответствующих односложных и двусложных слов. В верхнеалеманнских и баварских диалектах мы встречаемся с двумя типами таких чередований. В диалектах с так называемым затвердением в конце слова (*Auslautverhärtung*) все исконные слова типа CVC представлены как CVC: (где C: — fortes), тогда как двусложные слова сохраняют свою краткосложность; ср., напр., южнобаварский цимбрский говор семи общин, формы именительного/винительного падежа /stap:/, /takx/, /rat:/, /graß:/, /zun:/, /lam:/ нем. литер. Stab, Tag, Rad, Gras, Sohn, lahm и формы дательного падежа /stāwə/, /tāgə/, /rādə/, /grāzə /, /zunə/, /lämən/ (Krañzmayer, 1956, 79) или чередования типа /vil:/—/vili/ viel-viele в верхнеалеманнских говорах (Keller, 1961, 33).

В другой группе говоров исконным односложным словам типа CVC (где C — lenes) соответствуют слова типа CV:C, тогда как двусложные слова и формы и здесь сохраняют исконную краткосложность — ср. чередования типа /spi:l/--/spilə /, /ba:d/--/bādə/ Spiel-Spiele, Bad-baden (Winteler, 1876, 82, 181; Keller, 1961, 33, 47).

В части считающихся архаичными верхнеалеманнских диалектов исконные слова типа CVC могут сохраняться перед гласным следующего слова (ср., напр., /māg ix/ mag ich), тогда как перед согласным и в абсолютном исходе здесь прошло «затверждение» — /ix mak: / ich mag (Найдич, 1978, 12).

В некоторых верхнеалеманнских диалектах просоди-

чески равноценными являются не только слова типа $C\bar{V}lenes=C\bar{V}lenesV$, но и исконные односложные слова $V + fortes$ (здесь произошло сокращение гласного верхнего подъема; ср., напр., /lu̯/ нем. литер. laut, /tsi̯/ Zeit, /lüt/ Leute (Keller, 1961, 94)). Следовательно, в некоторых фонемных типах морфем в односложных словах установилась корреляция взаимозависимости количества ((долгий гласный + краткий (слабый) согласный, краткий гласный + долгий (сильный) согласный, в частности в типе V верхнего подъема + C дентальный смычный)). С проникновением этой корреляции ($V:C\sim VC:$) во все типы корневых морфем мы встретимся в северо- и центральнобаварских диалектах. Этимологические соответствия изохронических типов в алеманнских и баварских диалектах оказываются различными в говорах с апокопой и без нее. В говорах без апокопы в исконных односложных словах может стоять сильный (долгий) согласный ($CVC:$), в двусложных словах сохраняется слабый согласный после удлинившегося гласного (т.е. тип /smit:/ Schmied, /smi:-də/ Schmiede). В говорах с апокопой в исконных двусложных формах стоит сильный (долгий) согласный (после короткого гласного), а в исконных односложных формах — слабый (краткий) согласный после долгого гласного, т.е. тип /smi:d/ Smied, /smit:/ Schmiede. Причем такого же типа чередования характерны и для исконных слов типа VCC или $VC:$ (ср., напр., /fi:š/ Fisch — /fiš:/ Fische; /fle:g/ Fleck-/flek:/ Flecke).

В тех немногочисленных верхнеалеманнских говорах, где сохранились односложные краткосложные слова, степень их сохранения зависит от качества гласного и последующего согласного. Наименьшую степень сохранности имеют слова типа $C\check{a}C$. Такие слова (в частности, /gräs/) сохранились только в отдельных говорах (Hötzenköcherle, 1984, N 45), в большинстве же верхнеалеманнских диалектов слов типа $C\check{a}C$ уже нет (здесь мы встречаем только либо формы типа /grās/, /rād/, /bād/, либо /graβ:/, /rat:/, /bat:/. Так же как и в скандинавских диалектах, односложные краткосложные слова с узкими гласными сохранились в верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах на гораздо большей территории (в одном и том же говоре форма типа /grās/ может соседствовать с формами типа /tsüg/ и /smid/ нем. литер. Zug, Scmied, — Gabriel, 1969, 129-131). В баварских говорах Царца и Дойчрута краткосложность сохраняется только в двусложных словах с /i/, /ü/ (ср., напр., /nidər/ nieder, /stübe/ Stube, — Kranzmayer, 1956, 81).

В скандинавских диалектах сохранению краткосложности способствуют глухие смычные. В верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах нет звонких и глухих, здесь есть сильные и слабые, причем сильные согласные просодически всегда долгие (т.е. в типе $\check{V} + F$ сохраняется длительность гласного, но корневая морфема оказывается долгой из-за длительности согласного). В словах же типа $C\check{V}C(V)$ после краткого гласного может стоять только слабый шумный или сонорный. Сонорные (кроме /m/) и спиранты в верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах благоприятствуют удлинению гласного, тогда как перед шумными смычными чаще сохраняется краткосложность: в Лихтенштейне и Зюдфоллберге, например, в односложных словах с закрытыми гласными сохранилась краткосложность и перед спирантами, и перед смычными, а в Сан-Галлене она сохранилась только перед смычными (Gabriel, 1969, 129-131). В архаичном южнобаварском (цимбрском) говоре, сохранившем исконную краткосложность в значительном количестве слов, в односложных словах с /l/ и /r/ всегда прошло удлинение — ср., напр., /mēl/ Mehl, /vīl/ viel, /tūr/ Tür (Kranzmayer, 1956, 81). В Царце, где в словах с высокими гласными краткосложность обычно сохраняется, перед /l/ и /r/ высокие гласные удлинились — ср., напр., /vīl/ viel, /bīre/ Birne (Kranzmayer, 1956, 81).

В верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах в последовательности $CVCVCV$ все слоги стремятся быть открытыми независимо от границ слов и морфем — ср., напр., /o-mə-nand/ um einander, /ə-no-fə/ ein Ofen (Найдич, 1990, 117), т.е. границы слов никак не обозначены: здесь нет характерного для верхне немецкой нормы «твердого приступа» и слоговоеделение не связано с морфологическим членением не только во внутреннем, но и во внешнем сандхи.

Что касается вопроса о характере длительности в верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах, то о просодическом равенстве $C\check{V}C\check{V} = C\check{V}C$, $C\check{V}C$ может свидетельствовать тенденция к единому просодическому типу слова (удлинению односложных одноморфных слов $C\check{V}C$, но сохранение двусложных слов типа $C\check{V}C\check{V}$, характерное для многих верхнеалеманнских и южнобаварских диалектов). Однако в отличие от многих скандинавских моросчитающих говоров, в верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах нет супрасегментных морных акцентов.

В верхнеалеманнских диалектах ударные слоги отличаются от безударных возможностью противопоставления всех просодических типов ($\check{V}C$, $\check{V}C$, $\check{V}C$, $\check{V}C$) и возможностью противопоставления полного набора гласных,

при этом в многосложных словах с корневой морфемой $\bar{V}\bar{C}$, $\check{V}\bar{C}$, $\bar{V}\bar{C}$ ударный слог = корневая морфема отличается от безударного длительностью, в словах же типа $C\bar{V}C\bar{V}(C)$ нет количественного различия ударного (корневого) и безударного слогов, отличие ударного слога от безударного — только в возможности противопоставления в корневом слоге большего набора гласных: в безударных (суффиксальных) слогах здесь произошла редукция.

В верхнеалеманских диалектах нет балансной апокопы скандинавского типа, закорневые морфемы одинаково редуцируются независимо от длительности корневой морфемы. Корневая морфема оказывается здесь более выделенной, чем в скандинавских диалектах с равновесным акцентом и отсутствием редукции.

Вокализм

Скандинавские языки

В части современных скандинавских диалектов с сохраняющимся моросчитанием системы гласных соответствуют системам гласных литературных норм и диалектов с изохронией корневой морфемы. Так, например, в говорах южного Лесье и северного Довре (Норвегия) (Bjørset, 1900, 1-15; 1902, 1-4) система гласных соответствует системе гласных восточнорвежской разновидности риксмолы:

i	y	и < (\bar{u})	u (\bar{o})			
e	ø		o (\bar{a} , \check{o})	ei	øy	øu
ε		а				

Несмотря на сохранение моросчитания, в этих говорах нет слов типа $C\bar{a}C$ и нет противопоставления $/\check{a}/$ $/\bar{a}/$ в односложных словах.

Похожие просодические и фонемные системы функционируют в ряде других норвежских и шведских говоров — ср., напр., говор Брэннэй в северной Норвегии (Olsson, 1958). Такого же типа системы гласных мы обнаруживаем и в говорах, сохранивших одноморные морфемы только в словах типа $C\bar{V}C\bar{V}$ (Österberg, 1914, 18-42). Сходные системы гласных функционируют в ряде восточношведских диалектов (в шведских диалектах Эстони и Финляндии).

В восточношведском говоре Педерсёре-Пурмо (Vendell, 1892, 3-35) исконные долгие задние гласные сдвинулись и возникли новые количественные противопоставления: $/\bar{o}/$ (< $/\bar{a}/$) стало коррелятом $/\check{o}/$, $/\bar{u}/$ (< $/\bar{o}/$) стало коррелятом $/\check{u}/$, биморное $/\bar{u}/$ не имеет

одноморного коррелята. Система со сходными этимологическими соответствиями функционирует в говоре Вёро (Эстерботтен), где /у/ описывается А. Фрейдеталем как норвежское <u> (Freudenthal, 1889, 5).

В некоторых говорах северной Швеции и Даларны сохранение моросчитания сочетается с существованием дифтонгов из исконных долгих. В говоре Недеркаликса (Норрботтен) 9 монофтонгов и 5 дифтонгов (Ruthberg, 1924):

i	y	u	
e	ø	o	(<ā, ö) ei (<ī), eu (<au), ou (<ū), ou (<ō)
ε			

а

В соседнем, более отдаленном от путей сообщения диалекте Эверкаликса, население которого в значительной части финского происхождения, сохраняется моросчитание (здесь прошла балансная апокопа), но нет противопоставления двух видов морных акцентов (Pihl, 1924, 228-282). Здесь также исконным долгим соответствуют дифтонги /ī/ > /ai/; /ȳ/, /ō/ > /øy/; /ū/ > /äu/; /ō/ > /ou/. В этом говоре сохранились все исконные дифтонги, которые имеют вид /ai/, /oi/, /äu/.

Отличительной чертой говора Урсы является сохранение исконного /i/ в краткосложных словах, как в исконном типе CiC₂, так и в типе CiC₂V (ср. /spil/-/spilo/, /bida/, /grip/ шв. литер. spela, bedja, grepp). Здесь нет лабиализованных гласных переднего ряда, но есть две гласные смешанного ряда. Дифтонг /ai/ соответствует исконным долгим /i/, /y/, /u/. Исконные дифтонги стянулись. Другие говоры Даларны сохраняют противопоставление исконных долгих верхнего подъема в виде дифтонгов /au/ < /ū/, /ai/ < /ȳ/, /ī/ (Noreen, 1881, 8-9).

Таким образом, в говорах с моросчитанием можно выделить два типа систем гласных. Восточнонорвежско-шведский тип систем с гласной смешанного ряда /у/ и этимологическими соответствиями задних гласных /ā/ > /ō/, /ō/ > /ū/, /ū/ > /ǻ/. Исконные долгие передние гласные сохраняют свое качество, исконные краткие в одноморных словах и в биморных словах по метафонии, т. е. перед исконным окончанием /a/, совпали с исконными долгими более низкого подъема /i/ > /é/, /ȳ/ > /ø/, /ū/ > /ö/, /ě/ > /ǣ/.

Краткие гласные /i/, /y/ биморных корневых морфем совпали в своем развитии с исконными долгими. Для ряда говоров характерно появление новых количественных различий /ǒ/-/ō/ < /ǒ/-/ā/, /ǔ/-/ū/ < /ǔ/-/ō/.

В других моросчитающих говорах исконные количественные различия представлены как различия монофтонга дифтонгу, причем дифтонгизации чаще всего подвергаются исконные долгие (биморные) гласные верхнего подъема и она сопутствует отсутствию понижения исконных кратких (ср., напр., говоры Даларны), т. е. там, где /i/ > /i:/ произойшла дифтонгизация исконного /ī/, там, где /i/ > /é/ дифтонгизация отсутствует даже при сохранении исконных дифтонгов.

Во всех моросчитающих диалектах исконный тип (CāC) является биморным (CāC) и степень участия гласных разного качества в количественных противопоставлениях различна.

Западногерманские языки

Одной из основных особенностей вокализма большинства диалектов с сохранившейся системой сегментной просодики является его значительная архаичность. Здесь почти полностью сохранилась система гласных средневерхненемецкого периода (Wiesinger, 1983, 1050). В числе черт, характерных для всех верхнеалеманнских, Р. Келлер отмечает сохранение исконных долгих монофтонгов др.-вн. *i, ū iū* (ср., напр., /blīwə/, /līb/, /sīb/, /nīd/, /dūb/ нем. литер. *bleiben, Leib, Scheibe, Neid, Taube*), сохранение средневерхненемецких дифтонгов /ie/, /uo/, /üe/ (ср., напр., /brief/, /bluet/, /füefə/ *Brief, Blut, Füße*) и сохранение в большинстве говоров исконного качества у исконных дифтонгов /ei/ и /ou/ — /reisə/, /oug/ *Reise, Auge* (Keller, 1961, 32).

В приводимом П. Визингером в качестве примера верхнеалеманнского диалекта говоре кантона Гларус двадцати трем гласным фонемам средневерхненемецкого соответствуют двадцать пять фонем (здесь слились рефлексы /é/ и /ë/ и появились носовые гласные из сочетаний /i/, /u/, /ü/ + /n/ в конце слова и перед щелевыми, Wiesinger, 1983, 1051). Отмеченные П. Визингером носовые гласные являются, вероятнее всего, реализацией сочетания V + n, поскольку в хиае проявляется согласный n (ср. [stēi], но [steinə] нем. литер. *Stein, Steine*) и носовые гласные не противопоставлены сочетанию V + n. В остальном система фонем кантона Гларус выглядит так:

i	ü	u	iə	üə	uə
e	ö	o			
ä		a	ai	öu	au

Монофтонги могут быть и краткими, и долгими, дифтонги — только долгими.

В большинстве верхнеалеманнских диалектов нет назализованных гласных (Keller, 1961, 32) и их вокализм еще в большей степени соответствует вокализму средневерхненемецкого периода. В говорах кантона Берн одиннадцать монофтонгов, которые могут быть и краткими, и долгими, и шесть дифтонгов (три расширяющихся /iə/, /yə/, /uə/ и три сужающихся /ei/, /öi/, /ou/ (Keller, 1961, 88-94). «Лишние» по сравнению со средневерхненемецкой системой гласные /ω/ и /ɪ/ являются рефлексами удлинившихся /ÿ/ и /î/.

В говорах кантона Цюрих 10 долгих и 9 кратких монофтонгов. От средневерхненемецкого состояния их отличается наличие переднего огубленного гласного нижнего подъема /œ/ (продукт i-умягута от â), который может быть только долгим, и рефлекс удлинившегося /e/ перед слабыми согласными — /æ/. Система гласных кантона Цюрих выглядит следующим образом:

i	ÿ	u	iə	ÿə	uə
e	ö	o	ei	öi	ou
ä					
æ	œ	a	æi	œi	æu

(< î, û, ü в хиае)

Для большинства верхнеалеманнских диалектов характерна дифтонгизация исконных долгих \hat{i} , \hat{u} , \hat{u} только в хиае, причем продукты этой дифтонгизации в одних диалектах могут совпадать с исконными дифтонгами, в других (как в кантоне Цюрих) они отличаются от исконных дифтонгов по степени подъема.

Судьба исконного /ā/ в разных диалектах может быть различной; оно либо сохраняется, либо становится огубленным гласным заднего ряда и совпадает с \bar{o} (<ö), либо становится самостоятельной фонемой, отличной от исконного /ō/ (т. е. /ā/ > /q/).

Для верхнеалеманнских диалектов характерны отсутствие дифтонгов из сочетаний V + r (/r/ здесь сохраняется), отсутствие носовых гласных и сохранение поствокалического /l/. Количество долгих и кратких монофтонгов, как правило, совпадает; дифтонги же являются только долгими (биморными).

2. СЛОВОЕ РАВНОВЕСИЕ (ИЗОХРОНИЯ)

Просодика

Скандинавские языки

В большинстве шведских и норвежских диалектов и в литературных нормах этих языков, а также в исланд-

ском и фарёрском языках нет одноморных ударных корневых морфем, т. е. нет противопоставления одноморности и биморности. Все ударные корневые морфемы здесь имеют одинаковую протяженность. Высказывание Э. Гординг о том, что в «шведском языке есть только один тип долготы для ударного слога» (Gårding, 1974, 31), можно отнести и к норвежскому, и к исландскому, и к фарёрскому языкам. Для строения *слога этих языков характерно отношение V:C ~ VC: — любой ударный слог долгий, причем после долгого гласного либо нет согласного, либо этот согласный краток, а после краткого гласного возможен либо долгий согласный, либо сочетание согласных. Такая ситуация давала повод для различной интерпретации. Предлагалось считать релевантной длительность гласного (ср., напр., Bergsveinsson, 1941; Malmberg, 1945; Vanvik, 1969), длительность согласного (Elert, 1955) или его бифонемность (Benediktsson, 1963; Plotkin, 1974). С. Элиассон и Ла Пелль обратили внимание на то, что изохрония в шведском характерна прежде всего для корневой морфемы (Eliasson, La Pelle, 1973, 88). В шведском языке (так же как и в норвежском, исландском и фарёрском) два согласных в односложном слове могут стоять после долгой гласной только в том случае, если между ними проходит морфологическая граница, — ср., напр., шв. *fint* /fi:nt/ (ср. род от *fin* /fi:n/), но *fint* /fint/ 'финт'.

В двусложных словах особой фонетической структуры (*muta cum liquida*) возможно сочетание V:CC в рамках одной морфемы, однако в этом случае слоговая граница отделяет оба согласных от предшествующего гласного — ср., напр., исл. формы типа *vekja* /ve:-kja/, *litri* /li:-tri/. В данном случае морфемная изохрония уступает место изохронии слоговой. Однако в скандинавских языках со слоговым равновесием VC: ~ V:C невозможны противопоставления V:CC-VCC в рамках одной морфемы ни в односложных, ни в двусложных словах (такое противопоставление возможно в языках с корреляцией контакта — ср. нем. *kosten-trösten*, дат. *faste adj.* — *faste verb.*).

Н. С. Трубецкой считал, что в шведском и норвежском языках господствует корреляция примыкания, осложненная корреляцией геминации (Трубецкой, 1960, 245-246). Корреляция примыкания определяется способом

* Знаком (:) обозначается количественная вершина на гласном (или соответственно на согласном) в системах со слоговым равновесием.

присоединения гласного к последующему согласному, что проявляется прежде всего в слогоделении (см. подробнее ниже, с. 59-70), однако Б. Мальмберг (Malmberg, 1945, 50) и А. Ванвик (Vanvik, 1972, 155) показали, что различия в способе примыкания нерегулярно совпадают с долготой и краткостью гласного и согласного в шведском и норвежском языках. Плотный контакт может иметь тип V:CV, а в типе VC:V слогоделение может проходить до согласного — ср. слогоделение шведских слов типа *kärra* и *kalla*, предполагаемое Б. Мальмбергом (/kä-r:a/, /ka-l:a/, — Malmberg, 1945, 50). Если принять слогоделение Мальмберга, то тип слогоделения в шведской литературной норме не отличается от типа слогоделения моросчитающих диалектов, сохраняющих краткосложные слова (т. е. слоговая граница может проходить после краткого гласного). Традиционное слогоделение слов с долгой согласной предполагает границу слога по долгому согласному, так что одна часть согласного оказывается слогоконечной, а другая — слогоначальной, т. е. /ka-l:a/, /kär-ra/ (см., напр., Danell, 1966, 43). Повидимому, оба типа слогоделения возможны, в обоих случаях при этом поствокалический согласный или его часть является слогоначальным. Возможность разного типа слогоделения и слогоначальность поствокалического согласного связаны с тем, что в данном случае релевантным является взаимозависимость количества гласного и согласного, а не тип примыкания и место слоговой границы (как при корреляции примыкания (контакта)). О том, что долготу в скандинавских языках с типом сегментной просодики V:C ~ VC: следует интерпретировать как свойство слога, поскольку «она может сопутствовать или гласному, или согласному, но никогда не сопутствует одновременно и тому и другому», — писал Э. Хауген (Haugen, 1967, 49). Еще Э. Му отмечал, что именно взаимозависимость долготы гласного и согласного важна при восприятии норвежского количества; он установил, что если гласный на 20% дольше последующего согласного, то он воспринимается как долгий (Mo, 1923, 8). В разных областях Скандинавии, там, где господствует слоговое равновесие, относительная длительность долгих и кратких гласных или долгих и кратких согласных может быть различной (так, в шведской литературной норме длительность краткой согласной составляет 75% длительности долгой, а длительность краткой гласной 60% от длительности долгой, — Elert, 1966, 87). В Сконе краткий гласный составляет 70% длительности долгого, а краткий согласный 90% длительности долгого (Gårding,

1974, 27), однако при восприятии структуры слога важны не соотношения длительности гласных или длительности согласных, а отношение длительности гласных к длительности согласных. Именно это отношение наряду с качественными различиями (Naugen, 1967, 49) оказывается фонетическим коррелятом признака вершины слога. С. Д. Кацнельсон, присоединяясь к Э. Хаугену, отмечает, что самая важная особенность скандинавского слога — взаимозависимость количества гласного и согласного и любая интерпретация, определяющая либо только релевантность количества гласного, либо только релевантность количества согласного, не отражает реальную ситуацию. Еще раньше в советской германистике о релевантности взаимозависимости длительности гласного и согласного в шведском языке писал А. И. Смирницкий (Смирницкий, 1962, 46).

Отсутствие противопоставлений $\bar{C}\bar{V}C-C\bar{V}C$ и $CV\bar{C}-CV\bar{C}$ в диалектах со слоговым равновесием (изохронией) является свидетельством отсутствия релевантности длительности гласного (или согласного).

В некоторых скандинавских ареалах корреляция взаимозависимости количества не осложнена супraseгментными противопоставлениями акцентов I и II. Акценты отсутствуют в некоторых говорах около Бергена, в ряде северных норвежских и восточношведских говоров, в датском диалекте острова Борнхольм, в Исландии и на Фарёрских островах. В большинстве шведских и норвежских диалектов со слоговым равновесием в литературных нормах этих языков распространены супraseгментные противопоставления акцентов I и II.

В моросчитающих диалектах акценты I и II (с вариантом циркумфлекс) выполняли функцию моровыделяющих вершинных акцентов. В диалектах со слоговым равновесием нет одноморных ударных корневых морфем, следовательно, в них нет моросчитания и акценты не могут быть определены как моросчитающие. Какова же просодическая функция акцентов в этой группе диалектов?

В литературе можно найти две точки зрения на скандинавские акценты I и II. Одни исследователи определяют их как слоговые акценты, другие — как словесные акценты. С. Д. Кацнельсон, отстаивающий слоговую природу всех скандинавских акцентов (Кацнельсон, 1966, 36-37), основывается на том, что фонетические различия в словах с акцентом I и акцентом II сосредоточены в ударных слогах, что было ясно еще А. Нурену (см. Noreen, 1907, 204) и нашло подтверждение в экспериментальных исследованиях (Malmberg, 1953, 8; Jensen, Kloster, 1961; Efremova et al.,

1963, 203, 211; Fintoft, 1965, 201; Westin et al., 1966, 123).

Основным доводом сторонников словесной интерпретации шведско-норвежских акцентов I и II является тот факт, что они противопоставляются только в двусложных словах, т. е. характеризуют несколько слогов (Basbøll, 1977; Gårding, 1977). Сторонники такой точки зрения обычно не учитывают тех диалектов, где прошла апокопа и есть циркумфлекс, являющийся вариантом акцента II в односложных словах. Однако противопоставление акцентов только в двусложных словах, как верно замечает С. Д. Кацнельсон (1966, 37), еще не является свидетельством словесной природы акцентов. Относительное выделение слогов в слове обеспечивается словесным ударением, и в этом смысле шведское слово *betá* 'лишать' с ударением на втором слоге отличается местом ударения и от *-beta* 'пасти' с акцентом II, и от *-beta* <бета> (название греческой буквы) с акцентом I. Существование слов типа *betá* 'лишать' позволяет нам говорить о том, что ударным является первый слог и в слове *beta* <бета>, и в слове *beta* 'пасти'. Между собой ударные слоги этих слов отличаются типом акцентуации. В тех диалектах, где прошла апокопа и существует акцент II и в односложных, и в двусложных словах, отнесение акцентов к слоговой акцентуации не должно вызывать сомнения даже у сторонников словесной интерпретации норвежских и шведских акцентов I и II в литературных нормах этих языков. Следует, однако, учитывать связь шведской и норвежской акцентуации не столько со слогом, сколько с корневой морфемой. Противопоставление акцентов возможно здесь не на любой ударной морфеме, а только на корневой морфеме (ср. шв. *-trycka*, *-trycker*, но *tryckerí*). Фактически шведские и норвежские акценты I и II — это приметы корневых морфем. От тонов слоговых языков они отличаются только тем, что они характерны для двусложных слов, некорневой слог которых не может нести акцентных различий. Кроме того, морфологическая граница в таком слове может не совпадать с границей слоговой. Термин <слоговой акцент>, который я употребляю вслед за С. Д. Кацнельсоном для обозначения акцентов I и II в шведском и норвежском, не отражает в полной мере связь этих акцентов исключительно с корневой морфемой.

Очень много места в литературе по скандинавской акцентологии уделено выяснению вопроса о том, какое фонетическое качество является ведущим при противопоставлении акцентов (и их распознавании) и есть ли единые фонетические признаки, свойственные одинаково

называемым акцентам в разных областях Скандинавии. Вопросы эти оказались связанными друг с другом. Те исследователи, которые искали единые признаки для всех областей распространения акцентных различий, отказались признать ведущую роль мелодических компонентов, различия в которых в разных диалектных областях нельзя было не заметить. Исследования последних десятилетий показали, что релеванными при восприятии акцента I и акцента II в шведском и в норвежском оказывается место пика основной частоты внутри ударного слога (Fintoft, 1965, 221; Westin et al., 1966, 123-124; Lorentz, 1981, 176; Noel, 1981, 98-99), причем об этом свидетельствовали как эксперименты с искусственной речью (MalMBERG, 1956, 30-33; 1962, 134-135), так и результаты экспериментов на распознавание акцентов жителями разных областей (Fintoft, 1970, 20-29; Hadding-Koch, 1961, 69-70). Эти эксперименты показали, что тональные различия являются основными при распознавании шведских и норвежских акцентов и что единого признака акцента I и акцента II — того признака, который искал С. Д. Кацнельсон (Кацнельсон, 1966, 29), в разных областях Скандинавии нет (см. также Vanvik, 1956, 92-102).

Все эти факты не оставляют сомнения в том, что в исследованных скандинавских областях тональные различия являются основными при противопоставлении акцента I и акцента II, а поскольку в разных областях Скандинавии акцент I и акцент II могут иметь различную и иногда прямо противоположную реализацию, термины акцент I и акцент II имеют только этимологическое значение: акцент I — это акцент исконных односложных слов, а акцент II — акцент исконных двусложных слов. Именно так и понимают эти термины скандинавские диалектологи (Christiansen, 1946, 32; Skjekkeland, 1977, 12-13); в таком значении употребляю их и я.

Релевантность места пика основной частоты при противопоставлениях акцентов является несомненным наследием моросчитания. Однако в диалектах со слоговым равновесием эти пики уже не выделяют мор, а относятся к слогу (и корневой морфеме в исконных словах) в целом.

Еще А. Нурен обратил внимание на то, что шведские акцент I и акцент II отличаются друг от друга не только контуром тона, но и типом примыкания гласного к последующему согласному. В словах типа *-sitter* по его мнению примыкание сильнее, чем в словах типа *-sitta*. Примыкание в словах типа *-sitter* он сравнивал с примыканием односложных слов типа *fall* и *sann*,

а примыкание в словах типа *-sitta* с примыканием в словах типа *äta* и *fel* (Noreen, 1907, 194). А. Мартине объяснял такое различие в примыкании тем, что в словах с акцентом II повышение тона второго слога (характерное для среднешведского варианта литературной нормы) способствует разворачиванию эксплозии согласного, тогда как полная безударность второго слога в словах типа *-sitter* способствует ослаблению эксплозивности (Martinet, 1969, 225). Это различие, однако, фонологически иррелевантно, поскольку по типу слогоделения *-sitter* не отличается от *-sitta*, а именно слогоделение, как мы увидим в дальнейшем, и есть основной показатель наличия корреляции примыкания или контакта.

Однако это различие, иррелевантное в скандинавских языках и диалектах с тональными акцентами I и II, явится важным источником изменений, произошедших в датском языке.

В диалектах с балансной апокопой и слоговым равновесием акцент II возможен в односложных словах (в виде циркумфлекса). В некоторых говорах со слоговым равновесием отмечают существование двух типов циркумфлекса: циркумфлекс I — в исконных двусложных словах с акцентом I, и циркумфлекс II — в исконных двусложных словах с акцентом II (Gårding, 1977, 9-10).

В большинстве трэндских диалектов акцентом апокопы оказывается акутовый циркумфлекс, т. е. двухвершинный акцент с мелодическим контуром акцента I, — ср. /hø:r/ < /hø:ra/ и т. п. (Larsen, 1915, 3-5; Мо, 1915, 5-7).

Какова же функция акцентных различий в языках и диалектах со слоговым равновесием? Обычно считается, что функциональная нагрузка акцентных противопоставлений невелика, так как акценты «в большой степени могут быть предсказаны из морфологической или фонологической структуры слова» (Gårding, 1977, 7). Однако несмотря на то, что генеративисты выработали довольно много удачных процедур порождения скандинавских акцентов, ни одна из них не является исчерпывающей. Далеко не во всех случаях морфологическая структура слова может определить вид акцента, и существует довольно значительная группа слов, в которой разные акценты оказываются у слов одной грамматической и фонемной структуры (см., напр., Elert, 1972, 156). В качестве примера можно привести словесные противопоставления типа шв. *-axel* 'плечо' — *-axel* 'ось' или разную акцентуацию в шведском форм множественного числа существительных с окончанием

-er. Собственно говоря, существование таких грамматически непредсказуемых форм и говорит о фонологической релевантности акцентных различий. Во многих случаях, однако, зависимость акцентуации от определенной грамматической формы очевидна: так, в формах двусложных инфинитивов с первым ударным слогом в шведской и обеих норвежских нормах господствует акцент II, в шведской литературной норме глаголы на -er в презенсе всегда имеют акцент I, а глаголы на -ar — акцент II, существительные во множественном числе на -er могут иметь и акцент I, и акцент II.

Функциональная нагрузка акцентных различий неодинакова в областях их распространения. Такое различие бросается в глаза даже при сравнении функциональной нагрузки в шведской и норвежской литературных нормах. Даже простой подсчет количества минимальных пар свидетельствует об этом. К.-Кр. Элерт насчитал 350 минимальных пар в шведском литературном языке, различающихся только видом акцентов (Elert, 1972, 151-173), а М. Клостер-Енсен приводит 2400 норвежских минимальных пар такого типа (Jensen, Kloster, 1958, 14, 15-36).

В шведской литературной норме мы имеем гораздо большее, чем в норвежской, разнообразие грамматических формантов, которые во многих случаях дублируются акцентными различиями. Так, формы множественного числа существительных с окончаниями -ar и -or и формы инфинитива на -a и презенса глаголов на -ar всегда будут иметь акцент II, а формы с суффиксированным артиклем -et (но не -t) всегда будут иметь акцент I. Таким образом, различия типа -talar 'говорит' — -skriver 'пишет', -livet 'жизнь' — -leva 'жить' выражены в шведском и суффиксальными морфемами, и акцентами корневых морфем. В норвежском риксмале количество суффиксальных морфем резко сокращено (совпал, в частности, внешний вид морфемы суффиксированного артикля и инфинитива, а презенс глаголов и множественное число существительных имеет только окончание -er) и многие различия, которые в шведской норме дублируются (акцентами и суффиксами), обеспечиваются только акцентными противопоставлениями (livet /-li:və/ — live /-li:və /. В шведском разговорном стиле мы сталкиваемся с подобной же сильной редукцией суффиксов, но сохранением акцента (см., напр., формы типа -/flik:ər/ flickor).

Многие диалекты используют акцентные различия очень широко. Так, например, во Внешнем Согне только акцентом различается инфинитив глаголов и первое ли-

цо презенса (ср., /-fin:ə/ — /-fin:ə/, /-bi:tə/- /-bi:tə/), определенная форма единственного числа (на -а) имеет акцент I, а неопределенная форма множественного числа — акцент II (см. /-geila/- /-geila/, /-kleiva/- /-kleiva/, /-se:na/- /-se:na/), сильная форма единственного числа прилагательных имеет акцент I, а слабая форма и форма множественного числа — акцент II (- /svarte/- - /svarte/) (Førsund, 1972, 109-111).

Морфонологическое использование противопоставления акцентов в говорах без апокопы (т. е. там, где акцентные противопоставления возможны только в двусложных словах) привело к естественной мысли о том, что «фонемно и морфемно акценты связаны со вторым слогом» (Rischel, 1960, 178) и функциональные единицы, манифестацией которых оказывается движение тона, следует искать не в ударной, а в безударной части слова (Rischel, 1960, 177-179; 1963, 154-164), однако именно существование форм типа норв. литер. - /li:və/- - /li:və/ или норв. диал. - /fin:ə/- - /fin:ə/ свидетельствует о релевантности корневых акцентов; грамматическая информация передается в данном случае не суффиксами, а корневыми акцентами.

Хотя в системах без апокопы различие акцентов свойственно только двусложным словам, именно это различие и позволяет нам определять грамматическую форму, особенно в том случае, когда грамматические форманты совпадают (тип - /li:və/- - /li:və/). Если с точки зрения говорящего акценты зависят от грамматической формы, то слушающий опознает эту грамматическую форму прежде всего по наличию или отсутствию акцентов.

Еще значительнее различительная функция акцентов в говорах с апокопой, где акцент I и акцент II могут употребляться и в односложных и в двусложных словах. В говорах с балансной апокопой и слоговым равновесием сохраняется чаще всего противопоставление акцента I и II в двусложных словах со вторым слогом на -en, -el, -er, исконные слова с биморфными корнями теряют конечную гласную, в результате чего появляются противопоставления типа - /bi:t/- /bi:t/ < - /bi:t/- /bi:-ta/, а исконные биморфные слова типа CVCV с однородной корневой морфемой удлиняют корень и получают акцент II (ср. - /ta:la/, - /våt:å/). Именно такая ситуация характерна для норвежских говоров Трэнделага, части северных, восточных и центральных шведских говоров.

Акценты I и II (и его вариант в односложных словах циркумфлекс) в языках и диалектах с изохронией

это акценты ударных слогов, которые в большинстве исконных слов являются слогами корневыми, т.е. акценты I и II — акценты, различающиеся в первую очередь корневыми морфемами и имеющие и лексическое и грамматическое значение, — ср., напр., противопоставление типа /-fin:ə/- /-fin:ə/ во Внешнем Согне (норв. литер. å finne — jeg finner) или противопоставление типа /-bi:t/-/bī:t/ в говорах с апокопой (шв. литер. bit-bitā). Если бы все морфемы — и корневые и некорневые — могли противопоставляться как /-bi:t/-/bi:t/, можно было бы говорить о существовании не слоговых акцентов, а тонов, однако на некорневых морфемах в скандинавских диалектах с изохронией нет тональных противопоставлений.

Западногерманские языки

Состояние, напоминающее скандинавскую изохронию, характерно для северо- и центральнобаварских диалектов. Здесь в комплексе VC существует зависимость между длительностью гласного и длительностью и качеством согласного. Впервые эта закономерность была отмечена А. Пфальцем: «После неусеченного (долгого) гласного в середине и конце слова смычные и щелевые являются слабыми (lenes), после усеченного (краткого) гласного они сильные (fortes)» (Pfalz, 1911, 260; 1913, 9). Хотя фонетически различиям V: + lenes — V + fortes сопутствуют различия в основной частоте, структуре формантов гласных, надглоточном давлении и т.п. (Scheutz, 1984, 24-27), для лингвистов носителей диалекта основными различиями являются различия в длительности гласного и длительности и качестве согласного. В скандинавских языках с изохронией длительность в комплексе VC не связана с качеством согласного (глухие и звонкие согласные могут быть здесь и долгими и краткими — см., напр., шв. литер. vika, vicka, viga, vigga), в северо- и центральнобаварских диалектах долгими могут быть только сильные согласные, а краткими — слабые (ср., напр., бав. диал. [di:š]-[di:f:] нем. литер. Tisch-Tische, [no:šn]-[noʃ:n] Nase-nassen, [ve:ga]-[vek:a] wegen-wecken (Kufner, 1957, 176; Bannert, 1976, 5)). Инструментальные исследования показывают, что соотношение длительности долгого гласного и слабого согласного в центральнобаварских диалектах 3:1, а соотношение длительности краткого гласного и сильного согласного 2:3 (Bannert, 1976, 87).

Противопоставление долгий гласный + слабый (крат-

кий) согласный (V:L) и краткий гласный + сильный (долгий) согласный (VF:) невозможно в большинстве баварских диалектов в том случае, если поствокалический согласный — сонорный (Pfalz, 1983, 163; Dotter, 1975, 95; Götz, 1987, 454). В южнобаварских диалектах, так же как и в верхнеалеманнских, противопоставление V: + слабый (краткий) сонорный — V + сильный (долгий) сонорный согласный сохраняется — ср., напр., юж.-бав. [hen:e] Henne, [ne:le] Nacken (ср.-вн. nēlle), [pfor:ar] Pfarrer (Lessiak, 1959, 82). Однако основное отличие северо- и центральнобаварских диалектов от южнобаварских и верхнеалеманнских диалектов состоит в том, что в северо- и центральнобаварских диалектах невозможно сочетание краткого гласного со слабым (кратким) согласным. Этому сочетанию соответствует здесь сочетание долгого гласного со слабым (кратким) согласным. Отличие же от литературной нормы (и от диалектов со сходной с литературной нормой системой сегментной просодики) заключается в том, что в северо- или центральнобаварских диалектах невозможны сочетания долгий гласный + сильный (краткий) согласный (типа нем. литер. Vater) и краткий гласный + слабый (краткий) согласный (типа нем. литер. Egge). Взаимозависимость длительности гласного и длительности и качества согласного в баварских диалектах приводит к тому, что заимствования из литературной нормы и из других языков с отличной от этих диалектов просодической структурой могут преобразоваться в этих диалектах по двум моделям — либо V:L, либо VF: (ср., напр., интерпретацию слова pudding либо как [pu:diŋ], либо как [put:iŋ] (Hinderling, 1980, 27)).

Взаимосвязь длительности гласного и длительности и качества (fortes/lenes) согласного в баварских диалектах поставила перед фонологами вопрос о том, какой из признаков является релевантным при противопоставлении VF:—V:L. Выше мы видели, что взаимозависимость длительности гласных и согласных в скандинавских языках дала повод для признания релевантности длительности гласных, длительности согласных и структуры слога. Возможности интерпретации баварского количества оказываются еще большими, поскольку в баварских диалектах различиям в длительности согласных сопутствуют качественные различия. Каждая из четырех теоретических возможностей интерпретации баварского количества имеет своих сторонников. Наименее популярно признание релевантной длительности гласного, хотя возможность такой интерпретации не отрицается (см., напр., Kufner, 1957, 177; Rein,

1972, 135; Bannert, 1976, 8). Диахронически ориентированную, восходящую к А.Пфальцу (Pfalz, 1983, 154-157) интерпретацию противопоставления V:L-VF: как реализацию противопоставления сильных и слабых согласных поддержал Келлер (Keller, 1961, 206). Х.Куфнер, учитывая теоретическую возможность релевантности: 1) длительность гласных, 2) качества согласных и 3) длительности согласных, — отдаёт предпочтение третьей возможности (Kufner, 1957, 178; см. также Hinderling, 1980, 30). Что же касается признания релевантности качества согласных в типе слога VC:, то факультативные чередования сильных и слабых согласных после долгого гласного (ср., напр., [b] ~ [p], [t] ~ [d], [k] ~ [g], [f] ~ [v], [s] ~ [z], [x] ~ [χ] — [va:kal] ~ [va:gal] нем. литер. Wägel, [pe:sn] ~ [pe:zn] Besn ~ т.п., — Kranzmaier, 1956,8; Bannert, 1976, 36-37) свидетельствуют против этого.

Первые попытки просодической трактовки баварского соотношения V:L-VF: были связаны со стремлением использовать при описании этого явления терминологию, применяющуюся при анализе верхненемецкой литературной нормы. Уже в 1955 г. Б.Куккук высказал мысль о возможности интерпретации противопоставления V:L-VF: как противопоставления двух видов примыкания — свободного (V:L) и плотного (VF:); правда, сам он полагал, что такая трактовка «неоправданно выделяет особенности слоговой структуры за счет особенностей отдельных звуков» (Коеккоек, 1955, 34-35). Однако в 70-80-е гг. предположение о релевантности типа примыкания стало популярным (см., напр., Gladiator, 1971, 14; Zehetner, 1978, 43). При такой интерпретации свободное примыкание определяет длительность гласного и кратность и слабость согласного, а плотное примыкание — краткость гласного и длительность и силу согласного. Такая трактовка баварского количества фактически не делает различия между просодической системой литературной нормы, где действительно господствует корреляция примыкания, которая определяет только длительность гласных (о чем подробнее см. ниже), и просодической системы северо- и центральнобаварских диалектов с взаимозависимостью V:L-VF:. Р.Баннерт показал, что различие V:L-VF: не совпадает с различием в способе примыкания гласного с согласным и слоги типа V:L могут не отличаться по способу примыкания от слогов типа VF: (Bannert, 1976, 59-60). Иррелевантность способа примыкания, отмеченная Р.Баннертом, находит свое выражение в возможности как слогоделения комплекса VF: обычного

типа (напр., [viʃ-fn], [vek-ka]), так и в слогоделении типа [do-ppm], [bu-ttn], [ve-kka] *tappen*, *Bütte*, *wecken* (см., напр., говор Ибсталя (Steinhauser, 1961, 176), ср. предлагаемое Б. Мальмбергом слогоделение шведских слов типа *kalla* [ka-l:a])). Кроме того, если способ примыкания (и тип слогоделения) может объяснить долготу гласного, то он никак не может быть связан с длительностью согласного.

В 1966 г. С. Д. Кацнельсон высказал предположение, что соотношение $V:L \sim VF$: в баварских диалектах следует интерпретировать как противопоставление двух просодических типов слога (с количественной вершиной на гласном и количественной вершиной на согласном), соответствующее слоговому равновесию в скандинавских языках $V:C \sim VC$: (Кацнельсон, 1966, 213). Однако написанная по-русски книга С. Д. Кацнельсона осталась неизвестной зарубежным германистам. В 1975 г. Ф. Доттер предложил интерпретацию баварского количества, фактически полностью совпадающую с интерпретацией С. Д. Кацнельсона. Доттер говорит о необходимости выделения «квазипросодической единицы» сегментного уровня, которая определяет взаимозависимость длительности гласных и согласных (Dotter, 1975, 95). Сходную точку зрения высказал шведский германист Р. Баннерт, который доказал ее справедливость экспериментами на восприятие (именно соотношение длительности гласного и согласного оказалось ведущим признаком при распознавании информантами соответствующих стимулов, — Bannert, 1976, 38, 127-150). Просодическая интерпретация количества характерна и для последних работ по баварской диалектологии (ср., напр., Götz, 1987, 449-456).

Релевантность противопоставления типа слога (взаимозависимость количества), доказанная экспериментами на восприятие, в северо- и центральнобаварских диалектах свидетельствует о сходстве баварской просодической системы с просодической системой скандинавских языков с изохронией. Все корневые морфемы, состоящие из сочетания гласный + шумный согласный, оказываются в баварских диалектах просодически равноценными ($V:C = VC$:) и отличаются от закорневых морфем, которые не могут быть долгими. В двусложных словах, которые обычно состоят из корня и суффикса в типе $V:CV$, слоговая граница отделяет поствокалический согласный от предшествующего гласного. В словах типа $VC:V$ слоговая граница обычно проходит по долгому согласному, так что вторая его часть является слогоначальной, хотя возможна граница слога до долгого согласного (см. выше). Возможность слогораздела

после краткого гласного и слогоначальность поствокалического согласного (или, по крайней мере, его части) — важная особенность, отличающая скандинавскую и баварскую изохронию от корреляции примыкания, господствующей в большинстве современных западногерманских диалектов и во всех западногерманских литературных нормах. Сходство баварской и скандинавской сегментной просодики ограничивается только слогами типа V + шумный согласный, сочетания V + сонорный согласный ведут себя здесь по-разному. Причем речь идет не только об уже упоминавшейся невозможности противопоставления типа V + сонорный — V + долгий сонорный, а о существовании в баварских диалектах слогов типа V + носовой + шумный смычный, в которых шумный смычный может быть и сильным, и слабым.

При интерпретации взаимозависимости длительности гласных и качества согласных в верхнеалеманнских диалектах мы обращали внимание на возможность противопоставления *fortes* и *lenes* и в начале слова, и в положении после сонорного согласного. В баварских диалектах в начале слова *fortes* и *lenes* не противопоставляются, а сочетания *VlC*, *VrC* и частично *Vn*, *nC* исчезли, поскольку сонорные *r* и *l* стали составными частями дифтонгов, сочетания же *V + n* превратились в носовой гласный. Фактически единственными возможными сочетаниями сонант + шумный являются в баварских диалектах сочетания носовых с шумными смычными. А. Гётц приводит пример противопоставления [und] und — [unt] unten (Götz, 1987, 454), а А. Цетнер, говоря о том, что последний согласный в сочетаниях такого типа не подчиняется закону Пфальца, указывает на возможность противопоставления [hund] Hund — [hunt] Hunde (Zehetner, 1978, 45). Хотя таких слов немного, их существование может свидетельствовать о релевантности качественных противопоставлений согласных в типе V:L-VF: (ср. трактовку этих противопоставлений А. Пфальцем и Келлером). Каким же образом увязать экспериментально доказанную Р. Баннертом релевантность взаимозависимости длительности при противопоставлении V:L-VF: и существование противопоставлений типа /hund/-/hunt/? Колебания в количестве, которые, как отмечает У. Гётц, характерны для слов типа /hund/ (Götz, 1978, 455), свидетельствуют о проникновении релевантной взаимозависимости количества в противопоставления типа /hund/-/hunt/, которое становится, таким образом, в один ряд с противопоставлениями типа /fi:š/-/fiʃ:/, если мы признаем существование в баварском монофонемных носовых

гласных (подробнее об этом см. ниже), которые перед смычным согласным могут иметь реализацию [un]. Напомним, что сочетания V + l, r представлены в баварских диалектах как дифтонги, и слова с этими сочетаниями влились в общую систему противопоставлений V:C-VC: (дифтонг при этом может быть долгим перед кратким (слабым) согласным и кратким перед долгим (сильным) согласным. Таким образом, противопоставление типа [wĩnt]-[wãndʌn] фонологически можно представить как /wid; ~/-/wã:d ʌ n/ и соответственно [hũnd]-[hũnt] как /hũ:d/-/hũd:./.

Скандинавская и баварская изохрония отличаются друг от друга и степенью использования противопоставления разных типов слогов в морфологической системе. В скандинавских языках и диалектах морфонологические чередования V:C ~ VC: очень редки (ср., напр., /man:/-/ma:n/ в норвежских и шведских диалектах), тогда как в баварских диалектах такого типа чередования пронизывают всю словоизменительную и словообразовательную систему, — ср., напр., /ti:š/-/tiš:/ Tisch-Tische; /dre:g/-/dreg:əd/ Dreck-dreckig. В некоторых случаях чередованию, типа слога сопутствуют чередования качества гласных, — см., напр., /fua:s/-/fias:/ Fuß-füße, /hau:d/-/haid:/ Haut-Häute (Hinderling, 1980, 37).

В некоторых баварских диалектах Австрии произошло сокращение долгих (сильных) согласных и соответственно удлинение гласных. Сильные согласные при этом становятся слабыми — ср., напр., формы типа /wi:sŋ/, /o:fŋ/, /hi:tŋ/ wissen, offen, Hütte (Steinhauser, 1961, 174-176; Lessiak, 1963, 20). Все слоги в диалектах этого типа становятся открытыми, здесь исчезает противопоставление VC:-V:C и не устанавливается характерная для немецкой литературной нормы (и для многих диалектов) корреляция примыкания (проявляющаяся в зависимости длительности от слога-деления). В ряде диалектов это изменение затронуло только шелевые и сонорные согласные — ср. формы типа /o:-le/ alle, /su:-na/ Sonne), но формы типа /kop:m/, /muk:ə/ Kappa, Mücke (Lessiak, 1963, 18-19). В тех диалектах, где прошло изменение этого типа, совпал фонологический облик слов, различавшихся ранее типом сегментной просодики (см., напр., /wi:sŋ/ wiesen, wissen, /q:fŋ/ ofen, offen).

Такое изменение (прежде всего переход VC: > V:C), которое характерно для славяногерманской контактной зоны, отличается от общего типа изменения изохронии в других германских ареалах, где изохрония сменилась корреляцией контакта.

ВОКАЛИЗМ

Скандинавские языки

Скандинавские языки (и диалекты и литературные нормы) с изохронией корневой морфемы (V:C-VC:) значительно отличаются друг от друга и по количеству фонем, и по количеству различительных признаков. Весь ареал диалектов и литературных норм с изохронией можно разделить на большие группы в зависимости от наличия или отсутствия признака дифтонгичности, с одной стороны, и наличия или отсутствия гласных смешанного ряда (или гласных с особым видом огубленности) — с другой. Различаются скандинавские диалекты и нормы и по степени сохранности количества исконных противопоставлений. Степень сохранности исконных противопоставлений связана в первую очередь с тем, какие качественные рефлексы в современных диалектах и нормах дали исконные количественные противопоставления $\bar{V}-\check{V}$; напомним, что при изохронии долгота и краткость гласных иррелевантна и длинные и краткие гласные являются просодическими аллофонами.

В западнонорвежских диалектах, в Исландии, на Фарёрских островах, на острове Готланд, в некоторых северошведских диалектах и в ряде диалектов Сконе большинство, а в некоторых диалектах абсолютно все исконные количественные противопоставления представлены как противопоставления качественные. В этих диалектах исконные краткие гласные и переднего, и заднего ряда отличаются от исконных долгих, сохраняя свое тождество в исконных одноморных и биморных словах (ср., напр., исл. *vita*, *fiskr*, но шв. *veta*, *fisk*). В большой группе диалектов этого типа многие старые количественные противопоставления представлены как противопоставления монофтонг (исконный краткий) — дифтонг (исконный долгий).

В части западнонорвежских говоров все исконные количественные противопоставления представлены как противопоставления качественные. В говорах Бюкле, Валле и Бюггланна (Сетесдал) 18 гласных (Hannaas, 1973 (1915), 51-53; Chapman, 1962, 135-136; Skomedal, 1971, 291-303):

$i(<\check{i})$	$y(<\check{y})$	$u(<\check{u})$	$uy(<\bar{y})$		
$e(<\check{e}, \check{x})$	$\emptyset(<\check{\emptyset})$	$o(<\check{o})$	$ei(<\bar{i})$	$\emptyset i(<\bar{\emptyset})$	$oy(<ey)$
			$eu(<\bar{u})$		$ou(<\bar{o})$
$\text{æ}(<\check{\text{æ}})$		$\text{å}(<\bar{\text{a}})$	$\text{æi}(<\bar{\text{e}})$		
	$\text{a}(<\check{\text{a}})$		$\text{ai}(<ei)$		$\text{au}(<au)$

В южном Мёре (говор Воллы), где также 18 фонем, все противопоставления, которые И. Хофф классифицирует как противопоставления «узких» (исконные долгие) «широким» (исконные краткие), реализуются в виде противопоставления дифтонг (или дифтонгоид) — монофтонг, исконные дифтонги при этом сохраняются (Hoff, 1962, 128-129)/

В фарёрском языке * 15 гласных фонем. В позиции V:C многие гласные имеют дифтонгоидное произношение, однако фонологическое значение дифтонгоидных реализаций у разных гласных различно. Одни дифтонги возможны как в позиции V:C, так и в позиции VC: (/oi/, /ui/, /ai/), другие чередуются в позиции VC: с монофтонгами, но противопоставляются им в позиции V:C (/oa/, /ou/, /ei/), третьи возможны только в позиции V:C и не противопоставляются здесь соответствующим монофтонгам (ср., напр., [ui] в позиции V:C, но [y] в позиции VC:, [ea] в позиции V:C, но [a] в позиции VC:). Скольжение артикуляции оказывается релевантным только у первых двух типов дифтонгов, тогда как [ui]-[y] и [ea]-[a] являются аллофонами фонем /y/ и /a/.

Система фарёрских фонем такова:

i	y (< ū)	u	ui (< ī, ȳ)	[ɰu]	(< ū)
e	ö	o	ei (< au)	oi (< ey)	ou (< õ)
ea	(< ǣ, a)	oa	(< ā)		
[a]		ai	(< ei)		

В современном исландском 13 гласных, причем здесь, так же как и в некоторых западнонорвежских и в части баварских диалектов, просодическими аллофонами в позициях V:C ~ VC: могут быть не только долгие и краткие монофтонги, но и долгие и краткие дифтонги. Система исландских гласных и основные этимологические соответствия таковы:

i	(< ī, ȳ)	u	(< ū)		
ɪ	(< i̇, ẏ)	ʏ	(< ü)		
e	(< ē)	ø	(< ø̇)	ei	(< ei, ey)
		a	(< ā)	ou	(< au)
				oi	(< õ)
				ai	(< ǣ, ø̄)
				au	(< ā)

Исконное /ē/ представлено как сочетание фонем /je/.

Четырнадцать гласных фонем и в говорах острова

* Мы описываем в данном случае гласные диалекта острова Стреймой, на котором расположена столица фарёрских островов Торсхавн.

** Существование в фарёрском языке нескольких заимствованных слов с долгим /a/ (statur /sta:tur/, tomat /toma:t/ (Lockwood, 1955, 10)) свидетельствует о возможности фонологизации противопоставления /a/-/ea/.

Готланд. Здесь тоже многие исконные количественные различия представлены как противопоставления дифтонгов монофтонгам (Noreen, 1879, 342-347; Klintberg, 1885, 36). На Готланде семь монофтонгов (/i/, /e/, /y/, /ø/, /u/, /o/, /a/) и семь дифтонгов (/ei/, /øi/, /eu/, /oi/, /ou/, /au/, /ai/). Здесь не различаются исконные противопоставления /ĕ/-/ē/, /ă/-/ā/, исконным противопоставлениям /i/-/ī/, /y/-/ȳ/, /ū/-/ū/, /ō/-/ō/ соответствуют /i/-/ei/, /y/-/oi/, /u/-/eu/, /o/-/ou/. Исконные дифтонги имеют вид /oi/, /ai/, /au/.

Системы гласных иного типа функционируют в восточнонорвежских диалектах и в большей части шведских диалектов. Для них характерно разное развитие исконных кратких гласных в исконных краткосложных и долгосложных словах и существование в большинстве говоров гласной смешанного ряда /a/ или гласной с особым видом огубленности /ʌ/. Системы шведской и норвежской (риксмол) литературных норм относятся именно к этой группе.

Обычно считают, что в шведской литературной норме 9 гласных фонем (см., напр., Elert, 1954, 140; 1957, 39-40; 1966, 36-37; Malmberg, 1956a, 319; 1962, 132; Linnell, 1973, 10), однако если по вопросу о количестве фонем и о различительных признаках большинства из них у фонологов нет разногласий (в норме выделяют /i/, /e/, /ä/, /y/, /ø/, /ʌ/, /u/, /o/, /a/), то определение статуса гласной фонемы в словах типа *hus* и *hund* до сих пор вызывает споры. В современной шведской литературной норме в позиции V:C «шведское u» является гласной среднего ряда, подъем которой соответствует подъему /i/ или /e/ (Danell, 1956 (1937), 36; Malmberg, 1962, 78-79; Elert, 1966, 36; Dahlstedt, 1966, 59, fig. 2), для этой гласной характерен особый вид огубленности — губы не вытянуты, как при произнесении /y/, а втянуты и образуют узкую щель — этот звук шведские фонетисты называют «inrundat» (вовнутрьогубленным), в то время как /y/ обозначают как «utrundat» (вовнеогубленным) (Malmberg, 1962, 79). В позиции VC: «шведское u» является огубленным гласным смешанного ряда среднего или нижнего подъема (Elert, 1966, 36-37; Dahlstedt, 1966, 59, fig. 2). Существует несколько трактовок «шведского u». Его считали огубленным коррелятом /e/ и

* В Норвегии риксмол не имеет единого варианта произношения в разных областях (Берков, 1983, 50-66). В данном случае мы имеем в виду восточнонорвежскую разновидность риксмолла.

выстраивали передние гласные таким образом: /i/-/y/, /e/-/ɯ/, /a/-/o/ (Elert, 1954, 144); рассматривали этот гласный и как фонологически неогубленный гласный заднего ряда, несмотря на его сверхгубленность и переднее образование (Плоткин, 1982, 90), часто его интерпретировали как гласный смешанного ряда, относя его то к гласным верхнего подъема, то к гласным среднего подъема (Linell 1973, 10). В последнее время наиболее популярна интерпретация Б. Мальмберга, который предложил считать особую огубленность «шведского u» различительным признаком и определил релевантность двух степеней лабиализации у передних гласных в шведской литературной норме (Malmberg, 1956a, 319-320; 1962, 132). Хотя в позиции VC: «шведское u» является гласным смешанного ряда, Б. Мальмберг считает, что [ɯ] отличается от [i], [u], [y] точно так же, как [ɯ:] отличается от [i:], [u:], [y:], что и позволяет ему говорить о фонологическом признаке переднеязычности у фонемы ([ɯ:]~[u]).

Пример со «шведским u» показывает степень произвола определения различительных признаков в том случае, когда исследователи пытаются учитывать только фонетические данные, причем каждый из них выбирает «релевантные признаки» на свой вкус. Какие же функциональные признаки можно определить для «шведского u»? Одной из самых важных особенностей функционирования [ɯ:] и [u] является почти полное отсутствие их чередования в формах одной морфемы. Долгие и краткие аллофоны [i]-[i:], [e]-[e:], [ä:], [y]-[y:], [u]-[u:], [o]-[o:] регулярно чередуются в одних и тех же корневых морфемах в разных грамматических формах. В инфинитиве и презенсе глаголов и общем роде прилагательных стоит долгий гласный, в претерите и супине глаголов и среднем роде прилагательных — краткий гласный (ср. *bo-bor-bodde-bott; sy-syr-sydesytt, strö-strör-strödde-strött, leda-leder-leddelett, fri-fritt, vit-vitt, blå-blått, röd-rött, späd-spätt*). В таких чередованиях не участвуют [ɯ:] и [u].

Таким образом, функционального тождества между [ɯ:] и [u] и остальными долгими и краткими нет. Экспериментальные исследования на восприятие показали, что если для опознавания пар типа [ö]-[ö:], [y]-[y:] и т.п. важными являются количественные различия, то при опознании [ɯ:] и [u] релевантными оказались качественные различия (Hadding-Koch, Abrahamson, 1964, 105). Все это ставит под сомнение принадлежность [ɯ:] и [u] к одной фонеме. И данные функционального анализа и исследования на восприятие

свидетельствуют об их фонологическом различии. Такое различие должно было отразиться и в возможности противопоставления их в одинаковой позиции. Существование противопоставления /ɯ /-/ʌ/ в безударном слоге давно отмечали (ср., напр. *gjuteri* /jɯteri:/ — *kludderi* /klʌderi:/), однако обычно его трактовали как особую реализацию долготы в безударном положении (Elert, 1957, 44). В современной норме появляются [u] и в позиции V:C в словах типа *absurd*, *kurd*, *urdu* /absu:d/, /ku:d/, /u:du/ и т.п. Такие формы свидетельствуют о возможности появления долгого [u] в позиции перед одним согласным. Если бы [u] и [ɯ] были просодическими аллофонами, такими же как, напр., [i] и [i:], то в данном случае мы должны были бы иметь [ɯ:], а не [u:]. Отметим к тому же, что «краткое» [u] фонетически оказывается дольше «долгого» [ɯ] (Elert, 1964, 129). Все эти факты свидетельствуют о том, что в шведской литературной норме фонологизовались качественные различия /ɯ / и /ʌ/. Фонему /ɯ / следует определять как гласный переднего ряда (о чем говорит, в частности, палатализация /k/ и /g/ перед и после /ɯ /, но не перед и после /ʌ/), а фонему /ʌ/ — как гласный смешанного ряда. Повидимому, в шведской литературной норме существует тенденция и к фонологизации противопоставления [ɑ:] — долгого огубленного гласного заднего ряда и [a] — краткого гласного смешанного и переднего ряда (Кузьменко, 1984а, 125-126).

Таким образом, система гласных фонем шведской литературной нормы выглядит так:

i (<ī, i̇сс)	y (<ȳ, ŷсс)	ɯ (<ū, ū)	u (<ūсс)	u (<ō)
e (<ei, i)	ø (<o, au, ey)			o (<ā, ǫ)
ɛ (<ě, ē, ē)		a (<ǣ)		[ɑ (<ǣ)]

В норвежской литературной норме (риксмол) 9 монофтонгов и 5 дифтонгов (Jensen, Kloster, 1964, 42-46; Vanvik, 1972, 123-135). Исконные дифтонги сохраняются здесь в виде дифтонгов /ei/, /ou/, /äu/, кроме того, отмечают существование двух дифтонгов /ai/ и /oi/ в ряде заимствованных слов (Vanvik, 1972, 130). В Норвегии долгое и краткое u находится в таких же отношениях, что и долгие и краткие аллофоны других фонем — они могут чередоваться в формах одной морфемы подобно другим долгим и кратким. В соответствии со своей функциональной тождественностью другим долгим и кратким краткий и долгий аллофон «норвежского u» и фонетически почти не отличаются друг от друга (Vanvik, 1972, 127; Popperwell, 1963, 30).

Норвежские фонологи однозначно устанавливают состав фонем, однако по-разному определяют место «норвежского u» в системе. Одни считают «норвежское u» задним коррелятом /i/ и /y/ (Christiansen, 1946, 11; Sommerfelt, 1964, 48-50), другие рассматривают его как гласный смешанного ряда верхнего подъема (Jensen-Kloster, 1964, 46; Vanvik, 1972, 132-133; Standwell, 1975, 341). Однако если в шведской норме разное определение различительных признаков «шведского u» зависит в значительной степени от произвола исследователей (см. выше), то в норвежском оно связано в первую очередь с отсутствием единой нормы. В разных областях Норвегии функционируют разные u. Если для литературной нормы запада (и в первую очередь Бергена) больше подходит описание системы Христиансен, то для восточнорвежской разновидности нормы следует предпочесть описание М. Клостер-Енсена и А. Ванвика.

Этимологические соответствия гласных в восточнорвежском варианте литературной нормы почти полностью соответствуют этимологическим соответствиям гласных в шведской норме. Различия связаны с сохранением в норвежском дифтонгов (которые могут факкультативно чередоваться с монофтонгами) и исконного /ē/ в словах типа kne и fe (др.-исл. kné, fé).

Во многих норвежских диалектах функционируют похожие системы. Для западнорвежских диалектов более характерна система первого типа, для восточнорвежских диалектов система с гласным смешанного ряда.

В тех норвежских и шведских диалектах, где есть метафония и соответственно краткие высокие гласные в словах типа CVCV понизились перед исконными /a/ второго слога (слова типа CVCa наиболее частотны, поскольку /a/ является показателем многих грамматических категорий), дифтонгизации исконных долгих гласных, как правило, не происходит даже при сохранении исконных дифтонгов. В говорах со стянувшимися исконными дифтонгами появление новых качественных противопоставлений из исконных противопоставлений $\bar{V}-\bar{V}$ не связано с использованием признака скользящей артикуляции.

В говорах такого типа исконные долгие (биморные) гласные и гласные, удлинившиеся при становлении изохронии, противопоставляются по ряду, подъему и типу огубленности. Количество гласных в подобных системах

* В последнее время гласный смешанного ряда /u/ проникает под влиянием нормы Осло и на запад.

может достигать 15, как в говорах юго-восточного Сконе, где почти все исконные количественные противопоставления представлены как противопоставления качественные (подробнее об этом см. с. 115). Во многих шведских и норвежских диалектах такого типа есть, по-видимому, две гласных смешанного ряда — кроме /а/, здесь говорят о наличии гласной, средней между ö и а или о «более оттянутом назад ø» (Reitan, 1928, 10, см. также, напр., Åström, 1888, 20; Borgström, 1888, 33-50; Karsten, 1891, 9-12; Grip, 1901, 13; Reitan, 1906, 11-20; Reitan, 1928, 8-10, 17-22; Hansson, 1980, 143-146). Этот гласный восходит либо к исконным /ö/ и /au/, либо только к исконному /ö/. В среднем подъеме в этих диалектах противопоставляются 4 гласных /e-ø-e-o/. В части диалектов рефлекс /ö/ совпадает с исконным /ø/, причем в говорах со следами метафонии (и там, где /ö/ > /e/, и там, где /ö/ > /ø/) гласные /e/ и /ø/ (< ö) появляются только в односложных формах, тогда как в двусложных формах гласная /o/ сохраняет свое качество, — ср., напр., /he:l/ др.-исл. hol — /to:la/ др.-исл. pola (Dalene, 1953, 65, 68-69. 72-73).

В части шведских диалектов, так же как и в шведской литературной норме, в верхнем подъеме противопоставляются два типа огубленных гласных /y/ и /ɯ/ (< ü). Гласный смешанного ряда /a/ восходит к исконному /ǫ/ во всех типах слов (см., напр., Eriksson, 1960, 24-25).

Западногерманские языки

Разнообразие систем гласных мы обнаруживаем и в северо- и центральнобаварских диалектах с изохронией. Долгие и краткие гласные, так же как и долгие и краткие согласные, являются здесь, так же как и в скандинавских диалектах, просодическими аллофонами (в том числе долгие и краткие дифтонги — ср., напр., формы типа ц.-баварск. /lai:d/-/laid:/ Leuteläutet, leidet; /roa:sn/-/hoas:n/ reisen-heißen (см., напр., Bannert, 1976, 19; Zehetner, 1978, 41). Хотя баварские говоры отличаются друг от друга и количеством фонем, и количеством различительных признаков, и этимологическими соответствиями, для всех них характерно большое число гласных фонем: не менее семи монофтонгов, большое количество падающих сужающихся и расширяющихся центрирующих дифтонгов и носовых гласных. Для многих баварских диалектов характерно отсутствие передних огубленных гласных (про-

дуктов *i*-умляута), хотя в некоторых говорах они возникают вновь из исконных сочетаний *i+1*, *e+1*. Северо- и центральнобаварские диалекты отличаются друг от друга разными рефlekсами средневерхненемецких /*ie*/ и /*uo*/, которые сохраняются в центральнобаварских говорах, но представлены как падающие сужающиеся дифтонги /*ei*/ и /*ou*/ в северобаварских диалектах.

Для интерпретации баварских вокалических систем большое значение имеет фонологическая трактовка *i*-дифтонгов, развившихся из сочетаний *V+1*, центрирующих расширяющихся дифтонгов из сочетаний *V+r* и носовых гласных, развившихся из сочетаний *V+n*. Начиная с Х. Куфнера, их традиционно считают монофонемными единицами (Kufner, 1957; Wiesigner, 1983, 1054-1055), хотя была высказана и противоположная точка зрения, трактующая все эти образования как бифонемные сочетания *V+1*, *V+n*, *V+r* (Bannert, 1976, 20-22); соответственно новые передние огубленные гласные /*ü*/ и /*ö*/ (<*il*, *el*) также считаются реализацией бифонемных сочетаний (Bannert, 1976, 23). Причем в пользу признания бифонемности этих образований Р. Баннерт приводит веские доводы: возможность проявления согласной в положении перед последующей гласной и чередование в одной морфеме центрирующего дифтонга и сочетания *V+r*, напр., [pɛʌ]-[pɛri] Bär-bärlig 'очень хорошо' (Bannert, 1976, 22), и чередование носовой гласной с сочетанием *V+n* — ср., напр., [štõã]-[stẽana] Stein-Steine; [mõ] - [mãʌ] Mann-Männer; [klõã]-[klõane] klein-kleiner (Bannert, 1976, 21). Однако вряд ли адекватным является фонологическое описание, которое пытается доказать, что изменения не произошло, несмотря на очевидное его наличие. Хотя «проявление» согласного в формах типа [stõã]-[stẽana] Stein-Steine — безусловно важный инструмент фонологического членения, однако решающим он может оказаться только в том случае, если носовой гласный не противопоставляется сочетанию *V+n* в одинаковых позициях. На возможность существования такого противопоставления указывал Х. Куфнер — см., напр., противопоставление типа /foan/-/dõã/-/foa/ нем. литер. fahren, tun, fahre, которое не позволяет трактовать носовой дифтонг [õã] как сочетание фонем *oa+n* (Kufner, 1957, 528-529); см. также приводимые Куккуком пары типа /vĩ:/ Wien — /vi:n/ Wieden (район Вены), /bã:m/ Baum — šã:m/ scheiben (Коек-коек, 1955, 39). О монофонемности баварских носовых косвенно свидетельствует и то, что их здесь меньше, чем ртовых, тогда как в тех случаях, когда носовые гласные являются сочетаниями *V+n*, их число равно

числу ртовых гласных (Pilch, 1983, 197-198). Таким образом, следует согласиться с традиционным представлением о баварских носовых как о монофонемах. Эти монофонемы, однако, нейтрализуются с сочетанием V+n в положении перед следующей согласной (ср., напр., формы типа /stæna/ нем. литер. Steine).

В пользу монофонемности дифтонгов, развившихся из сочетаний гласных с /l/ свидетельствует не только возможность существования новых сочетаний V+l (ср., напр., /no:l/ ср.-вн. nadel-Kufner, 1957, 528-529), но и невозможность проявления /l/ в позициях перед гласным в форме той же морфемы.

Наиболее близки к бифонемным сочетаниям V+r центрирующие дифтонги, развившиеся из сочетаний V+r. Они не только могут чередоваться с сочетаниями V+ слогоначальное r (перед последующей гласной), но и не могут быть противопоставлены сочетаниям V+r в одной позиции. В языке старшего поколения баварского говора, описанного Куфнером, еще в 50-х гг. были возможны факультативные чередования: центрирующий дифтонг-сочетание V+r (см. [jo:r] ~ [jo^] нем. литер. Jahr, — Kufner, 1957, 530). Сейчас в центральнобаварских диалектах вокализировались все поствокалические /r/ (Bannert, 1976, 21-22). Однако и в данном случае проявление слогоначального /r/ перед гласной следующего слога или слова может происходить не всегда, что свидетельствует о том, что процесс монофонемизации этих дифтонгов происходит на наших глазах. Центрирующих дифтонгов меньше чем монофтонгов, и рефлексy u+r, i+r совпали с рефлексами исконных дифтонгов /uo/ и /ie/ в центральнобаварских диалектах и с рефлексами /ei/ в односложных словах в северобаварских диалектах, что также может свидетельствовать о монофонемизации сочетаний V+r.

Таким образом, новые дифтонги из сочетаний V+l, V+r, V+n показывают в современных баварских диалектах разную степень монофонемизации. Полностью монофонемизованы исконные сочетания V+l, которые не могут нейтрализоваться с новыми сочетаниями V+l перед последующим согласным. Монофонемизованы и носовые гласные, которые, однако, на стыке морфем нейтрализуются с сочетанием V+n, и наконец частично монофонемизованы центрирующие дифтонги из сочетаний V+r.

Рассмотрим подробнее системы гласных и этимологические соответствия в баварских диалектах со слого-

* См., напр., формы типа /fohn/ нем. литер. fahren (Kufner, 1957, 528).

вым равновесием. В качестве примера системы гласных северобаварского диалекта приведем систему говора Кальмюнца, описанную недавно У. Гётц (Götz, 1987).

i (i, ü)	u (<u, uo)		
e (<e)	o (<o)	ei (<ie, üe)	ou (<uo)
ɛ (<ê, ê, ö)	ɔ (<â, â)	ɛi (<ê, ö)	qi (<ei, eg) âu (<â, ô)
æ (<ä, æ, ê, ö)			
a (<û, ou, î)	ɑ (<ä)	ai (<î, ü)	au (û, ou)
iʌ (<ier, ür, ir, ie, üe)		uʌ (<ur, ur, or)	
eʌ (<er, êr, ær, ör, êr, é(h))		oʌ (<ei, âr, ar, ör, or)	
ĩ	ũ		
ẽ	õ	ẽi	õu
ã	ã	ẽi	ãu
		ɛʌ	ɔʌ

Исконное /ei/ имеет разные рефлексы в зависимости от просодической позиции: в исконных односложных словах ei > oʌ (см. /hoʌs/ нем. литер. heiß), в исконных двусложных ei > oi (/hois/ heiße). Дифтонгов из сочетаний V+1 здесь еще не возникло. Этот говор показывает стадию, предшествующую их появлению (ср. транскрипцию У. Гёрц [byʌdl] нем. литер. Bild, [gɔʌld] Geld, где [ʌ] обозначает палатальное l, которое может окказионально исчезать (Görz, 1987, 408).

В качестве примера центральнобаварского говора приведем описанный в 1955 г. говор Веңы (Коекоек, 1955):

i (<i, ü)	ü (<il, ül)	u (<u)	
e (<e, ö, ê)	ö (<el, öl)	o (<o, ô)	
ɛ (<ê, ô)	ɔ (<êl, êl)	ɔ (<a, â)	
ä (<î, û, ö, ü)	ä (<î, û, ä, ä, ei+l)	â (<û, ou)	
	a (<â, ei, ou, öu)		
iʌ (<ie, üe)	uʌ (<uo, ir, ür, ur, er, or)		
eʌ (<er, ör, er)	oʌ (<ar, or)		
ui (<ul, uol)	oi (<ol)		qi (<al, âl)
ĩ		ũ	
ẽ		õ	
ã		ã	

В этом говоре 27 фонем. Здесь восстановлены передние огубленные гласные (из сочетаний V+1). Исконные дифтонги и исконные долгие гласные верхнего подъема представлены как монофтонги /ä/-/â/-/a/, а

сужающиеся дифтонги восходят только к сочетаниям V+l. Так же как во всех центральнобаварских диалектах, средневерхнемецкие /ie/ и /uo/ представлены как расширяющиеся дифтонги /iʌ/ и /uʌ/.

Западную часть центральнобаварских говоров может представить описанный Х. Куфнером говор Зальцхгау (Kufner, 1957), где 33 гласных.

i (<i, ü)	u (<u)	ĩ	ũ		
e (<e, ë, ö)	o (<o)	ẽ	õ		
ɛ (<ë, ê, o)	ɔ (<a)				
æ (û, au, ä)	a (a)	ǣ	ǣ		
	ui (<ul, ur)	iu (<ür)			
ei (<el)	ci (<ol)	ou (<ô)	ia (<ie)	ua (<uo)	
			ea		
ai (<i. û, iu)	ɔi (<al)	au (<, û, ou)	ɶa	oa	
ẽi	õi				
ãu			ẽa	õa	

Этот говор представляет более архаичную стадию по сравнению с говором Вены.

КОРРЕЛЯЦИЯ КОНТАКТА

Просодика

Западногерманские языки

Сегментная просодика литературных норм всех современных западногерманских языков и большинства их диалектов отличается и от сегментной просодики современных германских диалектов, сохранивших моросчитание, и от сегментной просодики литературных норм и диалектов 'с изохронией. Отличается она и от сегментной просодики других индоевропейских языков и многих языков других семей. Однако это различие не лежит на поверхности. Если мы сравним противопоставления типа голл. balen-ballen, нем. bieten-bitten, англ. feeling-filling с противопоставлениями типа финск. tuuli-tuli или литовск. dydis-didis, то на первый взгляд может показаться, что все эти пары слов отличаются друг от друга одинаково ($\bar{V} \neq \check{V}$). Действительно, существует множество работ, в которых фонологическая интерпретация длительности в германских языках ничем не отличается от фонологической интерпретации длительности в языках типа финского, или латыни, т. е. определяется существование в германских языках противопоставления долгих и кратких гласных — вариан-

том этой интерпретации является отнесение долготы в просодику (см., напр., Cohen A. et al., 1959, 108-109; Moulton, 1962, 307-308).

Однако сходство противопоставления типа нем. bieten-bitten, голл. balen-ballen, англ. feeling-filling, финск. tuuli-tuli, литовск. dydis-didis оказывается только внешним. Еще Э.Сиверс обратил внимание на то, что в немецком, помимо различия в длительности, существует различие, которое он назвал различием в типе примыкания или акцента. Он ввел понятие «сильношитого акцента» (starkgeschnittener Akzent) и «слабосшитого акцента» (schwachgeschnittener Akzent), которые получили также название плотного (fester) или свободного (loser) примыкания (Anschluß). При плотном примыкании, по Э.Сиверсу, сонант сменяется последующим согласным сразу же за вершиной слога (ср. слова типа voll, kamn, faß, hat, sollt), при свободном примыкании согласный произносится гораздо дальше от вершины слога, когда амплитуда гласного уже заметно ослабла (Sievers, 1901, 222-223). Таким образом, Э.Сиверс предположил, что немецкие пары слов типа bieten-bitten, Sohne-Sonne различаются и длительностью, и типом примыкания. После краткого гласного примыкание плотное, после долгого — свободное. Идею о существовании разного типа примыкания в германских языках поддержал Г.Суит, который говорил об открытом (open) и закрытом (close) ударении, определяя различие этих двух типов «ударения» (stress) в характере протекания конечной фазы гласного — «у долгой гласной конечная фаза слабее, чем у краткой» (Sweet, 1906, 40; 1922, 3). О.Есперсен, отмечая наличие двух типов примыкания в датском языке (Jespersen, 1897-1899, 541), ввел новый термин для обозначения этого явления — «плотный и свободный контакт» (close and open contact) (Fischer-Jørgensen, 1941, 42). И Сиверс, и Суит, и Есперсен, говорившие о разном типе примыкания в словах типа нем. bieten-bitten, англ. feeling-filling, дат. mine-minne, рассматривали эту черту как одну из фонетических характеристик этих языков, не определяя главенствующее ее положение по сравнению с длительностью или качеством гласного. С появлением фонологии, когда из комплекса реально существующих признаков противопоставляющихся единиц стали выделять релевантные и иррелевантные, изменилась и трактовка германского примыкания. Неудивительно, что автором новой трактовки соотношения длительности и примыкания в германских языках был один из основателей современной фонологии Н.С.Трубецкой. Трубецкой,

как известно, вообще отрицал возможность существования фонологической длительности, считая, что в каждом конкретном языке противопоставление долгий-краткий является манифестацией иных просодических различий (см. выше). Он выдвинул идею об определяющем значении способа примыкания в германских языках и о зависимости длительности от типа примыкания. Слабое (свободное) примыкание определяет длительность гласного, сильное (плотное) — его краткость. Фонетическое выражение корреляции определялось Н. С. Трубецким по Э. Сиверсу: при плотном примыкании «согласный появляется в тот момент, когда процесс произнесения гласного еще не достиг кульминационного пункта в его обычно восходяще-нисходящей артикуляционной кривой, при слабом примыкании артикуляция гласного завершается полностью еще до приступа согласного» (Трубецкой, 1960, 243). Однако несмотря на то, что существование двух типов слогов в западногерманских языках признавалось и теми, кто вслед за Трубецким определял релевантность просодической корреляции примыканий, и теми, кто отрицал определяющую роль типа примыкания, оказалось, что найти фонетические признаки разных типов примыкания не так просто.

Одни фонетисты, говоря о реальности различия в типе примыкания, указывали на разные фонетические корреляции этого противопоставления (ср., напр., Essen, 1961, 590-597; 1966, 174; Fischer-Jørgensen, 1969, 139; Jørgensen H., 1969, 169, 182-185; Прокопова, 1973, 121-123; Педерсен, 1978, 136; 1980, 14). Другие отрицали существование разного типа примыкания (Текорюс, 1968; Лисенко, 1969, 20-29; Потапова, 1981, 206; 1986, 93). Р. К. Потапова утверждает, что пары слов типа англ. *feeling-filling*, нем. *Sohne-Sonne* и голл. *balen-ballen* не отличаются типом примыкания — во всех случаях здесь надо говорить о сильном (плотном) примыкании (Потапова, 1981, 206; 1986, 92).

Каким же образом можно решить вопрос о наличии или отсутствии фонологически релевантного примыкания (контакта)? Пока сравниваются односложные слова или морфемы, невозможно доказать, что длительность является выражением типа примыкания, и никаких фонологических данных о том, что литовская морфема *dyd-* (*dydis*) отличается от *did-* (*didis*) не так, как немецкая морфема *biet-* (*bieten*) от *bitt-* (*bitten*), у нас нет. Соответственно, сопоставляя односложные слова и морфемы моросчитающих скандинавских и верхнеалеманнских диалектов с соответствующими формами западногерманских литературных норм, мы не в состоянии определить

различие просодической корреляции. Однако при сопоставлении двусложных форм типа литов. *dydis-didis* и нем. *bieten-bitten* обнаруживается принципиальное различие. В литовском языке, так же как и в большинстве других языков с противопоставлением $\bar{V}-\check{V}$ (так же как в архаичных скандинавских и верхнегерманских диалектах), слоговое деление никак не связано с длительностью и все слоги в последовательности *CVCV* являются открытыми. В современных западногерманских языках и в датском краткости гласного сопутствует неотделимость слоговой границы согласного от предшествующего гласного.

Как мы видели выше, немецкие диалектологи отмечают отсутствие плотного контакта и слоговое деление типа *CV-CV* в верхнеалеманских и южнобаварских диалектах (т. е. фактически говорят о различном типе слогового деления слов типа *CVCV* в разных группах немецких диалектов — несмотря на то, что во всех этих диалектах отсутствуют слова типа *CV*). Все это еще раз свидетельствует о том, что слог — особая единица, не совпадающая с фонотактическими правилами слова.

Фонетисты обычно не устанавливают точное место слоговой границы в словах типа *CVCV(C)*. Д. Джоунз утверждал, что «невозможно решить, в какой части *t* (в слове *letter*) проходит слоговая граница» (Jones, 1948, 55), а А. Педерсен показывает, что в английском и датском в словах этого типа «практически невозможно обнаружить границы интервокального согласного, ни судить об относительном месте слоговой границы» (Педерсен, 1978, 131-132, 136). Очевидным для всех фонетистов остается различное слоговое деление слов типа *CVCV* и слов типа *CVCV* и существование закрытого слога в словах типа *CVCV* во всех современных литературных нормах и в большинстве диалектов современных западногерманских языков. Именно существование закрытого слога в словах типа *CVCV* в этих языках и, как мы увидим ниже, в датском отличает эти языки от всех остальных индоевропейских языков и от языков многих других групп. Еще более важно для истории просодических систем то, что эта черта отличает их и от современных германских диалектов (шведских, норвежских, верхнеалеманских и южнобаварских), которые в просодическом типе *CVCV* имеют открытый слог.

Особое в этом отношении положение германских языков отмечалось неоднократно. Одним из основных отличий немецкого языка от французского Руде считал существование плотного контакта и закрытого слога в немецком языке (Roudet, 1910, 192). Сравнивая английское и латышское слоговое деление в практическом пре-

подавании, М. Нейланде отмечает, что основное их различие заключается в обязательности открытого слога после краткого гласного в латышском — ср., напр., латыш. *sili* /si-li/ и обязательности закрытого слога в этой же позиции в английском — ср., напр., *silly* /sil-i/ (Neilande, 1981, 25).

Именно слогоделение внутри слова и оказывается тем инструментом, который помогает нам определить наличие или отсутствие корреляции контакта. Отмечаемая Трубецким зависимость длительности гласного от типа контакта проявляется только в двусложных словах в различном слогоделении. О том, что именно различие в слогоделении свидетельствует о существовании корреляции контакта (или примыкания), говорил в начале 40-х гг. в своих лекциях в Копенгагене А. Мартине (Fischer-Jørgensen, 1941, 52; см. также Martinet, 1969, 222). Можно сказать, что такое понимание корреляции контакта утвердилось в литературе (Fliflet, 1963, 193; Trost, 1970, 939-940). Противопоставление свободного (V-C) и плотного (VC) контакта проявляется в разном типе слогоделения в двусложных словах CV-CV≠CVCV. Долгота гласного связана со свободным контактом, краткость — с плотным, и в односложных словах именно длительность гласного свидетельствует о типе контакта, который проявляется только в двусложных формах слов (ср. англ. *feel-feeling*, *fill-filling*; нем. *Aal-Aale*, *all-alle*).

Данные Р. К. Потаповой, которые свидетельствуют о существовании во всех современных германских литературных нормах только плотного (сильного) примыкания, не противоречат приведенному выше положению, поскольку термин «плотное (сильное) примыкание» она употребляет в узко фонетическом смысле слова, имея в виду только отсутствие различия по интенсивности в конечной фазе долгого и краткого гласного в германских языках. Однако несмотря на отсутствие различия в интенсивности конечной фазы гласных, Р. К. Потапова отмечает различие в слогоделении слов типа CVCV и CVCV: в словах типа CVCV слог открытый во всех современных германских языках, в словах типа CVCV — закрытый, причем в немецком языке граница слога перцептивно проходит после согласного, а в английском — по согласному (Потапова, Камышная, 1975, 68-69; Потапова, 1986, 96-98).

Если говорить о соотношении длительности гласных и слогоделения, то все языки можно разделить на три типа. В одних языках краткость гласного не влияет на открытый характер слога в сочетании CVCV (слог с долгим гласным также является открытым). К таким

языкам относятся все известные языки с противопоставлением $\bar{V} \neq \check{V}$, в которых есть многосложные слова (эстонский, финский, литовский, латышский, греческий, латынь и т. д., сюда же относятся современные германские диалекты, описанные нами на с. 10-31). В языках другого типа долгота гласных не влияет на закрытый характер слога (слог и с кратким, и с долгим гласным здесь всегда закрытый). К таким языкам относятся слоговые языки Юго-Восточной Азии, в которых есть противопоставление $\bar{C}\bar{V}C - \check{C}\check{V}C$, но нет ресиллабации, — кхмерские, лаосские, тайские, вьетнамские диалекты (Глазова, 1970, 288, 291, 295; Гордина, Быстров, 1970, 199; Москалев, 1970, 256-259). В языках первого типа доминирующий тип слога открытый, во втором — закрытый. Соответственно тип фонетической связи гласного с последующим согласным в языках первого типа характеризуется как разомкнутый (V-C), а в языках второго типа — как сомкнутый (VC) (Касевич, 1976, 127). Общим для обоих типов языков является отсутствие связи длительности гласного со слогоделением. Германские языки с корреляцией контакта представляют собой третий тип языков, в которых сомкнутость (плотный контакт) и разомкнутость (свободный контакт) противопоставлены друг другу, что, в частности, проявляется в связи длительности гласного со слогоделением (типом контакта): после долгих гласных — свободный контакт и открытый слог в двусложных словах, после кратких гласных — плотный контакт и закрытый слог в двусложных словах.

Типологически промежуточное положение германских языков с корреляцией контакта между языками с сомкнутой и разомкнутой структурой связи гласного и последующего согласного связано с типологически промежуточным их положением между языками фонемного и слогового типа.

Представление о фонологических типах языков восходит к идеям Л. В. Шербы и Е. Д. Поливанова (Шерба, 1983 (1912), 8; Иванов, Поливанов, 1930, 3-7) о возможности существования языков, в которых наименьшей единицей членения является слог. Эта точка зрения, с успехом разрабатываемая учениками и последователями Л. В. Шербы, связана с отказом шербовской фонологии использовать коммутационный тест, т. е. противопоставление минимальных пар при фонологической сегментации. Методом коммутационного анализа можно доказать членимость на фонемы каких угодно последовательностей, в том числе аффрикат и дифтонгов во всех языках (что и делается его сторонниками — ср., напр., доказательство бифонемности немецких дифтон-

гов существованием пар типа Blei-Blatt). Однако предполагаемая коммутация иллюзорна. Противопоставление свидетельствует только о различии и не может быть инструментом сегментации. Фонологическая сегментация без обращения к морфологической сегментации невозможна, и единственным критерием фонологической сегментации является критерий сопоставления слоговых и морфологических границ (Гордина, 1966, 179; 1981, 75-76). Этот критерий является и методологически непротиворечивым, поскольку на первом этапе фонологического анализа используются данные, внешние по отношению к фонологии, т.е. морфология и слогоделение (Либерман, 1971б, 61). Сегментные фонологические единицы меньше слога могут быть выделены только в тех языках, где морфологические границы не совпадают со слоговыми и конечноморфемный согласный может стать слогоначальным (ср. русск. *лом, ло-т/а*). В случае невозможности отделения конечноморфемного согласного слоговой границей можно говорить о монофонемности сочетания — так доказывалось, в частности, монофонемность английских или немецких дифтонгов. В тех языках, где слог всегда является экспонентом морфемы, где невозможно превращение конечноморфемного согласного в слогоначальный (согласный не отделяется слоговой границей от гласного), нет фонем и мельчайшей единицей членения является слог (силлабема) (Гордина, 1966, 177; 1981, 78). Обычно, правда, говоря о существовании особых единиц — силлабем, предлагают их членить дальше на составные части. А.А. Драгунов выделяет части силлабем методом коммутации (Драгунов, 1980, 7), В.Б. Касевич говорит о функциональной сегментации слога на инициаль и финаль (Касевич, 1974, 123; 1976, 124). М.В. Гордина, основываясь на полуповторах, делит вьетнамскую силлабему на инициаль и финаль, финаль в свою очередь членится на медиаль и собственно финаль (Гордина, 1981, 78). Однако несмотря на то, что результаты подобного членения могут показаться аналогичными членению на фонемы в фонемных языках, основание для членения силлабемы на части совсем иные, чем основания сегментации на фонемы в фонемных языках (Гордина, 1981, 76), поскольку между составными частями силлабемы не может проходить ни слоговая, ни морфологическая граница. Деление силлабемы на части мы можем сравнить с членением монофонемных дифтонгов, имеющих общие элементы (напр., англ. /ai/ и /ei/ в /lai/ lie и /lei/ laɪ можно условно разделить на составные части, которые фактически являются сукцессивно расположенными различительными признаками, такими же,

как признаки аффрикат).

Таким образом, в одних языках слог всегда является экспонентом морфемы и слоговые границы совпадают с границами морфологическими (слоговые языки), в других языках конечный согласный морфемы может превращаться в начальный согласный слога перед гласными. Германские языки с корреляцией контакта занимают промежуточное положение между этими двумя типами языков. В словах со свободным контактом конечноморфемный согласный, оказываясь перед гласным следующего слога того же слова, отрывается слоговой границей от предшествующего гласного (англ. *feeling*, нем. *bieten*, голл. *balen*) — ситуация, характерная для фонемных языков. В словах с плотным контактом конечноморфемный согласный не отделяется слоговой границей от предшествующего гласного (англ. *filling*, нем. *bitten*, голл. *ballen*) — ситуация, характерная для слоговых языков.

В большинстве случаев исконные германские слова типа CVCV(C) биморфемны и состоят из корня CVC и формо- или словообразующего суффикса. Именно корневая морфема и оказывается местом противопоставления двух видов контакта: в одних случаях корневая морфема остается в рамках того же слога (плотный контакт), в других — конечный согласный корневой морфемы оказывается в другом слоге (свободный контакт).

От моросчитающих скандинавских, верхнеалеманнских и южнобаварских диалектов современные западногерманские литературные нормы и большинство диалектов отличаются в этом отношении также, как и от всех фонемных языков с преобладающим типом слога CV- и отсутствием связи слогоделения внутри слова с морфологическим членением. От скандинавских диалектов и баварских диалектов с изохронией языки и диалекты с корреляцией контакта отличаются не только отсутствием долгих согласных, но прежде всего тем, что в словах с кратким гласным и долгим согласным при изохронии даже при предполагаемом слогоделении CVC-CV (типа шв. *fal-la*) вторая часть согласного слогона начальна и эксплозивна, тогда как в языках с корреляцией контакта неотделение конечноморфемного согласного от предшествующего гласного связано с отсутствием у этого согласного эксплозивной слогона начальной части, что у глухих смычных выражается, в частности, в отсутствии аспирации. Наличие конечноморфемного слогона начального согласного в языках и диалектах с изохронией и отсутствие его в языках и диалектах с корреляцией контакта (в словах с плотным контактом) является результатом совпадения в языках с корреляцией

контакта границы слога с границей корневой морфемы. Именно с этим связано отсутствие в языках и диалектах с корреляцией контакта долгих согласных внутри морфемы, но наличие долгих согласных (фонологически двух одинаковых согласных) на стыках слов и морфем (типа англ. *penknife*, *bookcase*, нем. *Schiffart*, *Handtuch*).

Важной особенностью корреляции контакта в западногерманских языках является то, что она оказывается релевантной во внутреннем сандхи, т. е. внутри слова. В германских языках с корреляцией контакта слово остается фонологической единицей, отличной и от морфемы, и от сочетания слов. Фактически мы можем говорить о двух различающихся типах слогоделения во внутреннем и внешнем сандхи. Во внешнем сандхи слогоделение в западногерманских языках обеспечивается либо полным перерывом (результат твердого приступа), либо резким уменьшением интенсивности в начальной фазе гласного (Delattre, 1964, 44-45) — ср., напр., нем. *zu meinen* — *zum einen*, *wo leben* — *wohl eben*, англ. *great eye* — *grey tie*, *a name* — *an aim*. Сильное слогоделение внешнего сандхи, указывающее на границы слов и некоторых морфем, отличается от слабого слогоделения внутреннего сандхи, отделяющего или не отделяющего конечноморфемный согласный от предшествующего гласного. Границы между корнями, корнем и некоторыми аффиксами оказываются сильными, границы между корнями, всеми словоизменительными и частью словообразовательных суффиксов — слабыми. Существование этих слабых границ и является выражением фонетического единства слова. При этом сильные и слабые границы могут не совпадать (ср. сильную границу во внешнем сандхи — *great eye*, но слабую во внутреннем — *gtreater*). Сильные границы связаны с ударением, слабые — с безударностью. Именно ударение и свидетельствует о большей самостоятельности морфемы, безударность — о ее большей служебности. Хотя наличие внешнего сильного сандхи в германских языках, вероятно, связано с существованием корреляции контакта (в неслоговых языках, где нет корреляции контакта, границы между словами, как правило, не отличаются от границ внутри слова), заметим, что внешнее сильное сандхи может быть факультативным и в быстрой речи эти различия могут исчезать, тогда как различия в типе контакта сохраняются.

Господствующая во всех современных западногерманских литературных нормах и во многих западногерманских диалектах корреляция контакта связана прежде всего с соотношением слоговых и морфологических гра-

ниц внутри слова. Это не способ описания длительности гласных, объединяющий долгие и краткие гласные в просодические аллофоны, как считал Трубецкой, а отражение типологически промежуточного положения западногерманских (и датского) языков между языками слогового и языками фонемного типа. Определение типа контакта связано не с наличием или отсутствием фонологической пары у гласных, а с разными типами слогаделения (что в биморфемных двусложных словах связано с разным соотношением слоговых и морфологических границ), поэтому английское слово *cut* имеет плотный контакт (*cut-cutting*) несмотря на отсутствие долгой пары *k / ʌ /*, а *boil* (*boil-boiling*) — свободный контакт несмотря на отсутствие краткой пары *k / oɪ /*.

Выше мы рассматривали английский язык так, как если бы его сегментная просодика полностью соответствовала сегментной просодике других западногерманских языков. Это, однако, не вполне верно. Для английского языка действительно характерна корреляция контакта, проявляющаяся в разном типе слогаделения двусложных слов, однако в отличие от других современных западногерманских языков слогаделение (и тип контакта) в английской литературной норме может быть связано с качеством поствокалического согласного.

Известны общefonетические закономерности, определяющие фонетическую длительность гласных, одна из таких закономерностей — связь длительности гласных с качеством последующих согласных. Однако в разных языках степень этой зависимости разная. В английской литературной норме такая связь особенно заметна, в любой фонетике английского языка мы найдем сведения о том, что перед глухими согласными гласные короче, чем перед звонкими (см., напр., Jones, 1948, 216; Moulton, 1962, 75). Последние исследования Л. Е. Кукольщиковой показали, что в двусложных словах с интервокальными глухими согласными все гласные независимо от их происхождения имеют одинаковую длительность (Кукольщикова, 1981, 96). Равная длительность гласных и отсутствие аспирации согласных в словах

* В литературе можно найти высказывания об отсутствии противопоставления типов слогаделения. Г. П. Торсуев считал, в частности, что английское слогаделение не отличается от русского и все слоги в последовательности CVCV всегда здесь открытые, т. е. *letter /le-tə/* (Торсуев, 1975, 101), О. И. Бродович же утверждает, что независимо от типа гласного все слоги в английском языке закрытые, т. е. *boiling /boil-ɪŋ/* (Бродович, 1986).

типа *peaty* и *pity* свидетельствуют не только о релевантности качественного различия гласных /i/ и /i:/, но и об одинаковом типе слогаделения. То, что изменение длительности не влияет на восприятие гласных перед глухим согласным, было продемонстрировано еще Гимсоном, который в своих экспериментах укорачивал длительность традиционного долгого перед глухим согласным (Gimson, 1945-1949, 98-99). Причем динамика длительности и интенсивности, по мнению Кукольщиковой, свидетельствует о возможности слогаделения CVC-V и в словах типа *peaty*, и в словах типа *pity*, т. е. /pit-i/ *peaty*, /pit-i/ *pity* (Кукольщикова, 1984, 31-32, 37; см. также; Selkirk, 1982, 366). Длительность гласных трактуется в данном случае как фонетическое качество, указывающее на признак согласного (Кукольщикова, Степашкин, 1986, 70), — ситуация, напоминающая дополнительное распределение длительности гласных и силы и слабости согласных в баварских диалектах. Если справедливы выводы Кукольщиковой, то слог V + глухой (сильный) согласный оказывается всегда закрытым (плотный контакт), а в слоге V + звонкий (слабый) или сонорный согласный возможно противопоставление двух типов контакта и двух типов слогаделения. В английской литературной норме, по крайней мере в ее американском варианте, мы имеем дело, таким образом, не только со связью глухости (силы) с плотным контактом, но и с увеличением по сравнению с другими западногерманскими языками количества корневых морфем с плотным контактом (к таким морфемам стали относиться исконные морфемы со свободным контактом типа *take-taking*, *fight-fighting* и т. п.).

Особенности сегментной просодики английских диалектов почти не описаны. Однако судя по некоторым замечаниям, в диалектах мы можем встретить ситуацию, сходную с ситуацией литературной нормы: в сочетании V + глухой согласный здесь отмечают отсутствие аспирации и наличие «быстрого тесного примыкания» (*close juncture*) — ср., напр., слова типа /sæikə/ *seeker* в йоркширском диалекте (Hedevind, 1967, 50). Однако есть диалекты, где зависимость длительности гласных и, возможно, типа примыкания от качества согласных существует только в односложных словах и отсутствует в двусложных (Weissmann, 1970, 167).

В односложных словах противопоставление типа примыкания нейтрализовано (ср. чередование типа [sɪ't] *sit* - [sitiŋ] *sitting*, [mi't] *meet* - [mi'tiŋ] *meeting* с неразличающимися по контакту формами [sɪ't] и [mi't], но различающимися по контакту формами /sɪ-

tiŋ/ (плотный контакт) и /mi'tiŋ/ (свободный контакт)).

Тенденцию к связи типа контакта с качеством фонем можно наблюдать во фризском и голландском языках. В голландском тип контакта определяется в основном не качеством согласного, а качеством гласного (слова с гласными, обозначаемыми на письме *ie*, *oe*, *ui* (исконные долгие), всегда имеют плотный контакт; исключение — позиция перед /r/; во фризском плотный контакт имеют также гласные самого верхнего подъема, однако, главным образом, перед глухими согласными, причем и в данном случае речь идет об исконных долгих гласных, — ср., напр., *dyk* /dik/, *ryk* /rik/, *bûk* /buk/, *bite* /bite/ (Жлуктенко, Двужилов, 1984, 87-90, см. также Spenter, 1968, 239-247, 257-264).

Скандинавские языки

Слоговая структура датской литературной нормы и ряда датских диалектов заметно отличается от слоговой структуры шведского, норвежского, исландского и фарёрского литературных языков и большинства скандинавских диалектов. Это различие особенно бросается в глаза, если мы сравним произношение датских слов типа *falde* /falə/, *katte* /kadə/ с этимологически родственными им словами других скандинавских языков — ср., напр., шв. *falla* /fal:a/, норв. *falle* /fal:ə/, шв. *katta* /kat:a/, норв. *katte* /kat:ə/. В датской литературной норме и в большинстве датских диалектов нет долгих согласных внутри морфемы. Длительность согласного в датском всегда сигнализирует о морфологической границе, а долгие согласные (фонологически сочетания согласных) возможны здесь только на стыке слов (ср., напр., *han nærmer sig* /han næʁmɐ sai/ или на стыке морфем (см., напр., *bundne* /bɔnnə/ мн. число причастия II от глагола *binde*). Во всех скандинавских литературных нормах, кроме датской, и в большинстве скандинавских диалектов господствует, как мы отмечали, корреляция взаимозависимости количества; в датской литературной норме, так же как в западногерманских языках, такой взаимозависимости нет и возможны типы $\check{V}C$ и $\check{V}CV$, наряду с типами $\check{V}C$ и $\check{V}CC$.

* Свободный контакт будет в дальнейшем обозначаться точкой (.) ($CV^{\cdot}C$), плотный — ее отсутствием (CVC).

О. Есперсен сравнивал слоговую структуру датского языка со слоговой структурой западногерманских языков и говорил о существовании в датском языке плотного и свободного примыкания. В словах типа *kom, kat, kort, hest* О. Есперсен определял плотное примыкание, поскольку при добавлении второго слога в этих словах (*komme, katte, korte, heste*) «совершенно невозможно указать на определенную точку и сказать, что здесь кончается первый слог и начинается второй, причем такая неопределенность касается и слов с двумя согласными после \check{V} (*hest*); слогоделение не дает возможности определить, следует ли нам переносить *he-ste, hes-te* или *hest-e*» (Jespersen, 1897-1899, 542). Свободный контакт О. Есперсен видит в словах типа *læse, (at) faste* и т. п., в которых слогораздел проходит до согласного /*læ-sə/, /fa-sdə/* (в отличие от плотного примыкания слов *læsse /læsə/* и *faste /fasde/ (adj.)*). О том, что данные О. Есперсена о разном слогоделении слов типа *læse* и *læsse* и *(at) faste* и *faste (adj.)* не устарели, свидетельствуют и высказывания датских лингвистов (О. Хансен утверждает, что в словах типа *falde* и *katte* граница слога проходит так, что «согласный закрывает первый слог и начинается второй», — Hansen, 1967, 275), и экспериментальное исследование датского слогоделения. А. А. Педерсен (Педерсен, 1978, 131-132, 136) показал, что в типе $C\check{V}CV$ место слоговой границы в датском языке легко устанавливается на основании распределения интенсивности в цепочке $C\check{V}C$ (в гласном выделяется слабое начало, сильная середина и слабый конец), тогда как в словах типа $C\check{V}CV$ интенсивность распределена таким образом, что «практически невозможно обнаружить ни границу интервокального согласного, ни судить об относительном месте слоговой границы». Инструментальные исследования подтвердили и предположение О. Есперсена о сходстве слоговых структур датского и английского языков — «эксперимент показал, что английский и датский — один и тот же тип с точки зрения акустической реализации слогораздела» (Педерсен, 1980, 14). А Э. Фишер-Ёргенсен, которая говорит о том, что плотное примыкание в говоре Копенгагена не столь ярко выражено, как в других германских языках (Fischer-Jørgensen, 1960, 96), отмечает разное слогоделение в словах типа $CV^{\cdot}CV$ *laban /la-ban/* и $CVCV$ *oppe /obə/* (Fischer-Jørgensen, 1960, 93).

Даже те лингвисты, которые отрицают существование фонетических границ слога в датском, не отрицают психической реальности двух видов слогоделения,

устанавливая в одних типах слов слогораздел до согласного, а в других определяя неясность слогораздела (Brink, Lund, 1975, 730, 732-733).

Датские глоссематики, верные своим традициям определять фонологическую сущность явления, совершенно не учитывая его «фонетическую манифестацию», рассматривают и фонологический слог как единицу не совпадающую с фонетическим слогом. Уже в 1949 г. Э.Хольт утверждала, что несмотря на интуитивно разное слогоделение слов типа *finder* и *fine*, фонологическая граница слога в датском во всех случаях должна проходить после гласной (ср. ее слогоделение слов *kane*, *kande* и *finder* как /ka'-ne/, /ka-ne/ и /fe-ner/ (Holt, 1949, 259) , — единственным аргументом автора в пользу такого слогоделения, впрочем, оказывается утверждение о том, что в большинстве языков все слоготы открытые). Совершенно по-иному предлагает проводить фонологическое слогоделение в своих многочисленных работах Х.Басбёлль (Basbøll, 1969 (1968), 33-54; 1972, 185-191; 1980, 253-283), который считает, что в датском во всех случаях перед нейтральным гласным слоговая граница проходит после последней согласной ударного слога (т.е. слова типа *kane*, *kande* и *finde* следует делить на слоги так: /ka'n-ə/, /kan-ə/, /fen'-ər/). Несмотря на то что результаты фонологического слогоделения И.Хольт и Х.Басбёлля диаметрально противоположны, у них общая установка не учитывать при слогоделении ни интуицию носителей языка, ни данные инструментальных исследований. Х.Басбёлль прямо заявляет, что его фонологическая слоговая граница «может не совпадать с интуитивно ощущаемой и экспериментально установленной слоговой границей» (Basbøll, 1972, 193). Однако если И.Хольт фактически не приводит доказательств в пользу своего слогоделения, то Х.Басбёлль устанавливает список правил определения слоговой границы: 1) некоторые морфологические границы являются слоговыми границами, 2) медиальные сочетания разделяются на возможные финальные и возможные инициальные, 3) простой интервокальный согласный всегда относится к предшествующему гласному перед безударным /ə/ (Basbøll, 1980, 265). Эти правила очень симптоматичны. Они свидетельствуют о генерализации Х.Басбёллем тенденции к совпадению в датском слоговых и морфологических границ. Причем, по его мнению, даже в словах типа *bade* /bæ'ðə/ фонологическое слогоделение должно проходить после согласного, т.е. и в этом случае морфологическая граница совпадает со слоговой. Хотя слогоделение типа /bæ'ð-ə/ вызвало недоумение у коллег Х.Бас-

бёлля (Molbæk P. Hansen, 1979, 94-95), его стремление провести фонологические слоговые границы там же, где проходят границы морфологические, несомненно показывает значение морфемного членения в датском языке. Тенденция к совпадению слоговых и морфологических границ в датском языке, как мы покажем в дальнейшем, действительно очень заметна, однако в словах со свободным контактом такого совпадения еще не произошло, а тип слов CV Cə в датской литературной норме — один из самых частотных (Frøkjær-Jensen, 1977, 27). Именно существование слов такого типа заставляет нас считать датский язык фонемным, хотя степень его фонемности гораздо меньше, чем степень фонемности языка, в котором слоговые границы не зависят от морфологических границ. Степень фонемности или степень слогоморфемности определяется нами частотностью в тексте слов, в которых слоговые границы совпадают с морфологическими.

Слоговая структура датской литературной нормы в значительной степени соответствует слоговой структуре западногерманских языков. Два типа слоговых структур различаются в них способом соединения гласного и согласного в слоге, что проявляется прежде всего в слогоделении внутри слова: при плотном примыкании слог закрыт и конечноморфемный согласный не становится слогоначальным, при свободном — слог открыт и конечноморфемный согласный становится слогоначальным. Однако датская корреляция примыкания не во всем аналогична западногерманской. Ее особенности связаны с функционированием так называемого толчка. Обычно датский толчок (stød) определяется как мгновенное сжатие или полная смычка голосовых связок, акустическим эффектом чего оказывается резкое падение интенсивности (Smith Sv., 1944, 101-102; Petersen Pia R., 1973 (1972), 232).

Хотя противопоставление толчок-нетолчок сопровождается тональными различиями, совершенно очевидно, что музыкальный компонент в нем выражен в датском гораздо менее ярко, чем музыкальный компонент шведско-норвежского противопоставления акцентов I и II. С. Смит, который провел обстоятельные инструментальные исследования толчка, определяет его как динамический акцент и устанавливает три фазы протекания толчка: вначале ровное движение амплитуды, затем ее ослабление (или полное исчезновение при смычно-гортанном варианте толчка) и, наконец, новое усиление. При толчке на гласном согласный артикулируется сразу после падения амплитуды или во время его, при толчке на согласном последний артикулируется сразу

после первой фазы толчка (толчок оказывается двухфазовым). Обычно говорят о толчке на гласном (как, напр., в слове /hu's/ hus 'дом') или о толчке на согласном (/hun'/ hund 'собака'), однако арена действия толчка — это слог в целом, вернее, стык гласного с согласным. С. Смит отмечал, что фактически следует говорить не о толчке на гласном или согласном, а о толчке со свободным примыканием к согласному (толчок на гласном) или о толчке, плотно примыкающем к согласному (толчок на согласном) (Smith, 1944, 120). При толчке на гласном согласный звучит после паузы, вызванной гортанной смычкой (или сжатием), при толчке на согласном последний как бы прибавляется толчком к предшествующему гласному. Особенно очевидно это различие в двусложных словах: границы слога в словах типа huset /hu'-sæt/ проходит до согласного, а в словах типа hunden /hun'-ən/ — после согласного. В двусложных словах с толчком на гласном толчок оказывается показателем слогораздела после гласного в двусложных словах с толчком на согласный толчок определяет слогораздел после согласного.

Несмотря на то что толчок чаще встречается в односложных словах, чем в двусложных, именно последние — основная арена противопоставления слогов с толчком слогам без толчка. О. Есперсен насчитал около 400 пар слов, различающихся только толчком или его отсутствием (Jespersen, 1897-1899, 216). Наиболее показательны противопоставления презенса глаголов (с толчком) и существительных nomina agentis (без толчка) — ср., напр., maler /ma'lær/ 'рисует' — maler /ma'lær/ 'художник', løber /lø'bær/ 'бежит' — løber /lø'bær/ 'бегун', viser /vi'sær/ 'показывает' — /vi'sær/ 'стрелка' и т. п. или противопоставление форм множественного числа причастий II (с толчком) формам имперфекта (без толчка) domte /döm'tə/ 'осужденные' — /dömtə/ 'судил', talte /tal'tə/ 'считанные' — /talte/ 'считал'. В односложных словах долгие гласные без толчка довольно редки, однако противопоставление толчок-нетолчок возможно и в этой позиции (ср., напр., mor /må'r/ 'мать' — mord /må'r/ 'убийство', far /fa'r/ 'отец' — /fa'r/ 'поезда').

Толчок часто рассматривался как фонемный признак: толчок на гласном считали либо признаком гласного (Janikowski, 1971, 220), либо «кинакемой протяженности» гласного (Плоткин, 1979, 114-115), толчок на согласном считали либо манифестацией двух согласных (Hjelmslev, 1948-1949-1950, 12-24), либо признаком согласного (Плоткин, 1979, 114-115). Однако наиболее

обоснованно доказывается просодическая природа толчка (Martinet, 1937, 169; Basbøll, 1977, 29).

В последнее время наиболее популярны две фонологические трактовки толчка. По одной из них — толчок это динамический слоговой акцент (Кацнельсон, 1966, 120-121), и слог с толчком противопоставляется слогу без толчка как слоги с разными слоговыми акцентами. Толчок в таком случае как бы накладывается на корреляцию контакта и фактически не связан с ней, подобно тому как I и II акценты в шведском и норвежском накладываются на корреляцию взаимозависимости количества. При такой трактовке датская просодика отличается от просодики шведско-норвежской фактически только реализацией слоговых акцентов. В датском противопоставление слоговых акцентов реализуется как противопоставление слога с толчком слогу без толчка, в шведском и норвежском — как слога с акцентом I слогу в акцентом II.

Предположение о супрасегментном характере толчка основывается, в частности, на том, что в некоторых словах место толчка в слоге иррелевантно (ср., напр., слова типа *blød* /bløð'/ ~ /blø'ð/, где толчок может быть то на гласном, то на согласном). Однако, несмотря на существование группы таких слов, именно место толчка во многих случаях оказывается различительным (ср., /mi'l/ — *mil* 'миля', но /mil'/ — *mild* 'мягкий'; /fu'l/ — *ful* 'некрасивый', но /ful'/ — *fuld* 'полный').

Вторая точка зрения восходит к Н. С. Трубецкому, который предлагал рассматривать датский толчок как показатель моросчитания. А. С. Либман считает толчок единственным показателем биморности (Liberman, 1979, 1986), однако существование противопоставлений долгого гласного без толчка гласному с толчком типа /mo'r/ — /mår'/, /ma'lær/ — /ma'lær/, /lä'sær/ — /lä'sær/ и т.п. (см. выше) свидетельствует против этого. Сам Н. С. Трубецкой, говоря о корреляции преломления тона, не настаивал на исключительно толчковом моросчитании; для Н. С. Трубецкого толчок на гласном является показателем способа примыкания моры к море (Трубецкой, 1960, 242-243). При толчке на гласном первая мора резко примыкает ко второй — при отсутствии толчка на долгом гласном примыкание оказывается плавным (толчок на согласном Н. С. Трубецкой вообще не рассматривал). Корреляцию преломления тона

* Так же считал раньше и автор этих строк (Кузьменко, 1980, 129).

Н. С. Трубецкой сопоставляет с корреляцией контакта, считая их разновидностями корреляции примыкания, в одном случае слогового (корреляция контакта), в другом случае моросчитающего (корреляция преломления тона). Каковы же доказательства моросчитания в датском? Единственным таким доказательством и оказывается толчок, но если принять за аксиому, что толчок — непремное свидетельство моросчитания, а именно так и считал Н. С. Трубецкой, настаивая на том, что «корреляция толчка присуща лишь моросчитающим языкам» (Трубецкой, 1960, 244), то доказывать вообще нечего. В действительности в механизме датского языка нет ничего, что могло бы свидетельствовать о существовании основного правила моросчитания МСМ = ММ.

Однако если мысль Н. С. Трубецкого о моросчитающей функции толчка в датском принять нельзя, то его замечание о том, что толчок свидетельствует об особом «способе примыкания моры к следующему за ней элементу» (Трубецкой, 1960, 242-243), кажется весьма важным — следует только убрать из этого высказывания слово «мора».

При интерпретации толчка в датской литературной норме прежде всего следует учитывать его отношение к слогаделению. Если шведские и норвежские слова с акцентом I и II, несмотря на фонетическое различие в способе примыкания, имеют одинаковое слогаделение, то единственной характерной чертой, объединяющей все самые разнообразные реализации толчка в литературной норме, является его отношение к способу примыкания гласного к последующему согласному, что проявляется прежде всего в слогаделении. В словах с толчком на гласном толчок более резко отделяет гласный от последующего согласного, чем в словах с долгим гласным без толчка, а в словах с толчком на согласном толчок способствует более плотному примыканию гласного к последующим согласным, чем в словах с кратким гласным без толчка. Такое различие приводит и к различию в слогаделении. Вот что говорит по этому поводу Б. С. Жаров: «В датском языке разница двух типов слогаделения (речь идет о плотном и свободном примыкании. — Ю. К.) существует во всех слогах, но особенно заметна в тех из них, которые имеют толчок. Толчок на гласном (гласный в этом случае может быть только долгим) оказывается границей слога, и последующий согласный относится к следующему слогу, напр., /læ'sær, da'-yæn, sdo'-læn, bo'-ræð/ læser, dagen, stolen, bordet. Согласный, имеющий на себе «толчок», примыкает к ударному краткому гласному. «Толчок» и в

этом случае оказывается границей слога, напр., /man'-ən, lan'əd, bon'-ər, ben'-ər, heð'-ər/ manden, landet, bonder, binder, hedder» (Жаров, 1969, 47; см. также Brink, Lund, 1975, 733). Таким образом, толчок оказывается в датском инструментом не супрасегментной, а сегментной просодики, т. е. показателем корреляции контакта. Однако датская корреляция примыкания оказывается не двучленной, как английская или немецкая, а четырехчленной: сверхплотный контакт в слогах с толчком на согласный (/hun'/), плотный в слогах без толчка с кратким гласным (/hun/), свободный контакт в слоге с долгим гласным без толчка (/mo'r/) и сверхсвободный контакт в слоге с толчком на гласном (/mo'r/), когда вообще происходит перерыв в работе голосовых связок. Наиболее отчетливо противопоставление четырех типов контакта проявляется в двусложных словах, где различие в типах контакта связано с различием в слогоделении. Напомним, что противопоставление толчок-нетолчок характерно именно для двусложных слов.

Фактически в датском существует оппозиция двух видов примыкания — слабого (слогораздел до согласного) и сильного (слогораздел, не отделяющий согласного от предшествующего гласного), каждый из которых подразделяется на два подвида: слабое — на свободное и сверхсвободное, сильное — на плотное и сверхплотное, различие которых и обеспечивается толчком. Таким образом, краткость и долготы гласных, слогораздел и толчок оказываются в датском выражением одного и того же явления — способа примыкания.

Одноуровневость долготы, краткости и толчка чувствовали и многие датские лингвисты, начиная с видного датского ученого XVIII в. Й. П. Хойсгора, который делил все датские слоги на четыре типа, считая, что в датском существует четыре разных «акцента, или тона»: 1) акут (краткий гласный без толчка), 2) гравис (краткий гласный с толчком на последующем согласном), 3) циркумфлекс (долгий гласный с толчком) и 4) апострофик (долгий гласный без толчка) (Kroman, 1947, 5-6). Впоследствии Й. П. Хойсгор добавил к своей классификации пятый «акцент, или тон» — слог с кратким гласным, за которым следовал долгий сонорный согласный без толчка (тип /skin'/ лигер. skinne), возможный в некоторых датских диалектах.

Такое деление датских слогов на пять типов сохранилось фактически до сих пор, правда, не совсем удачная терминология Й. П. Хойсгора была заменена. К. Люнбю дал пяти типам слогов новые названия: 1) плавный тон (в слоге с долгим гласным без толч-

ка), 2) прерывистый тон (в слоге с долгим гласным с толчком), 3) катящийся тон (в слоге с кратким гласным и долгим согласным без толчка), 4) толчковый тон (в слоге с кратким гласным и толчком на согласном), 5) бегущий тон (в слоге с кратким гласным без толчка). В литературной норме и во всех диалектах, сохраняющих конечное /ə/, нет катящегося тона, — т. е. сочетания краткого гласного с долгим сонорным согласным без толчка (Lyngby, 1858; 1942).

Фактически такая классификация показывает, что и длительность, и толчок интерпретировались датскими лингвистами и в XVIII (Й. П. Хойсгор), и в XIX в. (К. Лунгбю) как явления просодические, разные типы соединения которых образуют разные «тоны». Такую интерпретацию долготы и толчка принимают и современные датские лингвисты. Х. Басбёлль, в частности, говорит о том, что разное сочетание длительности и толчка позволяет различать в литературной норме четыре типа ударных слогов /mæ'n/, /mæn'/, /mæ'n(ə)/ и /mæn/ (Basbøll, 1969(1968), 50). Существование четырех типов ударных слогов в датском не вызывает сомнения, однако различаются они не «тонами» и не соединением двух просодических признаков, а четырьмя способами примыкания гласного к согласному, что проявляется прежде всего в существовании четырех типов слогаделения.

Таким образом, если акценты I и II в шведской и норвежской литературной норме являются слоговыми акцентами, т. е. средствами супraseгментной просодики, то толчок в датской литературной норме и, в диалектах с корреляцией контакта является показателем вида примыкания, т. е. средством сегментной просодики.

В датской литературной норме поствокалические согласные в односложных словах с глубым видом примыкания не отходят перед начальным гласным другого слова к последующему слогу. Средством, препятствующим этому, является твердый приступ типа немецкого «кнаклаута»: во фразе af asken i ilden, напр., твердый приступ предшествует каждому начальному гласному (Rehling, 1965, 6-7; см. также Holt, 1949, 259, 265; Fischer-Jørgensen, 1960, 93).

В литературной норме сверхплотный и плотный контакт и твердый приступ обеспечивают совпадение в большом количестве слов морфологических и слоговых границ, особенно явно такое совпадение в позициях сверхплотного контакта, т. е. в словах с толчком на согласном, где поствокалический согласный полностью остается в пределах корневого слога (ср., напр., anden /an'ən/, finder /fen'-ər/, falder /fal'-ər/).

Наличие двусложных слов с разными видами слогоделения свидетельствует о функционировании в датской литературной норме и в диалектах без апокопы корреляции контакта. В датской норме и во многих диалектах без апокопы эта корреляция оказывается четырехчленной, в некоторых диалектах (там, где нет толчка), однако, она двучленна, т. е. соответствует корреляции примыкания в западногерманских языках.

Вокализм

Как мы видели выше, корреляция контакта определяется разной степенью связи гласного с последующим согласным, что проявляется в разном слогоделении. В позиции плотного контакта связь гласного с последующим согласным более тесная, чем в позиции свободного контакта. При свободном контакте членение VC на две фонемы (гласный + согласный) определяется теми же критериями, что и членение подобной последовательности в языках типа русского, где любая последовательность VC может быть разделена слоговой границей (ср. нем. *Vake* /*ba-kə*/, русск. *бака* /*ba-ka*/). Не возникает обычно сомнений и при членении на две самостоятельных фонемы сочетания VC в позиции плотного контакта. Однако в данном случае членение последовательности VC имеет совершенно иные основания. Представление о том, что в немецком языке слово *Vaske* делится на фонемы абсолютно аналогично слову *Vake*, основывается только на коммутационном тесте, т. е. на возможности противопоставления слова *vaske* другим словам. Однако, как не раз отмечалось выше, противопоставление свидетельствует только о различии и ничего не может сказать о членении. Если же мы посмотрим на соотношение слоговых и морфологических границ, то окажется, что в словах со свободным контактом слоговая граница может проходить между гласным и последующим согласным (тип *Va-ke*), а в словах с плотным контактом конечноморфемный согласный не отделяется слоговой границей от предшествующего гласного (тип *Vaske*). В тех германских языках с корреляцией контакта, где нет живого чередования типа контакта в одной морфеме, членение на фонемы после-

* Чередования типа контакта у одинаковых гласных в формах одной морфемы практически нет в английском (но ср. *this*, *these*) и немецком языках. Оно возможно в нескольких словах в датском (ср., напр., *glad* /*glað*/ — *glade* /*gla'də*/), в небольшом количестве слов в голландском (ср., напр., *dal* /*dal*/

довательности VC в словах типа *Vake* и *Vaske* имеет разные основания. В словах типа *Vake* фонемное членение VC оказывается прямым и определяется слоговой границей между гласным и согласным; членение VC в словах типа *Vaske* можно назвать косвенным: несмотря на отсутствие чередования типа контакта в морфеме *Vask(e)* мы говорим о бифонемности сочетания /a/ + /k/ на том основании, что в других морфемах (*Vake*) они могут быть разделены слоговой границей. В том случае, когда косвенное членение комплекса VC невозможно (т. е. в том случае, когда согласный никогда не становится слогоначальным), следует говорить о монофонемности сочетания. Так, в английском и немецком языках монофонемными являются дифтонги, поскольку их второй элемент не может быть отделен от первого ни слоговой, ни морфологической границей (ср., напр., англ. *buy* /bai/ — *buying* /baiɪŋ/, нем. *Ei* /ai/ — *Eier* /aiər/, но русск. *бай-бая* /bai/-/ba-ja/). Если мысль о монофонемной трактовке этих дифтонгов является фактически общепринятой (хотя естественно, что и в данном случае коммутационный тест может «доказать» их бифонемность), то предположение о монофонемности сочетания гласный + велярный носовой на первый взгляд может показаться невероятным. Однако оснований для признания монофонемными сочетаний V + ŋ в германских языках с корреляцией контакта ровно столько же, сколько есть оснований для признания монофонемности дифтонгов типа англ. /ou/, /ai/ или /ei/.

Хотя фонологический статус велярного носового в германских языках до сих пор вызывает споры, все они касаются вопроса о моно- или бифонемности самого велярного носового и не затрагивают вопроса о его отношении к предшествующему гласному. Согласно одной точке зрения, велярный носовой является сочетанием фонем /n/ + /g/ (так трактовали велярный носовой

— *dalen* /da'lə/; *gat* /ɣat/ — *gaten* /ɣa'tə/). Более распространено такое чередование во фризском языке, где оно широко представлено и в словоизменительной, и в словообразовательной парадигме (ср., напр., *lan* /lɔ'n/ — *lannen* /lɔnən/; *faam* /fa'm/ — *famen* /famən/, *famke* /famkə/). Ни в одном западногерманском языке с корреляцией контакта, кроме фризского, такое чередование не является живым (ср., напр., датск. *glad-glade* /glað/-/gla'ðə/, но *flad-flade* /fla'ð/-/fla'ðə/, голл. *dal-dalen* /dal/-/da'lə/, но *bal-ballen* /bal/-/balə/ и т. п.).

госсематики и генеративисты, а также приверженцы дистрибутивных критериев, — ср., напр., Uldall, 1936, 54; Isačenko, 1963, 83; Vennemann, 1970, 73–74), согласно другой — велярный носовой — самостоятельная фонема, заполняющая пустую клетку пересечения соответствующих различительных признаков (так трактуют велярный носовой представители традиционной фонологии и натуральной фонологии (Раевский, 1966, 84; Петров, 1972; Penzl, 1968, 86; Vennemann, 1974, 147 *)). Несмотря на то что представители разных фонологических школ по-разному определяют статус велярного носового, все они принимают за данное, что /ŋ/ является фонологической единицей, сегментно вычленяемой из сочетания V+ŋ. Причем при бифонемной трактовке фонологическую сегментацию проводят на основании противопоставления /ŋ/ сочетаниям фонем (см., напр., нем. Ring-Rind), а при монофонемной трактовке его выделение обосновывают противопоставлением /ŋ/ простой согласной типа нем. ringen-rinnen (еще один пример того, что методом коммутации можно доказать членение каких угодно последовательностей). Если же мы используем критерий членения, основанный на сопоставлении слоговых и морфологических границ, то увидим, что велярный носовой ни в одной форме не отделяется от предшествующего гласного ни слоговой, ни морфологической границей, и чередования типа англ. long-longer /lɒŋ/-/lɒŋə/ и нем. Ring-Ringe /rɪŋ/-/rɪŋə/ по этим признакам абсолютно идентичны чередованиями типа англ. lie-liar /lai/-/laiə/ или нем. Ei-Eier /ai/-/ai̯/. Велярный носовой ведет себя в данном случае так же, как и вторые элементы дифтонгов.

Только в тех диалектах, где прошла апокопа, мы можем встретить /ŋ/ после долгого гласного (см. выше нижненемецкие диалекты), однако исключительно в односложных словах, где длительность является показателем тона и ни в одной из форм велярный носовой не отделяется слоговой границей от предшествующего гласного.

Против монофонемности сочетаний Vŋ в германских языках с корреляцией контакта могут привести факт чередований типа англ. sing, sang, sung. Однако и в данном случае поведение Vŋ полностью соответствует поведению дифтонгов, монофонемность которых призна-

* Будучи генеративистом, Т. Феннеман генерировал поверхностное /ŋ/ из глубинного /n/+ŋ/ (см. выше его работу 1970 г.), а став сторонником натуральной фонологии, он признал монофонемность [ŋ].

ется почти всеми (см., напр., чередования типа англ. lie /lai/ — lay /lei/).

Таким образом, во всех известных нам германских языках с корреляцией контакта существуют монофонемные сочетания V_п. В большинстве германских языков и диалектов источником таких дифтонгов явились только сочетания V + n+g, однако в большой группе диалектов частотность монофонем V_п возросла, поскольку V_п появились здесь и из других источников. Прежде всего здесь следует упомянуть рейнскофранкские диалекты с так называемой веляризацией, где источниками V_п стали не только исконные сочетания V + n + g, но и сочетания исконных долгих верхнего подъема с /n/ (ср., напр., формы типа /veŋ/ нем. литер. Wein, /reŋ/ rein, /greŋ/ grün, /hoŋ/ Huhn, — Keller, 1961, 263; Жирмунский, 1956б, 365) и сочетание исконных кратких верхнего подъема с nd (ср., напр., /feŋə/ finden, /foŋə/ gefunden, /pöŋəl/ Bündel, — Жирмунский, 1956б, 365). Веляризация характерна в основном для франкских диалектов, однако ее можно встретить и в других верхненемецких диалектах, где V_п возникает не только из исконного сочетания узкий гласный + n или nd (ср., напр., формы типа /haŋ/ Hand, /moŋ/ Mond, /roŋ/ Band, — Жирмунский, 1956б, 368-369).

Увеличение количества монофонемных сочетаний V_п за счет источников, отличных от Vng, мы можем наблюдать и в некоторых датских и южношведских диалектах (здесь источниками V_п являются исконные сочетания inn, ind — ср., напр., /veŋ/ дат. литер. vind, /feŋ/ finde, — Thorsen, 1894, 42; Andersen P., 1959 (1958), 53, 56-57).

Особенностью тех языков, в которых каждый слог является экспонентом морфемы и слоговые границы совпадают с морфологическими, является резкое качественное отличие инициали силлабемы от ее финали, что позволяет легко выделить морфему в синтагматике (Мельников, 1971, 362). Сочетание монофонемных V_п с фарингальным спирантом /h/ в германских языках с корреляцией контакта является идеальным материалом для образования такого рода силлабем — /h/ возможен только в начале слога (и морфемы), /V_п/ — только в конце слога (и морфемы). Сочетания hV_п в германских языках с корреляцией контакта (ср., напр., англ. hang /hæŋ/ или датск. hænger /hæŋ'ɛr/) фактически не отличаются от силлабем языков Юго-Восточной Азии, и заимствованное из китайского английское слово hong 'иностранная фирма в Китае' в английском языке является такой же сегментно неделимой на фонемы последо-

вательностью, как и соответствующее слово в китайском языке.

Выделение аспирации /h/ в германских языках в особую фонему основывается фактически только на анализе графического изображения слов и оно вряд ли было бы столь общепринятым, если бы в основу германской графики была положена не латинская, а греческая традиция изображения «густого придыхания». Ни слоговые, ни морфологические границы не могут проходить между /h/ и последующим гласным.

Вокализм германских языков с корреляцией контакта представляет собой сложную систему фонологических единиц с разной степенью связи гласного с согласным. Элементарными сегментно далее неделимыми единицами (фонемами) являются здесь не только гласные и дифтонги, но и сочетания V + η и аспирированные гласные и целые монофонемные комплексы /hVη/. Элементы этих сочетаний не могут быть отделены друг от друга ни слоговой, ни морфологической границей. Сочетания VC в позиции плотного контакта (при отсутствии возможности их чередования с сочетаниями V'C в позиции свободного контакта) — сочетания с косвенной сегментацией — занимают промежуточное положение между монофонемными и бифонемными сочетаниями в позиции свободного контакта. Эти сочетания как бы находятся на пути к монофонемизации, причем степень связи V+C в позиции плотного контакта связана с качеством гласного. В том случае, когда качественные признаки гласных в позиции плотного и свободного контакта совпадают (как, напр., в литературной норме немецкого языка — ср., напр., *Va-ke*, *Vaske*), возможности косвенного членения выше. В данном случае мы можем отождествить гласные и согласные в позициях разного типа контакта и можем увидеть возможность слоговой границы между ними. В тех же случаях, когда качественные признаки гласных в позициях разного типа контакта различны (как, напр., в английской литературной норме — где /ʌ/, /ɔ/, /æ/ возможны только в позиции плотного контакта), косвенная сегментация основывается только на возможности поствокалического согласного становиться слогоначальным в других морфемах (т. е. степень фонологической связи гласного с согласным в английском слове типа *cutting* выше, чем в немецком слове типа *Vaske*, поскольку английское /ʌ/ невозможно в позиции свободного контакта).

При описании гласных в современных германских языках их обычно делят на две группы, традиционно обозначаемые как долгие и краткие гласные (ср., напр., интерпретацию противопоставлений типа *Stiele-*

stille в немецком, — Зиндер, Строева, 1965, 147 — или типа lam /lam/ — laem /la'm/ во фризском, — Жлуктенко, Двужилов, 1984, 86-92). Поскольку такие «долгие» и «краткие» отличаются друг от друга и качественно, можно найти в литературе и признание примата качественных различий: в этом случае говорят обычно о противопоставлении напряженных («долгих») ненапряженным («кратким»), см., напр., интерпретацию «долгих» и «кратких» в немецком, английском и голландском (Moulton, 1963, 75; Cohen et al., 1959, 13-14). Наконец, говорят, что в противопоставлении долгих и кратких релевантен признак абруптивности-неабруптивности (англ. checked-free). Причем, если обычно признак абруптивность/неабруптивность связывают с различиями в дистрибутивных классах (абруптивные гласные характерны для одной позиции, а неабруптивные — для другой, — Moulton, 1963, 86), то в ряде работ советских германистов распространен взгляд на абруптивность/неабруптивность как на внутренние признаки гласных фонем, заключающиеся в типе отступа гласных (см., напр., Плоткин, 1976, 50-51, 67; Валл, Канакин, 1986, 28-29). Сторонники этой точки зрения считают, что именно по этому признаку противопоставляются гласные во всех германских языках (Плоткин, 1982, 54, 65, 75). Напомним, что первоначально термины «абруптивный» и «неабруптивный» были введены для описания гласных в позициях разного типа примыкания, и отказ от просодической трактовки этого термина (см., напр., Плоткин, 1976, 50-51; Валл, Канакин, 1986, 28-29) неправилен, потому что абруптивность и неабруптивность связана только с разным типом потенциального слогаделения, тогда как, как показала Р. К. Потапова (см. выше), фонетический отступ у обеих групп гласных одинаков.

После открытия Н. С. Трубецким корреляции контакта, проявляющейся в разном слогаделении, стало ясно, что «долгие» и «краткие» гласные могут трактоваться как просодические аллофоны: в позиции свободного контакта — долгий, в позиции плотного контакта — краткий (Трубецкой, 1960, 243). Вслед за Трубецким такую трактовку «долгих» и «кратких» в современных германских языках признали многие германисты.

При отнесении аллофонов к той или другой фонеме основным критерием является возможность их дополнительной дистрибуции в формах одной морфемы (Зиндер, 1979, 53). Этот критерий, однако, невозможно использовать при определении статуса «долгих» и «кратких» гласных в германских языках с корреляцией контакта, поскольку, в отличие от живых чередований долгих и

кратких аллофонов в формах одной морфемы в языках и диалектах с изохронией (ср., напр., шв. литер. *vit* /vi:t/ — *vitt* /vit:/), подобные чередования в формах одной морфемы здесь невозможны; напомним, что и исторические чередования типа контакта ограничены очень небольшим количеством слов (см. выше). Корневая морфема в германских языках с корреляцией контакта не изменяет, как правило, тип контакта. Просодические аллофоны гласных фонем в языках с корреляцией контакта могут быть определены только по наличию у них общих признаков, отличающих их от других фонем (т.е. при отсутствии косвенно-фонологической оппозиции). При отождествлении просодических аллофонов таким способом мы сталкиваемся с двумя разными ситуациями. В немецкой литературной норме в большинстве верхненемецких диалектов, во многих голландских диалектах и в части фризских, в датской литературной норме и ряде датских диалектов количество гласных и их качественные признаки одинаковы в разных позициях контакта, что позволяет нам определить гласные как просодические аллофоны. В английской литературной норме, в английских диалектах, в части нижненемецких, датских и фризских диалектов и количестве, и признаки гласных в разных просодических позициях оказываются несопоставимыми.

Обычно признание релевантности качества «долгих» и «кратких» гласных в германских языках приводит к признанию иррелевантности длительности (ср., напр., Рапопорт, 1977, 76) или типа примыкания (см., напр., Moulton, 1963, 308). Однако тип примыкания (или контакта) — в германских языках это признак просодикоморфологический, не связанный с собственно фонематическими признаками. Тип примыкания определяется типом связи гласного с последующим согласным и с отношением типа этой связи к морфологическому членению (в двусложных словах разные типы связи проявляются в разном соотношении слоговых и морфологических границ). Невозможность употребления какой-либо гласной фонемы в той или иной позиции примыкания не означает иррелевантности типа примыкания, поскольку тип примыкания является признаком не гласного, а слога. Анализируя фонемные признаки гласных, мы вначале должны установить тип примыкания, а лишь затем определять различительные признаки гласных. Таким образом, в английском языке, напр., сочетание дифтонг+1 всегда стоит в позиции свободного примыкания (*boil-boiling*) и слог определяется как слог со свободным примыканием (независимо от отсутствия слога с плотным примыканием, состоящим из этих же фонем), а

слог в cut-cutting будет всегда определяться как слог с плотным примыканием (независимо от отсутствия сочетания /ʌ/ + /t/ в позиции свободного примыкания). Корреляция примыкания в германских языках — это не просто удобный способ описания длительности гласных, а просодический признак, определяющийся разным типом соединения гласного и согласного в корневой морфеме.

Западногерманские языки

Вокализм западногерманских языков с корреляцией контакта очень разнообразен. Основные признаки, по которым отличаются вокалические системы: степень качественного сходства гласных в позиции плотного и свободного контакта, степень использования признака скольжения артикуляции, степень использования признака огубленности у гласных переднего ряда, степень использования признака подъема. В западногерманских языках мы наблюдаем разную степень использования этих признаков. Очень значительны отличия и по типам этимологических соответствий.

Рассмотрим подробнее вокализм каждого из западногерманских языков.

Немецкий язык

В большинстве верхненемецких диалектов с корреляцией контакта и в немецкой литературной норме количество монофтонгов в позиции плотного и свободного контакта одинаково, т. е. краткие и длинные монофтонги одинакового качества являются просодическими аллофонами (ср., напр., нем. литер. Buhle-Bulle, Sohle-Solle, fühle-fülle, Höhle-Nöhle, fahle-falle, Stille-stille, stehle-Stelle).

Во всех верхненемецких диалектах с корреляцией контакта существуют и падающие сужающиеся дифтонги, количество которых по диалектам может варьироваться от двух до шести. Эти дифтонги возможны только в позиции свободного контакта. Кроме того, верхненемецкие диалекты с корреляцией контакта отличаются друг от друга наличием или отсутствием передних огубленных гласных, наличием или отсутствием носовых гласных и разным количеством гласных, противопоставляющихся по степени раствора.

В качестве примера системы с небольшим количеством нисходящих дифтонгов и с передними огубленными

гласными можно привести систему немецкой литературной нормы:

i^(·) (<ie; i: <î; ï) y^(·) (<yo; y: <ÿ; ŷ) u^{(·)*} (<uo; u: <û; ü)

e^(·) (<e: <ê; ë) ø^(·) (<ø: <ø̂; ø̃) o^(·) (<o: <ô; ô)
ou (<ou <û, üi)

a^(·) (<a: <â; ä) ai (<ei <î, ei) au (<ou <û, au)

К этим традиционно выделяемым фонемам следует добавить пять монофонемных сочетаний /iŋ/, eŋ/, /aŋ/, /uŋ/, /oŋ/.

На пути к монофонемизации находятся в немецкой литературной норме центрирующие дифтонги из сочетаний V + /r/ (ср., напр., [hiʌ] hier, [uʌ] Uhr и т. п.), однако обязательность «проявления» слогона начального /r/ в позиции перед последующим гласным, отсутствие противопоставления этих дифтонгов сочетанию V+r и отсутствие дифтонга при «проявлении» /r/ (ср., напр., нем. hier und... /hiˈrunt/, но англ. here and /hiə(r) ənd/) свидетельствуют о бифонемности центрирующих дифтонгов в норме.

В немецкой литературной норме, так же как и в ряде диалектов, совпали рефлексы исконных /ei/ и /î/ (> /ai/), /ou/ и /û/ (> /au/), /öü/ и /ü/ (> /ou/).

Существуют диалекты с гораздо более богатым вокализмом. В верхнеювосточнофранкском говоре Штадтштайна 9 монофтонгов (здесь сохраняется противопоставление /e/-/ɛ/, /o/-/ɔ/) три расширяющихся дифтонга (/iə/ (<ê, e:), /üə/ (<ö, ö:), /uə/ (<ô, o:)) и шесть сужающихся дифтонгов — /ei/ (<ë:, ä:, â), /öü/ (<ö + h), /ou/ (<â, a:, ô+h), /ai/ (<î), /oi/ (<ü) и /au/ (<û/). Исконным же дифтонгам соответствует один монофтонг /a/ (</ou/, /ei/, /öü/) (Wiesinger, 1983, 1055).

Сходная система, но с гораздо более развитой подсистемой расширяющихся дифтонгов, характерна для нижнеювосточнофранкского говора Зеннфельда (Wiesinger, 1983, 1056). Здесь отмечают наличие восьми расширяющихся дифтонгов. Дифтонги /iə/, /üə/, /uə/ являются и рефлексами исконных /ie/, /üö/,

* Знак (·) означает, что соответствующая гласная фонема возможна и в позиции плотного и в позиции свободного контакта. Падающие дифтонги в языках с корреляцией контакта возможны только в позиции свободного контакта.

** Монофонемные сочетания Vŋ характерны для всех немецких диалектов с корреляцией контакта.

/uo/, и продуктами развития /i/, /ü/, /u/ + r; соответственно дифтонги /eə/, /öə/, /oə/ восходят и к монофтонгам /ê/, /ô/, /ô/, и к сочетаниям /e/, /ö/, /o/ + /r/.

В части верхненемецких диалектов с корреляцией контакта нет передних огубленных гласных. В швабском говоре Фридингена различаются дифтонги из исконных долгих верхнего подъема /eu/, /oi/, /zu/ и исконные дифтонги /ai/, /au/, которые совпали в своем развитии с исконными долгими ê, ô и ô. Кроме 17 оральных гласных, в говоре Фридингена отмечают наличие трех носовых монофтонгов /ễ/, /ỗ/ и /ẫ/ и пяти носовых дифтонгов /ễə/, /ỗə/, /ỗi/, /ẫi/, /ẫu/ (Wiesinger, 1983, 1051-1052).

Наличие носовых гласных отмечают и в гораздо менее богатых гласными франкских говорах без передних огубленных гласных. Ср., напр., рейнскофранкский говор Каульбаха, где, кроме семи оральных монофтонгов и двух дифтонгов (/ai/ < /î/, /au/ < /û/), есть пять носовых гласных и два носовых дифтонга (Wiesinger, 1983, 1057). Три носовые гласные (один монофтонг /ẫ/ и два дифтонга /ẫi/ и /ẫu/) существуют в говоре Дармштадта, где, кроме носовых гласных, есть семь оральных монофтонгов и два дифтонга (Keller, 1961, 166-171). Существует точка зрения, что носовые гласные являются реализацией сочетания V+n (так, в частности, интерпретирует носовые гласные Э. Шмитт, описавший говор Никкенхейма, — Schmitt, 1986, 106). В пользу признания бифонемности носовых обычно приводят факт их чередования с сочетанием V + слогоначальное /n/ в формах одной морфемы. Однако, как мы видели выше (см. с. 56), этот факт может свидетельствовать о бифонемности только при отсутствии противопоставления \tilde{V} -Vn.

Наличие противопоставлений типа /mẫi/-/main/ mein-meinen в немецких диалектах с носовыми гласными может свидетельствовать в пользу их монофонемной трактовки; существуют говоры, в которых \tilde{V} -Vn противопоставляются и в одинаковых морфологических позициях (Валл, Канакин, 1986, 58-59).

Мы уже отмечали выше, что одна из основных особенностей верхненемецких диалектов с корреляцией контакта — одинаковое количество и качество моно-

* В говоре Никкенхейма шесть оральных монофтонгов с краткими и долгими аллофонами в позициях разного типа примыкания и два оральных дифтонга; здесь также нет передних огубленных гласных (Schmitt, 1986, 100-130).

фтонгов в обеих просодических позициях. Среди 15 верхненемецких говоров с корреляцией контакта, описанных П. Визингером, в 13 все монофтонги имеют краткие и долгие просодические аллофоны * (Wiesinger, 1983, 1050-1066). Из приведенных М. Н. Валл и И. А. Канакиным 10 верхненемецких говоров с корреляцией контакта, в 9 количество монофтонгов одинаково в обеих просодических позициях (Валл, Канакин, 1986, 36-60).

В нижненемецком ареале мы тоже можем найти говоры такого же типа (см., напр., Валл, Канакин, 1986, 41; Wiesinger, 1984, 1064). Однако в большинстве нижненемецких диалектов количество и качество гласных в позициях плотного и свободного контакта не совпадают. Количество монофтонгов в разных просодических позициях колеблется от диалекта к диалекту. Наибольшими оказываются расхождения в количестве и качестве гласных в разных просодических позициях в говорах с большим количеством дифтонгов. Ср., напр., систему вестфальского говора Зоста:

i ü u iə(<e:) üə(<ü) uə(<o:) iu(<û) ui(<î)
 e^(.) ö^(.) o^(.) ea(<ë:) äa(<ö) oa(<o:) eo (<ô) oe(<ê)
 a^(.) ai (<ê, eg, aii) au (<ô, auw, ouw)
 (Валл, Канакин, 1986, 53).

В нижненемецких говорах очевидна тенденция к качественному различию гласных в разных просодических позициях. Корневые морфемы отличаются не только типом контакта, но и качеством гласного (такая ситуация, как мы увидим ниже, характерна для английской литературной нормы и для английских диалектов).

Несмотря на типологическое сходство вокалических систем ряда нижненемецких говоров с системами верхненемецких говоров (ср., напр., систему нижненемецкого говора Хайде (Дитмаршен) с семью монофтонгами и пятью сужающимися дифтонгами и сходные системы франкских говоров) этимологические соответствия в нижне- и верхненемецких говорах чаще всего значительно отличаются. Для нижненемецких диалектов характерно сохранение монофтонгического характера исконных /i/, /ü/, /û/ (ср., напр., формы типа /hu's/, /ti't/, /fû'r/, — Haus, Zeit, Feuer) и сходство судьбы рефлексов исконных дифтонгов /ei/, /ou/, /öü/ и исконных /ê/, /ô/, /ô/. В части говоров эти рефлексы представлены как дифтонги (/ê/, /ei/ >

* П. Визингер в соответствии с традицией считает их разными фонемами.

/ei/; /ô/, /ou/ > /ou/; /öü/, /ô/ > /öü/), однако во многих нижненемецких говорах исконные дифтонги, совпав в своем развитии с /ô/, /ê/, /ô/, представлены как монофтонги /e˘/, /o˘/, /ö˘/. В абсолютном исходе слова они могут иметь дифтонгоидную реализацию (Валл, Канакин, 1986, 41), отсутствие дифтонгизации исконных î, û, û и исконых ê, ô, ô, совпадающих с исконными дифтонгами в виде /e˘/, /o˘/, /ö˘/, характерно, в частности, для говора Ольденбурга (Валл, Канакин, 1986, 49-50).

В нижненемецких диалектах (как в тех, где произошла дифтонгизация исконных долгих, так и в тех, где нет новых дифтонгов из исконых долгих и стянулись исконные дифтонги) сохраняются дифтонги из исконых aii (ср., напр., /ai/ Ei) и auu (/haun/ haueu) и появляются дифтонги из исконых сочетаний фонем (ср., напр., формы типа /gais/ gehst, /sail/ Segel, /moïæn/ mähen и т.п.). В некоторых говорах дифтонги возможны только в нескольких словах, восходящих к -aîi, -auu (Валл, Канакин, 1986, 41).

Для нижненемецких диалектов характерна полная вокализация /r/ и появление серий центрирующих дифтонгов, причем во многих диалектах эти центрирующие дифтонги из сочетаний Vr совпали с центрирующими дифтонгами из исконых монофтонгов.

Голландский язык

В части голландских диалектов количество гласных в позиции плотного и свободного контакта совпадает. Примером диалектов такого типа может служить говор Зволле, где есть 11 монофтонгов, каждый из которых может употребляться и в позиции плотного, и в позиции свободного контакта (Shetter, 1958, 43). В этом говоре исконые монофтонги сохраняют своё монофтонгическое качество, однако /u/ > /y˘/, /o/ > /u˘/, /a/ > /ɔ˘/.

Иного типа системы функционируют в других диалектах, где число и качественные характеристики гласных в разных просодических позициях оказываются различными. Система подобного типа функционирует и в голландской литературной норме.

Описывая современную голландскую литературную норму, В.Я.Плоткин выделяет семь неабруптивных монофтонгов /i:/, /y:/, /u:/, /e:/, /ɛ:/, /o:/, /a:/, три дифтонга /ei/, /y/, /ou/ и пять абруптивных монофтонгов /i/, /ɛ/, /o/, /ɛ/, /a/ (Плоткин, 1982, 75). Такая система гласных традиционно выделяется

теми фонологами, которые признают существование фонемного признака, различающегося «краткие» и «долгие». Однако отмечается, что некоторые пары типа краткий-долгий (или абруптивный-неабруптивный) отличаются друг от друга качественно (/i:/, в частности, определяется как передний закрытый, а /i/ как смешанный полужакрытый; /e:/ как полужакрытый, /ε/ как полуоткрытый, /a:/ как смешанный, /a/ как задний и т. п. (ср., напр., Рапопорт, 1977, 76)). Следует, однако, заметить, что фонемы, традиционно обозначаемые /i:/, /u:/, /y:/ (на письме *ie*, *uu*, *oe*) являются «краткими» во всех позициях, кроме позиции перед /r/ — *bier*, *buur*, *boer*, т. е. их «долготу» или «неабруптивность» можно установить только для этой позиции. В словах типа *biet*, *boet*, *buut* длительность гласных не отличается от длительности гласных в словах типа *bit* и *put*. Краткость гласных в обеих группах слов связана с единым типом примыкания и с более сильной «закрывающей командой после краткого гласного» (Nooteboom, Slis, 1972, 315); соответственно слогоделение в словах типа *gieten*, *futen* и *boeken* не отличается от слогоделения слов типа *pitten*, *putten*, *rokken* (Moulton, 1962, 300). По типу соотношения слоговых и морфологических границ слова типа *bieten* и *bitten* в голландской литературной норме одинаковы (они отличаются только качеством гласного) и одинаково отличаются по этому признаку от соответствующих слов со свободным контактом.

Ван ден Берг говорит о гласных со слабым примыканием ([a[·]], [e[·]], [ø], [o[·]], [ɔ[·]]), гласных с сильным примыканием ([a], [e], [i], [o], [y]) и гласных, которые могут иметь и сильное и слабое примыкание ([i^(·)], [y^(·)], [u^(·)]) (Berg, 1960, 27). В позиции перед /r/ эти гласные имеют слабое примыкание, в остальных позициях сильное (т. е. [i] и [i[·]], [y[·]] и [y], [u[·]] и [u] оказываются просодическими аллофонами). Как просодические аллофоны можно определить и [a[·]]-[α], [o[·]]-[ɔ], [e[·]]-[ε], однако их распределение оказывается иным — свободное примыкание эти гласные могут иметь не только перед /r/, но и перед другими согласными, так что возможны противопоставления типа примыкания у одинаковых фонемных последовательностей. Гласный /ø[·]/ и три дифтонга /ei/, /ou/, /ni/ возможны только в позиции свободного контакта, гласные /i/ и /y/ — только в позиции плотного контакта. Можно было бы попытаться представить /ø[·]/ и /y/ как просодические аллофоны одной фонемы, однако они не только не могут регулярно чередоваться в форме одной морфемы, но и оказываются членами кос-

венно-фонологической оппозиции (признаки, отличающие /ø̇/ от /ʏ/ совпадают с признаками, отличающими /ẏ/ от /ʏ/). О том, что /ʏ/ и /ø̇/ самостоятельные фонемы, различающиеся качественными характеристиками, свидетельствует возможность употребления /ʏ/ в позиции свободного контакта в слове *freule* /fru:lə/.

Систему гласных современной голландской литературной нормы можно представить так:

$i^{(\cdot)}$ (<ie)	$y^{(\cdot)}$ (<yо)	$u^{(\cdot)}$ (<uo)
i (<i̇)	$ʏ$ (<ü̇)	ui (<u: < ü̇; u; j)
$e^{(\cdot)}$ (<e: < i̇, ẽ, ē)	$ø̇$ (<ø̇: < ø̇; ø̇)	$o^{(\cdot)}$ (<o: < õ̇; õ̇; õ̇)
ei (<i: < i̇; ej)		ou (<a , ol+t; aww)
	$a^{(\cdot)}$ (<a: < ā̇; ǎ)	

Монофонемных сочетаний V+n меньше, чем количество гласных фонем (Iɲ, uɲ, eɲ, aɲ, uɲ, oɲ).

В современной голландской норме мы имеем дело с разным количеством гласных в разных просодических позициях и с тенденцией к установлению качественных различий гласных в позициях разного типа контакта.

Просодические аллофоны отличаются друг от друга возможностью дифтонгизации ([ė] ~ [ė] - [ɛ]; [ȯ] ~ [ȯ] - [ɔ]) и рядом ([ȧ] ~ [a]) (Moulton, 1962, 296; Рапопорт, 1977, 76).

Дифтонги /ei/, /ou/, /ui/ традиционно трактуются как монофонемы (Рапопорт, 1977, 76), хотя коммутационным тестом доказывали их бифонемность (Predota, 1983, 56-57). Так называемые долгие дифтонги [ȧi], [ȯi], [u̇i], [ėi], [i̇u], [ẏu] (в словах типа *mooi*, *haai*, *leeuw* и т.п.) интерпретируются как сочетания фонем, поскольку между их компонентами в двусложных словах и формах может проходить слоговая граница (Рапопорт, 1977, 75).

Следует, однако, отметить, что степень монофонемности голландских дифтонгов /ei/, /ou/, /ui/ ниже, чем степень монофонемности дифтонгов типа /ai/ или /au/ в английском или немецком. Это связано с существованием в голландском «долгих дифтонгов», в словах типа *mooie*, *haaie*, где конечноморфемный [i̇] может стать слогоначальным, тогда как ни в англий-

* О релевантности качественных различий у голландских «долгих» и «коротких» гласных говорят многие голландисты. А. Коэн с соавторами различают напряженные (a, e, i, o, t, o, u) и ненапряженные (α, ε, i, , , o) (Cohen et al., 1959, 14-15). М. Я. Рапопорт признает релевантность различия по месту образования (Рапопорт, 1977, 76).

ском, ни в немецком языке такая ситуация невозможна.

В части голландских диалектов дифтонгизации исконных /i/ и /u/ не произошло, при этом в группе восточных диалектов сохраняется качество исконных /i/ и /u/ (/hu's/, /ti'd/), в приморских диалектах исконному /u/ соответствует /y/ (/hy's/, /ti'd/) (Morciniec, 1966, 187-199). Исконные германские дифтонги в голландских диалектах стянулись и разделили судьбу исконных /e/ и /o/ (в одних диалектах они представлены как монофтонги /eː/ и /oː/, в других /e/ и /ei/ > /ei/).

Африкаанс

Вокалическая система африкаанс близка вокалической системе голландской литературной нормы. Большинство монофтонгов может стоять и в позиции плотного, и в позиции свободного контакта. Чередование типа контакта в формах одной морфемы возможно (ср. dag-dae), однако оно не является регулярным и им чаще всего охвачены гласные разного качества (ср., напр., smid-smede (хотя возможно и smitte) или lid-lede). Гласные /i/, /y/, /u/, /ɛ/, /ɪ/, /æ/, /ɔ/ употребляются, как правило, в позиции плотного контакта; в позиции свободного контакта они встречаются либо перед /r/ (ср. /dif/, /bi'r/ dief, bier и т.п.), либо в конце слова или в хиае (ср. /wɪx/wig, /wɪ'ə/ wie). Гласные /eː/, /øː/, /oː/ встречаются только в позиции свободного контакта, а гласный /a/ (единственный из всех) может иметь разный тип контакта в одинаковой фонематической позиции (ср., tak /tak/ — taak /ta'k/). При этом в разных просодических позициях гласный /a/ оказывается разного качества: [a] — гласный смешанного ряда, [aː] — гласный заднего ряда. Хотя обычно эти гласные трактуются как разные фонемы (Миронов, 1969, 13) и несомненна общая тенденция к качественному различию гласных, стоящих в разных просодических позициях, общность признаков [a] и [aː] (они являются единственными гласными самого низкого подъема) и их дополнительная просодическая дистрибуция позволяет отнести к одной фонеме. Кроме оральных монофтонгов, в африкаанс есть дифтонги /ii/, /ou/, /oʊ/, /ai/ и /zi/. Дифтонг /ui/ рассматривается традиционно в

* Дифтонги /ai/ и /zi/ встречаются в небольшом количестве слов, хотя дифтонг /ai/ довольно частотен, поскольку употребляется в слове baie 'много', 'очень'.

одном ряду с бифонемными «долгими дифтонгами», однако между его компонентами невозможна слоговая и морфологическая граница и его трактовка как «долгого дифтонга», соответствующего сочетаниям [aːi], [oːi] и [eːu] основывается фактически только на его графическом изображении (ср., напр., groei и т.п.). «Долгие дифтонги», так же как в голландском и фризском, являются здесь бифонемными сочетаниями, поскольку между их компонентами возможна слоговая граница.

В африкаанс есть тенденция к назализации гласных и к появлению назализованных гласных из исконных сочетаний V+n. По-видимому, здесь, так же как и в ряде верхненемецких и фризских диалектов, можно говорить о носовых гласных фонемах (к каким фонемам следует отнести /ã̃/, /ẽ̃/ и /õ̃/ — ср. противопоставление типа /xã̃s/ gans — /mans/ mans (мн. число от man)).

Систему гласных в африкаанс можно представить таким образом:

i ^(.)	y ^(.)			u ^(.)				
		ɪ ^(.)	ʊ ^(.)					
e˙	ø˙			o ^(.)		ɪi	ʊu	ou
ɛ ^(.)				ɔ ^(.)				
					ẽ̃		õ̃	
	a(ɑ˙)				ã̃	ai		ɔi

Этимологические соответствия сходны в целом с этимологическими соответствиями голландских гласных.

Фризский язык

Во фризской литературной норме количество монофтонгов в позиции плотного и свободного контакта совпадает.

По-видимому, как просодические аллофоны следует определить все долгие и краткие гласные. Гласные [ɪ] и [ʏ], возможные только в позиции плотного контакта, и [e˙] и [ø˙], возможные только в позиции свободного контакта, имеют тенденцию стать качественно различными фонемами /ɪ/, /e/ и /ʏ/, /ø/.

Кроме монофтонгов, во фризской литературной норме существует четыре дифтонга /ei/, /ai/, /üi/, /ou/ и шесть центрирующих нисходящих дифтонгов /œ/, /üə/, /ɪə/, /ue/, /yə/, /iə/. Все центрирующие дифтонги

(кроме /üə/) морфологически регулярно чередуются с краткими восходящими дифтонгами (т.е. в позиции свободного контакта стоят расширяющиеся падающие дифтонги, в позиции плотного контакта — расширяющиеся восходящие дифтонги — ср., *stien-stiennen* /stiən/-/st̥iɲən/, *foet-foetten* /fuət/-/f̥yotən/, *beam-beammen* /b̥iəm/-/b̥iɛmən/, *beam-beammen* и т.п.). Эти дифтонги могут чередоваться и факультативно в формах одного и того же слова (ср., напр., /ruət/ ~ /r̥yot/ *roet*, /spiəl/ ~ /sp̥iil/ *spiele*, /goətə/ ~ /g̥yotə/ *goate*, *goatte*, — Жлуктенко, Двужилов, 1984, 100).

Традиционно дифтонги /ei/, /ai/, /ui/, /ou/ трактуются как монофонемные, падающие расширяющиеся дифтонги — как сочетания гласных с фонемой /ə/, а восходящие расширяющиеся дифтонги — как сочетания согласных (/j/ или /w/) с краткой гласной (Fokkema, 1959, 50, 56). Однако сходство чередований типа *lân-lannen* с чередованиями типа *foet-foetten*, отсутствие морфологической и слоговой границы между элементами расширяющихся дифтонгов (и восходящих и нисходящих) позволяет трактовать расширяющиеся дифтонги как монофонемы, имеющие разные просодические аллофоны в зависимости от типа контакта. Такими просодическими аллофонами оказываются соответственно [iə] - [i̥i], [iə] - [i̥e], [uə] - [u̥o], [oə] - [o̥a], [yə] - [y̥ü]; дифтонг /üə/ возможен только в позиции свободного контакта перед /r/ и /n/ (*kleur* /kl̥yər/). Релевантным признаком для этих дифтонгов является расширение, а способ этого расширения (восходящий или нисходящий) зависит от просодического свойства позиции, т.е. от типа контакта.

Во фризском, так же как и в остальных германских языках с корреляцией контакта, есть монофонемные сочетания V_η (в литературной норме таких сочетаний пять: (/e_η/, /e_ɣ/, /o_η/, /u_η/, /a_η/).

Во фризском языке, так же как и в африкаансе и в ряде немецких диалектов (см. выше), есть носовые гласные и дифтонги, развившиеся из исконных сочетаний V + n в позиции перед /s, z, f, v, j, r, l/. Традиционно такие носовые гласные рассматриваются как реализация сочетаний V+n (Cohen et al., 1959, 112; Fokkema, 1959), однако возможность противопоставлений типа *ik wenje* — *hy wennet* /Ik w̥ɛ̃nə/ — /hi w̥ɛnət/ свидетельствует о тенденции к монофонемизации носовых.

Во фризском, так же как и в голландском, есть «долгие дифтонги», между компонентами которых может проходить слоговая граница (/o̞'i/, /u̞'i/ и т.п.), однако в части фризских говоров некоторые типы таких

сочетаний монофтонгизовались (здесь произошло сокращение гласного и включение *i* в ядро дифтонга). Об этом свидетельствуют формы типа /drai/-/draiə/ draai — draaiə (примеры из говора города Леевардена — Fokkema, 1937, 78).

Систему фонем фризской литературной нормы можно представить следующим образом:

i ^(.)	y ^(.)	u ^(.)	üi		iə	yə	uə
e ^(.)	o ^(.)	o ^(.)	ei	ou	eə	üə	oə
ɛ ^(.)		ɔ ^(.)					
	a ^(.)		ai				

Все монофтонги и все расширяющиеся дифтонги (кроме /iə/) могут встречаться и в позиции плотного, и в позиции свободного контакта. Сужающиеся дифтонги стоят только в позиции свободного контакта.

Этимологические соответствия во фризской литературной норме таковы: восходящие дифтонги соответствуют исконным долгим в исходе слова (/fei/ fij, /kou/ ko), сочетаниям V + согласный (/dei/, /dai/ голл. dag), и исконным сочетаниям /au/, /ai/. Расширяющиеся дифтонги соответствуют древнефризским долгим /o/ (</au/, /ō/), /e/ (</ei/, /ē/) и удлинившимся исконным кратким.

Во фризских диалектах количество монофтонгов в разных просодических позициях может быть различным. В говоре Леевардена шести монофтонгам в позиции плотного контакта соответствуют восемь монофтонгов в позиции свободного контакта (Fokkema, 1927, 77), в северо-фризском говоре Зильта девяти монофтонгам в позиции свободного контакта соответствуют семь монофтонгов в позиции плотного контакта (Jorgensen, 1945, 24). Во фризских диалектах исконные сочетания V + g, v представлены как монофонемные дифтонги (формы типа /dei/, /seil/, /jeiə/, /kleiə/, /leuə/, /greu/, /driuə/, /saun/, /jaunə/, ср. нем. литер. Tag, Segel, jagen, klagen, glauben, grob, treiben, sieben, Abend (Spenter, 1968, 292; Walker, 1980).

Для многих фризских диалектов характерно и сокращение исконных долгих гласных верхнего подъема (исконное /u/ может быть представлено при этом как /y/), причем прослеживается зависимость типа контакта от качества согласного — напр., /rik/, ср. нем. литер. reich, но /ri'g/ Reihe, /krit/ Kreide, но /ti'd/ Zeit, /dyk/ tauchen, но /by'g/ beugen (Spenter, 1968, 238-246; 254-268).

Во фризских диалектах древнефризские /ē/ и /ō/ (или удлинившиеся краткие) могут быть представлены

либо как центрирующие дифтонги /iə/, /uo/ (как в норме) или /yə/, либо как сужающиеся дифтонги /ei/ и /ou/ (Walker, 1980, 12). В диалектах заметна тенденция к дифтонгизации и других долгих монофтонгов — ср., напр., /æ/ > /ai/ в говоре Схирмонникога (Spenter, 1968, 178–182).

Английский язык

В английском языке наиболее ярко проявляется тенденция к качественному различию гласных в разных просодических позициях. Такое состояние характерно для тех диалектов и тех разновидностей литературной нормы, где сохраняется традиционно предполагаемое слогоделение (т. е. там, где слогоделение не связано с качеством последующего согласного). В таких просодических системах можно говорить о релевантности качественных различий даже у фонетически наиболее близких гласных — релевантность качественных различий у /i/ и /ɪ/ и /u/ и /ʊ/ была экспериментально установлена (Gimson, 1945–1949, 98; Skalickova, 1965, 542). В английской литературной норме 19 фонем, различающихся по степени подъема языка, ряду и типу скольжения артикуляции:

i (i) (<e:, e:, ij)		u (ʊ) (<ɔ:, uw)
ɪ (<i)		ʊ (<u, ɔ:)
iə (<e:r)		uə (<ɔ:r)
e (<e)	ə (<ir, ur, er)	ɔ (<ɔ)
ɛə (<e:r)		o (ə) (<ɔ:r, or, aw)
æ (<a)		ʌ (<u)
	ɑ (ə) (<ar, a)	
ei (<a:, ej, aj)	ou (<ɔ:, ow)	oi (<o:j)
ai (<i:, ij)	au (<u:, uw)	

Там, где отсутствует связь слогоделения с качеством согласных (ср., напр., городской диалект Бристоля), в позиции свободного контакта возможны сужающиеся и расширяющиеся дифтонги и глайды. Скольжение артикуляции оказывается выражением просодического признака свободного контакта. В тех диалектах и разновидностях литературной нормы, где слогоделение связано с качеством согласного (плотный контакт в слогах с любым гласным + глухой согласный, что отмечено для американского варианта Л. Е. Кукольщиковой, а также Е. Г. Зубриенко для кокни (Зубриенко, 1988, 6–7), качество гласных только отчасти оказывается

связанным с типом контакта. Гласные /ʌ/, /ɪ/, /ʊ/, /æ/, /e/, /ɔ/ оказываются возможными в данном случае только в позиции плотного контакта, остальные гласные могут стоять и в позиции свободного контакта (только перед глухими согласными), и в позиции свободного контакта (во всех остальных случаях).

В просодических системах такого типа скольжение артикуляции оказывается признаком, не связанным с типом контакта, и именно этот признак может стать ведущим при противопоставлении /i/-/i:/-/iə/, /u/-/u:/-/uə/, /e/-/ei/-/eə/(ə̃), /o/-/ou/-/oə/ (o)-/oi/, /æ/-/ai/-/ɛə/, / /-/au/-/aə/(α).

В тех диалектах, где нет особых указаний на плотный контакт в сочетании долгий гласный (или дифтонг) + согласный, мы принимаем традиционное различие плотного и свободного контакта (т. е. определяем различие в словах типа *peaty* и *peety* как различие в типе примыкания (и слогаделения)). В традиционных английских работах по диалектологии выделяют длинные (к числу которых относят и дифтонги) и краткие гласные. Если долгота и краткость являются в данном случае показателями типа примыкания (а нет никаких данных противоречащих этому), то можно сказать, что в большинстве английских диалектов соотношение длительности, слогаделения и морфологического членения не отличается от их соотношения в других германских языках с корреляцией контакта.

В английских диалектах также заметна тенденция к качественному различию гласных в разных просодических позициях, причем в позиции свободного контакта преобладают дифтонги. Количество просодических аллофонов в разных системах может быть различным: в одних говорах, так же как в литературной норме, в разных просодических позициях встречаются качественно различные фонемы (ср., напр., говор Флитвуд (Ланкашир), где в позиции свободного контакта стоят /i:/, /öu/, /iə/, /uə/, /ɛi/, /e/, /ə/, /ai/, /au/, /α/, /o/, /ou/, а в позиции плотного контакта /i/, /ɛ/, /a/, /ɔ/, /u/, — Шин, 1982, 52). В других диалектах обычно отмечают существование долгих и кратких гласных одного качества, которые в рамках корреляции контакта оказываются просодическими аллофонами (ср., напр., [ẽ] ~ [e], [ɔ̃] ~ [ɔ], [ã] ~ [a] в говоре Дентдайля (Йоркшир) или [ĩ] ~ [i], [ũ] ~ [u], [æ̃] ~ [æ], [ɔ̃] ~ [ɔ] в некоторых говорах Суффолка

* Хедевинд, описавший говор Дентдайля, рассматривает долгие и краткие гласные как разные фонемы (Hedevind, 1967, 51).

(Малова, 1975а, 40). Остальные гласные в разных просодических позициях различаются качественно, при этом в позиции свободного контакта, как правило, стоит дифтонг — ср., напр., систему гласных одного из говоров Йоркшира:

i	ɪ	u	iu (<ɔ:)		
			ie (<ɛ:)	ua (<ɔ:)	
e ^(.)	ə	o ^(.)	əi (<ɛ:)	əu (<ul + C, uh + t)	
			ei (<e + h)		
	a ^(.)		ea (<a:)		
			ai (<i:)	au (<u:, ow, oh + t)	

Существуют говоры, где всего три дифтонга (английских говоров совсем без дифтонгов, видимо, нет) и 8 монофтонгов (4 из которых могут иметь просодические аллофоны в разных позициях контакта, — ср., напр., говор Харвуда (Ланкашир) (Шин, 1982, 60-61)

i ^(.) (<ɛ; i)	y ^(.) (<o:)	ia (<ɛ:)
e [·] (<ɛ:)	o [·] (<o, ow)	
ɛ [·] (<u:)		ɛi (<ei, ai, ɛ:, oi)
	a ^(.) (<i:)	ɛu (<aw, ow)

В некоторых говорах исконное /u:/ представлено как /a[·]/. Во многих английских говорах в самых разных областях Англии существует гласная /y[·]/ (<ɔ:), которую либо считают передней огубленной гласной типа немецкого /y/, либо сравнивают со шведским или норвежским /y:/ (Малова, 1975б, 50-51). В говорах северных диалектов Англии можно встретить две передних огубленных гласных; /y/ (<ɔ:) и /ø/ < /ɔ:/ (Озиева, 1987, 10).

Если сравнивать современные системы гласных с реконструируемыми системами гласных среднеанглийского периода, то основное отличие современных английских диалектов друг от друга заключается в разных результатах сдвига гласных, что, в частности, выражается в разной степени продвинутости сдвига гласных и в совпадении или несовпадении рефлексов /ɛ:/ — /ɛ:/ и /ɔ:/ — /ɔ:/. Соответственно в разных говорах исконному /i:/ наиболее часто соответствует /ɛi/, /ai/, /oi/, /a/; /u:/ > /u[·]/, /au/, /ɛu/, /ɛ/, /a/; /e:/ > /ei/, /əi/, /ii/, /i[·]/, /iə/; /æ:/ > /ɛi/, /iə/, /i[·]/; /ɔ:/ > /y/, /iu/, /iə/, /u/; /ɔ:/ > /ø/, /uə/, /o[·]/, /ou/, /ʌ/; /a:/ > /ɛi/, /ei/, /iə/, /e[·]/,

/ε' / (Мячинская, 1979).

Во всех английских диалектах произошла монофонемизация дифтонгов из исконных сочетаний V + γ, w, h; V + l + d. В ряде диалектов происходит вокализация /l/ и в позиции плотного (чаще всего), и в позиции свободного (реже) контакта (Иванова, Мячинская, 1988, 47). Отметим и существование носовых гласных в говорах различных ареалов, причем в некоторых из них носовые гласные (чаще всего /ã/ или /ãĩ/) являются не только результатом развития V + n, но и продуктом спонтанного развития гласного, за которым не следует носовой согласный (см., напр., носовой дифтонг /aĩ/ < /i:/ в говорах Дерби и Линкольншира (Мячинская, 1979, 29)).

В ряде говоров среднеанглийским монофтонгам соответствуют монофонемные трифтонги /əiə/, /iə/, /aiə/ и т. п. (Мячинская, 1979).

Скандинавские языки

Корреляция контакта господствует, как мы видели выше, в литературной норме датского языка и в некоторых датских диалектах.

Для датской литературной нормы характерна довольно значительная нестабильность. Фактически можно говорить о существовании двух фонологических систем литературной нормы — одной архаичной, другой наиболее новой, которая характерна для молодого и среднего поколения Копенгагена.

В датской литературной норме отмечают существование большого количества дифтонгов, которые могут быть трех типов: дифтонги на -i (sej [sai], møg [moi], huj [hui]), дифтонги на -u (bov [bou'], liv [liu'], syv [syu']) и расширяющиеся дифтонги на -ʌ (ler [lɛʌ'], fyr [fyʌ'] и т. п.). Единодушно мнение о том, что датские дифтонги бифонемны, хотя способы доказательства этого у разных авторов разные. А. Мартине определяет бифонемность датских дифтонгов, используя критерии моно- и бифонемности Н. С. Трубецкого и Е. Вахека (Martinet, 1937, 216-217). К. Яниковский

* Такую систему гласных фонем в датском можно найти во многих работах (см., напр., Martinet, 1937, 175; Hanssen, 1969a, 9).

** Именно эта новая система была описана Х. Басбёллем (Basboll, 1968, 33-54).

доказывал их бифонемность противопоставлениями *steg-stall* [sdai']-[stal'] и т.п. (Janikowski, 1971, 219). Такого же типа аргументацию использовал позднее Х. Басбёлль, полагавший, что возможность коммутации типа *sig-møg* [mai]-[mɔi] может свидетельствовать о бифонемности [ai] и [ɔi] (Basbøll, 1975, 74). Бифонемными считали дифтонги и глоссематики, которые любой долгий гласный (т.е. гласный в позиции свободного и сверхсвободного контакта) трактовали как сочетание двух кратких, и *gul-gule* [gu'l] и [gu'lə] интерпретируется ими как /guul/ и /guulə/, а [hav] и [sai] seǵ как /hau/ и /sɛi/ (Uldall, 1936, 54; Hjelmslev, 1948-1949-1950, 12-24; Hansen, 1967, 303). Рассматривая все датские дифтонги как бифонемные сочетания, одни фонологи считают вторые компоненты дифтонгов на -i, -u аллофонами гласных /i/ и /u/ (Janikowski, 1971, 220-222), другие отождествляют их с согласными /j/ и /v/ (Martinet, 1937, 202-204).

При доказательстве бифонемности дифтонгов пользовались и фонотактическими данными. Так, Х. Басбёлль (Basbøll, 1975, 77-83) указывал на то, что дифтонги, подобно сочетаниям гласного с сонорным согласным, могут быть и с толчком (см., напр., *lav* [lau']), и без толчка (*hav* [hau]), тогда как гласные в типе CV'C всегда имеют толчок.

Как уже неоднократно отмечалось, противопоставление свидетельствует только о различии, но ничего не может сказать о членимости противопоставленных фонологических единиц. Соответственно и фонотактические особенности языка следует устанавливать только после выделения состава фонем, а не наоборот. Заметим, кстати, что некоторые из приводимых Х. Басбёллем фонотактических доказательств некорректны. Хотя действительно для большинства слов типа CV'C характерен толчок, в ряде слов толчка нет (ср., *far* /fa'r/, *mor* /mɔ'r/). Если мы применим к анализу дифтонгов датской литературной нормы процедуру соотнесения слоговых и морфологических границ, то увидим, что во многих случаях они соответствуют русскому типу *рай-рая* (ср. *hav-have* [hau]-[ha'və], *skov-skove* [skou']-[skå'-və], *røv-røve* [røu']-[rø'və], [vai]-[ve'-ʒə] *veg-vege* и т.п.). На этом основании следовало бы признать общепринятое мнение о бифонемности датских дифтонгов справедливым. Однако датские дифтонги не всегда ведут себя таким образом. Наряду с существованием чередований типа [hau]-[ha'-və], мы даже в консервативной норме можем встретить факультативное чередование [ha'və] ~ [hauə], [rø'və] ~

[rø'ue], [sgå'və] ~ [sgåue]. Датские фонетисты отмечают, что выбор форм зависит от стиля произношения, от значения слова и от вида дифтонга. Для высокого стиля ранее были характерны сочетания гласного с согласным /v/ и /ɣ/ даже в односложных словах (Diderichsen, 1957, 74), теперь эти сочетания заменены дифтонгами. Если формы [lå'və]-[lå'u'] love-lov, [grå'və]-[grå'u'] возможны в нейтральном стиле, то формы типа [så'və] и [sgå'və] характерны только для высокого стиля (Hansen, 1968, 36). В своей трехтомной монографии «Современный датский язык» О. Хансен приводит полный список слов, в которых в литературной норме слоговая граница ни в одной форме не отделяет второй компонент дифтонга от первого. Большинство таких слов имеют дифтонг [ai] — pege, eje, meje и т. п., всего три слова с [au] — oven, over, doven, два слова с [öu] — bøvet, høvet и совсем нет слов с дифтонгом [iu] (Hansen, 1967, 305).

В датской литературной норме многие дифтонги оказываются двуликими. В одних морфемах они чередуются с сочетаниями фонем перед последующими гласными, в других не разлагаются в этой позиции. В большом количестве слов мы встречаем факультативные чередования типа [aiə] ~ [a-jə], [åiə] ~ [å-jə] и т. п. Отсутствие таких чередований в группе слов, приведенных О. Хансеном, и употребление в них во всех позициях дифтонгов свидетельствует о том, что даже в рекомендуемом стиле произношения существует по крайней мере три монофонемных дифтонга — /öi/, /ai/ и /åu/. Чередование типа /sgou'ə/ ~ /sgå'-və/ следует поэтому интерпретировать в норме как факультативные чередования монофонемного дифтонга и бифонемного сочетания /åv/. Появление морфем с дифтонгом перед гласной по аналогии с морфемами, в которых дифтонги стоят в конечной позиции или в позиции перед согласной (/sgåu' / - /sgåue/ вместо /sgåu' / - /sgå-və/), свидетельствует о том, что дифтонг стал монофонемой, так как перенос аллофонов по морфологической аналогии невозможен (Стеблин-Каменский, 1966, 71).

В датской литературной норме не произошло еще монофонемизации всех дифтонгов, однако участь бифонемных дифтонгов решена. В разговорной речи Копенгагена тенденция к дифтонгизации всеобща — здесь во всех словах и во всех позициях победили формы с дифтонгами (ср., напр., liv-livet /liu' / - /liu'-əð/, brev-brevet /brɛu' / - /brɛu'-əð/) вместо старых форм [liu']-[li'-vəð], [brɛu']-[brɛ'-vəð].

В современной литературной норме мы встречаемся с разными степенями продвинутой дифтонгизации. В са-

мой консервативной норме возможны формы типа lov /lɑ'v/, lav /læ'v/ без дифтонгов, в которых гласная стоит в позиции сверхсвободного контакта (т. е. отделяется от согласной толчком), соответственно в двусложных формах этих слов слоговая граница отделяет конечный согласный морфемы от предшествующего гласного — /lɑ'-və/, /læ'-və/. В более продвинутой, но все же достаточно архаичной форме в односложных словах употребляются дифтонги /lɑu'/, /læu'/, причем толчок перемещается в конец дифтонга, а в двусложных словах сохраняется двусложное произношение сочетаний гласного с согласными /lɑ'-və/, /læ'-və/. И, наконец, в литературной норме молодого и среднего поколения Копенгагена во всех формах слов (и односложной, и двусложной) употребляется дифтонг /lɑu'/-/læu'/, /lɑuə/-/læuə/. Интерпретация датских дифтонгов как бифонемных сочетаний часто основывается на том факте, что в самом архаичном стиле произношения возможно существование сочетаний гласного с согласным даже в односложных словах (Basbøll, 1975, 77), однако такая интерпретация оказывается верной только в рамках этого стиля. Таким образом, в современной датской литературной норме сосуществуют две идеальные системы — одна с бифонемными, другая с монофонемными дифтонгами. В реальном употреблении в большей группе слов мы встречаемся с факультативными фонемными чередованиями бифонемных сочетаний и монофонемных дифтонгов.

В результате монофонемизации дифтонгов в большом количестве слов морфологические границы совпали со слоговыми. Отметим и тот важный для диахронической части работы факт, что в сложных словах и в некоторых словообразовательных моделях (в частности, в образованиях с суффиксами -aktig), части дифтонга перед гласными никогда не отделяются слоговой границей друг от друга даже в архаичном стиле произношения (ср. livaktig /liuagti/, tyvaktig /tyuagti/ и т. п.).

Источниками дифтонгов в датской литературной норме являются сочетания гласных с согласными /j/, /v/, /g/, в некоторых словах произошла и дифтонгизация сочетаний v + /b/ (ср. /løb / ~ /løu /, хотя в другой группе слов дифтонгизации в норме недопустима: läbe /lä'bə/, habe /ha'bə/ (Basbøll, 1975, 88-89)).

Кроме дифтонгов на -i и -u, в датской литературной норме существует и центрирующие дифтонги, развивающиеся из сочетания гласных с /r/ (/iʌ/, /yʌ/, /uʌ/, /äʌ/, /eʌ/, — Andersen, Hjelmslev, 1961, 302; Levin, 1974, 51-52; Heger, 1975, 47). Кроме того,

датские фонетисты говорят и о существовании особых звуков открытого о [ɔ] и открытого а [α], которые развились из сочетаний /a + r/ и /o + r/. Эти звуки, так же как и центрирующие дифтонги в высоком стиле, могут чередоваться с сочетаниями V + /r/, хотя отмечается, что произношение с /r/ характерно только для «самой консервативной речи» (Basbøll, 1975, 65, 73, 77). Центрирующие дифтонги и гласные [α] и [ɔ] рассматриваются обычно как реализации бифонемных сочетаний гласных + /r/, причем аргументация полностью соответствует аргументации в пользу определения бифонемности дифтонгов на -i и -u. Единственный известный нам сторонник монофонемной интерпретации центрирующих дифтонгов доказывает их монофонемность фактически только противопоставлениями (ta-tar /tæ'/-/tα'/, få-får /få'/-/fɔ'/, — Koefoed, 1964, 93-95). Если мы применим к анализу центрирующих дифтонгов и гласных [α] и [ɔ] процедуру определения моно- и бифонемности, основанную на сопоставлении слоговых и морфологических границ, то увидим, что поствокальное исконное /R/ уже фактически ни в одной форме не появляется в положении перед гласным. П. Андерсен отмечал в 1965 г., что «в сочетаниях V + r+ə /r/ полностью вокализовано у всех носителей литературной нормы» (Andersen P., 1965, 76), а Л. Бринк и И. Лунн говорят, что вокализация /r/ происходит везде, «где недостаточно четко ощущается слоговая граница» (Brink, Lund, 1975, 275). Примеры, приводимые ими, убеждают нас в том, что поствокальное /r/ не вокализуется только перед ударной гласной (ср., bageri, kontorist и т.п.). Таким образом, чередования типа /fα'/-/fα'/ far-fare, /tɔ'/-/tɔ'/ tår-tåre уже вытеснили существовавшие ранее и сохраняющиеся отчасти в самой консервативной норме чередования [fα'R]-[fα°-Rə], [tɔ'R]-[tɔ°-Rə], что свидетельствует о монофонемизации сочетаний гласных с /r/. Хотя разные фонетисты обозначают продукт вокализации в двусложных словах по-разному: П. Дидериксен как [ɔ'ɔ] и [a'a] — см. [gɔ'ɔ] — gårde, [va'a] vare (Diderichsen, 1937, 65), П. Андерсен как [α'], [ɔ'] или [α'ə], [ɔ'ə] (Andersen P., 1965, 76). Важно, что в любом случае в позиции перед /ə/ не проявляется слогоначальное /r/. Это слуховое впечатление подтвердили инструментальные исследования Е. Ришеля, который отметил, что «шва, сливаясь с [R], образует гласноподобную последовательность, неподдающуюся членению на слоги» (Rischel, 1967, 767-768). Отметим, что слогоначальное /r/ не появляется не только в словах типа bare, но и в словах типа barre (см. также svirre-

svire, kurre-kure, stirri-stire), которые в современном произношении совпали. Таким образом, слова værre, sherry, fire и klare не отличаются местом слоговой границы (Brink, Lund, 1975, 255, 275).

Монофонемной трактовке дифтонгов и гласных [α] и [ɔ], казалось бы, противоречат грамматические формы, в которых исконное /r/ или /er/ являлись особыми флективными морфемами (ср., напр., формы инфинитива få, gå, dø /få'/, /gå'/, /dø'/ и формы настоящего времени får, går, dør /fɔ'/, /gɔ'/, /døʌ'/ и т. п.).

Предположение о том, что противопоставление типа /få'/-/fɔ'/ få — инфинитив, får — презент, /dø'/ - /døʌ'/ dø — инфинитив, dør — презент являются несомненным доказательством бифонемности, кажется нам очевидным только до тех пор, пока мы сравниваем датскую пару типа /dø'/- /døʌ'/ с английскими парами типа do-does или hat-hats. Если же мы сравним датские противопоставления с румынскими грамматическими противопоставлениями типа crestin-crestini /kreštɨn/ - /kreštɨn-/, cocos-cocosi/kokos/-/kokos-/ или ирландскими формами типа garsun - garsuin /garsun/ - /garsun-/, asal-asail /asal-/asal-/, в которых грамматическая информация передается чередованием непалатализованных и палатализованных согласных и последние оказываются показателем множественного числа, то бифонемность датских дифтонгов и звуков [α] и [ɔ] уже не покажется нам столь очевидной. Формоизменительными средствами могут быть не только фонемы, но и различительные признаки, и если в английском языке форма множественного числа слова «студент» обеспечивается фонемой /s/ — /stjʊdents/, то в румынском в похожей форме множественного числа этого же слова стоит монофонемная аффриката /ts/ — /stʊdents/. Каким же образом определить моно- или бифонемность звучания, если морфологическим показателем может быть и различительный признак? Очевидно, что нельзя в данном случае применить критерий сопоставления морфологически членимого с морфологически нечленимым, поскольку в таком случае мы не сможем увидеть различия между английским hat-hats и ирландским garsun-garsuin и проведем морфологическую границу по мягкому n, выделив палатализацию как особую фонему в garsuin, а следовательно, признаем бифонемность любого мягкого n в ирландском.

Проводя слоговое членение, мы обнаруживаем, что в качестве морфологического показателя может быть и единица, которая может отделяться слоговой границей от другой единицы той же морфемы (ср. русск. пол-пол/а и пил), и единица, которая ни в одной из форм не

может быть отделена слоговой границей от предшествующей или последующей единицы (как, напр., не может быть отделена слоговой границей мягкость от /п/ в ирландском языке). Первые единицы являются фонемами, вторые — различительными признаками (Либерман, 1971г., 143-149). Таким образом, слоговое членение при анализе фонемной структуры должно предшествовать морфологическому. Поскольку ни в одной из разновидностей нормы ни [ɔ], ни [α], ни центрирующие дифтонги не распадаются на два слога, мы определяем их как монофонемы. Единая грамматическая функция /ɔ/, /α/ и центрирующих дифтонгов позволяет нам говорить о едином функциональном признаке этих фонем, который можно было бы назвать эризацией. Чередования эризованных и неэризованных гласных в датском выполняют ту же грамматическую функцию, которую в шведском и норвежском языке выполняет чередование /ø/ ~ /r/ ср. шв. литер. *dö-dör* /dö:/-/dö:r/, норв. *dø-dør* /dø:/-/dø:r/, но датск. *dø-dør* /dø'/-/dø^'/. К фонемам датской литературной нормы следует добавить пять носовых монофонемных дифтонгических сочетаний /eŋ/, /aŋ/, /öŋ/, /æŋ/, /oŋ/.

Таким образом, в современной датской литературной норме можно говорить о существовании двух типов систем гласных фонем. В архаичной системе 10 гласных фонем и пять монофонемных дифтонгических сочетаний:

$i^{(\cdot)}$ (< \bar{i})	$y^{(\cdot)}$ (< \bar{y})	$u^{(\cdot)}$ (< \bar{u} , \bar{u})	
$e^{(\cdot)}$ (< \bar{i} , ei)	$\emptyset^{(\cdot)}$ (< au , ey , \bar{y})	$o^{(\cdot)}$ (< \bar{o} , \bar{o})	$e\eta$
$a^{(\cdot)}$ (< e , e)	$\ddot{o}^{(\cdot)}$ (< \emptyset)	$a^{(\cdot)}$ (< \bar{a} , \bar{o})	$a\eta$ $\ddot{o}\eta$ $a\eta$
	$a^{(\cdot)}$ (< \bar{a})		$a\eta$

В новой норме мы выделяем 12 гласных фонем:

$i^{(\cdot)}$	$y^{(\cdot)}$	$u^{(\cdot)}$
$e^{(\cdot)}$	$\emptyset^{(\cdot)}$	$o^{(\cdot)}$
$\ddot{a}^{(\cdot)}$	$\ddot{o}^{(\cdot)}$	$\ddot{a}^{(\cdot)}$
$\varepsilon^{(\cdot)}$ (< a)		$\varepsilon^{(\cdot)}$ (< or)
	$\alpha^{(\cdot)}$ (< ar)	

— те же носовые монофонемные дифтонгические сочетания, что и в архаичной норме, и 15 монофонемных дифтонгов — 5 эризованных (центрирующих): /iʌ/, /yʌ/, /uʌ/, /äʌ/, /øʌ/ и 10 сужающихся /ai/, /oi/, /iu/, /yu/, /eu/, /øu/, /äu/, /åu/ и /au/.

Хотя эти две системы могут функционировать и в

чистом виде, во многих случаях в современной датской литературной норме мы встречаемся с чередованием моно- и бифонемных вариантов произношений, каждый из которых в разной степени характерен для разных слов.

Для датских диалектов характерно наличие большого количества дифтонгов на- u и -i, расширяющихся дифтонгов и носовых гласных и дифтонгов. Эти дифтонги и носовые гласные являются и продуктом развития исконных сочетаний V + C и продуктом развития исконных монофтонгов.

В говоре Стаунинг (Sandvad, 1931, 1-36) 11 монофтонгов и 12 дифтонгов (шесть дифтонгов на -i и шесть дифтонгов на -u):

i	y	u		yu		ui
ɪ	ø	ʊ				
e		o		ei	øi	ou
ä		å		äi	öi	åu
	a			ai		au

В двухсложных словах перед /ə/ безударного слога дифтонги никогда не превращаются в сочетание V + согласный (ср. /tryu'əs/, /sai'əl/trives, sadel).

Этимологические соответствия таковы: /ī/ > /i/, /ȳ/ > /y/, /oi/ (в конце слова), /ū/ > /u/, /ē/ > /i/, /ō/ > /ø/, /ō/ > /ω/, /ou/ (в конце слова), /ǣ/ > /e/, /ā/ > /o/.

Исконные сочетания ad, eg, aj, ej > /ai/, /ed/ > /äi/, /yg/ > /øi/, /øg/ > /öi/, /ud/ > /ui/, /av/, /ag/ > /au/, /ov/ > /åu/, /og/, /ug/ > /ou/, /ev/ > /öu/, /id/, /ig/ > /ei/, /yv/, /iv/ > /yu/.

Таким образом, дифтонги /ou/ и /øi/ соответствуют и исконным /ō/ и /ȳ/ в конце слова и всегда сочетаниям /yg/, /og/, /ug/. Дифтонгическое произношение характерно не для всех слов с исконным /ȳ/ (ср. /fly'/, но /nøi'/ литер. fly, ny). Дифтонг распространен в наиболее частотных словах (ср., /nøi'/ ny, /bøi'/ by).

В этом западноютландском говоре, так же как и во многих островных говорах, все исконные сочетания V + p, t, k, b, d, g(j), v представлены как дифтонги, здесь сохраняются только шумные согласные, восходящие к долгим согласным /pp/, /tt/, /kk/, /bb/, /dd/, /gg/.

Именно в Ютландии мы сталкиваемся с двумя типами соответствий др.-дат. /ē/, /ō/, /ō/. В одних говорах они представлены как расширяющиеся дифтонги /iə/, /yə/, /uo/, в других — как /i/, /y/, /u/, т. е. исконным /ī/, /ȳ/, /ū/ соответствуют либо /i˘/, /y˘/, /u˘/, либо глайды /iᶞ/, /yᶞ/, /uᶞ/, либо дифтонги в некоторых позициях.

Если в большинстве говоров Химмерланна гласные верхнего подъема противопоставлялись как расширяющиеся дифтонги — монофтонгам (ср. /iə /-/i/, /yə /-/y/, /uə /-/u/), то в Вендельбо релевантным в верхнем подъеме оказывается сужающее скольжение артикуляции. Здесь монофтонги /i˘/, /y˘/, /u˘/ противопоставляются глайдам /iᶦ/, /yᶦ/, /uᶦ/. Иным оказывается и этимологическое распределение фонем: исконным /ī/, /ȳ/, /ū/ соответствуют глайды /iᶦ/, /yᶦ/, /uᶦ/, а исконным /ē/, /ø̄/, /ō/ и в некоторых словах /ě/, /ǿ/, /ǭ/ в открытом слоге соответствуют /i˘/, /y˘/, /u˘/.

Источниками глайдов были не только /ī/, /ȳ/, /ū/, но и сочетания соответствующих кратких с согласными /d, g, j/.

Г. Сённергор (Søndergaard, 1975, 15) считает, что противопоставления глайдов и дифтонгов монофтонгам (напр., /miᶦ'n /-/mi˘'n/ литер. mine-mene) является манифестацией противопоставления двух фонем одной фонеме, однако все глайды монофонемны, так как даже в том случае, когда они являются рефlekсами сочетаний V + C, слоговая граница не отделяет второго компонента дифтонга от первого (ср., /tii' /-/tii'-ən/ tid-tiden). Монофонемными в Вендельбо являются и 19 разноподъемных дифтонгов: девять из них — дифтонги на -i и десять — дифтонги на -u. Во всех биморфемных двусложных словах с дифтонгом слоговая граница всегда совпадает с морфологической и не отделяет второй компонент дифтонга от первого (ср. формы причастий II и существительных в определенной форме /kläiə/ klædet, /trou'ə/ truget, /häu'ə/ hævet, /brui'ən/ bruden и формы презенса /båi'ə(R)/ buder, /jau'ə(R)/ jager).

Некоторые говоры показывают как бы промежуточное состояние между этими двумя типами (т. е. /ē/ в одних словах может быть /i/, в других /iə/ и т. п.). Одним из таких говоров является говор Тюрструпа, где древнедатские /ē/, /ø̄/, /ō/ представлены то как /i/, /y/, /u/, то как расширяющиеся дифтонги /ie/, /yø/, /uo/ (Bogh, 1929, 129-138). В конце слова /e/, /ø/, /o/ > /i/, /y/, /u/: /si' /, /dy' /, /bu' / — se, dø, bo. В середине слова /o/ чаще представлено как /uo/ (/muos/, /su'ol/ mose, sol), хотя в некоторых позициях возможно /u/ (/klu'γ/, /bu'γ/ klog, bog); древнедатскому /ē/ и в середине слова очень редко соответствует /ie/ — оно представлено чаще как /i/ (/sdi'n/, /ri'n/ sten, ren). Исконным /i/, /y/, /u/ соответствуют глайды /iᶦ/, /yᶦ/, /uᶦ/; в конце слова продукты развития /ī/ и /ȳ/ совпали с дифтонгами

/ei/ и /øу/, которые являются рефлексами /id/ и /yd/.

Во многих датских говорах существует корреляция способа скольжения артикуляции, объединяющая в трехчленные пучки глайды, монофонги и расширяющиеся дифтонги — ср., напр., /i̇/-/i/-/iə /, /ẏ/ - /y/ - /yə/, /u̇/-/u/-/uə/ в говоре Стрёбю, где расширяющиеся дифтонги являются рефлексами др.-дат. /ē/, /ō/, /ū/, глайды — рефлексами /ī/, /ȳ/, /ū/, а монофонги — рефлексами /i/, /y/, /u/ в сочетании с /r/ (Ejskjær, 1970).

В большинстве датских диалектов исконные /ē/, /ō/, /ū/ представлены как расширяющиеся дифтонги или как /i̇/, /ẏ/, /u̇/, однако на западном фюне этим древнедатским гласным соответствуют падающие сужающиеся дифтонги; ср., напр., системы одного из западнофюнских говоров.

В западнофюнских говорах двадцать гласных — 11 монофонгов и 9 дифтонгов:

i	y	u	i̇	ẏ	u̇
e	ø	o	äi	öi	ou
ä	ö	a			äu
a	a		ai		au

Дифтонги ни в одной из форм не распадаются на два слога. Отметим к тому же, что в словах, которые оканчиваются на дифтонг, везде на фюне прошла апокопа конечного /ə/.

Источниками дифтонгов могли быть сочетания V + b, d, g, j, v, r.

На западном фюне исконные сочетания V + g, j стали монофонгами: /vi̇/ vige, /vi' / vig, /sy' / syg, /sy' / syge, /bo' / bog, /kra' / krage, /u' / uge, /e' / eg, /drø' / drøje и т.п. Сочетания V + d, v, b представлены в виде дифтонгов /sgiu' / skive, skibe, /hau' / have, /vi̇' / vide, hvide, /häi' / hede, /fäi' / fed; /u̇' / ude. Кроме дифтонгов из сочетаний фонем в западнофюнских диалектах есть сужающиеся дифтонги из исконных долгих /ī̇/ > /i̇/, /ū̇/ > /u̇/, /ō̇/ > /ou/, /ā̇/ > /äu/, /ē̇/ > /äi/, /æ̇/ > /ai/, /ō̇/ > /öi/ (/pii'1/ pil, /huu's/ hus, /sgou' / sko; /äu' / ä1, /däi'1/ del, /knai/ knæ, /pøi's/ pøs и т.п.). Причем дифтонги из исконных долгих не отличаются от дифтонгов из сочетаний V + согласный.

Кроме двадцати оральных гласных, на фюне есть незализованные гласные, которые не разлагаются на сочетание гласного и слогоначального /n/.

Р.Раск, который первым из датских ученых установил существование носовых гласных на фюне, в качест-

ве доказательства их существования приводил минимальные пары /käv/-/kåv/ konge-kåge, /mâi/-/mâi/ mand-maj (Rask, 1938, 75). Источниками назализованных гласных были сочетания V + /ŋ/ и /n/ в позиции плотного и сверхплотного контакта и гласные перед /n/ в позиции свободного и сверхсвободного контакта (ср., напр., /piï'n/ - /pii'/ pin-pint).

Если в говорах Ютландии назализованный гласный может быть рефлексом V + nn, nd, nt или рефлексом долгого гласного в положении перед /n/, то в островных диалектах, прежде всего на Фюне, и на островах, расположенных к югу от Фюна, источником носовых гласных и носовых дифтонгов были исконные сочетания V + nd, nn, ng - ср., напр., фюнск.: /tâi'/ tand, /lâ'æd/ landet, /kôu'/ kunne и /drâi'/ dreng, или /sdâi'/ sbrâi', [rêi'] ~ [râi'], /tâu'/; дат. литер.: sting, springe, ring, tunge* в говоре острова Омё (Frederiksen, 1982, 75-84).

4. МЕЖДУ ИЗОХРОНИЕЙ И КОНТАКТОМ

Просодика

Обычно при описании диалектов южной Швеции (Сконе, Блекинге, Халланд) отмечают, что в них господствуют просодические отношения шведско-норвежского типа CVC:~ CV:C (Olsen, 1887, 10-11; Billing, 1890, 12-14; Alving, 1917, 73; Brøndum-Nielsen, 1951 (1927), 88; Ingers, 1939, 3-8; Benson, 1956, 96-97; Hansson, 1969, 3-4). Однако долгие согласные в диалектах южной Швеции и на Борнхольме не так длительны, как долгие согласные шведской литературной нормы (Thomsen, 1908, <5>; Gårding, 1974, 27). Э. Вигфорс, описывая говоры южного Халланда, определял длительность согласного только по длительности гласного (Wigforss, 1913-1918, XI), а И. Свеннинг при описании говора Листера замечал, что согласные в нем не различаются по длительности (Swenning, 1917, 34-35). Можно отметить, что по мере продвижения на юг Швеции уменьшается длительность согласных в типе VC: и меняется мелодический рисунок слоговых акцентов (акцент I становится нисходящим и его контур стано-

* Свободная апокопа, которую отмечали в говоре Омё в 1921 г. сменилась в 1981 г. полной апокопой (Frederiksen, 1982, 93).

** Э. Гординг отмечает, что в южношведском варианте литературной нормы длительность краткого согласного составляет 90% длительности долгого.

ся похож на мелодический контур датского толчка, а акцент II — восходящим).

В некоторых южношведских диалектах незначительному фонетическому различию между краткими и долгими согласными (или полному отсутствию такого различия) сопутствует существование типа V:CC в односложных и двусложных словах мономорфемной структуры и противопоставление типов V:CC-VCC одинаковой морфологической структуры — ср., напр., /gni:sta/ шв. литер. gnista — /mista/ 'орпех'; /pw:sta/ 'отдохнуть' — /rʉ sta/ rista; /kå:st/ kvast — /kost/ kost; /fä:rja/ 'красить' — /färja/ 'паром'; /ä:rja/ 'пахать' — /bärja/ bärja (Hansson, 1969b, 26; Andersen B., 1971, 27-78). Б.Андерсен говорит о том, что «сконско-борнхольмские диалекты имеют долгие и краткие слоги» (Andersen B., 1971, 28), иными словами, в них нет изохронии корневой морфемы шведско-норвежского типа и их сегментная просодика походит на сегментную просодику датского языка и других германских языков с корреляцией контакта. По-видимому, однако, изохрония еще не везде здесь уступила место контакту. В некоторых говорах можно наблюдать сам процесс перехода от изохронии к контакту. В качестве примера говоров такого типа могут послужить говоры юго-восточного Сконе.

Просодическая ситуация в юго-восточном Сконе неоднократно рассматривалась известным шведским диалектологом О.Ханссоном. Он считал, что для юго-востока Сконе релевантно противопоставление трех типов слогов: CVC-CVC-CVC̄, причем тип CVC, по О.Ханссону, является архаизмом, т.е. здесь он видит сохранение древнескандинавского типа CVC (Hansson, 1969a, 186-187; 1969b, 4). Для слов выделяемого О.Ханссоном просодического типа CVC характерны факультативные чередования количества (ср., напр., [tö:la] ~ [tȫla] ~ [töl:a]). Гласные в словах с неустойчивым количеством не совпадают по качеству с соответствующими гласными в словах типа V:C с устойчивым количеством (ср., напр., [spɪ:la] ~ [spɪ̄la] ~ [spɪla] spela, но /skri:va/ skriva), но совпадают по качеству со словами типа CVC: (ср. [spɪ:la] ~ [spɪla] ~ [spɪl:a] spela и /spɪl:a/ spilla (Areskoug, 1957, 712-713)). Однако чередования количественных типов, как показал Х.Арескуг, отражают говор представителей разных поколений. Если формы типа [spɪ:la] характерны для языка старшего поколения, то формы с кратким гласным — признак языка молодого поколения (Areskoug, 1957, 250). Что касается исконных слов типа VC:, то они представлены в диалекте либо как

краткосложные — ср. /sida/ шв. дитер. sitta (Areskoug, 1957, 228-229), либо как долгосложные, либо могут иметь краткосложный и долгосложный вариант с долгим согласным — ср. [spɪla] ~ [spɪl:a] spilla (Areskoug, 1957, 713).

Трактовка слов с «неустойчивым количеством» как краткосложных, предложенная О. Ханссоном, не кажется убедительной, поскольку по типу сегментной просодики они могут не отличаться ни от исконных долгосложных слов типа V:C (ср., напр., /sɪ:lə/ шв. литер. sele — /si:la/ sila), ни от исконных долгосложных слов типа VC: (ср. /sɪla/ или /sɪl:a/ и /spɪl:a/ или /spɪla/). На первый взгляд кажется, что возможность чередований типа [spɪl:a] ~ [spɪla] ~ [spɪ:la] шв. литер. spela свидетельствует вообще об иррелевантности сегментной просодики и о релевантности только качественных различий гласных (/i/-/i/). Однако это не совсем так, поскольку слова типа [spɪ:la] ~ [spɪla] ~ [spɪl:a] spela отличаются от слов типа [spɪla] ~ [spɪl:a] spilla возможностью существования у слов типа spela варианта V:C ([spɪ:la]) и невозможностью такого варианта у слов типа spilla. Именно этот факт не позволяет нам говорить о полной иррелевантности типа сегментной просодики и о релевантности только качественных различий. Мы имеем дело в данном случае и с релевантностью качественных различий, проявляющейся в возможности противопоставления /sɪ:lə/-/si:la/, и с чередованием в словах типа sele, spela релевантных типов сегментной просодики. О. Ханссон отказывается признать релевантность качественных различий у противопоставлений типа /sɪ:lə/-/si:la/ на том основании, что признание релевантности качественных различий /i/-/i/, /y/-/y/ и т. д. сделало бы систему гласных фонем слишком неэкономной (Hansson, 1969a, 39) — в диалектах юго-восточного Сконе пришлось бы выделять 16 гласных фонем. Однако, как мы видели выше, количество гласных фонем в германских диалектах, в том числе и в скандинавских диалектах, может превышать 16, что вовсе не мешает функционированию системы.

Что касается отношений просодических типов $\overset{v}{CVC}$ - $\overset{v}{CVC}$:/, то в тех диалектах, где слова типа spilla /spɪl:a/ не имеют варианта /spɪla/ (примеры таких говоров приводит О. Ханссон, — Hansson, 1969a, 95-100), следует признать частичную релевантность противопоставления / $\overset{v}{CVC}$ /-/ $\overset{v}{CVC}$:/, там же, где подобные слова не отличаются просодически от слов типа spela и sele (ю.-в. скон. /spɪla/, /sɪlə/), релевантным оказывается противопоставление типа примыкания:

плотное примыкание в исконных словах типа CVC:(V), CVC(V) — свободное примыкание в исконных словах CV:C(V). В части диалектов Сконе, Блекинге и Халланда, где уже нет долгих согласных (и типа CVC:(V)) и судьба исконных краткосложных слов, удлинившихся при становлении слогового равновесия, не отличается от судьбы исконных долгосложных слов, плотный контакт устанавливается только в исконных словах с долгим (или удлинившимся при становлении изохронии) согласным.

В тех диалектах юго-восточного Сконе, где возможно частичное противопоставление /CV:C(V)/- /CVC(V)/, релевантным оказывается только возможность эксплозии и слогоначальности согласного в типе /CVC:V/, а при противопоставлении типа /CV:C(V)- CVC(V)/ релевантным оказывается тип контакта и тип слогаделения.

Таким образом, просодическая ситуация в части говоров юго-восточного Сконе определяется сосуществованием старой корреляции слогового равновесия CV:C ~ CVC:, характерной в основном для языка старшего поколения, и новой корреляции контакта /CV'C/-/CVC/, характерной для языка молодого поколения, причем в одних говорах тип CVC оказывается частично противопоставленным типу CVC:, в других CVC и CVC: оказывается просодическими вариантами. Особенностью этих говоров является то, что плотный контакт приобретают не только слова изохронического типа CVC:(V), но и слова изохронического типа CV:C(V) с гласным особого качества, которые определяются Арескугом и Ханссоном как ровные по тембру, напряженные, фонетически более тесно примыкающие к последующему согласному (при сохранении слогаделения CV:=CV) (Areskoug, 1957, 698, 7-8-710; Hansson, 1969a, 32). Чаще всего эти гласные соответствуют исконным (доизохроническим) кратким гласным, которые удлинлись при становлении слогового равновесия (ср. /spi:la/ > /spila/ др.-исл. spila; /hu:l/ > /hul/ др.-исл. hol; /tõ:la/ > /tõla/ др.-исл. þola). В диалектах юго-восточного Сконе шесть таких гласных; /i/, /y/, /ü/, /ö/, /ɯ/, /A/ (Areskoug, 1957, 217, 698).

По мере становления в словах с этими гласными плотного контакта уменьшается и их релевантность (в позиции свободного контакта стоят гласные типы /i/, /y/ и т. п., в позиции плотного — /i/, /y/ и т. п.).

При описании корреляции контакта в датском было установлено, что датский толчок является показателем типа примыкания. В диалектах Сконе, Борнхольма и Блекинге отмечают наличие противопоставления акцента

I-II, при этом в словах типа CVCV сохраняется акцент II (что также свидетельствует против признания их архаизмом, поскольку в архаичных моросчитающих диалектах слова типа CVCV имеют равновесный акцент, см. с. 21). Хотя, по-видимому, противопоставление акцента I акценту II в этих диалектах следует интерпретировать как противопоставление слоговых акцентов, функции которых не отличаются от функции слоговых акцентов в шведской литературной норме и в других скандинавских языках и диалектах с изохронией, следует отметить, что реализация акцента I в диалектах южной Швеции похожа на реализацию датского толчка (акцент I здесь отличается от акцента I шведской литературной нормы понижающим движением тона, характерным для реализации датского толчка (Malmberg, 1959, 195)).

Вокализм

В диалектах юго-восточного Сконе сохранению или частичному сохранению изохронии сопутствует существование 15 гласных:

i (<ī̄)	y (<ȳ̄)	ɯ (<ū̄)	u (<ō̄)
ɪ (<ī̇)	ʏ (<ȳ̇)	ɯ (<ū̇)	ʊ (<ō̇)
e (<ei̇)	ø (<ø̇, au, ey)		o (<ȧ)
ɛ (<ē̇, ε, ē̄)	ö (<ø̄)		
	a (<ā̇)	ɑ (<ǎ̇)	

Исконные долгие и долгие, удлинившиеся по изохронии, отличаются качественно (/i/ и /ɪ/, /y/ и /ʏ/ и т. п., см. выше). В тех говорах, где установилась корреляция контакта гласные [i̇]-[ɪ̇], [ẏ]-[ʏ̇] и т. п. оказываются распределенными комплементарно — в позиции свободного контакта [i̇], в позиции плотного контакта [ɪ̇] и т. п. Эти гласные, сохраняя живые чередования в одной морфеме (типа vit-vitt), оказываются в диалектах с установившейся корреляцией контакта просодическими аллофонами.

В диалектах с установившейся корреляцией контакта (там, где нет долгих согласных и противопоставление CVC-CVC̄ (или CV̄CC-CVCC) обеспечивается только разным типом примыкания) отмечают дифтонгоидную реализацию «долгих» гласных (Alving, 1917, 67; Swenning, 1917, 28), т. е. гласных в позиции свободного контакта. Эта дифтонгоидность в данном случае оказывается одним из проявлений просодического признака свободного контакта.

В южношведских говорах и в частности в Сконе исконные сочетания гласный + g, v, d, p, k представлены в виде дифтонгов на -i и -u — [ɛi], [øi], [ai], [ou], [au], [yi], [ui]. Однако степень связи элементов таких дифтонгов и степень их монофонемности в говорах различна.

В большинстве диалектов юго-западного Сконе и Блекинге такие дифтонги являются бифонемными сочетаниями, поскольку двусложных формах i и u становятся слогоначальными j и w (ср., /ble:ja/, /rø:ja/, /vä:ja/, /lo:wa/ шв. литер. bleka, röka, väga, lova (Ingers, 1939, 79, 84-85, 87; Benson, 1956, 113)). В этих говорах одинаковый вид имеют и дифтонги из исконных V + g, j, v и дифтонги из V + k, хотя часто сочетаниям V + k, p соответствуют не дифтонги, а сочетания V + g, b(v). В другой группе диалектов в одних словах мы встречаемся с неотделением j или w и в односложной и в двусложной форме (ср. /väi/-/väia/ vig-viga, /läia/ läge, /näia/ niga), в других краткие j и w становятся слогоначальными в двусложных словах /ble:ja/, /be:ja/ bleka, becka (Ingers, 1939, 82). Аналогичная ситуация характерна и для говоров острова Борнхольм, где есть и формы типа /vaj:/, /saj:/ — /saj:a/, /taj:a/, /law:/, /aw:ør/ датск. литер. vej, sig-sige, tie, lov, over и формы типа /ha:ja/, /gra:w/-/gra:wa/, /blä:j/-/blä:jør/ шв. литер. haja, датск. литер. grav-grave; blek (женский род-мужской род) (Thomson, 1908, 11, 19, 23). В том случае, когда в говорах существуют противопоставления V:j-Vj: или V:w-Vw:, как правило, типам Vj: и Vw: соответствуют исконные сочетания V + g, j и V + v, а типам V:j, V:w — исконные сочетания V + k, V + p (ср., напр., vaj:/ или /väj:/ и /blä:j/ шв. литер. väg, blek).

В диалектах южной Швеции в конце слова и перед согласным происходит и вокализация увулярного [R], в результате чего образуются центрирующие дифтонги (в говоре Криствалля второй компонент такого дифтонга обозначается как гласный смешанного ряда или Ø или O (Lindblom, 1938, 159), ср., напр., [ha:Ø] har; [sy:Ø] syr; [stu:Ø] stor), однако в положении перед гласной следующего слога центрирующие дифтонги превращаются в сочетание гласного со слогоначальным [R]; ср., напр., [slu:Ø], но [stu:Ra] (Lindblom, 1938, 158-159).

В некоторых говорах юго-восточного Сконе в дифтонгах /au/ и /ai/, /äi/ и /öi/, развившихся из сочетаний VC, никогда не происходит переразложения дифтонга на сочетание гласного со слогоначальным со-

гласным (ср., напр., [low-a] * lova, [räj-əd] ri-dit, [laj- d] lidit, [läj-a] leda, [ströj-əd] stru-kit (Areskoug, 1957, 26, 43, 357, 361-363)).

Если верно предположение Б. Мальмберга о том, что в шведской литературной норме (и в системах со слоговым равновесием) граница слога проходит до согласного как в типе V:CV, так и в типе VC:V, то во всех диалектах со слоговым равновесием следует признать бифонемность дифтонгов, источниками которых были сочетания VC, как в том случае, когда количественная вершина на гласном (V:C), так и в том случае, когда количественная вершина падает на согласный (VC:). В диалектах борнхольмского типа отношение Vj и Vw в /saj:a/-/ha:ja/ и /aw:ər/-/gra:wa/ точно такое же, как и отношение сочетаний гласных с другими согласными. ** В говорах, где существуют только типы V:j, V:w, бифонемная трактовка дифтонгов еще более очевидна, точно так же следует трактовать и центрирующие дифтонги из сочетаний V + R.

Что касается говоров юго-восточного Сконе, то здесь определить статус дифтонгов сложнее, и связано это с особой просодической ситуацией в этой области. Если следовать обозначению Х. Арескуга, который знаком акцента отмечал слоговую границу (ср. [räj-əd] или [law-a]), то в говорах юго-восточного Сконе морфемоконечный элемент дифтонга никогда не становится слогоначальным согласным, что свидетельствует о монофонемности дифтонгов из исконных сочетаний V + g, k, j, v, p. Таким образом, разные группы диалектов южной Швеции показывают три разных состояния дифтонгов из исконных сочетаний: 1) обязательность превращения второго элемента дифтонга в слогоначальный согласный в двусложной форме, 2) отсутствие ресиллабации дифтонга в одной группе слов, но возможность такой ресиллабации в словах с «долгим» дифтонгом (ситуация, напоминающая голландское и фризское состояние), 3) невозможность ресиллабации и полная монофонемизация всех дифтонгов из исконных сочетаний (ситуация английского языка).

* Транскрипция Х. Арескуга.

** Заметим, что В. Томсен обозначает вторые компоненты дифтонгов буквами j и w в диалекте Борнхольма (а не i и u) именно потому, что в двусложных формах вторые компоненты дифтонгов становятся слогоначальными (Thomsen, 1908, 7).

5. СИЛЛАБЕМНОСТЬ

Как уже отмечалось выше, по типу соотношения слоговых и морфологических границ языка делятся на фонемные и слоговые. В фонемных языках элементарная единица сегментации — фонема, в слоговых — силлабема (Гордина, 1966, 183; 1981, 76). В.Б.Касевич считает, что слоговые языки характеризуются тремя основными признаками: отсутствием неслоговых морфем, невозможностью ресиллабации и невозможностью функциональной нагрузки компонентов слога (Касевич, 1983, 145). Первый и третий признаки основаны на постулате о том, что фонологическое членение должно в первую очередь основываться на членении морфологическом (фонемы — знаки знаков, и поэтому границы между ними должны определяться границами между знаками). Однако такой кажущийся очевидным тезис не представляется вполне убедительным. Обращаясь к морфологии, мы получаем не фонологическое членение, а грамматическое значение, которое может выражаться и тоном, и тем, что мы обычно называем различительным признаком (как, напр., в чередовании типа ирл. *garsun* /*garsun*/ *sg.* — *garsuin* /*garsun*-/ *pl.* или румын. *lup* /*lup*/ *sg.* — *lupi* /*lup*-/ *pl.*), и фонемой (как в англ. *boy-boys*), и слогом, и даже отдельным словом. С точки зрения семантики, вероятно, безразлично, каким образом выражается то или иное грамматическое значение. С точки зрения формы выражения это далеко не безразлично. Форма выражения связана с тем, что человеческий язык является языком звуковым, и его членимость на отрезки определяется антропофоническими законами. Естественным отрезком такого членения и является слог. Первый шаг фонологического членения — деление на слоги; второй — определение того, каким образом по слогам распределены грамматические значения. Именно такая последовательность позволяет увидеть различие между признаком и фонемой (т.е. различие между чередованиями типа ирл. *garsun-garsuin* и англ. *boy-boys*); никакое мягкое /*n*-/ в ирландском не превращается в сочетание /*n*/ + слогоначальное /*j*/, тогда как английское /*s*/ может стать слогоначальным в позиции свободного контакта перед последующей гласной. Именно отделение (или неотделение) слоговой границей позволяет нам определить принадлежность мягкости к корневой морфеме в ирландском и принадлежность /*s*/ к суффиксальной морфеме в английском, несмотря на схожесть грамматического значения этих средств.

Использование в качестве первого шага анализа членения на слоги позволяет нам говорить о слоговом характере и древнекитайского языка, где можно встретить функциональную нагрузку компонентов слога (Яхонтов, 1965, 12), и современного китайского языка, где возможны чередования типа *sa* 'свист' — *soy* 'свистеть' (Рождественский, 1964, 18). Такого же типа чередования реконструируются и для тайских и тибетских языков (Fang Kuei Li, 1970, 420-421). Соответственно, как мы отмечали выше, чередование типа англ. *lie-lay*, *eat-ate* или *sing-sang* ничего не могут нам сказать ни о морфологическом, ни о фонологическом членении. Даже такой, казалось бы, очевидный пример членения, который мы имеем в чередованиях типа /gløm/-/glømt/ в западнонорвежских диалектах (датск. литер. *glømme-glømtte*), не может быть интерпретирован как свидетельство фонемного членения /gløm + t/, поскольку в западнонорвежских диалектах слогоконечное /t/ ни в одной из грамматических форм никогда не может стать слогоначальным (т.е. с точки зрения соотношения грамматического значения и слога деления западнонорвежское чередование /gløm/ - /glømt/ соответствует ирландскому *garsun-garsuin*, а не английскому *boy-boys*). Подобно тому как грамматическое значение может быть выражено чередованием тонов (что имеет место в ряде африканских слоговых языков — Wang, 1967, 93-94), оно может быть выражено и качественным чередованием звуков (ср. китайск. *лунь-люнь* или *sa-soy*), что, однако, не свидетельствует о членении на сегментные фонологические единицы меньше слога. По-видимому, основным признаком слоговых языков является моносиллабизм и невозможность ресиллабации.

Скандинавские языки

Как мы видели выше, германские языки с корреляцией контакта занимают промежуточное положение между фонемными и слоговыми языками, поскольку возможность ресиллабации в одной группе слов противопоставляется здесь невозможности ресиллабации в другой группе слов. Однако среди современных германских диалектов можно найти диалекты, где такого различия нет и слогоконечные согласные ни в одной из форм слова не могут превращаться в слогоначальные. Речь идет в первую очередь о датских диалектах Юландии. Вот как формулирует правило слога деления для одного из ютландских говоров Б. Нильсен: «Слоговая граница проходит здесь после согласного или группы согласных, так

что в безударном слоге нет слогоначальных согласных» — разрядка моя. — Ю.К. (Nielsen B., 1968, 18). Причем примеры Б.Нильсена убеждают нас в том, что слогоначальных согласных нет даже в типе CV[•]CV (ср., напр., /o[•]n-i/ дат. литер. орне), который, как известно, имеет в литературной норме свободный контакт и слогоделение типа CV[•]CV (ср., напр., /ʃ[•]-nə/). Сам факт существования слоговой границы после согласного, следующего за долгим гласным, возможен как в слоговых языках Юго-Восточной Азии (ср., напр., тайские и вьетнамские диалекты), так и в случае внешнего сандхи в германских языках с корреляцией контакта (ср. англ. feel old...). В диалектах Ютландии слогоделение внешнего сандхи проникает во внутреннее сандхи, т.е. исчезает граница между внутренним и внешним сандхи и соответственно граница между словами и морфемами — напомним, что именно в слоговых языках морфема фактически не отличается от слова (Солнцев, 1970, 14).

Хотя Б.Нильсен ничего не говорит о том, какими фонетическими средствами обеспечиваются слогоделение типа CV[•]C- V(/o[•]n-i/), вероятнее всего, оно связано с имплозивностью согласного, что характерно для слоговых языков Юго-Восточной Азии. Почему же фонетически сходные последовательности CV[•]CV в датской литературной норме и в ютландских диалектах имеют разный тип слогоделения? Такое различие объясняется, по-видимому, частотным соотношением односложных и двусложных слов и двусложных слов разной структуры. Если в датской литературной норме тип CV[•]CV(C) довольно частотен (Frøkiær-Jensen, 1977, 27) и обеспечивается существованием большого количества словоформ с суффиксами /ə/ (sb. pl.; adj. pl; adj. def.; inf. v.), /ən/, /əð/ (def. art; part II), /ər/ (sb. pl.; praes. v.). В современных датских диалектах Ютландии двусложных слов и форм гораздо меньше. Уже первым исследователям ютландских диалектов бросалось в глаза, что «слова здесь так сокращены, что производят впечатление корней» (Varming, 1892, 2). Преобладание односложных слов — характерная черта современных ютландских диалектов (Nielsen N., 1959, 10). Что касается слов типа CV[•]CV(C), то по моим подсчетам их частотность в тексте на ютландских диалектах не превышает 2%. Словам типа CV[•]Cə литературной нормы здесь соответствуют односложные слова типа CV[•]C либо C + дифтонг. В западноютландских и части южноютландских диалектов суффиксированным артиклям нормы соответствуют свободностоящие артикли (ср., дат. литер. huset /hu[•]səð/, но зап.-ютл. /ə hu[•]s/ или южно.-ютл.

/ə -hu's/). В сохранившихся формах с /ən/ (part. II) и /ə/ (<əR/) (praes. v.; sb. pl.) граница корня всегда совпадает с границей слога (ср., напр., /ku'on/-/kwunə/ kona-koner, /diel/-/djäl'ə/ dele-deler, /mien/-/mjen'ə/ mene-mener, /gri'v/-/griu'ə/ gribe-griber; /röi'ən/, /räi'ən/, /brui'ən/ part II от глаголов ryge, ride, bryde (Jensen, 1897-1902; Ringgaard, 1958, 354-357; Søndergaard, 1975)). Кроме того, в некоторых случаях апокопировалось и /ə/ (</əR/) — ср., напр., /fry's/ дат. литер. fryser (Nielsen B., 1968, 23, 44, 52). Как мы видим, в двусложных формах односложных слов типа CV'С поствокалический согласный всегда оказывается в рамках корневого слога.

Частотность слов типа CV'CV(С) оказалась в западно- и южноютландских диалектах еще ниже. В некоторых текстах на южно- и западноютландских диалектах она не превышает 1% (ср., напр., текст на западноютландском говоре Видбьерга и на южноютландском говоре Ханведа), основную же массу слов на ютландских диалектах составляют односложные слова (от 80 до 90%). Низкая частотность слов типа CV'CV(С) или CV'CV(С) способствует генерализации слоговой границы после конечноморфемного согласного. По типу соотношения слоговых и морфологических границ западно- и южноютландские диалекты соответствуют слоговым языкам Юго-Восточной Азии. Единственным фактом, который кажется противоречащим полной силлабемности этих диалектов, являются чередования типа /lo?k/-/lo?t/ (западноютландский толчок обозначается знаком ?) или /gləm'/-/glømt/, которые соответствуют в датской литературной норме чередованиям инфинитива (соотв.: lukke, glømme) и претерита (lukkede, glømde). Частотность таких форм в тексте невелика (около 2%), поскольку у большой группы глаголов либо вовсе исчезло формальное выражение этих различий, либо отсутствию суффикса причастия II и претерита сопутствуют качественные или просодические чередования в корне (ср., напр., зап.-ютл. /bränj'/-/brä'nj/ -/bränj'/ дат. литер. brände - brændte - brænt; /vänj'/-/vänj'/ -/vänj' / vænne-vønnede-vønnet; /bre'/-/bräi'/-/bräi' / brede-bredte-bredt; /to'l'/-/talj' /- /talj' / tale-talde-taldd; /ro' /- /rai' /- /rai' / rade-radede-radet (Thorsen, 1929, 78- 81)). В этих диалектах не существует форм, в которых бы глухие смычные (в том

* Подсчеты проводились по диалектным текстам серии Danske dialekttekster. UFP, Ser. E, N I-V. København, 1967-1977.

числе и [t]) могли превращаться из слогоконечных в слогоначальные, а в значительной части ютландских диалектов вообще невозможно сочетание V + глухой смычный (такому исконному сочетанию соответствует здесь чаще всего монофонемный дифтонг). Чередования типа /lok/-/lot/ или /gløm/-/glømt/ должны интерпретироваться аналогично чередованиям типа /ro'/-/rai'/ и т.п. (rade- rade), где грамматическая информация передается чередованиями сллабем.

Слоговые южно- и западноютландские диалекты в значительной степени соответствуют слоговым языкам Азии и Африки и по типу грамматического строя. Связи слов в предложении выражены здесь не формами этих слов, а словопорядком, т.е. в этих диалектах фактически отсутствует согласование (здесь исчезло противопоставление по роду), исчезли не только все согласовательные словоизменительные морфемы, но и многие несогласовательные словоизменительные морфемы (напр., показатели числа и времени). Однако в отличие от слоговых языков Юго-Восточной Азии грамматические значения в ряде случаев передаются здесь либо чередованием просодическим (тип /hu's/-/hu's/ дат. литер. huse-hus) либо чередованием качественной части сллабемы (тип /ro'/-/rai'/-/rai'/ rade- rade). У значительной же части слов грамматические значения, выраженные в литературной норме аффиксами, совсем не выражены. Кр. Мёллер утверждает, что в его родном западноютландском говоре прихода Хелдум фраза /hanj wanjær fo'r hæn ve' hei'n/ может иметь 24 значения (если сравнивать ее с соответствующими фразами датской литературной нормы), поскольку форма /wanjær/ может соответствовать и форме настоящего (vander), и форме прошедшего (vandede), и форме будущего времени (vill vande) датской литературной нормы; формы /fo'r/ и /hei'n/ соответствуют определенным формам и единственного и множественного числа (fåret, fårene и соответственно hegnet, hegnene). К такой грамматической омонимии добавляется и лексическая омонимия (Møller, 1929, 17).

В слоговых диалектах Ютландии длительность и толчок не являются показателями типа примыкания, поскольку здесь нет противопоставления типов слогаделения и в последовательностях CVCV(C), CV'CV(C) слоговая граница проходит после поствокалического согласного. Особое значение толчка и длительности в датских диалектах было ясно еще Й. П. Хойсгору и

* Подробнее об этом см.: Кузьменко, 1991.

К. Люнгбю, и хотя, выделяя пять тонов в ютландском диалекте: 1) плавный /hu's/ литер. huse, 2) прерывистый /hu's/ литер. hus, 3) катящийся /hun'/ литер. hunde, 4) толчковый /hun'/ литер. hund, 5) бегущий /hun/ литер. hun, — они распространяли свою классификацию и на литературную норму (см. выше), показав, что и И. П. Хойсгор, и К. Ю. Люнгбю были указателями, т. е. их родным говором был слоговой ютландский диалект. Если в литературной норме просодические характеристики, такие как длительность и толчок, являются средствами сегментной просодики, определяя различные виды примыкания, проявляющегося в слогоделении, то в западно- и южноютландских диалектах они относятся к слогоморфеме в целом — и количество, и толчок становятся акцентными приметами силлабем.

«Тон» (tonehold) по И. П. Хойсгору и К. Ю. Люнгбю — это прежде всего тип слога с его особыми количественными характеристиками, толчками и тональными различиями. Разное сочетание этих фонетических характеристик и является показателем «тона». Таким образом, пять комплексов просодических характеристик в слогоморфемных диалектах являются пятью тонами, функционально тождественными тонам в тональных слоговых языках. При этом количество противопоставляющихся тонов определяется качественными характеристиками слога. Все пять ютландских тонов возможны только на комплексе гласный + сонорный согласный: VN-VN'-VN'-V'N-V'N, тогда как на комплексе V + шумный смычный либо вообще невозможны тональные противопоставления, либо таких противопоставлений может быть только два: VK-V'K, либо VK-V?K. В слоговых языках Юго-Восточной Азии мы наблюдаем такую же картину (ср., напр., возможность только двух из пяти существующих тонов на комплексе V + глухой смычный в шанхайском диалекте китайского языка (Соколов, 1965, 197-199) или возможность четырех из шести существующих тонов на подобном же базисе в тайских языках (Морев, 1983, 36)).

Для комплекса V + глухой смычный в западноютландских диалектах характерно наличие так называемого западноютландского толчка, фонетически соответствующего преглоттализации смычных (Ringgaard, 1960; Кузьменко, 1986, 128-135) — ср., напр., зап.-ютл. /drek/-/dre?k/ дат. литер. drikk-drikke, /stok/-/sto?k/-/ stok-stokke. Наличие западноютландского толчка и его отсутствие на комплексе V + глухой смычный соответствует так называемым входящим тонам (entering tones) языков Юго-Восточной Азии (Кузьменко, 1986, 128-135).

В слоговых языках Юго-Восточной Азии тона могут фонетически реализоваться и как контурные, и как регистровые, включать в себя динамические, количественные характеристики, фарингализацию и глоттализацию, причем отмечают «необычайно большую региональную вариативность фонетических реализаций» (Nashimoto, 1982, 248). В слоговых диалектах Ютландии мы сталкиваемся с подобной же картиной. «Плавный тон» (тон слов типа /hu's/ < /hu'sэ/ дат. литер. huse) и «катящийся» тон (в словах типа /hun' / < /hunэ/ дат. литер. hunde) с одной стороны, и «прерывистый» (/hu's/ дат. литер. hus) и «толчковый» тон (/hun' / дат. литер. hund) — с другой, отличаются друг от друга по-разному в разных областях: в южной Ютландии эти различия в основном мелодические: исходные односложные слова (α-слова) имеют здесь низкий тон, а новые односложные слова (β-слова) — повышающийся или высокий тон (Andersen N., 1997, 65-66). Позднее был подтвержден мелодический характер этих тонов, кроме того, было установлено, что мелодическим различиям сопутствуют различия в интенсивности и длительности. Однако именно мелодические различия являются здесь основными. Противопоставление мелодических акцентов характерно и для самого крупного города западного Шлезвига Обенро (Olsen, 1949, 3-4). В типе VC' длительность согласного всегда сопутствует повышающемуся тону, в типе V'C возможно противопоставление низкого тона («акцент I») высокому или повышающемуся тону («акцент II»), хотя отмечается, что при «акценте II» гласный чуть больше растянут (Bjergum M., 1948). В говорах острова Альс также нет толчка и существуют тональные различия западношлезвигского типа (Jensen E., 1979, 42-50). В части диалектов Ютландии отмечают существование в основном динамических различий, которые, однако, сопровождаются мелодическими различиями. Диалектологи говорят о существовании здесь толчка, отмечая, однако, его более слабое динамическое выражение, чем в литературной норме или в других говорах без апокопы. Толчок, который в норме является показателем корреляции примыкания и слогаделения, в слоговых говорах оказывается слогоморфемным тоном. Прекрасно понимал различную функцию толчка в норме и в говорах с апо-

* Н. Андерсен сообщил, что его коллега, известный датский фонетист Й. Форхаммер слышал ровный тон в словах с акцентом I (α-словах) и резко восходящий и постепенно понижающийся тон в словах с акцентом II (β-словах) (Andersen N., 1997, 65).

копой известный датский диалектолог П. Андерсен, который писал так: «...Различие исконных односложных и двусложных слов сохраняется благодаря толчку или долготе... и это означает, что долгота, толчок и тон в ютландском имеют иную фонологическую функцию, чем в островных диалектах. Толчок в островных диалектах это сигнал особой структуры слога ($\bar{V}C$, VCC), а в ютландском толчок манифестирует релевантные тонемы или акцентемы (а может быть фонемы!)» (Andersen P., 1954, 85).

О слабых динамических характеристиках толчка в уже упоминавшемся нами говоре Бьерре, который не является показателем слогоделения и «падает одновременно на гласный и согласный», пишет Б. Нильсен (Nilssen, 1968, 28). Толчок оказывается сильным только там, где он выполняет функцию показателя примыкания. В одном из говоров Химмерланна, где прошла апокопа, но есть суффиговые артикли, в односложных словах отмечают существование восходяще-нисходящего движения тона (слабый толчок), характерного для исконных односложных слов, для двусложных же форм этих слов (с суффиговым артиклем) характерен сильный динамический толчок, соответствующий толчку литературной нормы (ср. [-bi'l], но [bi'lən] литер. дат. bil, bilen). Форма [bi'l] отличается от апокопированной формы [-bi'l] < [bi'lə] только тональными характеристиками (Molbæk-Hansen, 1978, 16-17).

В островных диалектах апокопа неполная, наиболее сильна она на Фюне, где есть говоры фактически почти с полной апокопой. В говоре Эксендрупа (западный Фюн) в тексте 85% односложных слов, 8% слов типа корень + корень (типа /rɔu'-brø/ rygbrød), 2% слов типа корень + словообразовательный или словоизменяющий суффикс с морфологизованным слогоделением (ср. /kael'-n/ karlene, /säl-föl'-lə/ selvfølgelig), 3% слов типа CV'CV (типа /da'wi/ dagen) и 1% слов с безударным префиксом be (типа /be-stou'/ bestod). Свободная апокопа возможна здесь только в слабых формах прилагательных после некоторых согласных. Хотя у нас нет данных о типе слогоделения слов CV'CV (где CV'C — корень, а V — словоизменяющий суффикс), частотность морфологизованного слогоделения, совпадающая фактически с частотностью морфологизованного слогоделения в слоговых диалектах Ютландии, свидетельствует о возможности слогоделения типа

* Подсчеты проводились по тексту из 615 слов (Danske..., 1975 (4), 30-32).

CV'C-V и в словах типа /løysə/ lyse (adj.def.).

В других говорах Фюна апокопа затронула меньшее количество слов (здесь может сохраняться /ə/ после /l, m, n, s/, для таких слов характерна свободная апокопа /fulə/ ~ /ful' / дат. литер. fulde (Pedersen, 1978, 87). На Фюне толчок слабый, обычно ему соответствует здесь восходяще-нисходящее движение тона, и неместными жителями он вообще не опознается (Danske, 1976, (4), 5); по мнению П. Андерсена, «именно это движение тона характерно для манифестации толчка» (Andersen P., 1958, 34). О важности выделения тонов на Фюне писал еще выдающийся датский лингвист Р. Раск (уроженец Фюна). Описывая свой родной диалект, он выделял в нем четыре тона и обозначил каждый из них надстрочными знаками: ^ — слог с толчком на гласном; ~ — слог с долгим гласным без толчка; - - слог с толчком на согласном, > — слог с кратким гласным и кратким согласным. Р. Раск отмечал, что «обозначение тонов играет в диалекте очень большую роль, так как и словопроизводство, и словоизменение часто связаны только с изменением тона» (ср. dāv-dāv 'день'—'дни', grē-grē 'серый'—'сереть', blēi-blēi 'бледный'—'бледнеть' (Rask, 1938, 75, 78)).

Соотношение фонетического толчка и восходящего или восходяще-нисходящего мелодического движения в разных говорах здесь может быть различным. Мы можем встретить их факультативное чередование в словах типа [bläi'] ~ [-bläi] дат. литер. bleg, но ср. /-vāi/ дат. литер. vej (Andersen, 1954, 26; 1958, 52, 72). Позиционными вариантами толчок и повышающийся тон оказываются в некоторых западнофюнских говорах, где на дифтонгах и глайдах возможен повышающийся тон—ср. [-vii] vid, а на монофтонгах толчок — [vi'] vig (Pedersen I., 1978, 78).

В некоторых говорах, однако, толчок и повышающийся тон являются разными тонами. Уникальная система тоном сложилась в говорах северного Фюна, где длительность, толчок, повышающийся тон и падающий (или низкий тон) образуют четырехчленную систему на дифтонгическом базисе — ср. /-bei/ дат. литер. bi, /be'i/ beg, /-bei/ bide, /be'i / bege, /-bøi/ by, /bø'i/ bøg, /-løi/lyde, /flø'i/ flyve (Andersen P., 1958, 194-295)). Разным тонам на северном Фюне соответствуют разные фонемные последовательности, разное количество слогов и разный тип примыкания в литературной норме, отражающей более архаичное состояние.

Свободная апокопа характерна для говоров островов, лежащих к югу от Фюна. В этих говорах, как правило, нет толчка, но существуют тональные различия,

которые часто зависят от древнедатского количества гласных.

Если на Фюне тональные противопоставления в α -словах характерны только для некоторых слов с определенной фонемной структурой (ср., /hun/-/hun/, /väi/-/väi/), то на Эрё, Лангеланне и других островах, расположенных к югу от Фюна, такое различие свойственно всем α -словам с исконно различным вокализмом.

В говорах со свободной апокопой можно наблюдать сосуществование корреляции контакта и силлабемности. В зеландском говоре Стрёбю, где представлена свободная апокопа, апокопированные формы с исконным базисом V + глухой + глухой совпали с исконными односложными словами (α -словами) — ср., напр., [fesg] ~ [fesgə] fiske и /fesg/ fisk. В словах с плотным контактом и другой структурой базиса β -слова сохраняют просодическое отличие от α -слов и в апокопированных формах — ср., напр., [tönə] ~ [tön'] tønde, но /tön'/ tønd, [kasə] ~ [kas'] kasse, но /pas/ pass. В словах типа CV'Cə апокопа не связана с удлинением гласной или согласной, поскольку CV'Cə (β -слова) отличаются от CV'C (α -слов) видом примыкания и противопоставление /hu'sə/-/hu's/ huse, hus становится противопоставлением /hu's/-/hu's/.

Таким образом, в современных зеландских диалектах с апокопой исконные различия α - и β -слов по-разному представлены в словах с разными фонемными базисами. Исконному различию V'Cə -V'C соответствует различие V'C-V'C независимо от типа фонемного базиса — ср. датск. литер. sol-sole, hus-huse, зеландск. диал. /sou'l/-/sou'l/, /hu's/ или /høu's/-/hu's/ или /høu's/. Исконное противопоставление VCə-VC имеет разный вид в диалектах с апокопой в зависимости от качества согласного: в словах с сонорным согласным различие обеспечивается удлинением согласного (ср., напр., датск. литер. ven-vende, зеландск. диал. /vän/-/vän'/), часто удлинившийся согласный появляется и в словах с глухим щелевым (ср. датск. литер. kasse — зеландск. диал. /kas'/). В словах с шумным смычным различие исконных VCə-VC обеспечивается мелодическими характеристиками: ровное движение тона в β -словах — ср. датск. литер. hoppe с зеландск. диал. [hob] — и подъем тона в α -словах — [-hob] — hopp (Larsen I., 1971, 192-206).

Состояние свободной апокопы предполагает три возможные интерпретации: признание всех видов акцента апокопы манифестацией двусложности (т. е. [kas'] = /kasə/, [hu's] = /hu'sə/), что наиболее популярно в

датской традиции (см., напр., Ejskjær, 1970). Такая трактовка опровергается формами типа [hu's] ~ [hu'sə], в которых односложный вариант просодически отличается от двусложного только отсутствием /ə/ (т.е. все неапокопированные односложные слова типа CV'C пришлось бы трактовать как CV'Cə). Можно было бы предложить и логически противоположную трактовку ситуации свободной апокопы: учитывая то, что свободная апокопа в датских диалектах всегда сменяется полной апокопой, признать иррелевантность /ə/, т.е. трактовать формы типа [kasə] как /kas' / — такая трактовка поддерживается прежде всего формами типа [hu's] ~ [hu'sə], где просодический облик корневой морфемы сохраняется. Однако оба эти интерпретации являются неадекватными, поскольку одна из них пытается показать, что изменения не произошло несмотря на его очевидность, другая, наоборот, забегая вперед, утверждает, что изменение уже произошло несмотря на существование двусложных вариантов. Наиболее приемлемой трактовкой на наш взгляд является признание вариантов типа [kas'] ~ [kasə], [hu's] ~ [hu'sə] и т.п. янус-просодемой, т.е. признание частичного сохранения релевантности корреляции контакта, поскольку в диалекте сохраняются неапокопированные формы (чаще всего это формы слабого прилагаемого); с другой стороны, в словах особой фонетической структуры (чаще всего это дифтонги и монофтонги из сочетаний V + w) формы с /ə/ уже невозможны. Для таких слов следует признать релевантность противопоставления слоговых тонов (ср., напр., /sva' / - /ka' / - /fa' / svag, kage, fag или /löu' / lag, løb, løv — /löu' / претерит от løbe — /löu' / løbe). Противопоставление типа контакта и слогового тона остаются релевантными в вышеназванных группах слов, тогда как в группе слов со свободной апокопой они являются янус-просодемами.

Поскольку синлабемы являются сегментно далее неделимыми единицами, просодические характеристики синлабем фактически не отличаются от качественных характеристик вокалической и консонантной части синлабемы. Именно поэтому тон слогоморфемного языка и воспринимается как «такая же составная часть слога, как гласный и согласный» (Chao, 1980, 44).

Поскольку в слоговых языках нет сегментных единиц меньше слога, то такие просодические характеристики, как тон и длительность, функционально схожи с фонетическими характеристиками, такими как качество вокалической и консонантной части синлабемы. Дж. Фирт и его ученики предлагают рассматривать фактически все

качественные признаки, такие, например, как палатализацию, веляризацию, аспирацию, как просодии (Firth, 1948, 121-138; Robins, 1970, 194; Scott, 1970, 152-153). Хотя такой анализ вряд ли справедлив для языков фонемного типа, сходство этих признаков и тонов в слоговых языках не вызывает сомнений, поскольку и те и другие относятся к неделимой на фонемы силлабеме. Невозможность ресиллабации определяет в слоговых языках и тесную фонетическую связь между вокалической и консонантной частью силлабемы (Касевич, 1976, 127). Такая тесная фонетическая связь характерна для наиболее слоговых германских диалектов, и проявляется она в образованиями разного рода дифтонгов и носовых гласных (см. с. 86-110).

Западногерманские языки

У нас нет данных о полном совпадении слоговых и морфологических границ в западногерманских языках (т.е. о полностью морфологизованном слогаделении, подобном слогаделению в датских диалектах Ютландии), однако тенденция к совпадению слоговых и морфологических границ несомненна и в западногерманских языках.

Наибольшая степень слогоморфемности характерна, естественно, для языков и диалектов с преобладанием однослодных слов и с отмеченными границами между словами; из западногерманских языков наиболее слогоморфемными являются английский и африкаанс, а из диалектов высокая степень слогоморфемности характерна для большинства диалектов с апокопой и для креольских языков (ср., напр., креольский голландский язык Виргинских островов, где односложные слова частотнее, чем в английском, о чем свидетельствует сравнение текста на этом языке и его английского перевода, текст взят из книги — Josselin, 1905, 74).

В части западногерманских диалектов с высокой степенью слогоморфемности мы встречаемся с существованием просодических различий в односложных словах, которые не покрываются различиями по типу примыкания.

В большинстве западногерманских языков и диалектов с корреляцией контакта нет супрасегментных просодических различий, однако в части приморских нижненемецких диалектов (прежде всего в говорах Нижней Саксонии, Шлезвига и Гольштинии) и во многих рейнскофранкских диалектах ФРГ, Люксембурга, Бельгии и

Голландии ударные корневые морфемы просодически различаются. В нижненемецких диалектах просодически различаются исконные и новые (притерпевшие апокопу) односложные слова (ср., напр., противопоставление типа /hu's/-/hū:s/ нем. литер. *der Haus-dem Hause*; /dāif/-/dāi:f/ *Dieb-Diebe*; /kan/-/kân:/ *kann-Kanne*). Среди комплекса фонетических черт, отличающих исконную и новую односложность, называют длительность, количество динамических вершин (исконные односложные одновершинные, новые односложные — двухвершинные) и движение тона (исконные односложные слова имеют ровный или восходящий тон, новые односложные слова имеют падающий тон) (Sievers H., 1914, 29-30; Bremer, 1928(1927), 1915; Essen, 1958, 112; Rogby, 1967, 24-25; Ternes, 1980, 380). Кроме того, апокопированные слова отличаются от исконных односложных слов фонетически и более свободным примыканием. В двухвершинных словах с апокопой после вершины слога следует новое ослабление и согласный примыкает к гласному «на этой незначительной интенсивности» (Larsson, 1917, 17). Наличие или отсутствие просодических различий у исконных и новых односложных слов связано и с качеством согласного, и с типом примыкания — исконные двусложные слова с плотным примыканием и глухим (сильным) поствокалическим согласным не отличаются здесь просодически от исконных односложных слов.

В двусложных словах здесь противопоставляются только два просодических типа (плотное и свободное примыкание), в односложных словах возможно противопоставление большего количества просодических единиц (двух, трех или четырех) в зависимости от качества гласного и поствокалического согласного. В односложных словах с дифтонгом, которые в двусложных формах не противопоставляются по типу контакта, возможно противопоставление только двух просодических типов (ср., напр., /leix/ 'плохой' — /lēi:x/ нем. литер. *(ich) lüge* (Essen, 1958, 111)). В односложных словах с поствокалическим шумным согласным, которые в двусложных формах противопоставляются по типу примыкания (и слогаделения) — плотное/свободное, возможно противопоставление трех просодических типов — ср., напр., /vit/-/vi't/-/vī:t/ нем. литер. *weiß, weit, weide* (Ternes, 1980, 380-381); наконец, при сочетании гласного с сонорным согласным в односложных словах возможно противопоставление четырех просодических типов — ср., напр., /kan/ *kann* — /bā'n/ *beten* — /šy:n/ *schütten* — /hūn:/ *Hunde* (Sievers H., 1914, 30-59; Larsson, 1917, 18, 76, 121-125; Mackel,

1905, 66; Rogby, 1967, 24-25). Здесь оказываются возможными даже сочетания сверхдлинного гласного с велярным носовым (типа /vã:ŋ/ wägen).

Таким образом, в нижненемецких диалектах возможны самое большее четыре типа сочетаний длительности с динамическими и мелодическими различиями: в исконных α -словах сочетания краткого гласного с кратким согласным (VC) и длинного гласного с кратким согласным (V'C) динамически и мелодически одновершинны и имеют ровное или восходящее движение тона; в исконных β -словах сочетания краткого гласного с долгим согласным (VC:) и сверхдлинного гласного с кратким согласным (V:C) могут быть динамически и мелодически двухвершинными и имеют падающий тон. Долгие согласные в нижненемецких диалектах (так же как долгие согласные в датских диалектах с апокопой) в отличие от долгих согласных при изохронии (как, напр., в шведском или в баварских диалектах) не могут быть слогоначальными — они всегда стоят в конце слова.

Сочетание различных фонетических характеристик у четырех типов слогов дает повод для разных интерпретаций. Традиционно релевантным считается различие в длительности (см., напр., Sievers H., 1914, 29-30; Rogby, 1967, 24-25; Ternes, 1980, 380), и противопоставление типа /vit/-/vi't/-/vi:t/ трактуется как противопоставление кратких, долгих и сверхдолгих гласных, а противопоставление типа /kan/ kann — /kan:/ Kanne — как противопоставление кратких и долгих (или сверхдолгих) согласных. Существует и трактовка различий в длительности как реализации слоговых акцентов — экстенсии (V:C, VC:) и отсутствия экстенсии (Кацнельсон, 1966). При анализе нижненемецкой просодики можно было бы воспользоваться и интерпретацией противопоставления VC-V'C-V:C в нидерландских диалектах, основанной на трактовке количества в языке хопи, предложенной Трубецким (Трубецкой, 1960, 244) — эти три просодических типа трактуются как сочетание признаков моросчитания и примыкания: одноморный слог с плотным примыканием (VC), одноморный со свободным примыканием (V'C), биморный со свободным примыканием (V:C) (Dols, 1941, 203; Wijk van, 1941, 230). К этим трем типам в нижненемецком можно было бы добавить биморный с плотным примыканием в словах типа /kan:/ Kanne. Просодические различия в нижненемецких диалектах можно было бы трактовать и как сочетание типов примыкания со слоговыми акцентами I и II. И, наконец, принимая во внимание фонетически менее плотное примыкание в типе V:C, чем в типе V'C, можно было бы представить ниж-

ненемецкие просодические типы как противопоставление четырех типов примыкания (как в литературном датском, см. с. 76). Однако ни одно из этих предположений не учитывает особого характера просодических противопоставлений в нижненемецких диалектах. Так же как и в датских диалектах с апокопой, противопоставление четырех (а в зависимости от качества фонемного базиса трех или двух) просодических типов возможно здесь только в односложных словах, что отличает эти противопоставления и от слоговых акцентов шведско-норвежского типа, которые характерны в основном для двусложных слов типа корень + суффикс, и от четырех типов примыкания датской литературной нормы, основной ареной противопоставления которых также являются двусложные слова. Трактовка просодических различий односложных слов в нижненемецких диалектах должна соответствовать трактовке просодических различий в датских диалектах с апокопой. Сочетание различных количественных, мелодических и динамических различий следует интерпретировать здесь как слогоморфемные тоны. Основным фонетическим качеством, различающим исконные односложные и апокопированные слова, являются, вероятнее всего, мелодические различия: известный фонетист О. фон Эссен, описавший свой родной нижненемецкий диалект (один из говоров «Четырех земель» у Гамбурга), считает основным различием — различие ровного (или повышающегося) и падающего тона (Essen, 1958, 112).

Сходного типа фонетические различия характерны для части рейнскофранкских диалектов ФРГ, Голландии и Бельгии (Лимбург), однако дистрибуция этих различий здесь иная. Большая длительность, динамическая двухвершинность, падающий тон и более свободное примыкание (так называемый акцент II) характерны здесь не только для слов, претерпевших апокопу, но и для исконных односложных слов с исконными долгими широкими гласными *o*, *e*, *a* (в том числе \bar{o} , \bar{e} < *ai*, *au*, *oe*) (ср. Kern, 1910, 259-260; Кацнельсон, 1966, 253-268) — ср., напр., акцентуацию слов типа нем. литер. *Rat*, *Blut*, *tief*, *Stein* в лимбургском говоре Маастрихтера — /rā:t/, /blō:t/, /dē:p/, /stē:n/ (Kern, 1910, 260), соответствующую акцентуации апокопированных слов.

Во франкских диалектах ФРГ отмечают появление «сокращающего акцента» (коррепции) в исконных односложных словах в отличие от экстенсии апокопированных слов и слов со спонтанной экстенсией — ср., напр., противопоставление типа /háus/-/háus/ *der Haus-dem Hause* в говоре Арцбаха (Кацнельсон, 1966,

264). Однако наиболее хорошо известна коррепция в центральнофранкских говорах, где именно она (а не экстенсия) является акцентом апокопы и акцентом спонтанной сферы (т. е. в отличие от говора Арцбаха в этих диалектах коррепцию имеет форма дательного падежа /háus/ (dem) Hause, тогда как форма общего падежа не имеет коррепции — /háus/). Коррепцию описывают как динамический акцент, сокращающий и гласный, и последующий согласный и создающий сильное примыкание гласного к согласному (Frings, 1916, 6-7, 12). Последние фонетические исследования показали, что слоги с коррепцией на 1/4 короче, чем соответствующие слоги без нее; для слогов с коррепцией характерно резкое падение интенсивности, более высокий тон и более быстрое изменение высоты тона (именно последнее, как показывают эксперименты на восприятие, является, вероятно, релевантным, — Schmidt, 1986, 64-68, 109, 119-123).

Слова с коррепцией отличаются от слов без нее динамическими, квантитативными и мелодическими особенностями и фонетическим способом примыкания (т. е. фактически тем же комплексом признаков, что и слова с экстенсией как акцента апокопы от слов без экстенсии в другой группе диалектов). Однако распределение этих двух комплексов признаков в этих двух областях прямо противоположное: в центральнофранкских диалектах для слов с апокопой и слов спонтанной сферы характерен резкий одновершинный акцент, более плотное примыкание, меньшая длительность и ровный или повышающийся тон, в нижнефранкских диалектах для этих же слов (а в нижненемецких диалектах только для слов с апокопой) характерен двухвершинный динамический акцент, более свободное примыкание, большая длительность и падающий тон или динамическая двухвершинность. Маркированным членом оппозиции в обеих областях оказывается акцент апокопы: в нижнефранкских и нижненемецких диалектах акцент II (экстенсия), в центральнофранкских диалектах акцент I (коррепция). Хотя при противопоставлении коррепция-отсутствие коррепции в одной диалектной области и экстенсия-отсутствие экстенсии — в другой каждый немаркированный член оппозиции одной области обладает фактически теми же фонетическими признаками, что и маркированный член оппозиции другой области (т. е. отсутствие коррекции и экстенсия с одной стороны, и отсутствие экстенсии и коррепция — другой), фонетические характеристики экстенсии и коррепции выражены наиболее ярко и полно именно там, где коррепция, соответственно экстенсия, являются маркированными чле-

нами (там, где они являются акцентами апокопы).

В тех областях, где акцент апокопы корреляция (акцент I) — количество противопоставляющихся просодических типов, так же как и в нижненемецких и нидерландских диалектах определяется качеством фонемного базиса. Четыре типа просодических различий возможны только на базисе монофонг + сонорный (ср., напр., /šáːl/ нем. литер. schal, /šáːl/ Schale, /šálːl/ Schall, /sal/ 'покрыв'), три на базисе гласный + шумный (ср., напр., /šdāːt/ steht, /šáːt/ Schade, /zat/ satt), два на базисе дифтонг + согласный (/zēin/ sein, /séin/ seine) (Schmidt, 1986, 185-186).

В части центральнофранкских диалектов с корреляцией в апокопированных словах нет спонтанной корреляции и супрасегментные просодические различия характерны здесь, так же как и в нижненемецких и датских диалектах, только для односложных слов. Супрасегментные просодические различия характерны здесь только для базиса гласный + сонорный. От нижненемецких диалектов эти центральнофранкские диалекты отличаются и противоположной маркировкой апокопированных слов, которые имеют здесь корреляцию (акцент I), а не экстензию (акцент II).

В большинстве же центральнофранкских диалектов мы имеем дело и с комбинаторной и со спонтанной акцентуацией (там, где акцент апокопы совпадает с акцентом слов с исконными или развившимися из дифтонгов широкими долгими гласными). В этих диалектах супрасегментные просодические различия характерны не только для односложных, но и для многосложных слов (ср., напр., /léːsə/ lesen, /lêːsə/ lösen, /váisə/ weisen, /váisə/ weißein, /bòkskə/ 'книжка', /bòkskə/ 'штанишки', — Schmidt, 1986, 125, 215). Именно существование спонтанной и комбинаторной акцентуации, связанной с качеством исконного гласного и согласного, делает возможным существование супрасегментных просодических различий в многосложных словах.

Общим для обеих областей распространения просодических различий в нижненемецких и франкских диалектах является и то, что они характерны только для областей распространения апокопы. Морфологическая функция этих акцентов очень велика — она часто соответствует морфологической функции противопоставлений нулевого окончания окончанию /ə/ в немецкой лите-

* Об области распространения подобных диалектов см.: Wiesinger, 1975, 75; Schmidt, 1986, 131-132.

ратурной норме. Наличие или отсутствие экстенсии и соответственно наличие или отсутствие коррепции различает формы единственного и множественного числа существительных (ср., напр., формы типа /dái:f/-/dái:f/ Dieb-Diebe в нижненемецких диалектах с экстенсией или формы типа /dā`x/-/dā`x/ Tag-Tage в рипуарских диалектах с коррепцией, — Кацнельсон, 1966, 252), формы общего и дательного падежа существительных (ср., напр., /hú`s/-/hú`s/der Haus — dem Hause в диалектах с экстенсией и /hú`s/-/hú`s/ в диалектах с коррепцией), формы прилагательных, соответствующие формам типа stief-stiefe в немецкой литературной норме (ср., напр., /štî`f/-/štî`f/ в говорах с коррепцией и соответственно /štî`f/-/štî`f/ в говорах с экстенсией).

Просодические системы с коррепцией можно было бы трактовать и как противопоставление по длительности (краткий-долгий (коррепция) — сверхдолгий) или как противопоставление по типу контакта и количеству мор (одноморный с плотным контактом — биморный с плотным контактом (коррепция) — биморный со свободным контактом). Можно было бы предложить различать просодические типы и в областях распространения экстенсии, и в областях распространения коррепции только по типу контакта (т.е. представить /vit/ - /vi`t/ - /vi:t/ как плотный, свободный и сверхсвободный контакт в областях распространения экстенсии как акцента апокопы, и /vit/-/vi`t/-/vi:t/ как противопоставление сверхплотного, свободного и плотного контактов в областях распространения коррепции как акцента апокопы). Если вспомнить, что и в области распространения экстенсии, и в области распространения коррепции на фонемном базисе V + сонорный возможны четыре типа просодических различий (см. /šá`l/, /šâ`l/, /šal`/, /šal/), можно было бы трактовать эти различия как противопоставление четырех типов контакта. Наиболее распространена в последнее время трактовка коррепции и ее отсутствие как слоговых акцентов (Кацнельсон, 1966, 211-222). Теоретические возможности трактовки просодических противопоставлений в диалектах с коррепцией кажутся такими же, как и при трактовке просодики нижненемецких диалектов (см. выше). Однако основное различие проходит не между рейнскофранкской акцентуацией и нижненемецкой акцентуацией, а между акцентуацией, характерной только для односложных слов, как в нижненемецком (где нет спонтанной экстенсии) и части франкских диалектов (где нет спонтанной коррепции), и акцентуацией ниже- и центральнофранкских диалектов, характерной

и для односложных и для двусложных слов. В первом случае акценты являются слогоморфемными тонами, так же как акценты датских диалектов с апокопой, во втором — они имеют сходство со шведско-норвежскими слоговыми акцентами (они могут характеризовать корневую морфему двусложного слова (ср. /våisə/-/våisə/ weisen-weißen), однако отличаются от шведско-норвежских слоговых акцентов тем, что основная арена акцентных противопоставлений в этих центральнофранкских диалектах — односложные слова (так слоговые акценты приобретают черты тонов), тогда как в шведском и норвежском слоговые акценты противопоставляются только в многосложных словах. Однако, хотя в центрально- и нижнефранкских диалектах со спонтанной и комбинаторной акцентуацией основная арена акцентных противопоставлений — односложные слова, эти акценты не являются здесь тонами датского и нижнегерманского типа, поскольку в них возможны акцентные противопоставления в двусложных словах, что заставляет трактовать их как слоговые акценты, сочетающиеся с двучленной корреляцией контакта.

После установления синхронного состояния просодических и вокалических систем в современных германских языках, можно приступать к реконструкции соответствующих изменений. В задачи второй части книги войдет реконструкция просодических и вокалических изменений, основанная на данных, полученных в первой части. Сосуществующие современные системы сегментной просодики будут представлены как цепь последовательно сменяющих друг друга состояний от моросчитания к слоговому равновесию, от слогового равновесия к корреляции контакта и от корреляции контакта к силлабности.

Часть II
ДИАХРОНИЯ
РЕКОНСТРУКЦИЯ

1. ОТ МОРОСЧИТАНИЯ К СЛогоВому РАВНОВЕСИЮ

Просодика

За исходное состояние мы принимаем состояние, которое зафиксировано в первых письменных памятниках германских языков. Судя по первым письменным памятникам, структура сегментной просодики (т. е. соотношения VC) была сходной во всех древних германских языках. Графика древних памятников германских языков и прямое указание в Первом исландском грамматическом трактате свидетельствуют о том, что во всех германских языках эпохи их первых письменных памятников были возможны все четыре просодических типа сочетания гласный+согласный ($\bar{V}C$, $\bar{V}C$, $\bar{V}C$, $\bar{V}C$). В памятниках с последовательно выдержанной графикой долгие гласные обозначались двойными буквами или надстрочными знаками циркумфлекса (у Ноткера) или акута (предложение автора Первого исландского грамматического трактата). Долгие согласные могли обозначаться двойными буквами, а автор Первого грамматического трактата предлагает для их обозначения строчные маюскулы.

Четырем типам сочетания VC соответствовало и существование четырех типов корневых морфем. В древнеисландском, древнесаксонском и древнеанглийском ударности корневой морфемы соответствует возможность противопоставления в ней всех четырех просодических типов, тогда как в суффиксальных морфемах такое противопоставление было невозможно. Судя по графической традиции правил бенедиктинцев (начало IX в.) и Ноткера (начало XI в.), последовательно отражавших долготу гласных в древневерхненемецких текстах, в закорневых морфемах гласные могли быть и краткими, и долгими ((Braune, 1955, 59) — ср., напр., *inf. rāten* — *ind. pl.1 rātēn*; *ind. pl. 2 nēmet* — *conj.*

2 nēmēt), долгие гласные были приметой целого ряда грамматических категорий. По-видимому, сходная картина была характерна и для готского языка эпохи Вульфилы (ср. готские формы типа *dagos*, *qineis*, *gebot* и т. п.).

Хотя принято считать, что и в древневерхненемецком, и в готском словесное ударение не могло падать на словоизменятельную морфему и было уже в основном корневым (Зиндер, Строева, 1965, 97-98; Гужман, 1958, 47), очевидно, что если в этих языках и существовало корневое словесное ударение, то оно имело здесь природу, отличную от природы словесного ударения языков, в которых в ударной позиции различаются большие наборы фонологических единиц (фонем и просодем). По признаку возможности противопоставления долгих и кратких в безударной позиции древневерхненемецкий и готский соответствовали языкам типа латинского или литовского, для которых характерны количественные противопоставления в безударных флексиях (см., напр., литов. *kletis* 'амбар' — *kletys* 'амбары' (ср. др.-вн. *nēmēt-nēmēt*), причем ударный корень может иметь краткий гласный, а безударное окончание — долгий (ср., напр., лат. *volō* — др.-вн. *nēmēt*, гот. *dagos*). Не исключено, что и чисто фонетически словесное ударение в древневерхненемецком и готском отличалось от словесного ударения других древних германских языков, в которых произошла редукция окончаний.

Даже самые архаичные современные германские диалекты, сохранившие все количественные типы корневых морфем ($\check{V}C$, $\bar{V}C$, $\check{V}\bar{C}$ и $\bar{V}\bar{C}$), не сохранили количественных противопоставлений во флексиях. Поэтому первый этап изменения: исчезновение количественной и качественной равноценности корней и флексией, — мы можем реконструировать, сравнивая древневерхненемецкий и готский с остальными древними германскими языками и древневерхненемецкий со средневерхненемецким. Это изменение привело к тому, что корневые морфемы стали отличаться от флексий возможностью противопоставления в них всех количественных типов — их ударность стала функциональной. Кроме того, в дву- и многоложных биморфемных словах с долгосложными корнями корневая позиция отличалась от позиции флексии не только парадигматической возможностью противопоставления всех просодических типов в корне и невозможностью такого противопоставления во флексии, но и синтагматическим противопоставлением долгого корня краткой флексии (в древнеанглийском и древнесаксонском это сопровождалось и качественной редук-

цией). В словах же краткосложных такого синтагматического противопоставления не было: длительность корня и флексии были равноценны, равноценны оказывались и качественные характеристики корня и флексии краткосложных слов (ср. др.-а. *fætu, sine*, др.-исл. *tala, hani*). Таким образом, функционально ударение в краткосложных словах в древних германских языках не отличалось от ударения этих слов в современных скандинавских моросчитающих диалектах. До редукции закорневой морфемы и до количественного выделения корневого слога по сравнению с закорневым (т. е. до удлинения краткосложных корней), что произошло во всех германских языках «среднего» периода, словесное ударение слов типа $\check{C}\check{V}\check{C}\check{V}(C)$ в древних германских языках могло отличаться от словесного ударения долгосложных слов также, как оно отличается в современных скандинавских моросчитающих диалектах. Не исключено, что отсутствию фонологической выделенности корня по сравнению с окончанием в древних германских языках сопутствовало и отсутствие ударности корневой морфемы по сравнению с флексией, т. е. в древних германских языках скорее всего существовало характерное для архаичных скандинавских диалектов равновесное ударение краткосложных бисиллабов. Напомним, что равновесный акцент характерен не только для диалектов, в которых есть морные акценты (I и II), но и для тех диалектов, где нет противопоставления морных акцентов на долгосложных корнях. Таким образом, традиционное предположение о том, что корневое ударение было приметой общегерманского периода и именно это корневое ударение и стало причиной всех последующих изменений закорневой части слова в истории германских языков, вряд ли полностью справедливо. Даже в тот период развития германских языков, который отражен в древнеанглийских, древнесаксонских и древнеисландских памятниках, мы не можем говорить о корневом ударении по крайней мере в одной группе слов — $\check{C}\check{V}\check{C}\check{V}(C)$ — и то, что отсутствие квантитативной и квалитативной выделенности корня по сравнению с окончанием в древних германских языках (после редукции окончаний) означало отсутствие корневого ударения, подтверждают современные скандинавские моросчитающие диалекты с равновесным акцентом (т. е. отсутствием выделенности корня). Современные верхнеалеманнские диалекты, также сохранившие слова типа $\check{C}\check{V}\check{C}\check{V}(C)$, и имеющие в этих словах ударение на корне (тип /*hasə*/ нем. литер. *Hase*), не могут служить моделью древнегерманского ударения подобных слов, поскольку для верхнеалеманнских диалектов характерна

редукция окончаний, тогда как в древних германских языках именно слова типа $CVC\bar{V}$ сохраняли окончания (ср. др.-а. *fātu, sunu* и т. п.).

О том, что в древних германских языках длительность была выражением моросчитания (как и в современных архаичных скандинавских диалектах), свидетельствуют правила древнегерманского стихосложения (возможность эквивалентности $\bar{V} = \bar{V}\bar{V}$) (Kuryłowicz, 1975, 150; Suzuki, 1985, 102; Стеблин-Каменский, 1979, 65). Снопри Стурлусон в Младшей Эдде говорит о существовании «быстрых» (одноморных) и «медленных» (биморных) слогов, имея в виду возможность использования в поэзии двух «быстрых» слогов вместо одного «медленного» (Sturluson, 1968, 218; Arnason, 1980, 108-111). О просодическом равенстве $\bar{V}\bar{V} = \bar{V}\bar{C}$, $\bar{V}\bar{C}$ свидетельствует в древних западногерманских языках и апокопа третьей моры (ср., напр., др.-а. *fātu, limu, wine, hefe, sunu, lagu*, но *wif, word, glām, ent, gar, feld*). Такая апокопа типологически полностью соответствует апокопе (или редукции) третьей моры в современных скандинавских моросчитающих диалектах (ср., напр., /tālā/, но /kâst/ или /-kastə/ др.-исл. *tala, kasta*). О моросчитании может свидетельствовать и закон Сиверса в готском — связь просодического вида алломорфов *-eip, -jip, -jis, -eis* с количеством мор предшествующего комплекса. После биморного корня следуют окончания *-eip, eis*, после одноморного *-jis, -jip* (т. е. *sokeis* и *hairdeis*, но *nasjis*), при этом после биморной основы $CVC\bar{V}(C)$ окончание такое же, как и после биморного корня $C\bar{V}C$ или $C\bar{V}C$ (ср., напр., *mikileis*). Возможно, в готском языке эпохи Серебряного кодекса равенства $\bar{V}\bar{C}\bar{V}C-C\bar{V}C$, $C\bar{V}C$ уже не существовало, о чем свидетельствуют случаи нарушения закона Сиверса (ср. написания типа *reikjis* и *kunþjis* вместо ожидаемых *reikeis* и *kunþeis*, — Marchand, 1955, 1973, 92), однако готский эпохи Вульфилы, вероятнее всего, еще сохранял моросчитание.

Особый вопрос просодики древних германских языков — вопрос о просодическом значении краткосложных моносиллабов ($C\bar{V}C$), которые в древнегерманской поэзии самостоятельно могли занимать вершину краткой строки (нем. *Hebung*, англ. *lift*) наряду с биморными $CVC\bar{V}(C)$, $C\bar{V}C$ и $C\bar{V}\bar{C}$. Поскольку в языке долгие биморные $C\bar{V}C$ и $C\bar{V}\bar{C}$ отличались от кратких одноморных $C\bar{V}C$ квантитативно (как они и продолжают отличаться в современных архаичных германских диалектах), то очевидно, что использование $C\bar{V}C$ в вершине, предполагающей биморность, могло быть связано только с двумя возможностями. Либо биморность появилась благодаря позиции

(Р. Лэсс утверждает, что в вершине строки краткосложный моносиллаб мог стоять только в том случае, если за ним следовало слово, начинающееся на согласную — ср., напр., *Beow 13... geong in geardum þone God sende*; *Hild. 59 der dir nū wiges warne, ne dih es sō wel lustit* (Lass, 1983, 161-166)), либо в вершине строки было возможно окказиональное удлинение (до двух мор) краткосложных моносиллабов (если не было позиции удлинения, т. е. последующей согласной). Дело в том, что Р. Лэсс не совсем прав, поскольку есть много примеров постановки в вершину краткой строки краткосложного моносиллаба даже в том случае, когда за ним следует слово, начинающееся на гласный, — ср. др.-а. сочетания типа *God eape...*, *God uþe*, *swic arisan* (Suzuki, 1985, 99). Такие случаи говорят либо о возможности окказионального удлинения слов типа CVC , стоящих в вершинной позиции, либо о возможности включения следующего за словом типа CVC согласного или гласного (независимо от его количества) в биморный комплекс вершины стиха. В любом случае мы не можем говорить о просодическом равенстве $CVC=CVCV$, как это делает Курилович (Kuryłowicz, 1975).

Что касается типа слогоделения и связи слогоделения с количеством гласного и соотношения слоговых и морфологических границ в древних германских языках, то обычно предполагается, что в словах типа $CVCV(C)$ корневой слог был открытым независимо от длительности гласного (т. е. $C\bar{V}-CV$ и $C\bar{V}-CV$) и конечноморфемный согласный в таких словах становился слогоначальным (др.-исл. *ge-ta*, *tā-ka*; готск. *ā-la*, *mī-tan*; др.-а. *fæ-tu*, *wī-ne*, — см., напр., Heusler, 1932, 15; Awe-duk, 1975, 69; Murray, Vennemann, 1983, 518). Такой же тип слогоделения в краткосложных словах реконструируют и для протогерманского периода (Murray, Vennemann, 1983, 518).

Традиционно предполагаемое слогоделение краткосложных слов типа $CVCV(C)$ в древних германских языках ($C\bar{V}-CV(C)$) противоречит критерию слогоделения Е. Куриловича, отказывающегося проводить слоговую границу в словах типа $CVCV(C)$ на том основании, что в древних германских языках не было односложных слов типа CV (а по Куриловичу границы между слогами могут фактически проходить только там же, где и границы между словами, см. 13). Однако такое традиционное

* Примеры метрического удлинения кратких слогов мы можем встретить у Гомера (Lejeune, 1972, 221).

слогоделение $\check{C}\check{V}-CV(C)$ целиком и полностью соответствует слогоделению современных германских диалектов, сохранивших все исконные типы сегментной просодики. Именно такое соответствие не оставляет сомнения в том, что это традиционное деление, установленное на основании данных стихосложения, переносов и дальнейших рефлексов слов $\check{C}\check{V}CV(C)$ справедливо.

В древних германских языках, так же как и в современных германских архаичных диалектах, в словах типа $CVCV(C)$ слогоделение не было связано ни с длительностью предшествующего гласного, ни с морфологическим членением, т. е. противопоставление типов слогоделения в древних германских языках было иррелевантно.

Распределение типов сегментной просодики ($\check{C}\check{V}C$, $\check{C}\check{V}\bar{C}$, $\check{C}\check{V}C$, $\check{C}\check{V}\bar{C}$) в словаре и их частотность в текстах древних германских языков были неодинаковыми. Самой низкой частотностью и в словаре, и в текстах обладал сверхдолгий тип $\check{C}\check{V}\bar{C}$. Его частотность в текстах различных германских языков не превышает по нашим подсчетам 2%. Долгосложные типы преобладают и в словаре, и в тексте, причем, как правило, их частотность в тексте превышает их частотность в словаре. По подсчетам Б. Филлипс в древнеанглийском словаре чуть более 20% краткосложных слов и 9.6% сверхдолгосложных, и в остальных словах ударные слоги биморны (Phillips, 1983, 887). По моим подсчетам в древнеанглийском тексте частотность краткосложных слов зависит от типа памятника (в Беовульфе их 18%, а в прозе *Cura pastoralis* и Путешествии Охтхере и Вульфстана — 11-12%). В Хелианде частотность краткосложных ударных слогов также 18%, в Песне о Хильдебранте* 25%, тогда как в переводах Ноткера их только 15%. В древнеисландском словаре по подсчетам Э. Хаугена

* Приведенные нами цифры вряд ли покажутся абсолютно точными профессионалам лингвистической статистики, поскольку подсчеты проводились на сравнительно небольшом материале (для каждого типа памятников частотность подсчитывалась в тексте из 1000 слов). Безударные предлоги, союзы, связки и местоимения, частотность которых в древних германских языках по нашим подсчетам составляет 20-25%, не учитывались (т. е. общее количество ударных слов в соответствующих текстах составляло 750-800); хотя такие подсчеты и не могут быть абсолютно точными, они несомненно показывают тенденцию соотношения распределения разных сегментных типов просодики по словам в древних германских языках.

долгосложных слов 75% (Haugen, 1942, 68), а по нашим подсчетам частотность краткосложных слов в текстах древнеисландских саг — 12 %.

Все просодические типы сегментной просодики древних германских языков сохранились, как мы видели выше, в архаичных скандинавских и верхнеалеманнских диалектах. Отличие сегментной просодики древних германских языков от сегментной просодики современных германских диалектов, сохранивших все типы сегментной просодики, не парадигматическое, а синтагматическое. Оно заключается в количественном соотношении долгосложных и остальных типов. Как мы уже отмечали, в норвежском говоре Вого частотность краткосложных слов не превышает 5%, причем не все гласные возможны в краткосложных словах (нет типа CăC), в остальных архаичных скандинавских диалектах этот процент оказывается еще меньшим. Фактически в разных диалектах устанавливается зависимость между качеством гласного и согласного в типе VC (см. с. 11) и возможностью его сохранения.

Архаичные верхнеалеманнские и южнобаварские диалекты также отличаются от древних германских языков (в том числе и от древневерхненемецкого) существованием зависимости между кратностью слогов и качеством гласного и согласного. Причем в одном случае такая зависимость имеет парадигматический характер — в этих диалектах, как мы видели выше, краткосложными могут быть только слова типа V + слабый согласный, тогда как в древневерхненемецком, так же как и в современных моросчитающих скандинавских диалектах, краткий гласный возможен перед согласным любого качества (ср. др.-вн. tag, got).

Один из центральных вопросов просодики древних германских языков — вопрос о существовании в них просодического противопоставления ударных слогов, т.е. о существовании супraseгментных просодических различий помимо ударения. Он связан с вопросом о древности акцентных различий в современных германских языках и диалектах. Традиционная германистика говорила о существовании в древних германских языках акутов, грависов и циркумфлексов, связывая их, однако, либо с длительностью, либо с типом примыкания (ср., напр., Paul, 1956, 150-151, 160), т.е. фактически указывала на позиционную обусловленность этих акцентов и на отсутствие акцентных различий на идентичных фонемных базисах. О древности комбинаторной акцентуации и об исконности полной зависимости акцентов от фонемных базисов пишет и С. Д. Кацнельсон (1966, 185-186), реконструирующий четыре слоговых

акцента, сформированных сочетанием признаков резкий-плавный, одновершинный-двухвершинный (Кацнельсон, 1966). Однако исконная комбинаторность акцентов означает их фонологическую иррелевантность. Фактически под акцентами в данном случае понимаются фонетические свойства соответствующих гласных и согласных.

Если предполагать наличие акцентов в древних германских языках, то можно говорить, вероятно, только о морных акцентах, поскольку и правила древнегерманского стихосложения, и современные архаичные диалекты свидетельствуют о моросчитающем характере древних германских языков. Именно как инструмент моросчитания трактует резкий акцент (толчок) в древних германских языках А. С. Либерман, считая, что фонологическое разделение долгого слога на две моры обязательно предполагает фонетическое средство, обеспечивающее такое деление; резкий акцент — толчок — и называется таким фонетическим средством (Liberman, 1979, 1086). Однако если все биморные комплексы определенной фонетической структуры имели показатель биморности — толчок, то такой показатель оказывался фактически равнозначным биморности и, следовательно, иррелевантным; как мы знаем, моросчитание необязательно связано с существованием морных акцентов и есть языки, где только длительность является показателем биморности (ср., напр., латынь или восточношведские диалекты).

В реконструкциях С. Д. Кацнельсона и А. С. Либермана история супрасегментной просодики никак не связывается с историей сегментной просодики, и наиболее архаичные средства супрасегментной просодики они видят в наиболее «продвинутых» системах сегментной просодики, прежде всего в тех языках и диалектах, где либо господствует корреляция контакта, либо происходит переход к силлабемности (датский или рейнскофранкский). Если же мы обратимся к диалектам с наиболее архаичными системами сегментной просодики, то обнаружим, что в одних диалектах вообще нет акцентов (верхнеалеманские, южнобаварские, восточношведские диалекты), в других диалектах есть морные мелодические акценты, начальноввершинный и конечноввершинный на долгосложных биморных базисах и равновесомый на краткосложных биморных базисах (шведские и норвежские моросчитающие диалекты). Если предположить, что супрасегментная просодика связана с просодикой сегментной, что мы и пытались показать в первой части работы, то естественно было бы видеть архаизмы акцентов в скандинавских моросчитающих диалектах. Нет сомнения, что эти морные акценты древнее, чем слоγο-

вые акценты в скандинавских языках со слоговым равновесием (изохронией), однако совсем не очевидно, что морные акценты существовали во всех древнегерманских моросчитающих языках и во все периоды существования древних скандинавских диалектов. Это сомнение основывается не только на отсутствии морных акцентов в верхнеалеманнских, южнобаварских и восточношведских диалектах, сохраняющих исконный древнегерманский тип сегментной просодики, но и на самом распределении морных акцентов в шведских и норвежских моросчитающих диалектах, которое в основном связано с различием исконной (акцент II) и новой (акцент I) двусложности или исконной (акцент I) и новой (акцент II) односложности в говорах с балансной апокопой.

Существует две точки зрения на историю современной скандинавской акцентуации, каждая из которых имеет давнюю традицию. Одни считают ее наследием древнегерманской и даже древнеиндоевропейской акцентуации (см., напр., Kock, 1901; Noreen, 1907, 205-206; Sweet, 1873-1874, 99; Кацнельсон, 1979, 192-193; 234), другие связывают появление акцентов с увеличением или уменьшением количества слогов в слове (Kock, 1879; 1884-1885, Ekblom, 1930, 1954; Oftedal, 1952). Е. Курилович в работе 1936 г. (Kuryłowicz, 1937) возводил скандинавские акцентные различия к эпохе сокращения долгот в закорневом слоге, а в более поздней работе — к эпохе удлинения корневых гласных (Kuryłowicz, 1952). Однако поиски следов индоевропейской или прагерманской акцентуации в современных диалектах основываются лишь «на косвенных доказательствах и гипотетических умозаключениях» (Кацнельсон, 1979, 192). Отойти от этих гипотетических умозаключений и помогают современные диалектные данные, которые показывают, что в одних диалектах с архаичной сегментной просодикой нет акцентов, в других, они этимологически связаны с различием старой и новой двусложности (и односложности). Эти факты могут свидетельствовать о том, что в своем современном виде морные акценты в моросчитающих

* А. Кокк в своих первых работах о скандинавских акцентах присоединялся к традиционной точке зрения, связывая появление акцентных различий с появлением новых двусложных слов (Kock, 1879). Затем он стал возводить скандинавские акценты к эпохе синкопы и умлаута (Kock, 1884-1885, 1891) и, наконец, в более поздних работах он уже связывал шведско-норвежский акцент II с греческим циркумфлексом (Kock, 1901).

скандинавских диалектах появились в эпоху превращения односложных слов в двусложные.

И. Офтедаль, который считает, что фонологизация акцентных различий произошла после появления новых двусложных слов, источником которых, в частности, явились слова с суффижированными артиклями, относит появление акцентов к X-XII вв. (Ofstedal, 1952, 221; ср. также Плоткин, 1982, 94-95). Эта датировка подтверждается косвенно и лингвогеографическими данными. В наиболее архаичных периферийных скандинавских ареалах (в восточношведских диалектах, где сохранено моросчитание) и в исландском и фарёрском языках, где не сохранено моросчитание, но сохраняется много архаичных черт, нет акцентных различий.

Представляется, что традиционная точка зрения на происхождение скандинавских акцентов I и II, связывающая их появление со стремлением разграничить старую и новую двусложность, вряд ли устарела. Заметим только, что, судя по современным моросчитающим диалектам, такое различие было релевантно только для слов с исконными биморными корневыми морфемами типа MM, так как слова типа др.-исл. *fugl*, став биморными, оставались краткосложными, т. е. сохраняли тип MSM (во всех современных моросчитающих диалектах сохраняется именно такое состояние; др.-исл. *fugl* = /fágol/). Важно отметить и тот факт, что появление морных акцентов было связано не столько с образованием нового слога у ряда слов на l, n и r (ср. исл. *armr*, совр. исл. *armur*, др.-исл. *bøkr*, совр. исл. *bækur* и т. п.), сколько со становлением суффижированного определенного артикля в древних скандинавских языках.

Вставная гласная в словах на l, n, r, соответствующих готским словам типа *fugls*, *akrs*, *taikns*, появились и во многих древних западногерманских языках — ср., напр., др.-а. *fugol*, др.-нл. *fogal*, др.-сакс. *fugal*, др.-а. *acer*, др.-нл. *askar*, др.-сакс. *akkar*, др.-нл. *zeihhan*, др.-сакс. *tekan*, др.-а. *tacen* (Sievers, Brunner, 1951, 137; Жирмунский, 1956а, 116). Это изменение полностью соответствовало изменениям, произошедшим в скандинавских языках, однако в скандинавских языках появились акцентные различия, а в западногерманских их не возникло. Толчком к появлению акцентных различий в скандинавских языках послужило не просто возникновение новых двусложных слов, а появление определенного суффижированного артикля. Фактически скандинавские морные акценты — результат фонологизации просодических различий, дублировавшихся до появления суффижированного артикля

различиями во фразовом ударении: сочетания типа *maðr inn gamli*, с артиклем *inn*, относящимся к прилагательному (Кацнельсон, 1949, 193-194), отличались от слов типа *nakinn* (part. II) фразовым ударением; после того как произошло переосмысление *inn* как определенного артикля существительного и превращение его в суффиговый артикль, это фразовое просодическое различие стало релевантным на уровне слова (*maðrinn* (акц. I) — *nakinn* (акц. II)). Морные акценты в том виде, в каком мы их застаем в моросчитающих скандинавских диалектах, появились в эпоху формирования суффигованных артиклей.

Отсутствие акцентных различий в Исландии и на Фарёрских островах связано, вероятно, с тем, что заселение этих островов происходило в эпоху становления форм с суффигованными артиклями, т. е. в эпоху появления морных акцентов. Исландия и Фарёрские острова заселялись в основном выходцами из западной Норвегии; определенную и довольно значительную часть населения составили выходцы из других областей Скандинавии, и если пестрота акцентных различий в современных норвежских диалектах хоть в какой-то мере соответствовала пестроте различий во фразовом ударении древнего периода, то именно взаимодействие одинаковых этимологических акцентов с прямо противоположными тоническими контурами и могло привести к исчезновению акцентных различий. Подобным же образом только, вероятно, позднее, исчезли акцентные различия в некоторых диалектах около Бергена — именно в этой области встречаются изоглоссы одинаковых этимологических акцентов с разными контурами.

Что касается древности акцентов в современных западногерманских диалектах (нижнемецких и рейнско-франкских), то несмотря на то, что мнение о первичности этих акцентов и вторичности апокопы поддержано такими германистами, как Т. Фрингс и С. Д. Кацнельсон (Frings, 1916; Кацнельсон, 1966, 270), оно вряд ли правомерно. Никаких акцентов нет ни в верхнеалеманских диалектах, сохраняющих сегментную просодику древнегерманского периода, ни в баварских диалектах с изохронией, ни в диалектах с корреляцией контакта без апокопы. Есть они только там, где прошла апокопа, что свидетельствует скорее о справедливости традиционной точки зрения на соотношения апокопы и акцента. Замечу кстати, что апокопа — явление, прежде всего связанное с грамматическими изменениями (см. ниже).

Таким образом, если справедливо наше предположение о связи сегментной и супraseгментной просодики,

то за исходное состояние в скандинавском ареале мы принимаем моросчитание с морными акцентами, проявившимися в эпоху появления суффигового артикля (такое состояние характерно для современных моросчитающих диалектов); исходное западногерманское состояние характеризуется моросчитанием и отсутствием морных акцентов (частично такое состояние сохранено в верхнеалеманнских и южнобаварских диалектах).

Хотя ни один современный германский диалект не сохранил полностью просодического облика всех слов древнегерманского периода, сравнение современных архаичных диалектов с древними германскими языками и сравнение диалектов с разной степенью продвинутой изменения сегментной просодики помогут проследить пути изменения германских языков от моросчитания к изохронии.

Скандинавские языки

Прежде чем описать, каким образом моросчитание сменилось в скандинавских языках слоговым равновесием, обратим внимание на те факторы, которые могли способствовать сохранению моросчитания в скандинавских диалектах и на те изменения, которые были связаны с сохранением моросчитания.

Сохранение моросчитания в восточношведских диалектах может быть связано не только с их периферийным положением, но и с тем, что в контактирующих с ними финских и эстонских диалектах существуют количественные противопоставления $\check{V}-\bar{V}$ и $\check{C}-\bar{C}$. Соответственно сохранению архаичной просодической системы в диалектах северной Швеции могли способствовать скандинаво-саамские контакты (в саамских диалектах существует противопоставление долгих и кратких гласных и трех ступеней интенсивности согласных).

Однако несмотря на то, что контакты скандинавов с угрофинскими народами способствуют сохранению исконной краткосложности, ни один современный скандинавский диалект (даже в зоне контактов) не сохранил краткосложность в полной мере. В большинстве же скандинавских диалектов и в литературных нормах всех скандинавских языков уже нет однородных корневых морфем. Здесь господствует изохрония.

Вопрос о том, какими закономерностями определялось удлинение гласного или согласного в исконных словах типа $CVC(V)$, т. е. какими путями устанавливалась изохрония корневой морфемы, давно интересовал скандинавских ученых. А. Кокк установил общее правило

для шведского удлинения, гласившее, что при количественном сдвиге в открытом слоге регулярно удлиняется гласный, а в закрытом — согласный (т. е. /gäta/ > /ga:ta/, но /ät/ > /at:/). Удлинение в односложных словах прошло по аналогии с двусложными, причем качество гласных, по А. Кокку, не играло роли при удлинении (Kock, 1886, 382, 454, 463; 1906, I, 24-80). А. Нурен полагал, что регулярным следует считать удлинение перед простым согласным, а формы с удлинением перед согласным типа *droppe* (< *drüpi*), *kött* (< *köt*) объясняются влиянием сложных слов, где удлинение согласного связано с безударной позицией, — ср. др.-шв. *blosdroppe*, *kokött* (Noreen, 1891, 481, 487). С тех пор как для изучения истории языка стали привлекаться диалектные данные, стало ясно, что ни объяснение А. Кокка, ни объяснение А. Нурена не выдерживают критики. Скандинавские диалектологи, описывавшие восточнонорвежские и шведские диалекты, установили зависимость удлинения слога от количества слогов в слове и от качества гласного и поствокалического согласного.

Уже давно было отмечено, что в большинстве шведских и восточнонорвежских диалектов первым этапом исчезновения краткосложности было изменение односложных слов типа *CVC* (Sjödahl, 1922, 130-132; Solstrand, 1924, 1; Söderström, 1972, 92). Этот факт бесспорен и подтверждается существованием диалектов, в которых сохраняются одноморные корневые морфемы только в словах типа *CVCV* (см. с. 11). Вполне возможно, что более раннему исчезновению слов типа *CVC* способствовала их низкая частотность. Из общего количества одноморных корневых морфем в сагах (12%) только 3% составляли полнзначные слова типа *CVC*. Такое изменение связано было, вероятно, не только с низкой частотностью слов *CVC*, но и с общefonетической закономерностью — большей фонетической длительностью *CVC* в односложном слове по сравнению с длительностью, соответствующей последовательности фонем в многосложном слове (Зиндер, 1979, 182). Действие тех же общefonетических факторов мы наблюдаем при удлинении *CVC* в верхнеалеманнских диалектах (см. с. 162). Однако не все односложные слова типа *CVC* удлинились одновременно. Последовательность удлинения определялась качеством гласного и поствокалического согласного. Впервые такую зависимость установил Б. Хессельман. Он установил, что в шведской литературной норме, в частности, всегда удлинялись /ä/ и /å/; /ÿ/, /ÿ/, /ö/ удлинялись только перед /d, g, l, n, v/, тогда как перед глухими согласными они оста-

вались краткими, в этом случае удлинялись согласные (Hesselman, 1902). Мысль о том, что удлинение происходило в разное время у разных типов слов, высказывалась и до Б. Хессельмана (Åström, 1888, 128), однако только после его работ она стала общепринятой. Решающим фонетическим фактором является степень подъема гласного и степень сонорности согласного. Фонетисты определили, что фонетическая длительность гласных зависит от степени их раствора — длительность прямо пропорциональна степени подъема гласных и степени сонорности согласных (Delattre, 1962, 1141-1144; Chen, 1970, 158). Архаичные скандинавские и верхнеалеманнские диалекты показывают, что первыми подверглись изменению слова с самым открытым гласным (слова типа $\text{C}\check{\text{a}}\text{C}$). В скандинавских диалектах они вытесняются формами с долгим гласным. Затем очередность изменения $\text{C}\check{\text{V}}\text{C} > \text{C}\bar{\text{V}}\text{C}$, $\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}$ определялась степенью открытости гласного, причем последними подверглись изменению слова типа $\text{C}\check{\text{i}}\text{C}$ и $\text{C}\check{\text{u}}\text{C}$. Зависимость очередности удлинения от качества согласных в скандинавских диалектах проявлялась в том, что вначале удлинялись слова с поствокалическими звонкими согласными и /v/, последними удлинялись слова с глухими /p t k/, одноударным альвеолярным /r/, одноударным какуминальным /ʒ/ (толстым l) и /m/. Соответственно самыми последними удлинялись слова с узкими гласными и глухими согласными, причем в одной части скандинавских диалектов слова типа $\text{C}\check{\text{i}}\text{C}$, $\text{C}\check{\text{u}}\text{C}$ вытесняются просодическим типом CVC : (ср. шв. литер. *vett*), в другой — генерализуется просодический тип CV:C (ср. исл. *vit* /vi:t/, др.-исл. *vit*).

В результате удлинения экспонента одноморной конечной морфемы в односложных словах, сложилась ситуация, которую мы наблюдаем в диалектах, описанных на с. 11. Наименьшая ударная просодическая единица — биморфный комплекс, который в части диалектов различается типом морных акцентов: начальновышинным, конечновышинным и равновесным. Становление биморфных комплексов связано во многих диалектах не только с ослаблением третьей моры /tälä/, но /kast/, но и с полным ее исчезновением (апокопой) в словах типа $\text{C}\bar{\text{V}}\text{CV}$ или $\text{C}\bar{\text{V}}\bar{\text{C}}\bar{\text{V}}$, в результате чего противопоставление морных акцентов оказывается возможным и в односложных словах (см. с. 22). В части современных моросчитающих скандинавских диалектов мы встречаемся с изменением, хорошо известным нам из истории английского языка — удлинением перед гоморганными *ld*, *nd*, *mb*, *st*, *rd*, *ng* (ср. диал. формы типа *blind* и *hālda*, с. 13). Хотя это изменение противоречит тенденции к

изохронии корневой морфемы, так как увеличивает количество трехморных корней, его тоже следует рассматривать в одном ряду с изменениями, приводящими к исчезновению моросчитания, поскольку оно ведет к исчезновению количественных противопоставлений на базе V + сонорный + звонкий или V + st (т. е. слова типа /hǎlda/ > /hālda/ просодически становятся равноценными словам с исконными сверхдолгосложными корнями — ср. /būnde/ др.-исл. *bondi*). Такое изменение произошло, судя по диалектам, до начала исчезновения одноморных корневых морфем, поскольку формы типа /blīnd/ характерны для диалектов с сохраняющимися односложными краткосложными словами. При уменьшении количества одноморных корневых морфем и становлении биморности сокращаются и трехморные слова типа /blīnd/ и /hǎlda/; рефлексом такого сокращения являются формы типа шв. литер. *hålla* /hol:a/ < /hālda/, где /o/ < /ā/.

Становление биморных комплексов происходит в шведско-восточнонорвежской области уже в XIII–XIV вв. А. Кокк заметил, что в древнешведских памятниках качество закорневой гласной в двусложном слове определяется количеством корневого слога — после краткого слога пишутся буквы *i*, *u*, *a*, после долгого *e*, *o* — ср., др.-шв. *taki*, но *namne*; *fadur*, но *modor* (Кокк, 1921, 50, 200, 363; Naugen, 1976, 207). А. Б. Ларсен отмечает, что, судя по показаниям диалектов, в Норвегии баланс был распространен на большей территории, чем это показывают рукописи, в частности, в Трондхейме он был уже около 1300 г., хотя почти не отразился на письме (Larsen, 1913, 3–5, 8). А. Кокк объяснил баланс тем, что после краткого слога гласный окончания имел более сильное ударение, чем после долгого (Кокк, 1921, 50, 200). Такое объяснение в принципе представляется верным, однако дело в данном случае не просто в более сильном ударении, а в том, что, как показывают моросчитающие современные диалекты, ударным, т. е. выделяемым в синтагматической цепи, является здесь биморный комплекс и равенство ММ=МСМ выражается в том, что вторая мора в комплексе МСМ также ударна, как и первая. Таким образом, баланс гласных явился предпосылкой для появления метафонии — регрессивного уподобления гласной корня гласному окончанию, причем ослабление третьей моры привело к тому, что в словах типа МСМ в окончаниях оказались возможны только три гласные /i/, /u/ и /a/, которые и определили вид метафонических чередований. Метафония, которая была удобным средством фонематического объединения просодически единого би-

морного комплекса, была связана, по-видимому, с саамским влиянием, со скандинавизацией саамского населения Скандинавии (Кузьменко, 1983, 44-50). Функционально ее появление связано с генерализацией биморности (CVC, CVC, CVCV). Просодическое равенство CVC=CVCV способствовало фонематическому объединению признаков гласных в комплексе CVCV; фонетическим материалом такого объединения явилась метафония (регрессивное уподобление корневого гласного закорневному). Единство фонемных признаков в комплексе CVCV особенно очевидно в тех говорах, где метафония полная (ср. тип /vũkü/, /drãrã/ др.-исл. viku, drepa). Направление ассимиляции было заимствовано, вероятно, из саамского, где метафония, как полагают, имеет автохтонное происхождение (Steinitz, 1964, 111-112). Она распространена во всех саамских диалектах, в том числе в саамских диалектах Финляндии и СССР. Функциональная необходимость метафонии в словах типа CVCV, появившейся вначале в языке скандинавов, способствовала ее распространению и в собственно скандинавские диалекты (конфигурация южной границы обитания саамов совпадает с конфигурацией южной границы метафонии, однако граница метафонии проходит южнее (Кузьменко, 1980, 134)).

Второй этап исчезновения моросчитания — вытеснение одноморных корневых морфем в двусложных словах — также проходил постепенно, и последовательность определялась качеством гласного и поствокалического согласного. В начале удлинялись корневые морфемы типа CVC-V со звонкими и щелевыми согласными, последними подвергались изменению комплексы CV + глухой согласный, /r/, /ʃ/ и /m/.

Данные диалектов свидетельствуют и о том, что удлинение проходило неодинаково в разных группах диалектов. В западнонорвежских диалектах в Исландии, на Фарёрских островах, на Готланде, в датских диалектах при изменении CVC, CVCV удлинялся гласный (> CV:C, CV:CV), такого же типа удлинение происходило в части восточнонорвежских (но не трэндских) и южношведских диалектов, в том числе и в ётских диалектах. Совершенно иная картина в Трэнделаге: здесь при изменении слов типа CVCV и большой группы слов типа CVC удлинился согласный CVCV, CVC > CVC:V, CVC: — см., напр. /bãr:a/, /bãr:ã/, /bar:a/; /vãt:a/, /vãt:ã/, /vat:a/ норв. литер. bære, vete (Dalene, 1972, 10). В большинстве северошведских и свейских диалектов также удлиняется согласная в одноморных корневых морфемах, оканчивающихся на /p, t, k, s, r/.

В датском языке просодические изменения во многом

сходны с изменениями в западнонорвежских и готландских диалектах. Однако исследование путей изменений моросчитания в датских диалектах сложнее, чем исследование изменений моросчитания в других скандинавских диалектах, поскольку в современных датских диалектах мы имеем дело либо с корреляцией контакта, либо с почти полной слогоморфемностью, которые, как мы увидим ниже, являются просодическими структурами, сменившими слоговое равновесие.

Однако поскольку в современном датском литературном языке существует корреляция контакта, при которой возможны просодические типы CVC и CVC , но нет типа CVC , было высказано предположение, что в датском никогда не существовало состояния слогового равновесия, которое характерно для большинства недатских скандинавских диалектов. В.Боберг считал, что старые краткие гласные удлинились в открытом слоге, но сохранились краткими в закрытом (т.е. в типе CVC). Однако поскольку большое количество исконных слов типа CVC имеет в современном языке долгую гласную, В.Бобергу пришлось предположить, что долгая гласная в данном случае проникла в исконные слова типа CVC по аналогии с двусложными формами, т.е. регулярными формами являются формы типа $glad$ - $glade$ / $glad$ /-/ $glad$ ˈðə/, тогда как форма $flad$ / $flad$ ˈðə/ считается результатом выравнивания по аналогии с $flade$ / $flad$ ˈðə/ (Boberg, 1896, 315-332). Основанием для такого предположения послужило отсутствие толчка в современном датском в словах типа lov , had , tal , hul , ven и т.п., которые имеют просодическую структуру CVC . В.Боберга поддержали многие видные скандинависты (см., напр., Seip, 1915, 29-30; Brøndum-Nielsen, 1928, 362-36; Skautrup, 1944, 236). Хотя крупнейший специалист по исторической фонетике датского языка Й.Брэннум-Нильсен согласился с отсутствием общего удлинения слога в древнедатском, он отметил, что в XIII-XIV вв. в письменных памятниках разных областей тогдашней Дании встречаются написания с двумя гласными буквами даже в тех словах, где в современной датской норме мы имеем тип CVC или CVC (см., напр., $huul$, $glaath$, $staath$, $ø1$). Такие формы он в соответствии с теорией В.Боберга либо объяснял выравниванием по аналогии, либо относил к сконско-борнхольмским диалектам, в которых общее удлинение слога, по его мнению, произошло под влиянием шведского языка (Brøndum-Nielsen, 1928, 367-368). Однако в скандинавистике существует и другая традиция объяснения датского удлинения, опирающаяся на данные письменных памятников. Ряд ученых предполага-

ет существование периода слогового равновесия в древнедатском (см., напр., Noreen, 1913, 141). Наиболее убедительно существование удлинения и в типе $\check{V}\check{C}\check{V}$, и в типе $\check{V}\check{C}$ в древнедатский период продемонстрировала Л. Якобсон, которая показала, что «обозначение долготы в законах указывает на то, что удлинение в закрытом слоге перед простыми согласными произошло без влияния форм открытого слога» (Jacobsen, 1910, 42). Л. Якобсон приводит многочисленные примеры написаний исконных слов типа $\check{V}\check{C}$ с двойными гласными буквами, есть примеры написания двойных согласных букв на месте исконного краткого согласного (Jacobsen, 1910, 42-44). Большой материал из древних письменных памятников, свидетельствующий о существовании периода всеобщего удлинения слога в датском, привел О. Хансен (Hansen, 1931, 97-143; 1962, 333-388).

Данные современных диалектов Борнхольма и исконно датских диалектов южной Швеции, во многих из которых до сих пор сохраняется равновесие, и данные большинства недатских скандинавских диалектов со слоговым равновесием косвенно также подтверждают существование периода слогового равновесия в датском в XIII-XIV вв.

Если справедливо предположение о том, что в моросчитающих древних скандинавских диалектах появление морных акцентов было связано со становлением суффиксированных артиклей, то, вероятнее всего, что датскому моросчитанию, так же как и моросчитанию шведскому и норвежскому, сопутствовало противопоставление мороначального и мороконечного морных акцентов. В некоторых датских диалектах (в южной и западной Ютландии) сейчас нет суффиксированных артиклей, причем существовало предположение о том, что именно таким и было исконное состояние в этих диалектах (Molbeck, 1837, 79). Однако во Фленсбургском праве есть суффиксированный артикль, причем чаще всего в формах родительного падежа, ср. *manzæns*, *bysins*, *foghdæn*, что позволило К. О. Лунгбю предположить существование суффиксированного артикля в древнеютландских диалектах (Lungby, 1858, 7). Предположение П. Торсена о том, что формы с суффиксированными артиклями во Фленсбургском праве объясняются влиянием письменной нормы и не отражают особенностей древних южноютландских диалектов (Thorsen, 1929, 129), вряд ли справедливо, поскольку даже в современных диалектах без суффиксированных артиклей есть некоторое количество устойчивых словосочетаний, в которых сохраняются суффиксированные артикли (Thorsen, 1929, 129). Во всех древних датских диалектах существовали суф-

фигурованные артикли и, следовательно, вероятнее всего, везде были морные акценты, сходные с морными акцентами шведских и норвежских моросчитающих диалектов. В момент исчезновения моросчитания древнедатские морные акценты теряют моровыделяющую функцию и становятся слоговыми акцентами шведско-норвежского типа. Какими могли быть просодические отношения в древнедатский период слогового равновесия, показывают исконно датские южношведские диалекты, сохраняющие и слоговое равновесие, и слоговые акценты I и II. Данные первых датских письменных памятников, показывающие раннее ослабление флексий в ютских диалектах и на островах (Brøndum-Nielsen, 1928, 390-391) наряду с существованием слогового равновесия свидетельствуют о том, что — по крайней мере в этот период — противопоставление слоговых акцентов I и II реализовалось здесь так же, как реализуются противопоставления акцентов I и II в современных диалектах Сконе, Блекинге и Халланда — с тональным движением только внутри корневого слога и с нисходящим тоном в словах с акцентом I и восходящим в словах с акцентом II.

Проследить непосредственно, каким образом моросчитание уступало место слоговому равновесию в датских диалектах, не столь просто, как в других скандинавских диалектах, однако вероятнее всего, что и в датских диалектах моросчитание исчезло путем вытеснения количественных образцов, причем и в датских диалектах первой группой слов, подвергшихся удлинению, были слова типа $\text{C}\check{\text{a}}\text{C}$, $\text{C}\check{\text{a}}\text{CV}$. Об этом свидетельствует не только сравнение с другими скандинавскими диалектами, но и показания ряда датских диалектов, в которых рефлексом исконного $/\bar{a}/$ является $/uo/$ (при том что $/\bar{e}/ > /ie/$, $/\bar{o}/ > /y\phi/$); это свидетельствует о том, что в период изменения $/\bar{e}/ > /ie/$, $/\bar{o}/ > /y\phi/$ рефлексом исконного $/\bar{a}/$ было $/o/$, т. е. $/\bar{a}/ > /o/$ до изменения $/\bar{e}/ > /ie/$, $/\bar{o}/ > /y\phi/$ (о связи изменения $/\check{a}/ > /\bar{a}/$, с изменением $/\bar{a}/ > /o/$ см. с. 173).

Таким образом, все датские диалекты прошли в своем развитии стадию слогового равновесия, причем, судя по памятникам и по диалектным данным, наиболее общим было изменение CVC , $\text{CVCV} > \text{CVC}$, CVCV .

Исчезновение моросчитания происходило, как мы видим, неодновременно в разных скандинавских ареалах. Вначале оно установилось в датских диалектах (прежде всего в Ютландии), позднее в западнонорвежских диалектах, в исландском и фарёрском, в шведских диалектах Готланда, еще позднее в части восточнонорвежских и большинстве шведских.

То, что именно в датских диалектах слоговое равновесие установилось раньше всего, объясняется, вероятно, контактами датских диалектов Ютландии с диалектами других германоязычных народов (фризов и потомков саксов) в южной Ютландии, которые начались в конце первого тысячелетия н. э. и продолжаются до сих пор. Англо-датские контакты VIII-IX вв. на территории Англии, которые привели к креолизации английского (Poussa, 1982, 69) также не могли не сказаться и на языке возвращавшихся на родину датчан. Взаимодействие германских языков на юге и западе Ютландии могло проходить по модели, предложенной О. Есперсеном. Корни в родственных германских языках были одинаковые или сходные, а флексии различные. Синтаксически-корневое взаимопонимание приводило к редукции флексий (Jespersen, 1891, 97-98). Такой процесс мог способствовать тому, чтобы все корни стали иметь одинаковую сегментную просодику — все они стали долгими в отличие от кратких окончаний. Не исключено, что именно контакты с другими германоязычными народами повлекли за собой более быстрое исчезновение моросчитания и в скандинавских диалектах побережья Норвежского моря (западная Норвегия) и островов (Готланд, Исландия, Фарёрские острова), тогда как контакты с угрофинскими народами способствовали сохранению моросчитания.

Исчезновение моросчитания в скандинавских языках оказывается результатом ряда синтагматических просодических изменений, которые были предопределены общей тенденцией к единому просодическому оформлению корневой морфемы. Этот вид изменения можно было бы назвать вытеснением количественных образцов, поскольку вытесняющие типы $\bar{C}\bar{V}C$ и $C\bar{V}C$ существовали и при моросчитании. Таким образом, при исчезновении моросчитания происходит не постепенное фонетическое изменение, как это часто представлялось скандинавским ученым — последователям младшграмматиков, а дискретная замена одного просодического образца ($\bar{C}\bar{V}C$) другим ($C\bar{V}C$ или $\bar{C}\bar{V}C$). То, что «удлинения» гласных или согласных происходили во многих случаях по позициям (в частности, всегда удлинялось /ā/, а другие гласные чаще удлинялись перед звонкими согласными, но оставались краткими перед глухими смычными, которые в свою очередь удлинялись), вовсе не является доказательством постепенности удлинения

* Подробнее о результатах языковых контактов в Ютландии см.: Кузьменко, 1991.

слога. Данные современных диалектов, в которых происходит исчезновение моросчитания, в некоторых случаях позволяют увидеть процесс исчезновения моросчитания — переходную стадию с функционированием «янус-просодемы». В описанном А.Б. Ларсеном в начале XX в. говоре Селбу возможны вариативные формы типа /hãnã/ ~ /hãn:a/ в исконных краткосложных словах, но невозможны краткосложные факультативные формы у исконных долгосложных слов. Подобные же янус-просодемы мы можем встретить и в современном восточнорвежском варианте риксмолла (см. с. 12). Этот пример ясно показывает синтагматичность изменения $CVCV > CVC:V$, $CV:CV$.

В большинстве скандинавских диалектов в результате синтагматического просодического изменения (вытеснения количественных образцов) произошло парадигматическое изменение — возникла новая просодическая корреляция слогового равновесия, при которой противопоставлялись разные слоги с количественной вершиной на гласном V:C или на согласном VC:, причем взаимозависимостью количества гласного и согласного в слоге свидетельствует об иррелевантности количественных противопоставлений V:-V и C-C:. При количественном сдвиге не возникло новых количественных типов, поскольку сочетания V:C-VC: существовали и при моросчитании, однако значение противопоставления V:C-VC: меняется с момента исчезновения типов $\check{V}C$.

Изменение от моросчитания к слоговому равновесию в скандинавских диалектах привело к противопоставлению корневым морфем некорневым (все корневые морфемы стали долгими, тогда как все словоизменительные морфемы — краткими). Только после исчезновения моросчитания и становлении слогового равновесия корневые морфемы стали по типу сегментной просодики отличаться от закорневых морфем, и только после этого изменения мы можем говорить о том корневом ударении, которое связано с противопоставлением в ударной позиции большего набора просодических единиц. Таким образом, то ударение, которое считается причиной чуть ли не всех изменений в германских языках, установилось в скандинавских языках только после становления изохронии, а в некоторых архаичных скандинавских диалектах с равновесным акцентом и с отсутствием просодического противопоставления корневого и закорневого слога (ск. диал. $tã\check{t}ã$ - др.-исл. $tala$) оно не установилось до сих пор.

В связи с изменением слоговой структуры морные акценты теряют свое морное значение. Они уже не выделяют мор, а относятся к ударному слогу (корневой

морфеме) в целом, хотя их фонетическое выражение несет на себе следы былого моросчитания, поскольку релевантным при противопоставлении акцента I и акцента II оказывается место пика основной частоты в ударном слоге.

Увеличение функциональной нагрузки слоговых акцентов происходит по мере ослабления и совпадения окончаний, в результате чего только акцентные характеристики обеспечивают противопоставление грамматических форм (см. с. 41).

Западногерманские языки

Один из основных вопросов исторической просодики западногерманских языков — вопрос об обязательности этапа изохронии для всех современных западногерманских литературных норм и диалектов с корреляцией контакта. Как мы видели выше, в большинстве современных западногерманских языков и диалектов господствует корреляция контакта, для которой в отличие от изохронии нехарактерно существование долгих согласных внутри морфемы. Если мы сравним число квантитативных типов корневых морфем в диалектах с моросчитанием ($\check{V}C$, $\check{V}\bar{C}$ ($\check{V}CC$) $\bar{V}C$, $\bar{V}\bar{C}$ ($\bar{V}CC$)), изохронией ($\bar{V}\check{C}$, $\bar{V}\bar{C}$) и с корреляцией контакта ($\check{V}C$, $\bar{V}C$, $\check{V}CC$, $\bar{V}CC$), то увидим, что, на первый взгляд, корреляция контакта более всего внешне похожа на моросчитание (она отличается от моросчитания только отсутствием долгих согласных внутри морфемы). Сравнение этих трех просодических типов может навести на мысль о том, что изохрония и корреляция контакта — две самостоятельные эволюционные линии развития, т. е. что корреляция контакта развилась из моросчитания непосредственно и квантитативные типы $\check{V}C$, $\check{V}CC$, $\bar{V}CC$, $\bar{V}C$ сохранились без изменения, изменилась же только значимость длительности, которая при корреляции контакта стала показателем типа контакта (и слогоделения), и исчезли долгие согласные. Такое рассуждение могло бы быть подтверждено тем, что в современных западногерманских языках многие исконные краткосложные корневые морфемы ($C\check{V}C$) имеют плотный контакт (ср., напр., нем. *geritten*, др.-вн. *geritan*, англ. *ridden*, др.-а. *riden*).

Существует, однако, много свидетельств того, что изохрония скандинавского типа была характерна и для западногерманских языков. Причем изменения типа $C\bar{V}CC > C\check{V}CC$, $C\check{V}CV(C) > CV:CV(C)$, $CVC:V(C)$ в западногерманских языках признаются фактически всеми.

Уже в древних западногерманских языках отмечают первые шаги изменений, приводивших к исчезновению моросчитания и установлению единого просодического облика корневой морфемы. Первыми изменились сверхдолгосложные (трехморные) типы. В английском измененная типа /sōft/ > /sōft/ датируют уже VII-VIII вв. Изменения подобного типа происходили и в других германских языках (Жирмунский, 1965, 10). Наиболее известным изменениям, связанным с исчезновением моросчитания, было так называемое удлинение в открытом слоге, которое происходило во всех западногерманских языках «среднего» периода (среднеанглийском, средне-нидерландском, среднефризском, средненижнемецком, средневерхнемецком). Процесс этот протекал в разное время, в разных ареалах и охватывал временной промежуток XII-XIV вв. Это изменение, однако, фактически не отразилось на письме. Мы можем судить о нем либо по изменению качества гласных (свидетельством удлинения в открытом слоге считают обычно расширение типа $i > e$, $u > o$ — ср., напр., др.-сакс. *stiki*, *mugan* — ср.-нн. *moegen*, *steke*; др.-а. *wicu* — ср.-а. *weke* и т. п.), либо по рефлексам этого изменения в современных языках (ср., напр., нем. *Name*, англ. *name*). После этого изменения исконные одноморные корневые морфемы CVC в части двусложных слов стали долгими (CV:C). Однако вид изменения исконных морфем CVC в двусложных словах не всегда был одинаков. В части двусложных слов изменение исконных одноморных типов CVC могло быть иным (CVCV(C) > CVC:V(C)). О таком изменении может свидетельствовать появление двойных согласных букв в исконных краткосложных словах. Написание с двумя согласными буквами появляются во всех «средних» германских языках. В Нортумбрии такие написания встречаются уже в X в. (*glosse Ruthworth*) — ср., напр., *riorra*, *grippen*, *eatta*, *written*, *summan*, *niotma* (Luick, 1964, 325; Hofmann, 1969, 69). В среднеанглийском такие написания становятся фактически всеобщими. В средненидерландском написания двойных согласных на месте исконных простых появляются тоже уже в X в. — тип *hebben*, *minne* (Schönfeld, 1937, 56). Такое же явление характерно и для более поздних средненижнемецких рукописей — ср. написание типа *wecken*, *velle*, *emme*, *spellen* нем. литер. *wecken*, *viele*, *ihm*, *spielen* (Sarauw, 1921, 37-39). В

* При исчезновении моросчитания и становлении изохронии в романских языках предполагается также первичность изменения слов типа *stella* (Swiggers, 1984, 307).

западнореднефризском написание двойных букв характерно для памятников XIII-XIV вв. — ср., напр., написание типа *hlotten, brecka, secke, lessa, wessa, kommen* (Hofmann, 1969, 70-73). Подобного типа написания появляются в конце средневерхненемецкого — начале новеверхненемецкого периода — ср., напр., др.-вн. *site, weter, himel* — ср.-вн., *sitte, weter, himmel* (Paul, 1956, 159; Russ, 1969, 82).

Существует два объяснения появлений написаний типа ср.-а. *shippes* или ср.-вн. *sitte*, причем оба предлагаемых объяснения связывают появление написания двух согласных букв с удлинением в открытом слоге. Традиционно считалось, что двойные согласные в «средних» германских языках обозначали только краткость гласного и тем самым указывали на отсутствие удлинения гласного в период общего удлинения в открытом слоге (ср., напр., Morsbach, 1896, 32; Sarauw, 1921, 342; Schönfeld, 1937, 56). Эта позиция фактически предполагает перенос графических особенностей современных западногерманских языков с корреляцией контакта и отсутствием долгих согласных в «среднегерманский период». Естественно, что такое предположение должно быть связано с предположением об исчезновении исконных долгих согласных (см., напр., Schönfeld, 1937, 56). В соответствии с этой точкой зрения этапа изохронии скандинавского или баварского типа в западногерманских языках не было. Есть, однако, и иная точка зрения, сторонники которой утверждают, что появление двойных согласных букв на месте исконных простых согласных отражает изменение типа $\text{CVCV}(\text{C}) > \text{CVC}:(\text{V})$, т. е. удлинение согласного, хорошо известное нам по скандинавскому материалу (ср., напр., Paul, 1956, 159; Hofmann, 1969, 69-71; Loeу, 1971, 6). Связь этого изменения с удлинением в открытом слоге оказывается в данном случае иной: и изменение $\text{CVCV} > \text{CV}:\text{CV}$ и изменение $\text{CVCV} > \text{CVC}:\text{V}$ приводят к установлению единого типа сегментной просодики корневой морфемы типа CVC в двусложном слове.

В разных ареалах распространения западногерманских языков соотношения изменения $\text{CVCV}(\text{C}) > \text{CV}:\text{CV}(\text{C})$ и $\text{CVCV}(\text{C}) > \text{CVC}:\text{V}(\text{C})$ могло быть разным. Однако можно установить некоторые закономерности этих изменений. В двусложных словах с сонантическим исходом (-l, -n, -r) чаще происходили изменения типа $\text{CVCVC} > \text{CVC}:\text{VC}$ (нем. *Wetter* или англ. *weather*). Вид изменения мог зависеть и от качества корневого гласного и следующего на нем согласного. Причем в данном случае прослеживаются общезвонные закономерности, установленные нами при рассмотрении изменения очереднос-

ти смены количественных образцов в двусложных словах в скандинавских и верхнеалеманнских диалектах. В части диалектов наблюдается очевидная тенденция к изменению типа $C\check{V}CV(C) > CV:CV(C)$ — в средненидерландском и средненижнемецком; в других заметна тенденция к изменению типа $C\check{V}CV(C) > CVC:V(C)$ в корневых морфемах, оканчивающихся на глухой согласный с гласными верхнего подъема (ср., напр., ср.-а. формы типа *shippes*, др.-а. *scipu*; или ср.-вн. *sitte*, др.-вн. *site*), соответственно слова с самым широким гласным перед сонорными согласными более тяготеют к изменению $C\check{V}CV(C) > CV:CV(C)$. Хотя следует заметить, что эти закономерности остаются лишь тенденцией, и в разных диалектных ареалах одного и того же языка мы можем встретить разный вид изменения — ср., напр., форму *Vater* в немецкой литературной норме, но форму /fat:ər/ в части баварских диалектов (Russ, 1969, 86).

Судя по данным современных диалектов, последовательность изменения $C\check{V}CV(C) > CV:CV(C)$ также в значительной степени предопределена качеством гласного и согласного в комплексе VC — первым удлинителем корневые морфемы типа $C + \check{a}$ + сонорный (в первую очередь /r/), последними — морфемы типа $C + \check{i}, \check{u}$ + смычный. В результате изменения $C\check{V}C$ в двусложных словах ($C\check{V}C > CVC:, CV:C$) длительность гласных и согласных перестает быть в них релевантной, и во всех западногерманских языках устанавливается изохрония корневой морфемы в двусложном слове.

Центральным вопросом исторической просодики западногерманских языков является вопрос о судьбе исконных односложных слов типа $C\check{V}C$. Рассматривая скандинавские диалекты, мы установили, что в скандинавском ареале именно эти слова первыми меняли свой просодический облик ($C\check{V}C > CV:C, CVC:$ при сохранении $C\check{V}C$ в двусложном слове). Традиционное написание односложных слов с одной согласной буквой, характерное для периода удлинения в двусложных словах (ср., напр., написание типа ср.-а. *ship*, но *shippes*), заставляет многих сделать предположение об отсутствии изохронии в односложных формах и о наличии количественных различий (ср., напр., предположение Й. Вахка о существовании противопоставления $C\check{V}C$ — $C\check{V}C$ в среднеанглийском — Vachek, 1961, 47). Высказывались предположения о том, что написание типа среднеанглийского *ship* могли обозначать изохронический тип $CVC:$ (ср., напр., Либерман, 1965, 125-126; Мячинская, 1985, 98). В пользу предположения о том, что написа-

ние типа ship в среднеанглийском языке обозначало изохронический тип /šip:/ с долгим согласным, можно привести графические особенности среднеанглийского памятника конца XI в. «Ормулум» (Линкольншир), где двойные согласные буквы пишутся и на конце исконных слов типа CVC̄ и на конце исконных слов типа CVC̄. Ю. В. Рябухина установила, что, судя по атласу среднеанглийского языка А. Макинтоша, графическая система многих рукописей севера и запада Англии в значительной части соответствовала системе Орма (Рябухина, 1991). В пользу того, что в односложной форме типа CVC̄ одна согласная буква обозначала долгий согласный (вернее, изохронический тип CVC:), может свидетельствовать и факт написания с одной согласной исконных слов типа CVC̄ (типа man, но mannes). Напомним, что в эпоху становления изохронии в скандинавских языках односложные слова — и исконные CVC, и исконные CVC̄ — писались с одной согласной буквой и только двусложная форма слова позволяла определить наличие изменения типа CVC̄C̄ > CVC:V. В современных шведских и норвежских литературных нормах и диалектах с изохронией всем исконным словам типа CVC̄ и части исконных слов типа CVC̄ соответствуют слова типа CVC̄:.

Если мы обратимся к современным диалектам западногерманских языков, в которых изохрония устанавливается на наших глазах (верхнеалеманские и южнобаварские диалекты), то обнаружим, что в этих диалектах вначале изменяется просодический облик исконных односложных слов, тогда как двусложные краткосложные слова сохраняют свою просодическую структуру (см. с. 28-29). Причем часть верхнеалеманских диалектов показывает преобладание в односложных словах изменения типа CVC̄ > CV:C, тогда как другая часть верхнеалеманских диалектов и все южнобаварские диалекты изменяют односложные слова по типу CVC̄ > CVC: (см. с. 28) — двусложные слова типа CVC̄C̄(C) и там, и там могут сохранять структуру своей сегментной просодики.

С изменением типа CVC̄ > CVC: мы встречаемся в тех верхнеалеманских и южнобаварских диалектах, которые считаются наиболее архаичными. Именно в этих диалектах прошло так называемое затвердение в конце слова (Auslautverhärtung).

* Впервые предположение о том, что двойные согласные буквы в «Ормулуме» обозначают долгие согласные, выдвинул Траутман (Trautman, 1884, 94-99, см. также Либерман, 1971a, 94).

Такое затверждение предполагает появление на месте исконных односложных форм типа CVC форм CVC: с сильным (долгим) согласным, при этом двусложные формы сохраняют просодическую структуру корневой морфемы CVC (см., напр., чередование форм типа CVC:-CVCV в современных цимбрских говорах: /smit:/ - /smidə/, /stap:/ - /stawaə/, /takx/ - /tagə/, /hof:/- /hövə/, /graß:/- /grazə/ - формы Nom./Acc. - односложны, Dat. - двусложны, нем. литер. Schmie^d, Stab, Tag, Hof, Gras). Такого же типа чередования возможны и в формах с сонантами - ср., напр., /zun:/- /zunə/, /lam:/- /lamən/ нем. литер. Sohn - dem Sohne, lahm- dem lahmen (Kranzmay^er, 1956, 79). Считается, что «затверждение» в конце слова было характерно для всего верхнегерманского ареала (Kranzmay^er, 1956, 79), а верхнеалеманские формы типа /šmid/ и /grās/ (см. с. 29) являются вторичными (т. е. предполагается, что в начале произошло «затверждение» в конце слова, /smid/ > /smit:/, /gras/ > /graß:/, а затем по аналогии с двусложными формами, сохранившими краткий гласный и слабый согласный, /smidə/, /grasə/, односложные формы с «затверждением» вновь стали краткосложными, /smit:/ > /smid/, /graß:/ > /gras/).

Вряд ли формы типа /smid/ являются вторичными во всех позициях, как это принято считать. Верхнеалеманские диалекты показывают возможность сохранения типа CVC (со слабым согласным) перед гласным следующего слова, тогда как в абсолютном исходе слова и перед согласным появляется форма CVC: (с сильным согласным). Именно форма типа CVC (/mag ix/ mag ich) и распространяется, вероятно, во все позиции в диалектах, где не отмечают «затверждения» конца слова. Удлинение краткосложных слов в диалектах без затверждения проходит по модели, сходной с моделью изменения CVC в скандинавских диалектах.

И в скандинавских, и в верхнеалеманских, и южнобаварских диалектах последовательность удлинения корневых морфем в односложных словах определялась степенью раствора гласного и качеством (фактически степенью сонорности) согласного. Последними удлиняются слова с гласными высокого подъема (есть диалекты, где краткосложность сохраняется только в словах с /i/ и /y/, см. с. 29). Согласные же влияют на удлинение в верхнеалеманских и баварских диалектах следующим образом: вначале происходит удлинение перед сонорными согласными (но не /m/), затем удлиняются морфемы со щелевыми согласными, последними подвергаются удлинению морфемы со смычными согласными

(напомним, что речь в данном случае идет только о слабых согласных, поскольку все верхнеалеманские сильные согласные представлены как долгие во всех диалектах).

Общим для скандинавских и верхнеалеманских диалектов является и зависимость удлинения от количества слогов в слове. В обеих группах диалектов вначале происходит удлинение односложных морфем, затем удлинение корневых морфем в двусложных словах. Существуют и скандинавские, и верхнеалеманские диалекты, где вообще нет слов типа CVC и все слова как минимум биморфны CVCV или CVCV(C), причем чередования количественных типов возможны в формах одной и той же морфемы (ср. в.-алем. /smid/, но /smidə/ или ю.-бав. /smit:/-/smidə/ Schmied-Schmiede и т.п.).

Верхнеалеманские и южнобаварские диалекты показывают, что удлинение в CVCV(C) > CVC:V(C) происходило только после удлинения в односложных словах, причем если в значительной части (а возможно и во всех) верхнеалеманских и баварских диалектах изменение в односложных словах имело вид CVC > CVC: типа /smid/ > /smit:/, то в двусложных словах основной моделью было изменение CVCV(C) > CV:CV(C) — ср., напр., цимбрские формы дательного падежа типа /ta-gə/, /radə/, /hövə/ и соответствующие формы в тирольских говорах /to:gə/, /ro:də/, /hö:və/ (Kranzmauer, 1956, 80). Верхнеалеманские и баварские говоры, так же как и скандинавские диалекты, свидетельствуют и о том, что изменение CVCV > CV:CV происходит до апокопы.

В верхнеалеманских и баварских говорах с «затвердением» в конце слова, т.е. с изменением CVC: и с удлинением гласного, в двусложном слове установилась система изохронических чередований CVC:-CV:CV в формах одной морфемы (типа чередования /hof:/-/ho:-və/ в тирольских говорах), в частности в разных падежных формах: N/Acc-Dat. В баварских диалектах с апокопой чередование изохронических типов оказывается обратным — исконной односложной форме здесь соответствует тип CV:C, а исконной двусложной — тип CVC: (см., напр., формы типа /fle:g/-/flek:/ Fleck-Flecke или /fi:š/-/fi:f:/ Fisch-Fische). Вторичность этих форм, однако, очевидна — слабый (краткий) согласный может в данном случае восходить к исконному сильному (долгому), причем такие формы есть только там, где прошла апокопа (Kranzmauer, 1956).

Современные верхнеалеманские и баварские диалекты с «затвердением» конца слова свидетельствуют о

том, что изменение сегментной просодики в верхненемецких диалектах проходило в следующей последовательности. Вначале биморными стали слова типа др.-вн. *got* /got/ > /got:/, затем к ним присоединились слова типа др.-вн. *tag* /tag/ > /tak:/ («затвердение»). В результате этих изменений просодически равноценными оказались слова /got:/, /tak:/ и /hu:s/ др.-вн. *hūs*. В двусложных словах и формах сохранялись еще краткосложные корневые морфемы (состояние, зафиксированное в цимбрских говорах).

По-видимому, именно таким был первый этап изменения одноморных корневых морфем во всех других западногерманских языках — с той лишь разницей, что в них не происходило нейтрализации противопоставлений согласных по силе/слабости в конце слова. Иными словами «затвердение конца слова» (т. е. переход CVC > CVC:) следует предположить для всех западногерманских языков «среднего» периода. Состояние цимбрского типа отражено в графике «Ормулума» и в других среднеанглийских памятниках со сходной графической системой: в исконных словах CVC здесь пишется двойная согласная буква, тогда как в двусложных словах сохраняется краткосложность (ср. написание типа *ta-kenn*, *sitan*, *sunu*, *brecan*) и противопоставление \bar{V} - \bar{V} (Либрман, 1971а, 97-98). Именно такое состояние характерно для современного цимбрского говора семи общин. Удлинение в открытом слоге — следующий этап исчезновения моросчитания. В результате этого изменения во всех западногерманских языках окончательно исчезает моросчитание, устанавливается система чередований изохронических типов, характерная для тирольских говоров без апокопы: односложная форма CVC: — двусложная форма CV:CV. Среднеанглийские написания типа *smal-smale* или *gat-gates* обозначали изохроническое чередование /gat:/ - /ga:təs/, /smal:/ - /sma:lə/. Соответственно современным чередованиям типа контакта во фризском, голландском и нижненемецком языке предшествовали изохронические чередования в одной морфеме, т. е. современное голландское /dal/-/da'lə/ *dal-dalen* восходит к /dal:/-/da:lən/, и нижненемецкое /dax/-/do'ʁ/ *Tag-Tage* к чередованию /dax:/-/da:ʁə/. В «средних» западногерманских языках установилась не просто зависимость длительности гласных от типа слога — долгие гласные в открытых слогах, краткие — в закрытых, как это часто полагают (см., напр., Lockwood, 1965, 80), т. е. фактически корреляция контакта, а чередование изохронических типов (CVC: в односложных словах, CV:C — в двусложных).

Различие в изменении односложных слов типа $C\check{V}C$ в западногерманских и скандинавских языках связано, вероятно, с генерализацией разного типа слогоделения на стыке слов. Верхнеалеманнские диалекты, сохраняющие следы закона Хойслера (/ix tak:/, но /mag ix/ich mag, mag ich...), показывают возможность существования открытого и закрытого слога во внешнем сандхи (в абсолютном исходе слова слог, естественно, закрыт, перед гласной следующего слова — открыт). В исконных односложных словах в западногерманских языках генерализовались формы с закрытым слогом, что и привело к изменению типа $C\check{V}C > CVC$: в скандинавских языках (и части верхнеалеманнских диалектов) чаще всего генерализовались формы с открытым слогом (отсюда $C\check{V}C > CV:C$). Напомним, что открытым был слог и в двусложной форме слова с корневой морфемой $C\check{V}C$ — ср., напр., др.-исл. skip — Nom./Acc.; skipi — Dat. (совр. исл. /ski:p/, /ski:pi/). Тип изменения CVC мог быть связан, как мы видели выше, и с качественными характеристиками гласного и поствокалического согласного.

В среднеанглийском, среднеголландском и средне-нижне немецком довольно последовательно сохранялось чередование изохронических типов в форме одной морфемы (рефлексом чего и являются современные нижне-немецкие формы типа /dax/-/do'γ(ə)/ и голландские /dal/-/da'lə/ dal, dalen, хотя уже в среднеанглийском мы встречаемся с многочисленными случаями выравнивания по аналогии (ср. сосуществование среднеанглийских форм gates /ga:təs/ и gattes /gat:əs/, но gat /gat:/). Чередование долгой и краткой гласной в разных грамматических формах сохраняется и в ранненовоанглийском — ср., напр., path sg. — paaths pl., fat — faates (Dobson, 1957, 465-466). Однако в ранненовоанглийском такое чередование уже было не изохроническим чередованием $CV:C \sim CVC$: а чередованием типа в контакте $V'C-VC$, аналогичным чередованию типа контакта в современных голландском (типа dal-dalen), фризском и нижне немецком. Удлинение гласных в закрытом слоге односложного слова типа $C\check{V}C$, произошедшее в части верхне немецких, голландских и фризских диалектов, объясняется обычно как выравнивание по аналогии с двусложными формами с удлинившейся гласной — ср., напр., нем. литер. Tag, Zahl — Tage, Zahlen (Wiesinger, 1983, 1092). Если такое изменение происходило в период господства изохронии, то изохронические чередования типа /tak:/-/ta:gə/, /zal:/-/za:lən/ сменились здесь чередованиями /ta:k/-/ta:gə/, /za:l/-/za:lən/. Данные верх-

неалеманнских диалектов с первичным удлинением гласных в односложных словах (см. с. 28) свидетельствуют, однако, о том, что нельзя исключить возможность подобного изменения и в других верхненемецких диалектах.

Генерализация одного из изохронических типов корня, произошедшая в разной степени в разных западногерманских языках (наиболее последовательно это произошло в английском и в части верхненемецких диалектов, менее последовательно — в голландском и фризском), была связана, вероятно, с исчезновением падежного словоизменения: с исчезновением падежных различий исчезает и различие сегментной просодики падежных форм.

В части западногерманских языков (в английском и фризском), так же как и в ряде скандинавских диалектов (см. с. 150), происходило удлинение перед гоморганными, которое в отличие от общей тенденции к биморфности корня увеличивало количество трехморных корней (ср., напр., др.-а. /find-/ /findan/ > /find-/ /findan/). В последнее время в англистике принято связывать это изменение с удлинением в открытом слоге. Соответственно сторонникам такого предположения приходилось говорить о существовании открытого слога либо в словах типа find, либо в словах типа findan. Если написания find и findan отражают фонемную последовательность /find/, /findan/, то предположение об открытом характере слога маловероятно, поэтому для получения открытого слога в словах подобного типа предлагалось либо считать сонант в словах find, child слогообразующим, т.е. find и child представляли как /fi-nd/, /çi-ld/ (Malsch, 1976, 90), либо говорили о существовании нейтрального гласного между гоморганными согласными /fi-nəd/, /çi-ləd/ (Мячинская, 1985, 99). Предлагалось интерпретировать гоморганные сочетания и как простые краткие согласные фонемы; в таком случае слог в двусложной форме также оказывался открытым: findan /fi-ⁿdan/ (Ritt, 1987-1988, 522-523). Б. Филлипс не пытается обнаружить открытых слогов в словах с сочетаниями гоморганных согласных, а принимает во внимание общефонетические закономерности большей длительности гласных перед сочетаниями, вторым элементом которых является звонкий согласный, однако и она считает, что эта большая фонетическая длительность стала восприниматься как релевантная только в период общих количественных изменений (Phillips, 1983, 885-889).

Несмотря на то что удлинение перед гоморганными приводит к исчезновению количественных противопо-

ставлений, его вряд ли следует связывать с удлинением в открытом слоге и соответственно с удлинением согласных. В скандинавских диалектах, сохраняющих моросчитание, удлинение перед гоморганными происходило в период моросчитания до удлинения в открытом слоге (ср., формы типа /blīnd/, но /tālǎ/). В английском это удлинение, увеличившее количество трехморных корней, также относят к древнеанглийскому периоду, причем при переходе от древне- к среднеанглийскому происходило постепенное уменьшение новых трехморных корней и к концу XIV в. удлинение сохранилось только перед mb /i, o/, nd /i, u/ и ld (Phillips, 1983, 879). В дальнейшем также продолжались изменения новых сверхдолгих слогов в долгие, и в ранненовоанглийском орфоэписты свидетельствуют о существовании многочисленных форм с краткими гласными или дублетных форм типа /wind/ ~ /wīnd/ (Dobson, 1957, 479). По-видимому, в эпоху становления изохронии в среднеанглийском была сильна тенденция к сокращению сверхдолгих слогов типа /fīnd/ и /cīld/ (ср. современные формы типа wind). Однако в отличие от скандинавских языков, где прошло полное сокращение удлинившихся перед гоморганными гласных (рефлексом чего являются формы типа шв. hǎlla < hǎlda < hǎlda), в английском языке полной изохронии корневой морфемы не установилось, поскольку сокращение прошло не во всех словах с гоморганными. Корреляция контакта установилась в английском раньше, чем там исчезли все сверхдолгие слоги. При корреляции контакта сочетания V^oCC вполне допустимы.

К. Люик назвал количественные изменения в среднеанглийском «великим сдвигом количества» (Luick, 1964 (1913), 324). Подобного же типа великие сдвиги количества, приведшие к исчезновению моросчитания, произошли и в других германских языках. «Долгота и краткость, — как отмечает В. М. Жирмунский, — становятся функцией ударения и структуры слога» (Жирмунский, 1965, 9). Исчезновение моросчитания и установление изохронии корневой морфемы происходило в западногерманских языках с X по XV вв. — раньше в английском, голландском и нижнемецком, позже во фризском и верхнемецком (хотя в некоторых верхнемецких ареалах, в частности в баварском, изохрония установилась уже в XII в.).

Предположение о том, что изменение слоговой структуры в голландском языке проходило иным путем, чем в среднеанглийском и средневерхнемецком (Рапорт, 1977, 76-78), поскольку уже в X в. произошло исчезновение геминат, основано на недоразумении. Го-

вора о том, что написания двойных букв на месте этимологически кратких согласных свидетельствуют об исчезновении геминат, Схёнфельд несомненно прав (Schönfeld, 1937, 56), поскольку при слоговом равновесии краткий согласный не может быть противопоставлен долгому согласному, так как находится с ним в дополнительной дистрибуции. Однако долгие согласные не только не исчезли, в среднеголландском их стало гораздо больше за счет удлинения исконных кратких согласных, но их длительность, так же как и длительность согласных в других германских языках на определенном этапе их развития, стала показателем не фонемной долготы, а структуры слога (одного из типов слогового равновесия VC: ~ V:C).

Принято считать, что в готском существовало противопоставление долгих и кратких гласных (Гухман, 1958, 36). О том, что в готском в эпоху Вульфиллы длительность действительно была выражением моросчитания, свидетельствуют чередования /i:/ ~ /ji/, связанные с биморностью или одноморностью корня. Однако в момент написания Серебряного кодекса моросчитание либо совсем исчезло, либо было близко к исчезновению. Дж. Марчанд насчитал около сорока случаев нарушения чередования ei ~ ji в «Серебряном кодексе» (ср. reikjis, kunþis вместо ожидаемых reikeis и kunþeis и т. п.), что дало ему повод отказаться от признания релевантности количественных противопоставлений в готском (Marchand, 1955, 1973, 92). Этот вывод Дж. Марчанда был поддержан (см., напр., Намр, 1958, 350; Jones, 1965, 393-405; Wurzel, 1975, 265-277). Однако, установив отсутствие моросчитания, Дж. Марчанд и его последователи никогда не ставили вопрос о том, какая просодическая корреляция пришла на смену моросчитанию. Как мы видели выше, современные скандинавские языки и западногерманские языки X-XV вв. показывают, что на смену моросчитанию приходит слоговое равновесие. О том, что первым германским языком, в котором существовало слоговое равновесие, был готский, свидетельствует существование в готском написаний двойных согласных ll, nn, rr, mm, ss, pp, tt, kk, pp, ddj, ggw (примеры см.; Marchand, 1973, 60), что говорит о возможности существования противопоставлений двух типов слогов — с долгим гласным и кратким согласным (ful /fu:l/ — fula /fu:la/ ср. и ж. род от fuls) и с кратким гласным и долгим согласным (full /ful:-/fulla /ful:a/ ср. и ж. род от fulls). Различие же исконных кратких и долгих гласных либо исчезло, либо стало различием

качественным (подробнее об этом ниже).

Тот факт, что в готском языке моросчитание сменилось слоговым равновесием в IV-V вв., тогда как в других германских языках оно начало распространяться с X в. (а в некоторых скандинавских диалектах моросчитание сохраняется до сих пор), не должен нас удивлять, если мы сравним судьбу готского народа — с его многочисленными передвижениями и смешениями с другими германскими и негерманскими народами — с относительно спокойной судьбой западных и особенно северных германцев.

Предположение о существовании этапа изохронии во всех германских языках неоднократно высказывалось (Martinet, 1955, 253-254; Hofmann, 1969, 69; Valentin, 1969, 341-347; Прокош, 1954, 143-143, Мячинская, 1985, 98). Современные диалектные данные не только подтверждают справедливость этого предположения, но и позволяют установить этапы исчезновения моросчитания и становления слогового равновесия.

Существует ряд теорий, объясняющих количественные изменения в «среднегерманских языках». Одни из них должны быть отвергнуты сразу, поскольку пытаются объяснить изменение только в одной позиции (ср., старую теорию компенсаторного удлинения, которая ищет объяснения только удлинению в открытом слоге перед /э/ и в которую никак не укладываются ни удлинения в односложных словах, ни изменения типа CVC > SVC: в односложных и двусложных словах с сонантическим исходом; в несколько видоизмененном виде эту теорию можно встретить и в современных работах — см., напр., Minkova, 1982, 29-58; Markus, 1987-1988, 388-389). Другие теории более последовательны и стараются объяснить все изменения «великого сдвига количества». Таким является предположение о решающей роли слоговых акцентов — ср. напр., предположение Г. Пауля о том, что сохранение грависа в исконных краткосложных словах приводит к удлинению гласного, а смена грависа на акут приводит к удлинению согласного (Paul, 1956, 160, см. также Кацнельсон, 1966, 310-314). Наиболее популярной является теория «нормальной моры» К. Люика, который утверждает, что слова, разные по количеству слогов, стремятся иметь одинаковое количество мор (Luick, 1964, (1913), 324-325; Kranzmauer, 1956, 11). Современные идеи о том, что основная причина количественных изменений в германских языках, прежде всего в английском, определяется тенденцией сделать количество предсказуемым (Murray, Vennemann, 1983, 525-526; Phillips, 1983,

880; Hickey, 1987, 5), * можно считать видоизменением этой теории. Фактически о предсказуемости количества говорил и М. Ф. Падура, который считал, что основным фактором становления изохронии является диссимилляция количества: долгие не могут сочетаться с долгими, а краткие с краткими, поэтому устанавливается тип V:C или VC: (Падура, 1971a, 23; 1971b, 14).

Данные современных германских диалектов показывают, что о тенденции к единому просодическому оформлению слова можно говорить лишь на первом этапе изменения, когда исконные одноморные односложные слова стали биморными, а слова типа $\check{C}\check{V}\check{C}\check{V}(C)$ сохраняли свою сегментарную просодику. Именно такое состояние характерно и для части скандинавских и для части алеманнских и баварских диалектов (см. с. 11, 28), такое же состояние отражает графика Орма. Второй этап изменения — установление единого просодического облика корневой морфемы. Просодически равноценными оказываются уже не слова, а корневые морфемы. Это этап изменения просодического облика исконных слов типа $\check{C}\check{V}\check{C}\check{V}(C) > CV:CV(C), CVC:V(C)$. В данном случае мы имеем дело с тенденцией к единому просодическому оформлению корневой морфемы и к просодическому выделению корневой морфемы в слове, вторым слогом которого является словоизменяемая морфема. После установления изохронии все корневые морфемы стали долгими, а словоизменяемые — краткими. Только после этого изменения, т. е. только в «среднегерманский» период словесное ударение приобрело те черты, которые характерны для словесного ударения современных германских языков, где оно связано с сегментно-просодической выделенностью позиции. Вероятно, тенденции к единому просодическому оформлению корневой морфемы способствовала большая частотность и в слове и в тексте долгосложных корневых морфем (см. с. 141). Напомним, что первой изменяется сегментная просодика наименее частотных сверхдолгосложных морфем, затем биморными становятся односложные одноморные слова, которые менее частотны, чем слова типа $\check{C}\check{V}\check{C}\check{V}(C)$, и последними изменяют свой просодический облик слова типа $\check{C}\check{V}\check{C}\check{V}(C)$.

Вряд ли случайно, что раньше всего изохрония корневой морфемы устанавливается в области контактов германских языков между собой на побережье Норвеж-

* Г. Пауль говорил о выравнивании слогового количества (Paul, 1956, 160).

ского моря, на Британских островах и в южной и западной Ютландии. А.И. Смирницкий полагал, что тенденция к выравниванию ритма в среднеанглийском была связана с проникновением в английский язык большого количества скандинавских и французских заимствований. Вначале прошла ритмическая унификация заимствованных слов, а затем эта тенденция распространилась и на исконные слова (Смирницкий, 1965, 44). Связь более раннего изменения сегментной просодики английского языка с языковыми контактами, вероятно, была. Однако вид ее представляется несколько иным: скандинавское завоевание привело к синтаксически-корневому взаимопониманию, что способствовало просодическому выделению корня по сравнению с флексией: все корни стали долгими, флексии — краткими. Подобного же типа изменения происходили и в датских диалектах западной и южной Ютландии (см. с. 155). Однако, как мы видели выше, изохрония устанавливалась во всех германских языках, что указывает на ее внутреннюю обусловленность, контакты же лишь ускорили эти процессы (Кузьменко, 1991).

По-видимому, причины установления изохронии следует искать в изменениях грамматического строя германских языков, однако связь грамматических изменений с изменениями просодического облика корневой морфемы не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Речь идет в данном случае не просто о становлении аналитизма (напомним, что изохрония установилась и в исландском языке, сохраняющем фактически древнеисландскую флективную систему, и, возможно, она была уже в готском языке эпохи «Серебряного кодекса»), а о просодическом противопоставлении корня — флексии.

Вокализм

В просодических системах с изохронией и единым просодическим оформлением корневой морфемы длительность гласных и длительность согласных иррелевантна, поскольку долгие гласные возможны перед краткими согласными, а краткие гласные — перед долгими согласными (V:C ~ VC:). В системах с моросчитанием долгие (биморные) гласные противопоставлены кратким (одноморным) гласным и соответственно долгие согласные — кратким согласным. Таким образом, при смене моросчитания изохронией исчезают фонологически релевантные противопоставления $\check{V}-\bar{V}$ и соответственно $\check{C}-\bar{C}$. Именно исчезновение этих противопоставлений привело к многочисленным фонемным изменениям, прежде всего к из-

менениям вокалическим — как парадигматическим так и синтагматическим. Каким образом проходили эти изменения в разных ареалах распространения германских языков, мы увидим ниже.

Скандинавские языки

За исходное состояние мы принимаем фонемную систему древних скандинавских диалектов эпохи моросчитания (X-XI вв.), которая нашла свое отражение и в первых письменных памятниках, и в младших рунических надписях. Просодическая и вокалическая система была в то время в значительной степени единой для всех скандинавских диалектов. На основании данных памятников и рунических надписей реконструируют обычно такую древнескандинавскую систему гласных:

i	y	u		
e	ø	o	eu	øu
ä	a	q		au

Гласные противопоставлялись по ряду, подъему, наличию или отсутствию огубленности и скольжения артикуляции (монофтонг — сужающийся падающий дифтонг). Монофтонги могли быть одноморными и биморными, а дифтонги были только биморными.

Большинство современных скандинавистов вслед за Хр. Бенедиктссоном связывают все изменения гласных с изменениями внутри фонемной системы. Хр. Бенедиктссон считал, что толчком к изменению гласных послужило слияние кратких /*ě*/ и /*ǣ*/, которое произошло в XI-XII вв., после чего система кратких стала асимметрична системе долгих, и все дальнейшие изменения скандинавских гласных связаны с нарушением такой симметрии (Benediktsson, Hreinn, 1959, 291; 1974, 89-95).

Аргументом в пользу того, что удлинение слога происходило после качественных изменений в исландском, считаются данные исландского стихосложения. Старая метрическая система, сохраняющая правило *CVCV* = *CVC* или *CVC*, продолжала использоваться в Исландии и в XVI в. (а у некоторых поэтов и в XVII в.). На этом основании количественный сдвиг датируют XV-XVI вв. (Porolfsson, 1929, 35-81; Benediktsson, 1959, 300-301; Karlsson S., 1964, 9-10), а поскольку письменные памятники свидетельствуют, что /*ě*/ изменилось в XII-XIV вв. (о чем говорят написания *ie* и *ei*), а /*ǣ*/ — в XIV-XV вв., то делали предположение об отсутствии связи между сдвигом количества и качественными изменениями (Benediktsson, 1959, 291; Árnason,

1980, 64). Заметим, однако, что на письме отражаются только те изменения, которые свидетельствуют о фонемном слиянии или о появлении новых фонем, тогда как изменения, связанные с перефонологизацией, остаются, как правило, без обозначения; именно поэтому изменение /ǣ/-/ā/ > /a/-/au/, /ǿ/-/ō/ > /o/-/ou/ в исландском до сих пор вообще никак не отразилась на письме, а изменения /ē/ > /je/, /ǣ/ > /ai/ отразились на письме только потому, что их конечные результаты совпали с уже существующими сочетаниями фонем (см. /je/ и /ai/ < /a + g + передняя гласная/, как в словах типа daginn). Таким образом, данные письменности не могут быть свидетельством качественного сдвига. Что касается данных стихосложения, то метрическая система в стихосложении могла, по видимому, сохраняться и после того, как произошел количественный сдвиг в других сферах употребления языка. О сохранении традиции в данном случае свидетельствует и факт использования в поэзии в XVI в. слов типа *saður* как односложных, хотя второй слог и вставная гласная появились в исландском в словах такого типа на несколько веков раньше (Karlsson, 1964, 26).

На отсутствие связи большинства изменений гласных с количественным сдвигом настаивают и современные норвежские и шведские ученые (Hansson, 1969, 37; Skomedal, 1971, 9; Skjekkeland, 1976, 53). С ломкой старых количественных противопоставлений обычно связывают только изменение вида оппозиции /i/-/ī/ > /ÿ/-/ÿ̄/, тогда как все остальные изменения количества в качестве относят к более раннему времени, поскольку в некоторых диалектах, где произошел такой сдвиг, сохраняются краткосложные слова (т.е. количество продолжает оставаться в них релевантным).

Однако еще Ю. Сторм, связав цепную реакцию восточнонорвежскошведского типа /ā/ > /ō/ > /ū/ > /u/ с изменением /ǣ/ > /ā/ (Storm, 1884-1908, 165) и предположив первичность удлинения /ǣ/, фактически установил зависимость фонемных изменений от изменений просодических (см. также Larsen, 1894, 85, 87-95). Однако в разных областях Скандинавии эта зависимость имела различный вид. В одних диалектах фонологические изменения $\bar{v}-\bar{v} > v_1 -v_2$ предполагали появление качественных различий исконных количественных противопоставлений при отсутствии совпадения рефлексов \bar{v}

* Кристьяун Арнасон считает, что и это изменение произошло до количественных изменений (Arnason, 1980, 64).

и рефлексов \bar{V} более высокого подъема (именно в таких системах количество качественно противопоставленных гласных наибольшее, см. с. 49-50), в других областях мы сталкиваемся с совпадением (или частичным совпадением) исконных \bar{V} и исконных \bar{V} более высокого подъема.

Рассмотрим вначале изменения, происходившие в тех скандинавских диалектах, где при основном типе изменения корневой морфемы $C\bar{V}C > CV:C$ более всего заметна тенденция к сохранению количества противопоставляющихся единиц (т.е. там, где существует качественное противопоставление рефлексов всех или почти всех количественных противопоставлений), причем вначале рассмотрим изменения гласных в системах с сохранившимися исконными дифтонгами. К таким скандинавским диалектам относятся диалекты западной Норвегии, Исландии, Фарёрских островов и острова Готланд. Определяющим фактором направления фонемного изменения исконного количественного противопоставления $\bar{V}-\bar{V}$ явилось в этих диалектах существование признака дифтонгичности в период исчезновения количественных различий и становления изохронии. Изменение просодического облика корневой морфемы $C\bar{V}C > CV:C$ привело к появлению качественного противопоставления, причем существование исконных дифтонгов предопределило использование признака дифтонгичности в новых противопоставлениях $CV_1C-CV_2C (< C\bar{V}C-C\bar{V}C)$. Иррелевантная дифтонгоидность исконных долгих становится признаком, различающим старую и новую долгосложность, поскольку в системе существовал признак дифтонгичности (ср., напр., готл. /beita/-/spi:la/ — /stain/, др.-исл. *bíta-spíla-steinn*). В большинстве диалектов изменение $\bar{V} >$ дифтонг было изменением парадигматическим, поскольку новые дифтонги не совпали со старыми, а вызвали их понижение /i/ > /ei/, /ei/ > /ai/, / \bar{o} / > / $\bar{o}y$ /, / $\bar{o}y$ / > /oi/. Наиболее явно тенденция к дифтонгизации исконных биморфных гласных проявилась в говорах Валле, Бюкле, Бюггаланна, где сохранению исконных дифтонгов сопутствует дифтонгизация исконных / \bar{i} /, / \bar{y} /, / \bar{u} /, / \bar{e} /, / \bar{o} /, / \bar{o} / (см. с. 49). Не везде эта тенденция выражена столь же последовательно, но везде, где произошло удлинение $C\bar{V}C > CV:C$, не было метафонии и качественного совпадения исконных долгих с исконными гласными более высокого подъема и сохранились исконные дифтонги, мы наблюдаем частую дифтонгизацию исконных долгих. Четыре новых дифтонга из исконных долгих появилось в фарёрском языке и на Готланде, три дифтонга в исландском (см. с. 50). Обычно в западнонорвежских диалектах происходит диф-

тонгизация исконных гласных верхнего подъема и исконных /ā/ и /ō/. Отсутствие дифтонгизации /ē/, /ō/ в части западнонорвежских диалектов и на Готланде (см., напр., говоры Хамре, Квинесдаль, Лау, Форё) связано с тем, что при количественном сдвиге исконные дифтонги становятся коррелятами по дифтонгичности фонем /ē/ и /ō/.

Существование дифтонгов из исконных долгих в говорах с сохраняющимся моросчитанием (см. с. 32) казалось бы, противоречит предположению о связи качественных изменений гласных со становлением корреляции слогового равновесия, поскольку в этих диалектах сохраняется моросчитание. Однако количественный сдвиг произошел в этих диалектах в односложных словах именно у тех гласных, долгие корреляты которых дифтонгизовались (ср., напр., /spil/, /grip/ др.-исл. *spil*, *grip*, но /bait/ др.-исл. *bit* и /baita/ др.-исл. *bita*, хотя в слове *spilō* и т.п. сохраняется тип CVCV в Урсе (Даларна), см. с. 32). Таким образом, в данном случае исчезло количественное противопоставление /i/-/i/ в односложных словах, что и привело к появлению в них качественного противопоставления /i/-/ai/, хотя в двусложных словах /i/ сохраняется. Мы видим, таким образом, что исчезновение релевантного количественного противопоставления в одной позиции приводит к фонологизации качественных различий во всех позициях.

Отсутствие некоторых исконных дифтонгов в говорах с дифтонгизацией исконных долгих может быть следствием более позднего вытеснения слов с исконными дифтонгами соответствующими словами с монофтонгами из соседних говоров и из литературной нормы, см., напр., говор Недеркаликса (Кузьменко, 1980, 139).

Мы видели, что сохранение исконных дифтонгов в момент ломки старых количественных противопоставлений способствовало распространению признака дифтонгичности взамен старого признака долготы (биморности). Область дифтонгизации исконных долгих соответствует области сохранения исконных дифтонгов (Фарёрские острова, Исландия, часть западной Норвегии, северная Швеция, Готланд). Однако дифтонгизация исконных долгих нет ни в шведской, ни в норвежской литературных нормах; в результате вытеснения слов из диалектов без дифтонгизации и влияния литературных норм область дифтонгизации долгих меньше, чем область распространения исконных дифтонгов. В Исландии и на Фарёрских островах литературная норма отразила дифтонгизацию исконных долгих.

Сохранение дифтонгов в диалектах без метафонии

привело к дифтонгизации исконных долгих при становлении корреляции слогового равновесия. В другой группе скандинавских диалектов дифтонги стянулись до исчезновения моросчитания. Отсутствие дифтонгов в период количественного сдвига не способствовало здесь появлению падающих сужающихся дифтонгов из исконных долгих в эпоху исчезновения моросчитания и становления слогового равновесия, однако стяжение дифтонгов привело к другим фонологическим изменениями, также произошедшим еще до ломки старых количественных противопоставлений. Самым общим таким изменением было расширение исконного /ē/ > /ǣ/, характерное фактически для всех скандинавских диалектов со стянувшимися дифтонгами (ср., напр., др.-исл. steinn и kné, норв. stein, kne, но шв. и датск. литер. sten и knä, knæ), что свидетельствует о существовании связи изменений /ei/ > /ē/, /ē/ > /ǣ/. Стяжение дифтонгов /ey/ и /au/ в большинстве скандинавских диалектов не вызвало сдвига исконного /ǫ/, рефлексы стяжения совпали здесь с /ǫ/. В некоторых норвежских диалектах в Трэнделаге монофтонгические рефлексы /ǫ/, /ey/ и /au/ отличаются друг от друга (где /ey/ > /ǫ/, /knǫ/ > /ǫ/, /au/ > /ǫ/, см. с. 55). Как известно, монофтонгизация исконных дифтонгов прошла во всех древних германских языках (подробнее об этом см. ниже) кроме верхненемецкого и западноскандинавского. Поскольку монофтонгизация в скандинавском ареале распространялась с юга, было высказано предположение о влиянии древнесаксонской (а возможно и древнеанглийской) монофтонгизации на древнедатскую (см., напр., Zabrocki, 1963, 247). Исходя из общефонологических соображений, автор этих строк отказывался ранее признать такую возможность (Кузьменко, 1980, 114). Однако такое влияние можно предположить, учитывая возможность существования «янус-фонемы». Современные скандинавские диалекты показывают как возможность существования факультативных чередований /ei/ ~ /e/ в словах типа др.-исл. steinn, так и /e/ ~ /ǣ/ в словах типа др.-исл. kné. Существование «янус-фонемы» и было промежуточной стадией при изменениях /ei/ > /ē/, /ē/ > /ǣ/.

При изменениях /ei/ > /ē/, /ē/ > /ǣ/ происходят, таким образом, не постепенные сдвиги артикуляции, приводящие к потере дифтонгизации у /ei/ с одновременным постепенным понижением исконного /ē/ > /ǣ/, что было бы свойственно цепной реакции, и не мгنو-

* О понятии «янус-фонемы» см.: Steblin-Kamenskij, 1965, 370-371.

венная потеря различительного признака дифтонгизации у /ei/, вызвавшая фонологизацию более широкого раствора у /ē/ > /ä/, а изменения иного типа. Как показывают диалектные данные, еще при существовании исконого /ē/ в словах типа /kne:/, /ē/ проникает в определенную группу слов с этимологическим /ei/, в результате чего возникает «янус-фонема» /ei/ ~ /ē/, т. е. ситуация, когда возможно факультативное чередование /ei/ ~ /ē/ в словах типа /stein/ ~ /ste:n/, но невозможно такое чередование в словах типа /kne:/. Затем в результате стремления к дифференциации этих форм появляются формы типа /knä:/ с фонемой /ä/, уже существовавшей в системе в другой группе слов. Таким образом, возникает ситуация, когда в одной группе слов факультативно чередуются /ei/ и /ē/, а в другой /ē/ и /ä/ — старое и новое состояние оказываются со существующими некоторое время — и, наконец, исчезает /ei/ в словах типа /stein/ ~ /ste:n/ и исчезают формы с /ē/ в словах типа /kne:/ ~ /knä:/. В результате такого многоступенчатого изменения и происходит сдвиг /ei/ > /ē/, /ē/ > /ä/, в современных диалектах.

Взаимодействие диалектов со стянувшимися дифтонгами, где /ei/ > /ē/; /ē/ > /ä/, с диалектами, сохранившими исконое состояние /ei/-/ē/, можно проследить и в Швеции (Bergman, 1921, 10-37, 100-102), и в Норвегии (Schulze, 1951, 65, 69-71; Hoff, 1954, 81-83). Очевидно, что таким же могло бы быть изменение, происходившее в древнедатский и древнешведский период. Представление изменений /ei/ > /ē/, /ē/ > /ä/ в виде ступенчатого сдвига, предполагающегося в качестве промежуточных этапов существование «янус-фонем», делает возможным предположение о том, что толчком к скандинавской монофтонгизации могла быть древнесаксонская монофтонгизация, особенно в случае стяжения /ei/ > /ē/, когда новые монофтонги в древнесаксонском и древнедатском возможны в группе этимологически родственных слов (ср. др.-сакс. *del*, *sten* и др.-датск. *del*, *sten*). Что касается монофтонгизации /eu/, /au/ > /ō/ в древнедатском, то она, не являясь прямым следствием древнесаксонского стяжения, была предопределена давлением системы, т. е. стяжением /ei/ > /ē/.

Вполне вероятно, что распространение монофтонгизации и изменения /ē/ > /ä/ с юга на север, т. е. из древнедатских в древнешведские диалекты, могла проходить по той же модели существования двух «янус-фонем» /ei/ ~ /ē/ и /ē/ ~ /ä/.

Фонемные изменения в большинстве датских диалек-

тов в эпоху исчезновения моросчитания во многом сходны с изменениями, произошедшими в западнонорвежских диалектах и в диалектах Готланда. Это сходство определяется сходством в изменении количественных образцов $C\bar{V}C(V) > CV:C$, в результате чего старая и новая долгосложность стали противопоставляться в словах типа $CV:C$. Однако если в западнонорвежских диалектах исчезновение моросчитания происходило в период существования дифтонгов, то в датских диалектах дифтонги, как мы видели, исчезли до количественного сдвига.

Сложность определения того, какие фонемные изменения произошли в период исчезновения моросчитания в датских диалектах, связана с тем, что ни в одном датском диалекте (кроме диалекта Борнхольма) не сохранилось слоговое равновесие. Оно сменилось здесь либо корреляцией контакта, либо почти полной силлабемностью. Поскольку, как мы увидим ниже, этот новый просодический сдвиг привел и к новым фонемным изменениям, постольку при изучении фонемных изменений в датских диалектах надо отграничить изменения, связанные со сдвиганием слогового равновесия от изменений, вызванных появлением корреляции контакта и продолжающихся в период ее функционирования. Хотя в литературной датской норме на Борнхольме и в некоторых исконно датских диалектах южной Швеции исконные $/i/$, $/y/$ совпали с исконными гласными более низкого подъема $/\bar{e}/$ и $/\bar{o}/$, в большинстве датских диалектов, в том числе и в диалектах Зеландии, исконные $/i/$, $/y/$, $/\bar{u}/$ и $/\bar{e}/$, $/\bar{o}/$ (или $/\bar{a}/$) имели разную судьбу, что соответствует их развитию во многих западнонорвежских диалектах. В них исконные противопоставления $/i/-/i/$, $/\bar{e}/-/\bar{e}/$ представлены как качественно разные противопоставления $/i/-/i/-/e/-/\bar{a}/$, $/ei/-/i/-/e/-/\bar{a}/$ или $/ei/-/i/-/\bar{a}i/-/\bar{a}/$ (см. с. 49).

Именно изменение $C\bar{V}C(V) > CV:C(V)$, т. е. вытеснение одноморных корневых морфем корневыми морфемами с количественной вершиной на гласной, предопределило появление новых качественных различий у гласных и в западнонорвежских, и в датских диалектах, поскольку ареной противопоставления старой и новой долгосложности стали слова типа $CV:C(V)$, тем более что противопоставлению качественно разных гласных антропофонически более удобно реализоваться в слоговой структуре с долгим гласным $CV:C(V)$, чем в слоговой структуре CVC . Однако, хотя в этих диалектах при замене оппозиции $C\bar{V}C-C\bar{V}C$ оппозицией $CV_1: C-CV_2: C$ происходило появление новых качественных различий у гласных, фонемные изменения имели разный вид в Дании и западной

Норвегии, что было обусловлено в первую очередь сохранением исконных дифтонгов в западнонорвежских диалектах и их отсутствием в датских. В западнонорвежских диалектах при исчезновении количественных различий, как мы видели выше, часто фонологизовался глайд в исконном типе CVC, чему способствовало существование в системе признака сужающейся дифтонгичности, в датских же диалектах падающих сужающихся дифтонгов при исчезновении моросчитания не появлялось. Существование дифтонгов /ei/ < /i:/, /oi/ < /ø:/, /ou/ < /o:/, /øu/ < /u:/ во многих датских диалектах не должно вводить нас в заблуждение, поскольку эти дифтонги, как мы увидим в дальнейшем, появились в эпоху существования корреляции контакта. В тех диалектах, где корреляция слогового равновесия еще сохраняется, как в Борнхольме, или только начинает исчезать, как в юго-восточном Сконе, нет сужающихся дифтонгов даже в том случае, когда исконные /i̇/, /ẏ/, /ü̇/ не совпали с исконными гласными более низкого подъема /i/ > /i/, /i̇/ > /i/, /ẏ/ > /y/, /ü̇/ > /y/ и т. п. (см. выше). Среди датских диалектов, в которых не произошло совпадения /i̇/ с /ē/, /ẏ/ с /ø/, /ü̇/ с /ō/, наиболее архаичное состояние сохраняют те диалекты, в которых нет сужающихся дифтонгов. Вероятнее всего, становление слогового равновесия привело в датских диалектах к фонологизации новой степени подъема языка: и исконные /i̇/, /i̇/, /ē/, /ē/ стали различаться по этому признаку, т. е. наиболее архаичное состояние демонстрируют датские диалекты, в которых исконное противопоставление /i̇/-/i̇/-/ē/-/ē/ представлено как противопоставление /i̇/-/i̇/-/ä/-/e/.

Хотя в современном датском литературном языке и во всех датских диалектах исконным /i̇/ и /ẏ/ соответствуют /e/ и /ø/ и в исконных типах слов CVC и в исконных типах слов CVCC (кроме тех случаев, когда /i̇/ и /ẏ/ сохраняются благодаря соседству с бывшими палатализованными согласными), в памятниках обозначаются только изменения в словах типа CVC(CVCV) — leve, skrevet, но сохраняются до сих пор написания с i̇ в словах типа miste, skrift и т. п. Мы полагаем, однако, что такое графическое различие (leve, но miste) в средневековых рукописях вовсе не является свидетельством того, что /i̇/ > /e/ сначала в словах типа CVC(V) и лишь позднее в словах типа CVCC. Изучение особенностей средневековой европейской письменности на латинской основе показывает, что однозначность передачи всех фонемных различий достигалась в ней не фонографичностью (когда фонеме соот-

ветствовала графема), а иными способами — с одной стороны, одна и та же фонема могла передаваться целым набором незакрепленных за лексемами графем, с другой — одна и та же графема могла быть использована для обозначения разных фонем в разных позициях; и в том и в другом случае однозначность передачи фонемных различий не нарушалась (Кузьменко, 1985, 30-33). Именно поэтому, когда произошло изменение /i/ > /e/, оно получило отражение на письме в тех позициях, где возникли новые противопоставления (skrive-skrevet), особенно в тех областях, где /i/ совпало с /ē/, и где необозначение этого изменения могло затруднить чтение, и не получило никакого отражения в тех позициях, где сохранялось отличие исконного /i/ от других фонем, поскольку /i/ не совпало с /ē/, — ср. совр. датск. литер. spinde /spenə/ — spende /sbənə/ и соответственно synder/sønəR/ — sønner /sönəR/. Таким образом, одновременно с отразившимся на письме изменением /i/ /y/ > /e/, /ø/ в исконных краткосложных словах изменились и /i/, /y/ в исконных долгосложных словах, хотя это изменение не нашло отражения на письме.

Особого разговора заслуживает интерпретация написаний типа taal, huul и øl в датских памятниках эпохи становления изохронии. В современной литературной норме соответствующие слова имеют плотный контакт, т.е. /tal/, /hul/, /øl/, т.е. сочетание краткого гласного и краткого согласного, причем в двусложной форме этот контакт может стать сверхплотным (см., напр., /øl/-/øl'əð/ øl, øllet). Таким образом, написания с двойной гласной буквой, отражающие безусловно изохронический тип CV:C (ср. шв. литер. /ta:l/, /ho:l/, /ø:l/) находятся в противоречии с современной формой этих слов в литературной норме, предполагающей изохронический тип CVC: (именно к этому типу восходит почти всегда плотный или сверхплотный контакт — ср. шв. falla /fal:a/ — датск. falde /falə/, шв. fall /fal:/ — датск. fald /fal'/).

Несоответствие современных данных, свидетельствующих о возможности изменения этих слов по типу CVC > CVC: и данных письменности, позволяющих предположить их изменение по типу CVC > CV:C, можно устранить благодаря данным диалектов юго-восточного Сконе (см. с. 111), в которых исконные одноморные слова CVC при становлении изохронии вначале изменились по типу CVC > CV:C, а сейчас при становлении корреляции контакта происходит проникновение плотного контакта не только в изохронический тип CVC:, но и в изохрониче-

ский тип CV:C с новыми долгими гласными, для которых характерно отсутствие дифтонгоидности и фонетически более плотное примыкание к последующему согласному, что и отличает эти гласные от исконных долгих гласных (см. с. 113). Изменение типа /spɪla/ > /spɪ:la/ > /spɪla/ мы можем наблюдать в современных диалектах юго-восточного Сконе (чередование /spɪ:la/ ~ /spɪla/, — см. с. 112) показывает нам возможность изменения типа CVC > CV:C > CVC в датских словах типа tal, hul, øl.

При синхронном анализе систем гласных в моросчитающих диалектах мы отмечали, что во многих из них есть гласный смешанного ряда (см., напр., Лесье, Довре, Брённей, Увикен, восточношведские диалекты). В других моросчитающих диалектах некоторым исконным долгим соответствуют дифтонги (Эверкаликс, Недеркаликс, Урса, Эльвдален, Мура). Все это, казалось бы, подкрепляет точку зрения противников обусловленности фонемных изменений изменениями просодическими. Однако связь просодических и фонемных изменений не видна до тех пор, пока представляешь себе смену моросчитания слоговым равновесием как скачок, затронувший одновременно все слова. Как мы видели выше, современные диалекты имеют разную степень моросчитания, причем одноморные корневые морфемы исчезают в разное время у разных типов слов. При очередности превращения одноморных корневых морфем в биморные имеет значение тип слова (CVC раньше становятся CV:C или CVC:, чем CVCV), его фонетическая структура (вначале изменяют просодический тип слова с /a/; гласные перед звонкими согласными удлиняются раньше, чем перед глухими), наконец, значение слова (слова одинаковой фонетической структуры могут изменять свой просодический тип в разное время). Такая разновременность объясняется тем, что изменение от моросчитания к слоговому равновесию происходит путем вытеснения количественных образцов (поскольку типы CVC и CVCV существовали и при моросчитании). Процесс становления слогового равновесия может продолжаться длительное время, однако связано это не с младограмматической (или в терминах диахронической фонологии — аллофонической) постепенностью звуковых изменений, а с процессом постепенного вытеснения количественных образцов.

Как известно, фонетическая длительность гласных при прочих равных условиях пропорциональна степени подъема языка. Гласный самого низкого подъема, в частности /a/, оказывается и самым длительным, при-

чем перед звонкими согласными гласные длительнее, чем перед глухими (ср., напр., Chen, 1970, 129-159). Именно эти особенности определили то, что действие тенденции к единому просодическому облику корневой морфемы началось со слов типа $\text{C}\check{\text{a}}\text{C}(\text{V})$. Иррелевантная ранее большая длительность исконного /ǎ/ фонологизовалась, и слова типа $\text{C}\check{\text{a}}\text{C}(\text{V})$ просодически стали приравниваться к словам типа $\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}(\text{V})$. Во всех скандинавских диалектах первыми исчезли одноморные корневые морфемы с /ǎ/ — ни в одном современном диалекте противопоставления $\text{C}\bar{\text{a}}\text{C}$ - $\text{C}\check{\text{a}}\text{C}$ не сохранилось. Судя по тому что диалекты с сохраняющимся моросчитанием показывают постепенность его исчезновения, которая зависит и от качеств поствокалического согласного, мы можем предположить, что вначале произошла замена количественных образцов в словах с /ǎ/ перед звонкими согласными и последними удлинились слова типа $\text{C}\check{\text{V}} +$ глухой смычный. Такая же последовательность вытеснения количественных образцов была характерна, вероятно, и для других германских языков.

Исчезновение одноморных корневых морфем с /ǎ/ можно назвать удлинением, поскольку новые слова $\text{C}\bar{\text{a}}:\text{C} < \text{C}\check{\text{a}}\text{C}$ просодически приравнивались словам с другими биморными гласными, которые еще продолжали количественно отличаться от соответствующих одноморных, однако изменение /ǎ/ > /a:/ означало исчезновение противопоставления /ǎ/-/ā/, т.е. количество перестало быть релевантным для /a/. Так, в недрах моросчитания начало складываться слоговое равновесие.

Исчезновение количественного противопоставления привело к фонологизации различий /ǎ/-/ā/ > /a'/-/a"/. Это изменение, однако, имело разный вид в разных областях Скандинавии. Во многих западноскандинавских диалектах /ā/ либо дифтонгизовалось, /ā/ > /au/, либо изменилось в /ǎ/, отличающееся степенью подъема от /Ǔ/ и /ō/; в других скандинавских диалектах /ā/ > /ō/, совпав по качеству с /Ǔ/ и вызвав цепную реакцию, о которой говорили Ю. Сторм и А. Ларсен /ǎ/ > /ā/ > /ō/ > /ū/ > /ü/.** Причем такая

* Единственным скандинавским диалектам, в котором исконные /ǎ/ и /ā/ совпали, является диалект о-ва Готланд.

** Восточноскандинавский тип изменения, т.е. /ā/ > /ō/, /ō/ > /ū/, /ū/ > /ü/ А.Б. Ларсен описывает так: «Старые долгие гласные были более или менее самостоятельными звуками в противоположность кратким. Таким образом, <a> лабилизировалось, и

цепная реакция характерна и для тех областей Скандинавии, где до сих пор сохраняется моросчитание. Если изменение $\bar{a}/ > /au/$ фактически не затронуло зону рассеивания исконного $/\bar{o}/$, то качественное совпадение исконного $/\bar{a}/$ с $/o/$ привело к цепной реакции, конечным результатом которой стала фонема смешанного ряда $/u/$. Такая цепная реакция, как показывают современные моросчитающие диалекты, была вызвана не всеобщим количественным сдвигом, а изменением слов типа $S\bar{a}S$.

Изменение $/\check{a}/-/\bar{a}/ > /a/-/o/$ и качественное совпадение исконного $/\bar{a}/$ с $/\check{o}/$ и послужило толчком к такой цепной реакции. Эти изменения привели не только к исчезновению противопоставления $/\check{a}/-/\bar{a}/$, но и к появлению нового противопоставления $/\bar{o}/-/\check{o}/ < /a/-/\check{o}/$. Соответственно количественное противопоставление $/u/-/\bar{u}/$ предстало во многих диалектах в новом качестве $/\check{u}/-/\bar{u}/$. Такое состояние сохраняется во многих моросчитающих диалектах до сих пор.

Новый шаг к установлению слогового равновесия — исчезновение оппозиции $/\bar{o}/ (</\bar{a}/) - /\check{o}/$ — приводит к новым качественным изменениям. В датских диалектах Зеландии и соседних островов в соответствии с изменением $/\bar{e}/ > /ie/$, $/\bar{o}/ > /y\phi/$ происходит изменение $/\bar{o}/ (<\bar{a}/) > /uo/$ (говоры Стрёбю, Тогёбю, Сайерё). Такое изменение несомненно свидетельствует о ступенчатости исчезновения моросчитания в зеландских говорах. Изменение $/\check{a}/-/\bar{a}/ > /\check{a}/-/\bar{o}/$ привело здесь к цепной реакции шведско-норвежского типа $/\check{a}/ > /a/ > /\bar{o}/ > /u/ > /u/$. Гласная смешанного ряда $/u/$ сохраняется на Борнхольме, а в ряде зеландских диалектов ей соответствует дифтонг $/\phi u/$ — изменение $/u/ > /\phi u/$ явилось, однако, не следствием становления слогового равновесия, а в результате исчезновения слогового равновесия и появления корреляции контакта (см. ниже).

Во многих восточнонорвежских и шведских диалектах исчезновение количественного противопоставления $/\bar{o}/ (</\bar{a}/) - /o/$ также приводит к фонемным изменениям $/\check{o}/-/\bar{o}/ > /e/-/o/$, причем в говорах с метафонией появление $/e/$ может регулироваться метафоническими чередованиями: в словах типа $S\check{o}S$ при изменении $C\bar{V}C > CV:C$ появляется гласная смешанного ряда $/e/$ (ср., напр., говоры Сулёра, Тюнсета, Барду, Молсэлвена, Олена, Дегерфорса, Чёкара и т. д.) или гласная перед-

поэтому началось изменение и других задних гласных: $\langle o \rangle$ стало $\langle u \rangle$, чтобы не совпасть с новым $\langle o \rangle$ из $\langle a \rangle$, а $\langle u \rangle$ продвинулось вперед, чтобы не совпасть с новым $\langle u \rangle$ из $\langle o \rangle$ (Larsen, 1894, 85).

него ряда /ø/ (ср., напр., говоры Хедал, Солум), в словах типа СоСа, как правило, /o/ сохраняет свое качество (ср., напр., /tɛ:l/ или /tø:l/, но /to:la/; /lɛ:v/ или /lø:v/, но /lo:va/). Вполне вероятно, что первой ступенью изменения /ǫ/ было появление гласной смешанного ряда /e/, которая лишь затем слилась с уже существовавшей фонемой /ø/.

Появление новой фонемы смешанного ряда /e/ было обусловлено вероятно, существованием /u/ < /ū/. Примечательно, что /e/ появляется только в тех диалектах, где /u/ < /ū/. Изменение /ǫ/ > /e/ является, таким образом, фонологическим изменением, приведшим к появлению новой фонемы, но не нового различительного признака (так называемое заполнение пустой клетки). В диалектах с метафонией часто происходит генерализация вокализма двусложных форм /to:l/-/to:la/ < /tɛ:l/-/to:la/.

Отметим, что в шведском литературном языке продукт развития /ǫ/ совпал с /ō/(< /ā/) во всех типах слов только в конце XIX в. (Wessen, 1958, 136). Судя по тому, что написание oh, которое часто использовалось для обозначения фонемы /e/ в шведском языке в XVII-начале XVIII в., встречается почти исключительно в односложных словах (kohl, bohl, hohl), в языке Стокгольма этого периода существовала ситуация, сходная с ситуацией говоров, где в односложных словах было /e/, а в двусложных /o/ (/tɛ:l/, но /to:-la/).

Подобно тому как изменение просодической структуры слов с /ǫ/ привело к появлению гласной смешанного ряда /e/, изменение просодической структуры слова с исконным /u/ также привело к фонемному изменению: исконная оппозиция /ū/-/ǔ/ представлена в некоторых шведских диалектах как оппозиция /ɯ/-/u/ (говоры Дальбю, Оселе, Торп, часть говоров Еталанда, юговост. Сконе). В результате этого изменения повляется противопоставление по степени огубленности у передних гласных /y/-/ɯ/(< /ū/). Исконное /ǔ/ > /y/ > /u/ остается гласным смешанного ряда. Если в диалектах появление противопоставления /u/-/ɯ/ связано с распространением слогового равновесия и на слова с исконными /ǔ/ и /ū/, то в шведской литературной норме фонологизация различий у бывших аллофонов [ɯ] и [ɯ:] была предопределена другими факторами. Дифференциация /u/ и /ɯ/ явилась следствием их функциональной нетождественности другим аллофонам гласных в позициях V:C и VC:. В синхронной части мы отмечаем, что [ɯ] и [ɯ:] и отчасти [a] и [a:] почти не чередуются в шведской литературной норме в одной морфеме

разного просодического вида в отличие от других гласных. Функциональная нетождественность [ɨ] и [ʉ] (отчасти [a] и [ɑ:]) другим кратким и долгим гласным привела к фонологизации качественных различий /ɨ/ и /ʉ/ и отчасти, вероятно, /a/ и /ɑ/. Таким образом, шведская литературная норма и диалекты шли к фонологизации противопоставлений /ʉ /-/ɨ/ разными путями, разными оказались и источники новых фонем, что связано с тем, что в диалектах появление противопоставления /ʉ /-/ɨ/ было реакцией системы на исчезновение моросчитания, а в норме становление оппозиции /ɨ/- /ʉ/ происходило уже в эпоху слогового равновесия.

Оппозиции /e/-/o/, /ɨ/-/ʉ/ появляются только в тех шведских и норвежских диалектах, где исконное CVC(V) заменяется просодическим типом CV:C(V). В тех областях, где CVC(V) > CVC:(V) новых качественных противопоставлений не появилось — ср., напр., ётские или южношведские формы типа /ske:t/ или /le:k/ и шведские литературные нормы /skot:/, /lok:/ skott, lock. Иногда разную судьбу имеет /ø/ в зависимости от типа удлинения слова и в одном и том же диалекте (т. е. /te:la/, /se:va/, но /skot:/ или /lok:/ шв. литер. tola, sova, skott, lock). Слог типа CV:C(V) оказывается более удобной позицией для появления качественных противопоставлений гласных, чем слог типа CVC:. Такая зависимость появления новых качественных различий гласных при изменении CVC(V) > CV:C(V) прослеживается и в западнонорвежских и в датских диалектах.

В результате появления оппозиции /ʉ /-/ɨ/ в шведской литературной норме и во многих диалектах установились типологически очень редкие системы, в которых в верхнем подъеме существует три гласных переднего ряда /i/, /y/, /ɨ /, гласная смешанного ряда /ɨ/ и гласная заднего ряда /u/, причем /y/ и /ɨ / отличаются по степени огубленности. Вполне вероятно, что перенасыщенность верхнего подъема может стать предпосылкой фонологического изменения. Диалекты показывают, что чаще всего в таком случае исчезает оппозиция /y/-/ɨ/. Во многих говорах происходит «итакнизм» и /y/ сливается с /i/, в ряде говоров Ёталанда /y/ сливается с /ɨ/.

Подводя итоги изменениям задних гласных в области цепной реакции, отметим, что появление новых качественных различий происходит здесь по мере исчезновения моросчитания. На первом этапе исчезает противопоставление одноморного и биморного /a/, что вызывает цепную реакцию, на втором этапе исчезает противо-

поставление / \ddot{o} / и / \bar{o} / (</ \bar{a} /), что приводит к появлению новой гласной смешанного ряда / \ddot{o} / > / e /, и, наконец, последними изменяются слова с исконными / u / (/ \ddot{u} /-/ \bar{u} / > / a /-/ ω /). Цепная реакция и связанные с ней изменения могут дать толчок к новым фонемным изменениям, в частности к слиянию / y / либо с / i / (наиболее частный случай), либо с / ω /.

Рассмотрим теперь изменения передних гласных в области сохранения моросчитания и цепной реакции и баланса. Диалекты с метафонией или ее следами (севершведские, восточнонорвежские, восточношведские и трэндские), сохранившие моросчитание, свидетельствуют о том, что изменения / i / > / e /, / \ddot{y} / > / \emptyset / произошли до исчезновения краткосложности. В Швеции такое развитие предполагается и для Уппланда и Даларны (Ahlbäck, 1952, 131). В моросчитающих говорах / e / и / \emptyset / соответствуют / i / и / \ddot{y} / в словах типа CVC и в словах типа $CVCa$, тогда как в словах типа $CVCi$, $CVCu$ сохранились / i / и / \ddot{y} / (по метафонии). В исконных долгосложных словах также сохраняются / i / и / y /.

В соответствии со своей теорией удлинения слога А. Кокк считал, что / i / > / e /, / \ddot{y} / > / \emptyset / в открытом слоге (при удлинении), но сохранились в закрытом (Кокк, 1906, 24-59, 453-472). Связь изменения / i / > / e /, / \ddot{y} / > / \emptyset / с удлинением неоднократно отмечалась в разных скандинавских языках, однако несомненный факт, что в большинстве моросчитающих норвежских и шведских говоров это изменение происходит до удлинения слога, как в односложных, так и в двусложных словах. Появление в памятниках e в двусложных словах раньше, чем в односложных, отмеченное А. Кокком, свидетельствует не о более раннем удлинении в открытом слоге, а о метафонических чередованиях / i / ~ / e /, / \ddot{y} / ~ / \emptyset / — перед / a / появляется / e / и / \emptyset /, а перед / i / и / \ddot{u} / — / i / и / \ddot{y} / (т.е. / $spila$ / > / $spēla$ / в области метафонии еще до удлинения слога). Так как / a / является самой частотной словоизменяющей морфемой (ее частотность намного превосходит частотность / i / или / u / и все односложные слова типа CiC имеют формы типа $CiCa$, то существование метафонических форм типа / $spēla$ / предопределило изменение по аналогии / $spil$ / > / $spēl$ / еще до количественного сдвига, поскольку односложные формы были нейтральны по отношению к метафонии. Такое состояние и сохраняется во многих диалектах с моросчитанием. Изменение / $spil$ / > / $spēl$ / произошло не только потому, что почти все слова типа CiC имели двусложные формы с $-a$, но и потому, что слов типа $CiCa$ было гораздо больше, чем слов CiC . В результате этого изменения в области баланса гласных вообще исчезло противопоставление

/ĩ/-/ĩ/, /ÿ/-/ÿ/. Долгие /ĩ/ и /ÿ/ стали возможны только перед одним согласным, а краткие — перед двумя согласными или перед долгим согласным. Если противопоставления /ĩ/-/ĩ/, /ÿ/-/ÿ/ исчезли, то функциональная нагрузка оппозиций /é/-/ē/, /ø/-/ø/ увеличилась, поскольку увеличилась частотность фонем /ē/ и /ø/.

Изменение CVC(V) в области баланса и метафонии не способствовали появлению новых гласных, однако они предопределили сохранение /ĩ/ и /ÿ/ в исконных долгосложных словах типа шв. литер. dricka и lynne. Если в области изменения CVC(V) > CV:CV основной ареной противопоставления старых и новых долгосложных слов стали слова с долгим гласным (что и вызывало появление новых гласных фонем — см. выше), то в области изменения CVC(V) > CVC:(V) старая и новая долгосложность противопоставлялись в словах типа CVC:(V). Именно поэтому в области изменения CVC:(V) различается вокализм в словах типа шв. литер. dricka, но veska (<vika), а в тех областях, где происходило удлинение гласной (и основной ареной противопоставления старой и новой долгосложности стали слова типа CV:C), исконная и новая долгосложность типа CVCC различаются не вокализмом, а типом слога (ср. ётское /drek:a/, /ve:ka/ или датск. литер. fisk /feski/ и leve /le've/ совр. исл. /fisk/ fisk, /vi:ka/ vika).

Во многих диалектах с метафонией сохранились исконные дифтонги, однако при становлении слогового равновесия новых дифтонгов из исконных долгих не появилось. Это объясняется двумя факторами: изменением CVC(V) > CVC:(V), которое приводит к тому, что старая и новая долгосложность противопоставляется в просодическом типе CVC:(V) и существованием метафонии. В тех областях, где господствует метафония, исконные различия /ĩ/-/ĩ/, /ÿ/-/ÿ/ не сменились противопоставлением монофтонг-дифтонг, как во многих западнонорвежских диалектах и в диалектах Готланда, поскольку еще до количественного сдвига метафония и выравнивание по аналогии привели к изменению /ĩ/ > /e/, /ÿ/ > /ø/. Там, где метафония не затронула слова с /ĩ/ и /ÿ/ и CVC сменилось CV:C, произошла дифтонгизация исконного /ĩ/ (ср., напр., в диалектах Даларны, где /spil/ > /spi:l/, но /spilo/ и /beit/ < /bita/).

Сходству типа изменений CVC(V) > CV:C(V) в исландском, фарёрском, готландском, западнонорвежских и датских диалектах сопутствует отсутствие в них баланса и метафонии и одинаковая судьба исконных кратких гласных в исконных одноморных и биморных морфе-

мах. Однако изменение от моросчитания к слоговому равновесию привело в них к разным результатам, поскольку исходные системы западных диалектов и диалекта Готланда отличались от систем датских диалектов сохранением признака дифтонгичности.

Западногерманские языки

При исчезновении моросчитания и установлении изохронии корневой морфемы ($V:C \sim VC:$) исчезает и количественное противопоставление $\check{V}-\bar{V}$. Г. Суит отмечал, что самые важные изменения, произошедшие в истории английского языка — переход количественных характеристик в качественные (Sweet, 1873-1874, 484-485). Вокалические изменения, связанные с исчезновением оппозиции $\check{V}-\bar{V}$ ($\check{V}-\bar{V} > V_1-V_2$) происходили во всех западногерманских языках, причем — так же как и в скандинавских языках — новые качественные противопоставления возникали здесь при изменении $\check{C}V > CV:C$, и направление качественных изменений зависело в значительной степени от вида исходной системы, и прежде всего от наличия или отсутствия дифтонгов в период становления изохронии. В скандинавских языках, как мы видели, существование дифтонгов способствовало тому, что новые качественные различия часто становились различиями дифтонг (исконный долгий) — монофтонг (исконный краткий). Подобная же тенденция была характерна и для эпохи становления изохронии и в западногерманских языках.

Обратимся вначале к вокалическим изменениям тех западногерманских диалектов, которые сохраняют изохронию (северо- и центральнобаварские диалекты). Здесь также можно установить связь дифтонгизации исконных долгих (прежде всего исконных гласных верхнего подъема, и отчасти среднего подъема) с сохранением исконных дифтонгов. В период исчезновения $\check{C}V$ и изменения $\check{C}V > CV:C$ в двусложном слове (в односложном слове происходило изменение $\check{C}V > CVC:$) исконные долгие гласные верхнего подъема и отчасти среднего подъема дифтонгизовались (т. е. при сохранении дифтонга в словах типа Stein, в баварском, представленном как /štoin/, изменение /šmidə/ > /šmi:də/ способствовало дифтонгизации исконного /i/ в словах типа Wein /vīn/ > /vain/). В баварских диалектах, судя по памятникам, дифтонгизация исконных долгих гласных верхнего подъема произошла в XII в. (Kufner, 1957, 520), т. е. именно в тот период, к которому относят изменение типа /šmidə/ > /šmi:də/ (Kranzmayer, 1956, 11). О связи дифтонгизации исконных долгих со ста-

новлением изохронии еще в большей степени свидетельствует факт отсутствия дифтонгизации и других качественных изменений в верхнеалеманнских диалектах, сохраняющих исконные количественные отношения (см. с. 33-34).

В приведенном нами в синхронной части баварском говоре Зальцахгау шесть пар исконных количественных противопоставлений представлены как противопоставления качественные, при этом исконным противопоставлениям /ī/-/ī̄/, /ū/-/ū̄/, /ō/-/ō̄/ соответствуют противопоставления дифтонг (исконный долгий)-монофтонг (исконный краткий): /ai/-/i/, /au/-/u/, /ou/-/o/. Такой дифтонгизации способствовало существование в системе исконных дифтонгов в словах типа Stein и Baum. Причем в этом говоре дифтонг, развившийся из /ī/ и /ū/, не совпал с исконным дифтонгом, а способствовал его сдвигу (ср. /vain/ Wein, но /štain/ Stein), тогда как дифтонг < /ū/ совпал с исконным дифтонгом, как в литературной норме (/haus/ Haus, /baum/ Baum). Еще больше дифтонгов появилось в северобаварском говоре Кальмюнца, где дифтонгизовались исконные /ī/, /ū/, /ō/ (> /ai/, /au/), исконные /ē/, /ō̄/, /ō/ и /ā/, (/ē/, /ō̄/ > /ei/; /ō/, /ā/ > /au/) и исконные расширяющиеся дифтонги (/ie/, /üe/ > /ei/; /uo/ > /ou/). Также как и в говоре Зальцахгау, здесь рефлекс /ū/ совпал с рефлексом /au/, тогда как рефлекс /ī/ и /ei/ продолжают различаться как /ai/ и /oi/ (см. с. 58).

В большинстве верхненемецких говоров (исключение составляет нижнеалеманнские говоры Эльзаса) в период одного из этапов становления изохронии (удлинения коревой морфемы CVC в открытом слоге) сохранение исконных дифтонгов способствовало дифтонгизации исконных долгих /ī/, /ū/ /ū̄/, а в некоторых областях и /ē/, /ō̄/, /ō/, /ā/. Верхненемецкая дифтонгизация исконных долгих гласных верхнего подъема так же как и дифтонгизация в части скандинавских диалектов, связана и с отсутствием понижения исконных кратких верхнего подъема при удлинении в открытом слоге, которое характерно для областей стяжения исконных дифтонгов (английский, фризский, нижненемецкий, голландский, часть скандинавских диалектов); в области существования исконных дифтонгов происходит изменение типа /šmidə/ > /šmi:də/ и соответственно дифтонгизация /šnidən/ > /šnaidən/, в области стяжения исконных дифтонгов происходит изменение типа /šmidə/ > /šme:də/ и сохраняет качество исконных долгих гласных верхнего подъема.

Современные верхненемецкие диалекты с корреляцией контакта во многих случаях сохраняют и исконные диф-

тонги и дифтонги, появившиеся в период становления изохронии (см. с. 86-88). В части верхненемецких говоров с корреляцией контакта и в литературной норме рефлексы /ī/, /ū/, /ū/ совпали с рефлексами исконных дифтонгов (Eis-Stein, Haus-Baum). В части диалектов их рефлексы продолжают различаться. В некоторых диалектах исконные дифтонги совпали в своем развитии с дифтонгизовавшимся /ē/, /ö/, /ō/, исконные /ī/, /ū/, /ū/ также представлены как дифтонги.

Связь дифтонгизации исконных долгих с сохранением исконных дифтонгов в верхненемецком ареале может быть поставлена под сомнение данными тех диалектов, где либо исконные дифтонги представлены как монофтонг (или монофтонги), а исконные долгие дифтонгизовались (см. говор Штаттштайнаха, см. с. 87), либо исконные дифтонги и исконные долгие представлены как монофтонги (как в говоре Вены, см. с. 58). Эти монофтонги, которые обычно имеют вид /a/, /ā/ или /ä/, являются несомненно рефлексами дифтонгов (см., напр., Найдич, 1984, 138) и появились, как считает П. Визингер, в XVIII-XIX вв. (Wiesinger, 1983, 1055).

Против связи дифтонгизации исконных долгих с сохранением исконных дифтонгов можно было бы привести данные нижненемецких говоров, в которых наличие дифтонгов, соответствующих исконным дифтонгам, сопутствует сохранению монофтонгов /ī/, /ū/ и /ū/. В говоре Харбурга (Нижняя Саксония), например, исконным дифтонгам ei, ou и öü соответствуют /ei/, /ou/ и /ai/, а исконные /ī/, /ū/, /ū/ остались монофтонгами (см. с. 89). Однако в данном случае дифтонги /ei/, /ou/ и /ai/ имеют вторичное происхождение, они появились в эпоху корреляции контакта из монофтонгов, восходящих и к исконным дифтонгам и к исконным ê, ô, ô. В некоторых словах здесь еще возможны чередования /e/ ~ /ɛi/ (/ve'nən/ ~ /vɛinən/, /me'nən/ ~ /mɛinən/ нем. литер. *weinen*, *meinen*), хотя в большинстве случаев уже победили формы с дифтонгом (/štein/ Stein). В эпоху становления изохронии рефлексы исконных дифтонгов, так же как и рефлексы ê, ô, ô, еще были представлены как монофтонги, следствием чего и являются формы типа /ve'nən/; в эпоху корреляции контакта прошла дифтонгизация и монофтонгов из исконных дифтонгов /stain/ > /stēn/ > /stein/ и исконных монофтонгов среднего подъема (ср. /slēp/ > /slɛip/ нем. литер. *Stein*, *schäft*).

С изменением î > ei, û > au, û > oi в части верхненемецких диалектов могла быть связана и монофтонгизация расширяющихся дифтонгов /ie/, /uo/, /üe/ (ср. нем. литер. *tief*, *gut*, *müde*). В Моултон считает, что эта монофтонгизация прошла в XI-XII вв.

раньше, чем изменения типа $\hat{i} > e\hat{i}$, и новые монофтонги отличались от старых \hat{i} , \hat{u} , \hat{u} степенью раствора (Moulton, 1961, 32). Время начала монофтонгизации расширяющихся дифтонгов в целом соответствует времени начала дифтонгизации, поэтому не исключена связь между этими явлениями — изменение $\hat{i} > e\hat{i}$ и т.п. могло способствовать изменению $ie > i:$ (цепь притяжения), причем в областях совпадения рефлексов $/\hat{i}/$, $/\hat{u}/$, $/\hat{u}/$ и $/ie/$, $/uo/$, $/\hat{u}e/$ слова с рефлексами расширяющихся дифтонгов заняли место в основном односложных слов, поскольку новые $/i:/$, $/\hat{u}:/$, $/u:/$ из исконных долгих были возможны только в двусложных словах (односложные слова изменялись по типу $CVC > SVC$:).

Часто дифтонгизацию $/\hat{i}/$, $/\hat{u}/$, $/\hat{u}/$ в верхненемецких диалектах сравнивают с дифтонгизацией исконных долгих верхнего подъема в английском и голландском (ср., напр., Жирмунский, 1956, 209). Однако сходство это оказывается только внешним. В верхненемецком такая дифтонгизация происходила в эпоху исчезновения моросчитания (и противопоставления $\bar{V}-\check{V}$) и сохранения исконных дифтонгов. Типологически эта дифтонгизация соответствует дифтонгизации, произошедшей в западно-норвежских диалектах, части северошведских диалектов, шведских диалектов Даларны и острова Готланд. В английском, фризском, голландском и нижненемецком и части скандинавских диалектов исчезновение противопоставления $\check{V}-\bar{V}$ (в частности, противопоставления $/\hat{i}/-/\check{i}/$, $/\hat{u}/-/\check{u}/$) не привело к дифтонгизации исконных долгих: исконные дифтонги стянулись здесь до просодического сдвига, а исконные краткие верхнего подъема при удлинении расширялись. Новые дифтонги в словах типа англ. *house* и *ice* и голл. *huis* и *ijs* появились только в эпоху корреляции контакта (подобные же дифтонги появились и в датских диалектах). Их появление не было связано с исчезновением противопоставления $\bar{V}-\check{V}$ как в верхненемецком и части скандинавских диалектов, где $/\hat{i}/-/\check{i}/ > /i:-/ei/$. Типологическое сходство скандинавской и верхненемецкой дифтонгизаций с дифтонгизациями в английском, голландском, части нижненемецких и части голландских диалектов однако все же есть. И связано оно с существованием до изменения исконных долгих верхнего подъема и в тех и в других системах признака дифтонгичности. Правда в английском, голландском и датских

* В. Я. Плоткин рассматривает изменения типа $/ie/ > /i:/$, $/i/ > /ai/$ как цепь отталкивания, т.е. признает первичность монофтонгизации $/ie/$, $/uo/$, $/ue/$ (Плоткин, 1982, 65).

диалектах речь идет уже не об исконных дифтонгах, а о дифтонгах, развившихся при корреляции контакта из исконных сочетаний V+C типа англ. *day*, *sigh* (подробнее об этом см. ниже). Соответственно отсутствие дифтонгизации исконных долгих верхнего подъема в верхнеалеманнских диалектах и нижненемецком также связано с действием совершенно различных факторов: в верхнеалеманнских диалектах, где сохраняются исконные дифтонги, отсутствие дифтонгизации связано с сохранением исконной системы сегментной просодики и отсутствием удлинения в словах типа /smīd̥ə/; в нижненемецких диалектах, прошедших этап изохронии и находящиеся на этапе корреляции контакта, отсутствие дифтонгизации может быть связано с отсутствием в период становления изохронии исконных дифтонгов, которые стянулись еще в эпоху моросчитания, и с изменением /i/ > /e/, /ū/ > /o/.

В верхненемецкой области сохранения исконных дифтонгов и дифтонгизации исконных долгих гласных верхнего (а в ряде диалектов и среднего) подъема изменения V-V̇ > V₁-V₂ могли иметь и иной вид. В частности оппозиция /ē̄/-/ě̄/ сменилась оппозицией по подъему /e/-/ɛ/ в баварском говоре Зальцахгау. Однако появление качественных различий, связанных с дифференциацией по подъему, были характерны прежде всего для тех западногерманских языков, в которых исконные дифтонги стянулись до исчезновения моросчитания (английский, фризский, голландский, нижненемецкий), правда, установить ход этих изменений здесь гораздо сложнее, поскольку во всех этих языках сейчас господствует корреляция контакта, при которой происходили новые вокалические изменения, во многом затемняющие картину вокалических изменений, связанных с исчезновением моросчитания, когда V̇-V̇ > V₁-V₂.

В древнеанглийском, древнефризском, древнесаксонском и древненижнефранкском исконные дифтонги стянулись еще до появления первых письменных памятников, задолго до установления изохронии и исчезновения противопоставления V̇-V̇. Однако в этих языках продолжали существовать исконные сочетания V + ww, V + jj (изменившиеся по закону Хольцмана в скандинавских языках и готском), которым в современных языках и диалектах могут соответствовать дифтонги (ср., напр., др.-сакс. *eī* совр. н.-нем. /ai/). Эти дифтонги, однако, не стали моделью при изменении V̇-V̇ > V₁-V₂, поскольку в эпоху становления и функционирования изохронии они были бифонемными сочетаниями V + j, V + w (Moulton, 1961, 17). В двусложной форме второй элемент дифтонга включал в себя, вероятно, слогоначальную часть (т. е. двусложная форма слова *eī*

выглядела как /ej-jə/, а слово hauan как /haw-wan/, кроме того, частотность этих дифтонговых была очень мала — они встречались лишь в нескольких словах. Общим для всех западногерманских языков со стянувшимися дифтонгами /ai/ и /au/ было отсутствие изменения $\bar{V}-\check{V} >$ дифтонг-монофтонг и изменение $\bar{V}-\check{V} > V_1-V_2$, где V_1 и V_2 гласные, различающиеся по степени подъема. Подобного же типа изменения происходили и в скандинавских языках со стянувшимися дифтонгами.

Как показывают современные скандинавские и архаичные верхненемецкие диалекты (алеманские и южнобаварские), становление изохронии в двусложных словах началось с изменением исконных слов с /ǣ/ (т. е. $\check{S}CV > Ca:CV$). Соответственно, первым исчезает противопоставление /ā/-/ǣ/. Мы видели, что в скандинавских языках исчезновение противопоставления /ā/-/ǣ/ в одном единственном диалекте не приводит ни к каким качественным изменениям (о Готланд), здесь рефлекс /ā/ и /ǣ/ совпали в /a/. В большей части скандинавского ареала исчезновение противопоставления /ā/-/ǣ/ привело к появлению качественного противопоставления, причем в одних областях рефлекс долгого /ā/ не совпал по качеству с рефлексом /ǿ/ (в одних областях /ā/ > /au/, в других /ā/ > /å/), в других новое /ō/ из /ā/ совпало по качеству с исконным /ǿ/. Эти же три возможности реализовались при исчезновении противопоставления /ā/-/ǣ/ и в западногерманских языках. В части верхненемецких и голландских диалектов исчезновение противопоставления /ā/-/ǣ/ привело к совпадению рефлексов /ā/ и /ǣ/ (в некоторых баварских в виде /ɔ/, в голландской и верхненемецкой литературной норме в виде /a/). Для большинства среднеанглийских диалектов было характерно изменение шведско-норвежского типа, т. е. совпадение рефлексов /ā/ и /ǿ/. Изменение /ǣ/-/ā/ > /a:/-/o:/ происходило в английских диалектах южнее Хамбера в начале XII в. Традиционно считается, что изменение /ā/ > /o:/ произошло до исчезновения противопоставления /ā/-/ǣ/, т. е. до удлинения /ǣ/ в открытом слоге, поскольку удлинившееся /ǣ/ не стало /o:/ (ср., напр., Dobson, 1963, 132-133; Prince, 1972, 80). Правило относительной хронологии такого типа неприменимо при цепной реакции отталкивания. А именно с такой реакцией мы имеем дело в данном случае (см. с. 173). Ничто не мешает нам предположить, что в среднеанглийском последовательность изменений соответствовала последовательности изменений в скандинавских языках /ǣ/ > /ā/ > /ō/, т. е. и в данном случае можно установить зависимость изменения /ā/ > /ō/ от становления единого просодического облика корневой морфемы, про-

явившемся в большинстве слов типа CŶCV в удлинении гласного. Эта связь, однако, имеет только вероятностный характер (в части германских диалектов изменение /ā/ > /a:/ не приводит к появлению новой качественной оппозиции, как, напр., на Готланде или в части верхненемецких диалектов (ср., нем. литер. *blasen*, где /aː/ < /ā/ и *Name* где /aː/ < /ǣ/), однако вероятность изменения /ā/-/ǣ/ > /aː/-/aː/ велика. Новые качественные противопоставления появились в части верхненемецких диалектов, в части голландских, большинстве английских и фризских диалектов и почти во всех скандинавских диалектах. В алеманнских диалектах, где удлинились исконные слова CVC, CŶCV с /ǣ/, и как правило, исчезло исконное противопоставление /ā/-/ǣ/, исконное /ā/ стало гласным заднего ряда, т. е. /ǣ/-/ā/ > /a/-/o/, тогда как отсутствию удлинения в словах CVC и CŶCV с узкими гласными соответствуют и отсутствие качественного изменения исконных долгих узких гласных (ср. формы типа /gra:s/ < /grās/, /blɔ:sə/ < /blāsən/, но /šmidə/ и /vin/).

Постепенность исчезновения моросчитания (вначале удлинение в словах с /ǣ/, затем с /ǫ/ и /ē/ и, наконец, в словах с /ī/, /ū/) определила и одновременность появления качественных различий в английском языке. В большинстве среднеанглийских диалектов /ō/ (</ā/) совпало, так же как и во многих скандинавских диалектах, с /o:/ < /ǫ/ (ср. англ. литер. *hole*, *stone*, шв. литер. *hål*, *mål*). Однако в некоторых диалектах, в частности в Ланкашире, рефлексy /ō/ (</ā/) и /ǫ/ продолжают различаться (Brunner, 1950, 220-221). Первичность удлинения слов типа CŶCV привела здесь к появлению качественных различий /ǣ/-/ā/ > /a/-/ō/, при этом /ō/ (</ā/) стало долгим коррелятом исконного /ǫ/, еще не подвергшегося удлинению, и только удлинение /ǫ/ приводит к появлению нового качественного различия /ǫ/-/ō/ (<ā) > o'-o". Подобного же типа изменения произошли в части скандинавских диалектов — ср. шв. диал. /ǫ/-/ō/ (<ā) > /e/-/o/ или дат. диал. /ǫ/-/ō/ (<ā) > /o/-/uo/. По-видимому, изменение /ā/ > /ō/ имело место и в части диалектов северной Англии, где обычно предполагается сохранение /ā/. Исчезновение противопоставления /ǫ/-/ō/ (<ā) на втором этапе исчезновения моросчитания привело в северных диалектах к появлению переднего огубленного гласного из /ō/ (< ā), ср. современные формы типа /stōːn/, /böːn/ англ. литер. *stone*, *bone* (Озиева, 1987, 10). В отличие от скандинавских диалектов, переднее образование приобретает здесь долгое /ō/ (<ā), а не /ǫ/. В северных диалектах Англии появилась и вторая передняя огубленная гласная, источни-

ком которой было исконное / \bar{o} / . Ее возникновение связано, вероятно, с последним этапом становления, изохронии, с удлинением слов типа $\bar{CVCV}(C)$ с исконным / \bar{u} / . Сдвиг / $\bar{a}/-/\bar{a}/ > /a/-/\bar{o}/$ вызвал повышение исконного / \bar{o} / (так называемого о долгого закрытого), которое качественно совпало с рефлексом / \bar{u} / . Исчезновение противопоставления / $\bar{o}/(< \bar{o}) - /\bar{o}/(< \bar{u})$, связанное с удлинением / $\bar{o}/ (< \bar{u})$, привело в среднеанглийских диалектах Англии к появлению нового качественного различия, которое в современных северных диалектах представлено как различие / $y/-/u/$.

В среднеанглийском и средненижненемецком исконное / \bar{u} / в результате количественных изменений не меняло своего ряда, а оставалось самым высоким гласным заднего ряда (т. е. здесь изменения соответствовали изменениям, знакомым нам по изменениям в части датских диалектов и в датской литературной норме, где / $a/ > /ā/ > /ǣ/$ привели к изменению зоны рассеивания исконных / $\bar{o}/$ и / $\bar{u}/$).

Фактически такое изменение означало повышение / $\bar{o}/$ и / $\bar{u}/$, так как в заднем ряду появилось три гласных / $\bar{a}/$, / $\bar{o}/$ и / $\bar{u}/$. В части голландских диалектов мы встречаемся с изменением ряда исконного / \bar{u} /, которое превращается в передний огубленный гласный / y /; подобного типа изменение ряда (с той разницей, что / \bar{u} / изменялось в гласный смешанного ряда / u /, а затем в гласный переднего ряда с особым видом огубленности / $ɥ$ /) происходило в большинстве шведских и восточнонорвежских диалектов. В скандинавских диалектах появление / u / было связано с изменением / $\bar{a}/ > /ā/ > /\bar{o}/ > /ū/ > /u/$, в голландских диалектах мы имеем дело только с частью цепной реакции подобного типа, поскольку / $\bar{a}/$ и / $\bar{ā}/$ здесь либо совпали, либо / $a/ > /ā/$, не совпадающее с / $\bar{o}/$. Появление / $y/ < /ū/$ в голландском было связано с исчезновением противопоставления / $\bar{o}/-/\bar{o}/$. Удлинение / $\bar{o}/$ в открытом слоге (/ $\bar{o}/ > /\bar{o}/$) привело к сдвигу исконного / $\bar{o}/ > /ū/$, что в свою очередь способствовало изменению / $\bar{u}/ > /y/$ (т. е. / $\bar{o}/ > /\bar{o}/ > /ū/ > /y/$).

А. ван Луй относит появление / $y/$ к X в. (Loey, 1971, 4), т. е. именно к тому периоду, когда в средненидерландском устанавливалось слоговое равновесие. Напомним еще раз, что в тех областях Голландии, где не было изменения / $\bar{o}/ > /ū/$, не появилось и / $y/$ (Weijnen, 1958, 150, 152, 154). Хотя в современной голландской литературной норме и во многих диалектах исконные / $\bar{u}/$ и / $\bar{i}/$ представлены в виде дифтонгов / $œu/$ и / $ei/$ (huis, ijs), этот факт не противоречит предположению о связи дифтонгизации исконных долгих с сохранением исконных дифтонгов (исконные дифтонги

стянулись здесь еще в древненижнефранкский период), поскольку дифтонгизация исконных /ū/ (> /y/) и /ī/ произошла уже в эпоху корреляции контакта, и в литературной норме монофтонги сохранились еще в XVII в. (см., напр., Wirth van Wijk, 1983, 212). Три диалектные области сохраняют и три стадии изменения исконного /u/ (ср. формы /hu's/ на востоке, /hy's/ в приморских диалектах и /höys/ в западных диалектах, голл. литер. huis, см. с. 93).

Если верно наше предположение о том, что моросчитание сменилось слоговым равновесием и в готском, то это изменение также могло повлечь за собой фонемные изменения. В скандинавских и в западногерманских языках вопрос о существовании или отсутствии признака дифтонгичности в системе в эпоху становления слогового равновесия всегда ясен, в готском же именно интерпретация диграфов ai и au, которые могут обозначать и исконные германские дифтонги (как, напр., в словах типа stains и dauþs, ср. др.-исл. steinn, dauðr), и исконные германские монофтонги (wairpan, др.-исл. verpa, waurd, нем. wort), до сих пор продолжает вызывать споры. Принято было считать, что в тех словах, где эти диграфы соответствуют исконным дифтонгам, они обозначали дифтонги, а в словах, где они соответствуют монофтонгам — монофтонги. В последнее время наиболее популярна интерпретация написаний ai и au как монофтонгов во всех словах; мысль о такой интерпретации высказывал еще в XVIII в. знаменитый голландский филолог Ламберт тен Кате (Stutterheim, 1968, 444; см. также Jones, 1958, 353-388; Hamp, 1959, 356-363; Marchand, 1973).

Ни у кого не вызывает сомнений, что ai и au могли обозначать монофтонги: об этом свидетельствует и передача греческих заимствований, и тот факт, что в греческом IV в. написание αι обозначало монофтонг. Несмотря на то, что αυ в греческом никогда не обозначало монофтонг, Вульфилла использует его для обозначения монофтонга по аналогии с написанием αι

* М. Я. Рапопорт считает, что и дифтонгизация /ī/ и /ū/ была следствием устранения оппозиции /ī/-/i/ (Рапопорт, 1977, 81), однако количественная оппозиция исчезла уже в результате удлинения в открытом слоге, когда /i/ > /e:/ (ср. голл. week), тогда как дифтонгизация /ī/ и /ū/ прошла позднее, уже в эпоху существования корреляции контакта.

** См.: Stutterheim, 1968, 444; см. также Jones, 1958, 353-358; Hamp, 1958, 356-363; Marchand, 1973, 26. О том, что уже во II в. н.э. αι обозначало монофтонг, сообщает Секст Эмпирик; см.: Sturtevant, 1940, 49.

(вполне вероятно и влияние произношения латинского написания *au*, которое в IV в. обозначало монофтонг (Жирмунский, 1959, 70)). Дифтонгическое же произношение написаний *ai* и *au* поддерживается не столько их этимологией (*stains*, *daups*), сколько фактом чередований написаний *ai ~ aј*, *au ~ aw* в одной и той же морфеме в разных позициях (ср. *taujan-tawida*, *bai-bajops*).

Разное написание *taujan* и *tawida*, *bai* и *bajops* свидетельствует о том, что даже если написание *ai* и *au* обозначало дифтонги, то слогоконечный элемент фонетических дифтонгов [au] и [ai] становится слогоначальным перед гласным, т. е. [taujan], но [tawida], [bai], но [ba-jops]. Таким образом, дифтонги [ai] и [au] оказываются бифонемными и соответствуют бифонемным дифтонгам шведских и датских диалектов, описанных выше. Однако бифонемность фонологической единицы, обозначаемой написаниями *au* и *ai*, мы можем определить только в том случае, если чередования букв *au ~ aw*, *ai ~ aј* передают живые чередования, если же они были историческими, то определять с их помощью бифонемность нельзя. В. М. Жирмунский доказывал «историчность» чередования *ai ~ aј* тем, что оно встречается только при словопроизводстве, а не при словоизменении (Жирмунский, 1959, 70). Однако несмотря на то, что чередование *au ~ aw* используется и при словоизменении (ср. *taujan-tawido*), и оно не является живым. Об этом свидетельствует факт отсутствия перехода *u > w* в позиции перед гласным, и морфема, графически представляемая как *tau-* не меняется автоматически написанием *taw-* в положении перед гласным, ср. *tauі* 'дело', наряду с *taujan* и *tawida*. Об отсутствии живых чередований написаний *au ~ aw* свидетельствуют и противопоставления типа *stauida-tawida*. Эти факты говорят о том, что чередования графем *au ~ aw*, *ai ~ aј* не могут быть ни свидетельством бифонемности *ai* и *au*, ни свидетельством их дифтонгического произношения.

Таким образом, очевидно, что написания *aw* и *au*, *aј* и *ai* обозначали разные фонологические сущности: *aw* и *aј* — бифонемные сочетания, а *au* и *ai* — монофонемные монофтонги. Такой вывод соответствует и общей фонологичности готской графики.

Если *ai* и *au* во всех позициях обозначали монофо-

* Возврат к традиционной точке зрения о двойственной значимости готских диграфов *ai* и *au* (см., напр., Векс, 1976, 11-13) связан с распространением порождающей фонологии, стремящейся создать такие правила порождения, которые все морфонологические чередования представляют как живые чередования.

немные монофтонги, то очевидно, что германские дифтонги стянулись в готском еще в эпоху моросчитания, так же как во многих скандинавских и западногерманских языках. Становление слогового равновесия не привело в готском к дифтонгизации исконных долгих: графическое противопоставление $e\bar{i}$ - i обозначало, скорее всего, противопоставление типа $/\bar{i}/$ - $/i/$, как в современных диалектах Сконе или в исландском языке, т.е. $/\bar{i}/$ - $/\bar{i}/$ > $/i/$ - $/i/$ в результате удлинения слов с $/\bar{i}/$. Возможно, совпадение продуктов развития $/\bar{e}/$ и $/au/$, $/\bar{o}/$ и $/au/$ также связано с установлением слогового равновесия.

Мы видим, таким образом, что общая тенденция — стремление к единому просодическому оформлению корневой морфемы и к просодическому противопоставлению корня суффиксу, — которая привела к становлению слогового равновесия во всех германских языках, явилась во всех них предпосылкой фонемных изменений, связанных с исчезновением количественных (морных) противопоставлений \bar{V} - \bar{V} . Направление этих изменений было связано с видом исходной системы. В областях сохранения исконных дифтонгов противопоставление \bar{V} - \bar{V} > сужающийся дифтонг-монофтонг. Во фризском языке существование расширяющего дифтонга $/ia/$ способствовало тому, что исконные противопоставления \bar{V} - \bar{V} во многих случаях представлены как противопоставления расширяющийся дифтонг-монофтонг. В областях отсутствия исконных дифтонгов изменения \bar{V} - \bar{V} > V_1 - V_2 связаны с изменением подъема, реже ряда. И те и другие изменения могут быть как парадигматическими (появление новых фонем и даже новых признаков, ср. сканд. $/u/$ или $/\omega /$), так и синтагматическими.

2. ОТ СЛОГОВОГО РАВНОВЕСИЯ К КОРРЕЛЯЦИИ КОНТАКТА

Просодика

Как мы видели выше, при корреляции слогового равновесия противопоставляются два типа слогов: с различающимися местом количественного пика на гласном — $V:C$ и на согласном — $VC:$. Во многих шведских и норвежских диалектах такому состоянию сопутствует противопоставление двух типов слоговых акцентов. Способ примыкания гласного к согласному и, следовательно, слоговая граница при слоговом равновесии несущественны. Господствующая же в датском и в западногерманских языках корреляция контакта определяется разными способами примыкания гласного к последующему согласному, что проявляется в различных типах сло-

деления. Поскольку релевантным при корреляции контакта оказывается способ примыкания (и слогоделения), в диалектах с такой корреляцией нет просодического типа CVC:(V) с долгим согласным. Во многих датских диалектах и в датской литературной норме корреляция контакта четырехчленна, что связано с существованием толчка, обеспечивающего четыре способа примыкания. Важным фактором функционирования корреляции контакта является то, что в двух ее типах при плотном и сверхплотном контакте (*falde*, *falder*, */falə/*, *fal'əR*) в значительном числе слов слоговая граница не отрывает конечноморфемный согласный от предшествующего гласного. Как мы старались показать выше, ранее и в датской норме и в западногерманских языках существовала корреляция слогового равновесия (V:C ~ VC:). Изменение от моросчитания к слоговому равновесию, как мы видели выше, происходило посредством синтагматического вытеснения количественных образцов, поскольку типы CV:C и CVC: существовали и при моросчитании, что привело в конечном счете к появлению корреляции CV:C ~ CVC:. Это изменение не было связано с фонетическими изменениями. При появлении же корреляции контакта возникает не только новый тип отношений связи длительности со слогоделением, но и новый фонетический тип слов с кратким гласным и кратким согласным, невозможный при слоговом равновесии. Именно сокращение долгих согласных, т. е. исчезновение их эксплозивной слогоначальной части, в типе CVC: и является фонетическим выражением становления корреляции контакта. Отражение на письме сокращения долгих согласных и могло быть свидетельством времени исчезновения слогового равновесия и появления контакта. Однако поскольку при изменении от слогового равновесия к контакту сохранилось противопоставление двух типов сегментной просодики (только содержание этого противопоставления стало иным), на письме этот сдвиг никак не отразился и датировка его на основе письменных источников невозможна.

Скандинавские языки

Обычно сокращение долгих согласных относят в датском к концу древнедатского периода (XIV в.) (Brøndum-Nielsen, 1932, 404-405; Skautrup, 1944, 254), и в историях датского языка этому изменению обычно посвящено всего несколько строчек. Каким образом происходило изменение от слогового равновесия к контакту, помогают нам понять исконно датские диалекты южной Швеции. При описании просодических отно-

шений в Сконе, Блекинге и Халланде мы обратили внимание, что «долгие согласные» в них короче, чем долгие согласные в типе CVC:(V) в других шведских и норвежских диалектах, такая же ситуация на Борнхольме. Напомним и то, что в южношведском региональном варианте литературной нормы длительность согласных в типах VC:-V:C отличается только на 10%. Наконец, шведские диалектологи отмечают, что в некоторых диалектах фактически нет противопоставления типов V:C-VC:; а есть противопоставление V[˙]C-VC — см. с. 110) (Wigforss, 1913-1918, XI; Swenning, 1917, 34-35). Хотя у нас нет данных о месте слоговой границы и в говорах Халланда, которые описывал Вигфорс, и в говоре Листера, описанном Свенингом, сходство слоговой структуры этих говоров со слоговой структурой датской литературной нормы говорит о том, что сокращение согласных в типе VC: связано с установлением слоговой границы, не отделяющей поствокалический согласный от предшествующего гласного. Поскольку в исконном типе CVC:V взрывная часть поствокалического долгого согласного свидетельствовала о слогоначальности, появление релевантного слогоделения, при котором этот согласный перестает быть слогональным, сопровождается исчезновением его взрывной части.

Переход от слогового равновесия к корреляции контакта на наших глазах совершается в говорах юго-восточного Сконе, где в говоре молодого поколения появились типы CVCV с неотделяемым слоговой границей поствокалическим согласным, а в говоре старшего поколения сохраняются типы CV:CV или CVC:V (/spi:la/, /spil:a/, но /spila/, — см. с. 111). Такой вывод нам позволяет сделать обширная работа Х. Арескуга, который, в отличие от многих своих коллег, отмечает место слоговой границы. Его обозначения типа /sid-a/ или /spil-a/ шв. литер. *sitta*, *spela* свидетельствуют о краткости корневого гласного и поствокалического согласного и о том, что слоговая граница не отделяет поствокалический согласный от гласного. Однако формы типа /spila/ оказываются факультативными вариантами форм /spi:la/ и даже /spil:a/. Таким образом, в диалектах юго-восточного Сконе существует группа слов, в которых возможен только один просодический вариант CV:C (напр., /skri:va/), два просодических варианта /sid:a/ ~ /sida/ и три просодических варианта /spi:la/, /spil:a/, /spila/. Поскольку формы типа /sida/ и /spila/ характерны для говора молодого поколения, а формы типа /spi:la/ и /sid:a/ для говора более старшего поколения, оказывается, что в юго-восточном Сконе корреляция контак-

та существует одновременно со слоговым равновесием, вытесняя его. Исходное состояние слогового равновесия отражают говоры, где возможны только формы типа /skri:va/-/spi:la/-/sid:a/ (фонемное противопоставление /i/-/i/ возникло в результате смены моросчитания слоговым равновесием). Становление корреляции контакта, проявившееся в фонологизации места слого-раздела, привело к появлению форм типа /spi:la/ и /sida/. Формы же типа /spi:la/ являются, вероятнее всего, реакцией языка старшего поколения, сохраняющего слоговое равновесие на появление форм /spi:la/ с кратким гласным в языке молодого поколения (а краткий гласный при слоговом равновесии требует долгого согласного).

О разрушении слогового равновесия и становлении релевантности слогаделения в диалектах Сконе (и прежде всего юго-восточного Сконе) свидетельствует и появление пртивопоставления типа CV:CC — CVCC — /gni:sta/-/mista/, /p^u:sta/-/r^usta/ (Хослёв, Ингельстад, Лёдеруп). В данном случае слова одинаковой морфологической структуры противопоставляются уже не по месту количественной вершины при взаимозависимости длительности гласного и согласного, а по месту слоговой границы /gni-sta/-/mista/ (ср. датск. литер. /fa^sde/-/fasde/).

Особенность изменения от изохронии к контакту в диалектах юго-восточного Сконе связана с тем, что здесь плотное примыкание приобретают не только слова с изохроническим типом VC: (типа sitta), но и часть слов изохронического типа V:C (типа /spi:la/ spela). Причем источником форм с плотным примыканием, восходящим к типу V:C, являются исконные краткосложные слова, исконные же долгие гласные сокращению не подвергаются. Х. Арескуг полагает, что разная просодическая судьба слов типа др.-исл. rita и vita в диалектах юго-восточного Сконе связана с особым качеством гласного в исконных краткосложных словах. Гласные в словах типа /spi:la/ качественно отличаются от гласных в словах типа /skri:va/. Фонологизация этих качественных различий произошла в момент становления изохронии, когда просодически различавшиеся слова типа CV̄C и CV:C становятся просодически равноценными (CV̄C > CV:C), однако начинают отличаться качеством гласных (т. е. CV̄C-CV̄C > CV₁:C-CV₂:C). Такое изменение привело в диалектах юго-восточного Сконе к появлению шести новых гласных фонем /i/, /y/, /ö/, /u/, /o/, /ʌ/. Эти новые долгие гласные в отличие от

* См. Ч. I. С. 111.

старых не были дифтонгизованы, имели напряженную артикуляцию и «требовали поддержки согласного для сохранения своего особого качества» (Areskoug, 1957, 698, 708-709). Инструментальные исследования этих гласных О. Ханссоном подтвердили слуховое впечатление Х. Арескуга, который, кроме того, установил различие исконных долгих и новых долгих по интенсивности. Новые долгие гласные имеют равное распределение интенсивности, а исконные долгие имеют нисходящую интенсивность. Разное распределение интенсивности позволило О. Хансену говорить о свободном примыкании исконных долгих к последующему согласному и о плотном примыкании исконных кратких (Hansson, 1969, 31-32). При изохронии способ примыкания и слогоделение irrelevantны, при противопоставлении типа /si:le/ шв. литер. sele и /si:la/ шв. литер. sila мы имеем дело с одним изохроническим типом CV:C, но с фонологически релевантным противопоставлением гласных по качеству. Однако при изменении просодической корреляции от изохронии к контакту irrelevantный ранее признак способа примыкания приобретает фонологическую значимость, что и приводит к установлению зависимости длительности гласного от способа примыкания. Устанавливается связь свободного примыкания с долгой гласной, а плотного — с краткостью, что и приводит к сокращению гласного в словах типа /si:le/ > /sile/. Такое сокращение гласного должно привести и к дефонологизации качественного различия гласных, поскольку гласные одного качества оказываются возможными только в словах со свободным примыканием (ср., напр., /si:la/); гласные другого качества — только в словах с плотным примыканием (ср., напр., /sile/). Качество гласного оказывается в данном случае выражением типа контакта. Это изменение, однако, еще не полностью завершилось в диалектах юго-восточного Сконе. Здесь господствует ситуация сосуществования изохронии и контакта.

Данные современных диалектов юго-восточного Сконе помогают нам ответить на вопрос о том, почему исконным краткосложным словам типа *øl, glad, tal, lov, hul* и т. п. в современной датской литературной норме соответствуют слова с плотным контактом, тогда как древнедатские рукописи явно указывают на существование в этих словах изохронического типа V:C; об этом свидетельствуют написания с двойной гласной буквой — ср. *gaath, øl, huul, loov* (Jakobsen, 1910, 42; Hansen Aa, 1962, 333-388). Изменение просодической структуры в датском языке в XIII-XIV вв. проходило, вероятно, таким же образом, как и в современных диалектах юго-восточного Сконе. Изохронический тип

V:C(<V̄C) с особым качеством гласных, развившихся из исконных кратких, при становлении релевантного сло-годеления (корреляции контакта) приобретает плотный контакт, гласная при этом сокращается (развитие та-ких слов имело следующий вид hūl > hu:l > hul). Та-ким образом, вначале в датском происходило удлинение всех типов исконных краткосложных слов, что и нашло отражение в рукописях, однако гласные в новых долго-сложных словах качественно отличались от гласных в исконных долгосложных словах теми же характеристика-ми, которыми отличаются новые и старые долгие глас-ные в диалектах юго-восточного Сконе. Именно эти ха-рактеристики — прежде всего отсутствие дифтонгиза-ции и ровная интенсивность гласных исконных кратко-сложных слов — и явились теми признаками, которые способствовали установлению в них плотного контакта, что привело, в свою очередь, к исчезновению качест-венных различий.

Диалекты Сконе и датские диалекты показывают, что корреляция контакта (и исчезновение долгих соглас-ных) никак не связана здесь с апокопой, причем в гово-рах Сконе конечными гласными могут быть не только /ə/, но и /a/, /i/ и /u/, т. е. здесь нет не только апокопы, но и редуции. Как мы увидим ниже, почти общим местом в исторической фонетике западногерман-ских языков, особенно английского, стало предположе-ние об апокопе как толчке к исчезновению долгих со-гласных и к становлению корреляции примыкания. Для обоснования этой гипотезы на скандинавском материале можно было бы воспользоваться гипотезой С. Д. Кацнель-сона о том, что из состояния свободной апокопы одни диалекты выходят с апокопированными, а другие с пол-ными формами (Кацнельсон, 1973, 180). Такая гипотеза позволила бы предположить, что корреляция контакта появилась в эпоху факультативной апокопы и сокраще-ние согласных и фонологизация слогораздела произошли в апокопированных формах, затем эти апокопированные формы снова стали двусложными, но согласный в них остался кратким, а слогораздел релевантным (т. е. предполагается примерно такой путь: /fal:ə/ > /fal:/ ~ /fal:ə/ > /fal/ ~ /falə/ > /falə/). Скандинавские диалекты, однако, не подтверждают такой гипотезы. Становление корреляции контакта и сопутствующее ему сокращение долгих согласных происходит здесь до апо-копы. Кроме того, датские диалекты показывают, что свободная апокопа всегда сменяется полной апокопой. Причем существование письменных памятников эпохи слогового равновесия в датском и описание датских диалектов начала века свидетельствуют о том, что по крайней мере в Зеландии апокопа происходила лишь в

течение последних ста лет (Fischer-Jørgensen, 1982, 163) — см. выше описание говора Стребю в 20-е гг. с полными формами и описание того же говора в 60-е гг. с апокопированными формами. Не подтверждают идею связи корреляции контакта с апокопой и исконные датские диалекты южной Швеции (особенно юго-восточного Сконе), где корреляция контакта устанавливается при еще не редуцированном заударном вокализме. Таким образом, становление корреляции контакта вряд ли можно представить себе как изменение, связанное с изменением окружения. Это изменение вызвано более глубокими причинами, в первую очередь изменением морфологического типа языка.

Со становлением корреляции контакта меняются и функции и фонетические реализации скандинавских акцентов. Еще А. Нурен, как мы видели выше, отмечал, что в словах типа *sitter* гласный более плотно примыкает к согласному, чем в словах типа *sitta*. А. Мартинет, отмечая, что в произношении некоторых шведов происходит ослабление эксплозии в поствокалическом согласном в словах с акцентом I, но сохранение эксплозии в словах с акцентом II (Martinet, 1969, 225), имел, вероятно, в виду то же самое, поскольку слогоначальный согласный всегда эксплозивный, а слогоконечный — имплозивный. Такое сопутствие вида примыкания определенному акценту было, однако, иррелевантно при корреляции слогового равновесия, где слогоделение нерегулярно совпадало или, как считали Б. Мальберг и А. Ванвик, вовсе не совпадало с различием типов CV:C и CVC:. Противопоставление акцента I акценту II оставалось супрасегментным различием тональных акцентов, отличающихся местом тонального пика на корневой морфеме (см. с. 39). При фонологизации слогоделения и появлении корреляции контакта слоговые акценты, свойственные корреляции слогового равновесия, перерождаются в показатели вида примыкания и способа слогоделения, становясь из средств супрасегментной просодики средствами просодики сегментной. Поскольку функция просодических признаков, как мы показали в синхронной части, связана с видом слоговой структуры языка, постольку и изменение типа сегментной просодики приводит к изменению функции супрасегментных различий. Причем если исчезновению моросчитания, приведшему к изменению функции бывших морных акцентов, ставших акцентами слоговыми, могло не сопутствовать фонетическое изменение и в реализации слоговых акцентов эпохи слогового равновесия сохранились следы былого выделения мор, то новое изменение слоговой структуры сопровождалось изменением

фонетического выражения бывших слоговых акцентов, в которых тональные различия становились все менее заметными, а динамические признаки, обеспечивающие различия в способе примыкания, усиливались. Если верна наша мысль о том, что датский толчок является показателем корреляции контакта, то и появиться он должен был в эпоху становления корреляции контакта.

В исконно датских диалектах южной Швеции, в тех областях, где корреляция контакта находится в процессе становления, акценты I и II не потеряли полностью еще своего мелодического вида, однако и мелодически, и динамически реализация акцента I уже сходна здесь с реализацией толчка в датской литературной норме (падение тона и интенсивности).

О времени появления толчка существует большая литература. Традиционно считали, что толчок развился из скандинавского акцента I. В последнее время высказывалась и точка зрения, что именно толчок является реликтом древней германской акцентуации (Liberman, 1982, 207-238). Связана такая трактовка толчка с идеей Н. С. Трубецкого о моросчитающем характере датского языка. Вторичность оппозиции толчок-нетолчок по сравнению с оппозицией акцент I-акцент II не вызывает, однако, сомнений. Самым веским доводом в пользу связи появления толчка (как показателя сверхсвободного и сверхплотного примыкания) является его отсутствие в говорах и литературных нормах, сохраняющих слоговое равновесие. Толчок есть только там, где есть корреляция примыкания или сменявшая ее силлабемность.

Поскольку ни слоговые акценты, ни толчок никогда не обозначались на письме, при датировке появления толчка пользуются обычно данными относительной хронологии. Так, Э. Кроман считал, что толчок возник в XII-XIII вв., поскольку слова типа *vinter* (исконные односложные) имеют толчок, а слова типа *sommer* его не имеют. На этом основании делается вывод, что толчок возник до появления вставной гласной (Kroman, 1947, 178). Х. Андерсен, рассуждая аналогичным образом, полагал, что толчок возник до появления суффиксированного артикля (Andersen H., 1948, 103-104). Заметим, что в данном случае следует говорить не о времени появления толчка, а о времени появления просодического признака, различавшего исконную или новую односложность. Как мы пытались показать выше, в период становления суффиксированных артиклей в эпоху моросчитания появились морные акценты, которые по мере становления слогового равновесия превратились в слоговые (корневые) акценты. Толчок же как показа-

тель четырехчленной корреляции примыкания появился в момент исчезновения слогового равновесия и становления этой корреляции. По-видимому, появление корреляции контакта происходило неодновременно в разных областях Дании в XIV-XV вв., в это же время супрасегментное противопоставление акцент I - акцент II сменялось противопоставлением толчок-нетолчок, взявшего на себя роль инструмента четырехчленной корреляции контакта. Датировка появления толчка XIV-XV вв. (Kristensen, 1899, 56; Jespersen, 1913, 32; Ringgaard, 1978, 148) кажется нам в связи с этим наиболее вероятной. Хотя предшественником оппозиции толчок-нетолчок (т.е. сверхплотное/сверхсвободное - плотное/свободное примыкание) была оппозиция акцент I-акцент II, не следует считать тональные различия в некоторых датских диалектах с апокопой следами акцентов шведско-норвежского типа, как это обычно делают датские лингвисты (см., напр., Bennike, Kristensen, 1892-1912, 144; Jensen, Nyberg, 1977, 30; Ringgaard, 1978, 150). Эти тональные различия, как мы покажем дальше, явились следствием становления полной слогоморфемности и связаны с апокопой. Отметим, что, поскольку толчок является показателем вида примыкания, т.е. связан с противопоставлением видов слога деления, он наиболее отчетливо реализуется именно в тех говорах, где не прошла апокопа, т.е. там, где многосложные слова противопоставляются четыремя способами слога деления. Именно в Зеландии, где апокопа еще не прошла полностью, говорят о так называемом сильном толчке, тогда как в Ютландии, где господствует слогоморфемность, толчок гораздо слабее, либо вовсе исчезает. Напомним о реализации толчка в одном из говоров Химмерланда, где сильный толчок противопоставляется отсутствию толчка только в двусложных словах, тогда как в односложных словах противопоставляют слова с ровным и восходяще-нисходящим тоном (см. с. 124).

Каким же образом проходило перерождение слоговых акцентов в показатели вида примыкания? Связь артикуляций в области гортани очевидна. Фонетисты обратили внимание на то, что в одних языках перед гортанной смычной происходит повышение тона (как, напр., в арабском) и в историческом развитии гортанную смычку может сменить высокий или повышающийся тон - как это произошло во вьетнамском (Hombert et al., 1979, 50). С другой стороны, отмечают, что результатом исчезновения гортанной смычки может быть падающий тон, как в языке могаvk и в китайских диалектах (Hombert et al., 1979, 51-54). Считают, правда, что в случае

с понижением тона мы имеем дело не с гортанной смычкой, а с так называемым хриплым голосом (*creaky voice*) — сжатогортанным вариантом гортанной смычки. Э. Фишер-Ёргенсен отмечает, что датский толчок, который акустически проявляется в падении интенсивности и основной частоты, заканчивается «хриплым голосом» во второй части долгой гласной или в начале согласной (Fischer-Jørgensen, 1982, 143). Фонетически, однако, возможен как переход гортанной смычки в высокий тон и переход сжатогортанного толчка («хриплого голоса») в низкий тон, как и обратное явление — переход тонов в сжато- или смычногортанный толчок (Ringgaard, 1982, 90). Фонетическое развитие акцента I в сжатогортанный толчок можно наблюдать, сравнивая реализацию акцента I в южношведских диалектах с реализацией толчка в датской литературной норме. И для сконского акцента I, и для толчка датской литературной нормы характерно падение основной частоты и интенсивности.

Акустическое различие между сконским акцентом I и толчком датской литературной нормы заключается в более резком падении интенсивности и тона при датском толчке. Именно резкое падение интенсивности и обеспечивает в большей степени различие в виде примыкания: толчок на гласном /lä'-nəð/ резко отделяет гласную в двусложном слове от последующей согласной, а толчок на согласном прибавляет поствокалическую согласную к предшествующему гласному /hun'-ən/. Четырехчленная корреляция примыкания развилась там, где слоговое равновесие сопровождалось противопоставлением двух видов слоговых акцентов, т. е. там, где противопоставлялись фактически четыре типа слогов: -CVC:V, -CVC:V, -CV:CV и -CVC:V. Там, где слоговое равновесие не сопровождается противопоставлением слоговых акцентов, оно сменяется двучленной корреляцией примыкания, как это произошло во всех западногерманских языках.

Таким образом, в XV-XVI вв. в датских диалектах, легших в основу литературной нормы, устанавливается четырехчленная корреляция контакта. Возможно, в Ютландии такая корреляция установилась еще раньше, поскольку, как мы увидим в дальнейшем, ютские диалекты во многих случаях опережают в своем развитии островные диалекты. Если в Дании корреляция контакта оказалась четырехчленной, что связано с существованием четырех типов слогов в период господства слогового равновесия и слоговых акцентов, то в западногерманских языках слоговое равновесие сменяется противопоставлением двух видов слогаделения.

Западногерманские языки

Противопоставление двух типов примыкания установилось во всех западногерманских языках (исключение составляют баварские и верхнеалеманнские диалекты). Так же как и в датском языке, это изменение здесь фактически никак не отразилось на письме, поскольку развитие от изохронии к контакту не означало увеличение или уменьшение количества фонологических различий ($V:C-VC: > V^{\circ}C-VC$). Единственным показателем этого изменения является здесь, как и в датском языке, сокращение согласных, которое можно в редких случаях проследить по памятникам.

Установление корреляции контакта и релевантного слога деления внутри слова привело к тому, что в большой группе биморфемных слов с плотным примыканием слоговая граница совпала с границей морфологической. Источником плотного контакта чаще всего оказывался изохронический тип морфемы $VC:$, причем если при изохронии в двусложных словах с коревой морфемой типа $CVC:$ слога деление имело либо вид $CVC-CV$, либо вид $CV-C:V$ (как в шведском *kalla*, см. выше), т. е. в любом случае конечноморфемный согласный оказывался слогоначальным (и по этому признаку слова типа $CVC:V$ не отличались от слов типа $CV:CV$), то при появлении корреляции примыкания именно различие в слога делении внутри слова стало релевантным, и в биморфемных двусложных словах изохронического типа $VC:$ слоговая граница совпала с границей морфологической. Исчезновение эксплозивной слогоначальной части долгого согласного в типе $VC:$ явилось естественным следствием установления различия по типу примыкания, поскольку именно эксплозия определяет слогоначальность (Сосюр, 1977, 88-93; Malmberg, 1955, 86). Исчезновение эксплозивности согласного в типе $CVC:V$ приводит к его сокращению.

Принято считать, что долгие согласные (т. е. изохронический тип $VC:$) исчезли в английском языке в конце среднеанглийского периода (Brunner, 1950, 310); к «среднему» периоду относят исчезновение долгих согласных в среднеголландском и средненижнемецком (Schönfeld, 1932, 56). На рубеже средне- и нововерхненемецкого (XV-XVI вв.) исчезают долгие согласные в верхненемецком ареале (Зиндер, Строева, 1965, 152) и приблизительно в этот же период — во фризском (Hofmann, 1969). Причем долгие согласные исчезают в изохроническом типе $VC:$ в западногерман-

ских языках только внутри корневой морфемы, тогда как на стыке слов и морфем они здесь, так же как и в датском, сохраняются (см. англ. *headdress*, *unnatural*, нем. *Bettuch* и т. п.), т. е. слогоначальность и эксплозивность остаются только там, где есть «морфе-моначальность».

Существуют два типа объяснений исчезновения долгих согласных. Причиной их исчезновения считается отсутствие релевантности долготы согласных при изохронии, поскольку долгие согласные возможны только после кратких гласных, а краткие согласные — после долгих (Martinet, 1955, 248). Фонологическая иррелевантность длительности согласных приводит и к фонетической исчезновению длительности. А. Мартине считает, что исчезновение долгих согласных приводит в английском к появлению новой релевантности длительности гласных (Martinet, 1955, 254). Однако, говоря об иррелевантности длительности согласных, А. Мартине не совсем прав. Длительность согласных является только фонематически иррелевантной (также, впрочем, как и длительности гласных, которые не сокращаются), просодически же именно взаимосвязь длительностей и является выражением просодической корреляции изохронии или слогового равновесия. Эта корреляция (а вместе с ней и долгие согласные), сохраняется до сих пор не только в скандинавских диалектах без апокопы, но и в баварских диалектах с апокопой. Второй тип объяснения исчезновения долгих согласных представляет это изменение как позиционно обусловленное. Исчезновение долгих согласных в английском языке связывают с апокопой, причину их исчезновения видят в антропофонических трудностях, связанных с произношением долгих согласных в односложных словах (см., напр., Плоткин, 1976, 75-76; 1982, 98). Напомним, что эти антропофонические трудности никак не дают о себе знать ни в древнегерманских языках, где частотность форм типа CVC: очень невелика, ни в современных баварских диалектах, где их частотность очень велика. Попытка связать исчезновение долгих согласных с изменением окружения, т. е. с апокопой, в английском языке вряд ли удачна еще и потому, что в других западногерманских языках долгие согласные исчезли при сохранившемся безударном слоге. Функционирует корреляция контакта (и отсутствуют долгие согласные) в голландской, фризской и немецкой литературных нормах и во многих соответствующих диалектах, в которых не прошла апокопа. Причем в некоторых диалектах конечное /э/ сохраняется гораздо более последовательно, чем в литературной норме (см.,

напр., восточнореднемецкие диалекты, — Жирмунский, 1956, 152). Широко представлено сохранение конечного /ə/ и в нижненемецких и в голландских диалектах, оно почти повсеместно сохраняется во фризских диалектах (исключение составляют здесь некоторые северфризские диалекты). Подобная же ситуация характерна для датской литературной нормы. В тех скандинавских диалектах, где изохрония сменяется корреляцией контакта на наших глазах (юго-вост. Сконе), этот процесс происходит при нередуцированном конечном гласном (формы типа /spil:a/ > /spila/ см. с. 112). Напомним и о том, что апокопа в баварских диалектах, прошедшая уже в XIII в., привела не к исчезновению долгих согласных (и установлению корреляции контакта), а к изменению в морфологическом распределении изохронических типов (чередование корневых морфем типа VC: sg. — V:C pl. /šmit:/ sg. — /šmi:də/ pl. сменяется здесь после апокопы чередованием типа V:C-VC: /šmi:d/ sg. — /šmit:/ pl.).

На западногерманском материале, так же как и на датском, невозможно применить и гипотезу о возможности выхода из состояния свободной апокопы с полными формами С. Д. Кацнельсона (см. с. 204), поскольку диалекты такую возможность не подтверждают. Если даже предположить, что становление корреляции контакта (и исчезновение долгих согласных) и совпадает по времени в английском, данные всех остальных германских языков свидетельствуют об отсутствии причинно-следственной связи между этими явлениями. Скорее, наоборот, апокопа, уменьшающая количество двусложных слов и форм и соответственно уменьшающая возможности противопоставления типов контакта (типов слогаделения) внутри слов, должна приводить к уменьшению релевантности корреляции контакта (о чем подробнее см. ниже). К тому же более типологически вероятным представляется становление корреляции контакта (и исчезновение долгих согласных) в английском языке до апокопы, т. е. так же, как и в остальных западногерманских языках и в датском.

В западногерманском ареале мне не удалось найти диалектов, сходных с диалектами юго-восточного Сконе, где корреляция контакта сменяет изохронию на наших глазах, однако, поскольку фонетически степень примыкания связана с качеством гласного и последующего согласного (Gondaillier, 1973), не исключено, что плотное примыкание (и противопоставление плотного примыкания свободному) устанавливалось в разное время у разных типов слов.

Изменение от изохронии к контакту, так же как и

изменение от моросчитания к изохронии, нельзя представить себе как изменение позиционно обусловленное. Это спонтанное изменение типа сегментной просодики, связанное с установлением морфологизованного слога-деления в большой группе слов (с плотным контактом), что и приводит к исчезновению эксплозивной (слога-начальной) части согласного в изохроническом типе VC: . Если при установлении изохронии корневой морфемы все корневые морфемы стали отличаться от закорневых как долгие от кратких (и корень стал просодически выделенным), то становление корреляции примыкания приводит к совпадению слоговой границы внутри слова с морфологической в группе слов типа CVCV с плотным контактом. Именно этот тип сегментной просодики оказался, как мы увидим, очень продуктивным и в западногерманских и в скандинавских языках.

Вокализм

Фонемные изменения при становлении слогового равновесия были непосредственно обусловлены появлением новых долгосложных слов, т.е. стремлением системы сохранить различие слов с исконной и новой долгосложностью. Изменения же слоговой структуры, связанные с заменой слогового равновесия корреляцией контакта, не вызывали непосредственно фонемного сдвига, поскольку в данном случае изменился вид противопоставлений, а количество противопоставляемых единиц было сохранено. Однако, хотя появление корреляции контакта не сопровождалось, как правило, фонемными изменениями, релевантность вида примыкания послужила толчком к целому ряду фонемных изменений, происходящих в эпоху функционирования корреляции контакта. Поскольку в результате фонологизации слогораздела во многих словах с плотным и сверхплотным примыканием морфологическая граница совпала со слоговой, возникли предпосылки для монофонемизации целого ряда исконных сочетаний гласных с согласными. В синхронной части работы мы отмечали, что при корреляции контакта в одних морфемах существует чередование плотного и свободного примыкания (ср., напр., дат. *glad-glade* /glað/ - /glaˈðə/, голл. *dal* - *dalen* /dal/ - /daˈlə/). В других такое чередование невозможно, но неотделяемая слоговой границей в одних морфемах согласная фонема (нем. *fülle*) становится слогоначальной в других (нем. *fühle*), и наконец существуют сочетания VC, в которых согласная часть никогда не отделяется от предшествующей гласной (дат. *sång*,

англ. *song*, нем. *Song* и т. п.). Эти три ситуации отражают три степени связи гласного с последующим согласным. В том случае, когда второй компонент сочетания VC не может быть слогоначальным, мы говорим о монофонемности. Таким образом, первым следствием установления корреляции контакта явилась в западногерманских языках и в датском монофонемизация сочетаний гласных с [ŋ], поскольку такие сочетания стали возможными теперь только в позициях плотного или сверхплотного контакта (типа англ. *song*, дат. *sång*, нем. *Song* и т. п.).

В период господства слогового равновесия [ŋ] могло быть долгим и эксплозивным. Хотя во многих случаях граница слога могла проходить по [ŋ], после фонологизации вида примыкания [ŋ] становится неотъемлемой частью предшествующего гласного не только морфологически, но и просодически и теряет свою эксплозивную часть. Монофонемизация /V + ŋ/ в связи со становлением корреляции контакта произошла в датском и во всех западногерманских литературных нормах и во многих западногерманских диалектах. Отметим, что фонетическое изменение /ng/ > /ŋ/ в английском И. Смит относит к XVI-XVII вв. (Smith, 1982, 407), т. е. именно к тому периоду, когда установилась корреляция контакта и исчезли долгие согласные. Монофонемизация исконного сочетания /V + ŋ/ приводит к появлению более тесной фонетической связи между составными частями нового монофонемного сочетания, что проявляется, в частности, в назализации гласного (см., напр., Smith, 1982, 398).

В большинстве случаев источниками монофонем $\widehat{V}\eta$ были сочетания гласных с /n/ + /g/, однако в ряде датских и немецких (франкских) диалектов $V\eta$ могли возникать и из сочетаний V + n и из сочетаний высоких гласных с /nn/ и /nd/. Появление сочетаний $V\eta$ из «неэтимологических» источников свидетельствует о продуктивности этого изменения, что связано с тем, что сочетания $V\eta$ всегда являются морфоконечными (а /ŋ/ в начале морфемы невозможно). Напомним, что именно в слоговых языках можно наблюдать качественные различия морфемо- (и слоگو-) начальных и морфемо- (и слоگو-) конечных элементов.

Изменение $V+n+g > V\eta$ характерно для всех германских языков с корреляцией контакта. Релевантность слогораздела внутри слова и совпадение слоговых и морфологических границ в словах с плотным контактом привели к монофонемизации и других сочетаний гласных с последующими согласными, прежде всего тех, антропофоническая структура которых наиболее подходит для

образования единого фонетического комплекса.

Рассмотрим вначале изменения системы гласных в датском, где процессы монофонемизации дифтонгов из сочетаний происходят на наших глазах.

Скандинавские языки

Этапы монофонемизации исконных сочетаний VC мы можем проследить, сравнивая разные диалекты и разновременные описания датской литературной нормы. Объединение вокалической и консонантной части корня и в качественно единое целое (в дифтонг) и в один слог проявляется в первую очередь в тех позициях, где один корень противопоставлен другому, т.е. в сложных словах и в словах с полнозначным словообразовательным суффиксом. Исследование речи старшего поколения Копенгагена 30-х гг. показало отсутствие дифтонгизации сочетаний V + v, g в абсолютном исходе слова и дифтонгизацию в составе сложного слова (Rasmussen, 1936-1937, 116). Такого же типа явления можно наблюдать в самом архаичном произношении в современной литературной норме, причем если в абсолютном исходе слова до сих пор возможны формы типа /ty'v/ — tuv, то перед суффиксом -agtig мы встречаем только дифтонг /tyuagti/ (см. с. 103). Слогового переразложения корня в данном случае не происходит. Следует отметить, что позиция перед гласной благоприятствует появлению слогоначального согласного, и в форме множественного числа в архаичном произношении сочетание VC распадается на два слога (/ty'v/-/ty'və/). Таким образом, различие словообразовательных и словоизменяющих суффиксов отражается в очередности превращения бифонемного сочетания в монофонемный дифтонг. Сравнение данных диалектов с корреляцией контакта и разновременных описаний нормы показывает, что вокализованные формы распространяются в разное время, в разные позиции и в разные слова. Вначале дифтонгическое произношение появляется в сложных словах и в словах с некоторыми словообразовательными суффиксами, а в односложных словах дифтонги появляются перед согласным, затем дифтонгические формы проникают в конечную позицию в односложных словах, и наконец, дифтонги проникают в позицию перед гласным — именно эта позиция и обеспечивает их полную монофонемизацию. В говорах Сайерё и Тогёбу начала века и в современной литературной норме монофонемизация происходит на наших глазах путем лексической диффузии, причем разные дифтонги монофонемизируются в разное

время. Полной монофонемизации дифтонга предшествует этап существования чередования моно- и бифонемных форм как в одних и тех же, так и в разных словах (ср., напр., в говоре Сайерё /flau'/ - /fla'vəð/ ~ /flau'əð/ flag, flaget; /båu'/-/bå'vinj/ ~ /båu'inj/ bov, boven и т.п. или в литературной норме /hau/-/ha'və/~ /hauə/; /sgåu/-/sgå'və/ ~/sgåuə/ skov, skove и т.п., подробнее см. с. 102). В синхронной части работы мы отмечали, что даже в датском литературном произношении, которое описано О. Хансеном, существует три дифтонга /ai/, /öi/ и /au/, которые в ряде слов даже перед гласной уже никогда не разлагаются на сочетание гласного со слогоначальным согласным. В обычной разговорной речи монофонемных дифтонгов гораздо больше: здесь формы, в которых слоговая граница совпала с морфологической, уже вытеснили формы с разложением дифтонга на два слога. Изменение, этапы которого представлены в разных стилях произношения, имело такой вид: liv, livet 1) /li'v/ - /li'vəð/; 2) /liu'/-/li'vəð/; 3) /liu'/-/liu'əð/. Форма /li'v/ характерна для самого архаичного произношения, а форма /liu'/' для разговорного стиля.

При очередности монофонемизации большую роль играет частотность слова. Дифтонгизация во всех формах происходит раньше в более частотных словах, именно поэтому, в частности, предлог даже в самом архаичном стиле произношения имеет вид /ouəR/.

При анализе появления монофонемных дифтонгов на -i и -u из исконных сочетаний в системах с корреляцией контакта важно отметить, что монофонемизация дифтонгов происходит здесь до апокопы, т.е. сдвиг слоговой границы, приводящий к дифтонгизации исконных VC в двусложных словах происходит еще при сохраняющемся /ə/.

Резкое увеличение слов с плотным и сверхплотным контактом в датской литературной норме, которое классифицируется датскими лингвистами как сокращение гласного (Brink, Lund, 1975, 221-223), приводит к совпадению морфологической и слоговой границы во все большем количестве слов и к распространению форм с монофонемными дифтонгами. Изменения типа /språ'ɣ/ > /språ'ɣ'/>/språu'/' sprog - /språ'ɣəð/ > /språ'ɣ'əð/ > /språu'əð/ sproget; /fla'ɣ/>/fla'ɣ'/> /flai'/' flag - /fla'ɣən/ > /fa'ɣən/ > /flai'ən/ flagen; /li'v/ > /liu'/' liv - /li'vəð/>/liu'əð/ livet происходит в датской литературной норме и в некоторых диалектах на наших глазах. Этот процесс, который наиболее четко представлен на протяжении последних 100-150 лет, начался еще в период появления релевантного слогоде-

ления. Причем диалекты показывают не только его лексическую постепенность, но и постепенность его распространения на разные типы согласных в сочетаниях VC. В датской литературной норме источником дифтонгов являются, главным образом, сочетания V + v, gh, однако есть случаи и дифтонгизации исконного /p/ (<b) в некоторых словах (ср. /piˈb/ ~ /piˈu/ ribe, /lɔˈb/ ~ /lɔu/ løbe — см. с. 103). В диалектах источников дифтонгов на -i и -u гораздо больше. Фактически все исконные шумные (/p, t, k, b, d, g/) в поствокалической позиции становятся компонентами дифтонгов (см. с. 107).

Диалекты и отчасти письменные памятники позволяют установить очередность вокализации и монофонемизации сочетаний V + шумный согласный. Судя по этим данным, первыми плотный или сверхплотный контакт проникает в слова с исконными сочетаниями V + v, V + γ, ð, j. В диалектах Сконе мы встречаемся с формами типа [vai]-[vaiən] шв. литер. väg-vägen, но [bläˈj]-[bläˈja] шв. литер. blek-bleka или [bleˈi]-[bleˈjə], в диалекте Сайерё, датск. литер. bleg-blege, где слова с рефlekсами исконных /γ/ и /k/ отличаются просодически. Во многих датских диалектах (с. 107) и в литературной норме мы встречаемся уже со следующей стадией изменения, когда и /γ/ < /k/ и исконное /γ/ являются уже составными частями дифтонгов (ср. вост.-сконское /röiəd/ шв. литер. rukit и /vaiən/ vägen, или датск. диал. /röiən/ или /bläiə/ blege).

Изменения типа /γ-γ'/ > /j/, /w/ отразились на письме уже в XV в. в виде написаний типа steγ (stege), skow (др.-исл. skógr) и т.п. (Jacobsen, 1910, 70, 145, 151; Brøndum-Nielsen, 1932, 133). В XV в., однако, существовало различие между продуктом развития исконного /g/ и исконного /k/ и соответственно исконного /t/ и исконного /d/ в середине слова, судя по рифмам, хотя написания часто не различались (Brøndum-Nielsen, 1932, 139).

Судьба исконного /d/ в середине слова была различной в разных областях. В большинстве датских диалектов (прежде всего в Ютландии) /d/ либо отпало, либо стало составной частью дифтонга на -i (ср. /räiˈən/ датск. литер. riden, /bruiˈən/ bruden, /kläiəð/ klædet и т.п.) или глайда на i/tii'/-/tiiˈən/ tid-tiden.

В датской литературной норме из исконных сочетаний передних гласных с /ð/ развиваются так называемые детальные гласные, которые определяются Л. Бринком и И. Лундом как «особые звуки с биартикуляцией как различительным признаком» (Brink, Lund, 1975,

223). Пока существует возможность чередования типа /ti'/ ~ /ti'æn/, эти особые звуки являются реализацией бифонемного сочетания переднего гласного с /ð/, однако существование форм типа /ti'/'-/ti'æn/ свидетельствует о появлении в норме новых фонем и о тенденции к фонологизации противопоставлений /i/'-/i'/'/, /y/'-/y'/'/, /e/'-/e'/'/, /a/'-/a'/'/.

Фонологизация вида контакта и связанная с ней тенденция к фонетическому более тесному объединению вокалической и консонантной составных частей слога при плотном и сверхплотном примыкании приводит в датском литературном языке и в датских диалектах и к вокализации /r/. Ступени этого изменения также можно проследить в диалектах. Вначале происходит появление увулярного /R/ с сохранением общей структуры слога (ср. датск. литер. (консерв.) /sdå'R/), затем /R/ вокализуется только в конечной позиции и в позиции перед согласным, но сохраняется слогоначальное /r/ перед последующим гласным (ср., напр., в Сконе, где /sdu:ə/ шв. литер. stor, но /stu:-Ra/ шв. литер. stora), и, наконец, появление форм типа /stO'/' датск. литер. store, в которых исчезает слогоначальное /R/, свидетельствует о появлении новых гласных фонем /α/ и /O/ и группы эризованных гласных (центрирующих дифтонгов), которые являются монофонемными, поскольку ни в одной из грамматических форм не распадаются на два слога (см. с. 104).

Появление эризованных гласных связано и с морфологическим переразложением в формах настоящего времени глаголов типа dø-dør, få-får. Невозможность существования форм со слогоначальным /R/, стоящим после ударной гласной (с. 105), означает, что противопоставление грамматических форм инфинитива и настоящего времени передается чередованиями корневых морфем /få/'-/fO'/'/ få-får, /dø/'-/dOΛ'/'/ dø-dør. Появление гласных /α/ и /O/ и центрирующих дифтонгов привело и к совпадению слов, исконно различавшихся видом контакта типа bare-barre, svire-svirre и т. п. (см. с. 104).

Изменение /aR/ > /α/ в литературной норме привело к фонологизации качественных различий [æ] и [α], которые раньше были аллофонами гласной /a/ ([α] в позиции перед и после /R/, [æ] в других позициях) и к изменению зоны рассеивания передних и задних гласных (в связи с изменением /or/ > /O/).

Во многих диалектах там, где исконные /ē/, /ō/,

* Черта справа обозначает «дентализацию» гласного.

/ō/ представлены как расширяющиеся дифтонги, рефлекс /VR/ совпали с ними. В некоторых диалектах появились несколько серий эризованных гласных (как в говоре Тюрструпа или говорах Альса).

Одним из изменений, являвшимся результатом фонологизации слогораздела, явилось и появление в датских диалектах большого количества носовых гласных и назализованных дифтонгов. Их источниками были исконные сочетания V + nn, nd, nt, ng, т. е. сочетания Vn и Vŋ в позиции плотного и сверхплотного контакта. Источниками падающих сужающихся дифтонгов на -i в датских диалектах оказываются не только сочетания гласных с исконными шумными, но и сочетания V + n_j, V + l_j. Сочетания V + n_j становятся при этом носовыми дифтонгами (ср. /l̃ai' / - /l̃ai'əð / land-landet). Такие дифтонги возникают в датских диалектах только в позиции плотного (и сверхплотного) контакта.

Второе важное изменение, происходящее в период существования корреляции контакта, — изменение гласных в позиции V'С, прежде всего их дифтонгизация. Процесс такого изменения можно наблюдать и в датской литературной норме, и во многих датских диалектах с корреляцией контакта. При функционировании корреляции контакта дифтонгическое произношение характерно для гласных в слогах со свободным и сверхсвободным примыканием. Дифтонгическое произношение гласного осуществляет в данном случае плавный переход к последующему согласному. Причем диалекты Сконе и датская литературная норма показывают, что на первом этапе аллофонического изменения дифтонгоидность гласного в позиции свободного и сверхсвободного контакта является лишь фонетическим выражением просодического признака свободного примыкания. Такая дифтонгизация наблюдается и в говорах Сконе, и в датской литературной норме. Причем в одной из своих работ О. Хансен замечает, что эти дифтонги не достигают степени дифтонгизации дифтонгов из исконных сочетаний и обозначает их как /ko^u' / ko, /sø^y' / sø и т. п. (Hansen, 1968, 31).

Датские диалекты свидетельствуют о том, что там, где существуют монофонемные дифтонги из исконных сочетаний, следующим этапом изменения гласных является проникновение дифтонгов в позиции V'С. Причем литературная норма и диалекты показывают, что такое проникновение совершается путем лексической и позиционной диффузии. В первую очередь дифтонги проникают в позицию конца слова, причем в разное время в разных словах. О. Хансен отмечает единичные случаи произношения /kou' / ko и /søi' / sø в литературной норме

(Hansen, 1967, 303). В говоре Сайёре в одной группе слов происходит замена /i/ и /y/ дифтонгами, развившимися из сочетаний (ср. /nøi'/ ну, /grei'/ gris и /stei'/ stige, /trøi'/ trøje), а в другой группе слов еще сохраняются /i/ и /y/ (см. /sky'/ sky, /ri'/ rig). Аналогичную картину мы наблюдаем в говоре Стаунинга, где есть формы /nøi'/ ну, /bøi'/ — бу, но /fly'/ fly. Диалектные данные показывают, что дифтонги из исконных сочетаний заменяют монофтонги, прежде всего гласные /i'/, /y'/ и /o'//.

Наиболее последовательно дифтонгизация гласных в позиции V'C (или V'C) произошла в говорах западного фюна, где появились и дифтонги /o' / > /ou/; /a' / > /au/; /e' / > /äi/; /æ/ > /ai/; /ø' / > /øi/ и глайды с релевантным скольжением артикуляции /i̥/ < /i' / и /u̥/ < /u' / (см. с. 109). Здесь новые дифтонги и глайды либо совпали с уже существовавшими дифтонгами и глайдами, развившимися из сочетаний VC, либо качественно отличаются от них.

В тех датских говорах, где в момент становления слогового равновесия мы предполагаем появление /a/ (такое /a/ есть и в говорах Сконе и на Борнхольме), после установления корреляции примыкания происходит дифтонгизация /a/ и продукт этой дифтонгизации представлен в Зеландии как дифтонг /øu/.

Датские диалекты показывают, что появление дифтонгов в позиции свободного контакта происходит, как правило, путем проникновения монофонемных дифтонгов (рефлексов исконных сочетаний) в позиции свободного и сверхсвободного контакта исконных монофтонгов. Такое изменение происходит путем лексической и позиционной диффузии. В конечном счете оказывается, что дифтонгизация гласных в позиции CV'C, CV'C связана с тенденцией совпадения слоговых и морфологических границ, которая и привела к появлению монофонемных дифтонгов из сочетаний гласного с конечноморфемным согласным.

В ряде датских диалектов (Веннельбо, Тюрструп) в период господства корреляции контакта происходит сдвиг гласных: гласные верхнего подъема в позиции CV'C и CV'C становятся глайдами /i' / > /i̥/, /y' / > /y̥/, /u' / > /u̥/, а гласные среднего подъема становятся на подъем выше /ie/ > /i' /, /yø/ > /y' /, /uo/ > /u' /. Количество противопоставляемых единиц в данном случае сохранено, однако вид противопоставления изменился. Причем в говоре Веннельбо это изменение уже полностью закончено, а в говоре Тюрструпа оно еще не завершено, что позволяет нам установить этапы изменения. Сдвиг в Тюрструпе прошел полностью в по-

заций конца слова, где /si'/, /dy'/, /bu'/ соответствуют литературным /se'/, /dø'/, /bo'/, однако в середине слова можно встретить формы с расширяющимися дифтонгами (ср. /muos/ mose, /suo'l/ sol). Этот говор показывает, что сдвиг гласных происходит одновременно у разных гласных, если дифтонг /uo/ сохраняется еще в значительном количестве слов и исчез регулярно только перед /ɣ/ (ср. /klu'/ klog), то дифтонг /ie/ в середине слова уже очень редок (ср. /sti'n/, /ri'n/ и т.п. датск. литер. sten, ren). Таким образом, говор Тюрструпа показывает, что цепная реакция может проходить путем лексической и позиционной диффузии. Изменение /i'/, /y'/, /u'/ > /i̥/, /y̥/, /u̥/; /ie/, /yø/, /uo/ > /i̥', /y̥', /u̥' /оказывается перефонологизацией, причем связь этих изменений (т.е. появление релевантного противопоставления глайд-монофтонг вместо противопоставления монофтонг-расширяющийся дифтонг) несомненна. Остается решить, с какого типа цепной реакцией мы имеем дело, с реакцией притяжения (изменение /i' / > /i̥' / и т.п. способствовало изменению /ie/ > /i' / и т.п.) или отталкивания (изменение /ie/ > /i' / вызвало сдвиг /i' / > /i̥' /). Данные говора Тюрструпа, в котором везде прошел сдвиг /i/ > /i̥/ и т.п. (а в конце слов /i/ > /ei/ и т.п.), но еще не во всех словах прошло изменение /ie/ > /i' /, /yø/ > /y' /, /uo/ > /u' /, свидетельствуют о цепной реакции притяжения. Появление релевантных глайдов /i̥', /y̥', /u̥' / вызвало исчезновение различительного признака расширяющейся дифтонгичности и изменение /ie/ > /i' / и т.п. Поскольку фонологизация глайдов и появление сужающихся дифтонгов связывается нами с монофонемизацией исконных сочетаний VC (i+ɣ, i+ð, y+ɣ и т.п.), то оказывается, что проникновение /i̥', /y̥', /u̥' /, появившихся в результате монофонемизации сочетаний в позиции исконных /i' /, /y' /, /u' / может привести к сдвигу гласных, происходящему путем цепной реакции притяжения, т.е. совпадение слоговых и морфологических границ, приведшее к монофонемизации сочетаний гласных с /-i̥' / и /-y̥' / может быть толчком к сдвигу гласных.

В датских диалектах очередность сдвига такова: 1. появление глайдов и дифтонгов из сочетаний, 2. глайдизация и дифтонгизация узких гласных, 3. повышение гласных среднего подъема.

В период господства корреляции контакта в западногерманских языках происходили изменения, типологически сходные с изменениями в датском языке. Одним из таких изменений была монофонемизация дифтонгов, развившихся из сочетаний V + C. Однако в отличие от датского языка, где монофонемизация дифтонгов происходит на наших глазах, многие изменения подобного типа в английском, фризском, нижненемецком и голландском уже завершены. В английском вокализации подверглись сочетания гласных с [ɣ-ɣ'] и с [w] (ср. др.-а. *tigol* совр. *tile*, др.-а. *bugan* совр. англ. *bow*, др.-а. *growan* совр. *grow* и т.п.). В истории английского языка утвердился взгляд на монофонемизацию дифтонгов, как на явление позиционно обусловленное. Монофонемизацию английских дифтонгов в словах типа *day* и *snow* связывают с апокопой: пока существуют формы с /ə/ (типа *daye* или *dayes*, *snowe* или *snowes*), предполагают слогоделение /da-jə/, /da-jəs/ или /sno-wə/, /sno-wəs/, где [j] и [w] оказываются слогоначальными; как только происходит апокопа и синкопа /ə/, исчезают самые частотные позиции слогоначальности [j] и [w] и происходит монофонемизация дифтонгов из исконных сочетаний (Плоткин, 1976, 96; Сырехватова, 1976, 13; Мячинская, 1979, 15; Colman, 1983, 39). Ф. Колман считает, что сдвиг границ *dæ-gæs* > *dai-es* немотивирован и пока существует контекст для двойного членения, [j] и [w], реализуются как слогоначальные; когда этот контекст исчезает (отпадает /ə/), [j] и [w] становятся составными частями дифтонгов (Colman, 1983, 39). Существует, однако, и другая традиция объяснения появления дифтонгов в словах типа *day* и *snow*, согласно которой вначале произошел сдвиг слоговой границы (еще при сохраняющемся /ə/), что привело к включению рефлексов [ɣ-ɣ'] и [w] в состав дифтонга, и только затем прошла апокопа (Luick, 1964, 710). Датский материал подтверждает справедливость второго предположения — сдвиг слоговой границы и монофонемизация дифтонгов происходят в датском на наших глазах, при неотпавшем /ə/ (см. с. 215). Не подтверждают зависимость вокализации согласных и образования монофонемных дифтонгов с апокопой и данные фризских и немецких диалектов, где монофонемные дифтонги из исконных сочетаний появились при сохранившемся /ə/ — ср., напр., формы типа /gaiə/, /bliuə/, /meiə/ ср.-нем. литер. *gehen*, *bleiben*, *mögen* во фризском говоре Схирмонникога

(Spenter, 1968, 32) или нижнеалеманнские формы типа /sauə/, /waue/, /šdeiə/ нем. литер. sagen, Wagen, steigen (Жирмунский, 1956б, 290).

До начала вокализации в среднеанглийском существовала изохрония V:C ~ VC: и в словах с [j] и [w]. Подобное состояние мы застаем в части шведских диалектов Сконе и в датском диалекте Борнхольма, где сочетания V + j и V + w возможны и в изохроническом типе V:C (ср., напр., /blä:jə/ дат. литер. blege) и в изохроническом типе VC: (ср., напр., /vaj:ən/ дат. литер. vejen). Именно подобную ситуацию отражает графика Ормулума, где встречаются написания и с одной и с двумя буквами (g, w — gg, ww) в двусложных словах (ср., напр., græge, blowe, daggess, clawwess). Б. Филлипс считает, что написания с gg и ww у Орма, которые характерны для наиболее частотных слов, свидетельствуют о появлении дифтонгов (Phillips, 1983, 11-14). Вероятнее, однако, что такие написания отражают существование изохронического типа VC: (т. е. daggess /dæj:əs/, clawwess /klaw:əs/). Выше мы видели, что изохрония устанавливается в разное время у разных фонетических типов слов. Графика Орма показывает изменение CVC > SVC: в односложных словах, но, как правило, сохранение краткосложности в двусложных словах. Написания типа daggess и скандинавский материал показывают возможность удлинения согласного и в двусложных словах с /ɣ/ и /w/. После этого изменения в среднеанглийском существовал период, когда были возможны и морфемы типа CV:j, w (ср., напр., /græ:j/ др.-а. græge, ср.-а. greye) и морфемы типа CVj:, w: (/dæj:əs/), как в современных скандинавских говорах Сконе и Борнхольма. Слогоначальный согласный был возможен и в типе CV:CV и в типе SVC:V (слогоделение /dæj-jəs/), т. е. дифтонги из сочетаний еще не стали монофонемными. При установлении корреляции контакта, что проявляется, в частности, в исчезновении слогоначальности у долгих согласных (происходит сокращение долгих согласных) форму типа /dæj-jəs/ сменяет форма /dæiəs/ с плотным контактом, тогда как в форме типа /græ:jəs/ сохраняется открытый слог и слогоначальное /j/. В одних морфемах мы имеем дифтонг и плотный контакт, в других — дифтонгическое сочетание и свободный контакт. Такое состояние характерно сейчас для многих голландских, фризских и немецких диалектов (ср. с. 92). Окончательная монофонемизация дифтонгов происходит в английском только в результате совпадения слоговой и морфологической границ и в словах типа др.-а. ege, ср.-а. eye /e:jə/, др.-а. græge, ср.-а. greie

/græ:jə / (т.е. когда /e:jə/ > /eiə/, /græ:jə/ > /græiə/). Установление плотного контакта в словах такого типа (т.е. сдвиг контакта V'C > VC) означало и полную монофонемизацию дифтонгов и глайдов из исконных сочетаний, поскольку после этого второй элемент дифтонга не мог больше отделяться слоговой границей от первого. Состояние перехода типа /gæ:jə/ > /græiə/ мы застаем сейчас в датской литературной норме и в части датских диалектов (см. с. 102). Последовательность монофонемизации дифтонгов в английской так же, как в датском, вероятно, была предопределена качеством сочетания VC и частотностью употребления слова. После этого изменения в среднеанглийском появились монофемы /i:/, /u:/, /ei/, /ou/, /æi/, /au/, /iu/ из исконных сочетаний, что сделало возможным и монофонемизацию заимствованного из французского дифтонга /oi/. Монофонемизация дифтонгов из сочетаний VC в английском была не позиционным изменением, вызванным апокопой и синкопой, а спонтанным, связанным с фонологической консолидацией элементов корневого слога, что было обусловлено совпадением в словах этого типа слоговых и морфологических границ. Изменения подобного типа происходят и в других западногерманских языках, которые отражают разные его этапы.

Для древнезападнофризского реконструируют шесть <долгих дифтонгов> [e:i], [o:u], [e:u], [i:u], [a:i], [a:u] (Spenter, 1968, 272), которые являлись бифонемными сочетаниями. В современном говоре Схирмонникога почти всем им соответствуют монофонемные дифтонги (/i:u/ > /iu:/, /e:u/ > /eu:/, /a:u/ > /au:/, /e:i/ > /ei/ и только исконное /a:i/ представлено как сочетание /oːj/ (слова типа /kroːjə/ ср. совр. нем. krähen, /noːjə/ nähēn, — Spenter, 1968, 272–308). В других фризских говорах возможна монофонемизация и исконного <долгого дифтонга> /a:i/, (ср., напр., говор Леевардена, где /aːi/ > /ai/, см. с. 95). Постепенную монофонемизацию <долгих дифтонгов>, связанную с изменением типа контакта и с совпадением морфологической и слоговой границы, мы можем наблюдать и в голландских диалектах, и в африкаансе, где исконное /u:i/ представлено как /ui/. Дифтонги из сочетаний характерны и для многих нижне-немецких диалектов (с. 90). В верхне-немецком ареале изменения, типологически соответствующие английским и фризским изменениям, можно обнаружить в части нижне-алеманских говоров, где мы встречаем формы /sauə/ sagen, /sait/ sagt, /wauə/ Wagen, /reil/ Riegel, /šdeiə/ steigen и т.п. (Жирмунский, 1956, 290).

Большинство ниже- и часть верхненемецких диалектов, в том числе и часть нижеалеманнских диалектов, сохраняют стадию, предшествующую монофонемизации дифтонгов — сохранение свободного контакта в типе V·C (ср., напр., страсбургские формы типа /sa·uə/ sagen и /kri·jə/ kriegен или нижненемецкие и рипуарские формы типа /li·jə/ liegen, /lo·wə/ loben, /sdu·wə/ Stube, /kla·ʒə/ klagen (Жирмунский, 1956б, 282, 286).

Кроме вокализации и включения в состав монофонемного дифтонга самых сонорных согласных /j/ и /w/, во многих западногерманских диалектах с корреляцией контакта позднее происходит вокализация других сонорных согласных — /l/, /r/, /n/, степень сонорности которых превышает степень сонорности шумных, но меньше, чем степень сонорности /j/ и /w/. Вокализация /l/ происходит во многих английских диалектах и во многих региональных разновидностях английского языка (см., напр., формы типа [fiu], [fiuiŋ] fill, filling), причем вокализации подвергается не только /l/ в позиции плотного контакта, но и /l/ в исконной позиции свободного контакта (при этом происходит смена типа контакта, приводящая к монофонемизации соответствующих дифтонгов, т. е. feel, feeling /fiu/, /fiuiŋ/). Это изменение еще не завершено, и в региональных вариантах английского языка встречаются чередования типа [fil] ~ [fiu]. Подобного же типа изменения характерны и для некоторых нижненемецких диалектов (см., напр., формы типа [hel] ~ [heu] hell в нижненемецком говоре Кирхвердера (Essen, 1958, 114)). Формы с вокализацией, но без изменения типа контакта характерны для восточных нижненемецких говоров (см. [bi·a] Beil, [ke·i] Kerl (Priewe, Teuehert, 1928, 150)).

Общим для большинства западногерманских диалектов с корреляцией контакта является и тенденция к вокализации /r/ и образованию центрирующих дифтонгов и эризованных гласных. Мы видели, что в датской литературной норме и в ряде датских диалектов монофонемизация эризованных гласных и эризованных дифтонгов полностью завершена, поскольку в двусложной форме эти дифтонги не превращаются в сочетании V + слогоначальное /r/. В западногерманских языках разные стадии вокализации /r/ характерны для разных ареалов. В большинстве нижненемецких диалектов вокализованное /r/ может быть отделено слоговой границей от предшествующего гласного (ср., напр., формы типа [døʎ] Tür и [mu·ʌ] Mauer в говоре Альтенгамме (Larsson, 1917, 15, см. также Sievers, 1914, 8, 69))

наряду с существованием кратких дифтонгов типа [iʌ], [uʌ], [oʌ] и т.п. — ситуация, аналогичная ситуации с «долгими (бифонемными)» и краткими сужающимися дифтонгами во фризских, голландских и нижненемецких диалектах. В части немецких диалектов вокализация, по-видимому, завершена, причем эризованные дифтонги могут совпадать в своем развитии либо с верхненемецкими исконными дифтонгами /uə/, /iə/, /üə/, либо с рефlekсами развития монофтонгов (см. с. 87). Наконец, в разных западногерманских диалектах с корреляцией контакта произошло и появление назализованных гласных из сочетаний Vn (см. с. 88).

Таким образом, мы видим, что в западногерманских языках с корреляцией контакта релевантность слогоделения и совпадения слоговой границы с морфологической приводит к появлению разного рода дифтонгов из исконных сочетаний VC, причем последовательность появления дифтонгов такова: вначале совпадает слоговая граница с морфологической в словах изохронического типа VC: > VC при сохранении свободного контакта в слогах типа V:C > V'C, затем и слоги V'C приобретают плотный контакт (и происходит полная монофонемизация дифтонгов). Такое развитие подразумевает фактически увеличение количества морфем с плотным примыканием (и с совпадением слоговых и морфологических границ). Последовательность появления таких морфем связана с лексической частотностью и с фонетическими качествами и определяется большой степенью сонорности.

Вокализация согласных и образование дифтонгов из исконных сочетаний, свойственная языкам с корреляцией контакта, нехарактерна для скандинавских языков с изохронией, однако в части баварских диалектов с изохронией, кроме дифтонгов из исконных долгих гласных, существуют дифтонги из сочетаний V + l, V + r и V + n (см. с. 58). Связано это, вероятно, с тем, что корреляция контакта устанавливается в разное время у слогов с разными фонемными последовательностями. Так, слоговое равновесие, как мы видели, позже всего устанавливается в фонетическом типе i, u + смычный, а раньше всего в типе a + сонорный. В баварских диалектах изохрония установилась прежде всего в словах с сонорными согласными (l, r, n) — в части диалектов, сохраняющих краткосложность перед этими согласными, уже невозможно противопоставление \check{V} - \bar{V} . Не исключено, что и корреляция контакта устанавливается именно в слогах с последовательностями Vl Vn Vr в баварских диалектах, раньше, чем в слогах с другими фонемными последовательностями. В приведенном нами в качестве примера северобаварского диалекта говоре

Кальмюнца еще не образовалось дифтонгов из $V + l$, однако изохронического противопоставления $Vl:-V:l$ уже нет, так же как нет противопоставлений $V:r-Vr:$, $V:n-Vn:$. Более раннее установление корреляции контакта в словах с сонорными привело в части баварских диалектов к их вокализации и включению в состав дифтонгов (причем при вокализации $V'l$ изменяется и тип контакта — все дифтонги из $V'l$ и Vl становятся монофонемными). Окончательной монофонемизации эризованных дифтонгов еще, вероятно, не произошло (см. с. 57).

Второй тип вокалических изменений, характерных для языков и диалектов с корреляцией контакта, — дифтонгизация исконных монофтонгов в позиции свободного контакта и сдвиг гласных, связанный с этой дифтонгизацией. Если появление дифтонгов из исконных сочетаний связано с особенностями позиции плотного контакта, то дифтонгизации и сдвиги исконных долгих определяются особенностями реализации позиции свободного примыкания — изменением качества в последней фазе гласного в этой позиции. Причем сравнение материала разных германских языков с корреляцией контакта показывает несомненную связь дифтонгизации монофтонгов в позиции свободного контакта с существованием дифтонгов из исконных сочетаний. В тех языках, где еще не образовались дифтонги из исконных сочетаний, а исконные дифтонги стянулись еще до установления изохронии, не происходит и дифтонгизации исконных долгих. Там, где уже появились дифтонги из сочетаний VC , начинается и дифтонгизация гласных в позиции свободного контакта. К первому типу языков относится датская литературная норма и ряд датских и часть нижненемецких диалектов, ко второму — английский язык, где тенденция к дифтонгизации гласного в типе V^c была особенно сильна. В разной степени такая дифтонгизация произошла и в голландском, и во фризском, и в части нижненемецких диалектов. В одних случаях дифтонги из исконных монофтонгов в позиции свободного контакта полностью совпадают по качеству с уже существовавшими дифтонгами из сочетаний, в других — они отличаются по качеству. О возможности влияния существующих дифтонгов на дифтонгизацию долгих в английском говорил еще Г. Суит, который отмечал, что дифтонгизация современных долгих i и u связана «со стремлением к имитации дифтонгов e_i и ou » (Sweet, 1873-1874, 531); эта мысль применительно к дифтонгизации исконных гласных в позиции V^c в эпоху Великого сдвига была развита В. А. Квятковским (Квятковский, 1966, 385-393, см. также Ива-

нова, 1966, 6; Мячинская, 1986, 78). И дифтонгизация при существующих дифтонгах в эпоху становления изохронии, когда $\bar{V}-\check{V} >$ дифтонг-монофтонг, и дифтонгизация гласных в позиции свободного контакта при существовании дифтонгов из сочетаний полностью подтверждают это предположение. В нижненемецких диалектах с дифтонгизацией почти всех гласных в позиции $V^{\circ}C$ моделью такой дифтонгизации послужили дифтонги из сочетаний типа /sail/ Segel, /gais/ gehst, /moien/ mähen (см. с. 90). Похожим образом происходила сужающая дифтонгизация во фризских диалектах (с. 96).

В голландском дифтонгизация гласных /u[•]/ и /i[•]/ произошла после сдвига /o/ > /u/ > /y/, связанного с установлением изохронии (см. с. 196). Существовавший еще в XVI в. монофтонг /y:/, сохраняющийся в ряде диалектов (см. с. 93), в XVII в. дифтонгизовался и представлен сейчас в норме как дифтонг /øu/. Изменение исконного германского /ū/ в голландском аналогично его изменению в датских говорах с цепной реакцией, где /ū/ > /ū̄/ > /øu/ (см., напр., говор Тогелбю). Дифтонгизации /y[•]/ в позиции свободного контакта в голландском способствовало существование «простого дифтонга», обозначавшегося на письме графемой ui (в словах типа lui 'ленивый', ruilen 'менять', fluit 'флейта' и т. п.). Совпадение написаний рефлекса /u/ и «простого дифтонга» наблюдается с XVII в. (Мионов, 1973, 174).

Дифтонгизации /i/ в позиции $CV^{\circ}C(V)$ также, вероятно, способствовало существование в голландском в XVI-XVII вв. монофонемного «простого дифтонга» /ei/ (о существовании такого дифтонга см. Мионов, 1973, 174).

Дифтонгизация /i[•]/ и /u[•]/ произошла в период господства корреляции контакта и в английском, причем и в данном случае моделью дифтонгизации были дифтонги и глайды из сочетаний. Предположению о связи дифтонгизации /i[•]/ и /u[•]/ с существованием дифтонгов из сочетаний казалось бы противоречат данные северных английских диалектов, где /i[•]/ > /ei/, а /u[•]/ сохранило свое качество. Однако, как показала А.Х.Озиева, появление дифтонга /ei/ < /i[•]/ было связано с дифтонгизацией исконного сочетания /eh/, тогда как дифтонга с u-образным компонентом в словах типа snow в этих северных диалектах не возникло, что и объясняет отсутствие перехода /u[•]/ > /au/ (Озиева, 1987, 13).

Рассматривая датские диалекты Ютландии, мы отметили, что в областях глайдизации и дифтонгизации /i[•]/ и /u[•]/ есть тенденция к сдвигу гласных (см. с. 220). Самым известным сдвигом такого типа является

Великий сдвиг гласных в английском языке (т. е. изменения типа /aː/ > /ɛː/ > /eː/ > /iː/ > /ai/ и /ɔː/ > /oː/ > /uː/ > /au/). Зависимость Великого сдвига от корреляции контакта была установлена В. А. Квятковским (Квятковский, 1966, 385-393), который не только связал сдвиг с корреляцией контакта, но и установил зависимость дифтонгизации гласных в позиции CV˘C(V) от существования дифтонгов из исконных сочетаний. Хотя не все представляется нам верным в гипотезе В. А. Квятковского — он, в частности, так же как и Н. С. Трубецкой, не делал различия между контактом и слоговым равновесием и, определяя бифонемность дифтонгов из сочетаний V + /j, w/, полагал, что при сдвиге происходила бифонемизация монофтонгов в позиции CV˘C(V) — его несомненной заслугой является определение сдвига гласных как изменения, вызванного просодическими факторами.

Если изменения гласных в современных датских диалектах (см. с. 220) аналогичны тем изменениям, которые происходили при Великом сдвиге гласных в английском, то подтверждается связь сдвига с корреляцией контакта. Фонологизация места слогораздела и вызванный тенденцией к слогоморфемности сдвиг слоговой границы в словах с сочетаниями V + /j, w/ привели в английском к появлению монофонемных дифтонгов, и лишь затем произошла дифтонгизация /iː/ и /uː/, которая и была обусловлена существованием в системе признака дифтонгичности. Причем не исключено, что первым этапом сдвига в английском было изменение /iː/ > /i̠ː/, /uː/ > /u̠ː/ (ср. выше датские данные), при котором скольжение артикуляции в позиции свободного контакта у /iː/ и /uː/ стало релевантным благодаря существованию фонем /i̠ː/ и /u̠ː/, развившихся из исконных сочетаний (в словах типа *licht*, *sigh* и т. п. — /li̠t/, /si̠/). В данном случае произошло не парадигматическое изменение, а синтагматическое вытеснение фонем, причем вполне вероятно его распространение путем позиционной и лексической диффузии.

Что касается очередности английского сдвига, если продолжать аналогию с датскими изменениями, то из трех существующих гипотез — реакция притяжения, реакция отталкивания, одновременное изменение (сужение) — следует предпочесть гипотезу о реакции притяжения, т. е. о первичности дифтонгизации высоких гласных. Датские диалектные данные подтверждают, таким образом, вполне традиционное представление об английском сдвиге как о цепи притяжения (с первичным изменением /iː/ и /uː/), что не противоречит и данным письменности, свидетельствующим о первичности

дифтонгизации /iː/ и /uː/ (см. Wyld, 1936, 223-226).

В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что при сохранении исконных /i:/ и /u:/ или их сокращении, т. е. изменении типа контакта, характерном для ряда фризских и нижненемецких говоров, сдвига гласных не происходит, хотя разного рода дифтонгизации других гласных в позиции V˚C очень часты.

В верхненемецких диалектах, где дифтонгизация /i:/ и /u:/ произошла в эпоху удлинения в открытом слоге (т. е. в эпоху становления изохронии), при сохранении исконных дифтонгов в эпоху корреляции контакта тоже могут появляться новые дифтонги в типе V˚C, восходящие и исконному краткосложному VC и к исконному долгосложному типу V˚C (см. с. 87).

3. ОТ КОРРЕЛЯЦИИ КОНТАКТА К СИЛЛАБЕМНОСТИ

Скандинавские языки

В эпоху уже установившейся корреляции контакта в датском языке происходят синтагматические изменения, которые приводят к увеличению слов с плотным или сверхплотным примыканием. Такие изменения начались, вероятно, с момента становления корреляции контакта и продолжают до сих пор. В двухтомной монографии, посвященной звуковым изменениям в Копенгагене за последние сто пятьдесят лет, самым общим изменением считается сокращение гласного перед некоторыми согласными (Brink, Lund, 1975, 221). Чаще всего это означает, что формы со сверхсвободным контактом уступают место формам со сверхплотным контактом (ср., напр., /uˈð/ > /uðˈ/; /flaˈð/ > /flaðˈ/, /flaˈʁ/ > /flaʁˈ/, /liˈv/ > /liuˈ/, — см. выше). Изменения такого типа происходят на наших глазах в литературной норме, в которой старые и новые формы часто сосуществуют (как мы видели выше). Изменение вида контакта, в особенности от сверхсвободного к сверхплотному, означает резкое увеличение количества слов, в которых слоговые границы совпадают с границами морфологическими. Причем такое изменение происходит как в односложных, так и в двусложных словах (ср. /liˈvəð/ > /liuˈvəð/, /haˈvəð/ > /hauvəð/ и т. п.). Во многих диалектах с расширяющимися дифтонгами /ie/,

/uo/, /yø/ появление форм с плотным или сверхплотным контактом приводит к сокращению дифтонга /ie/ > /je/, /uo/ > /wo/, /yø/ > /jø/ (ср., напр., формы типа /kwonə/ датск. литер. *koner*; /djäl'ə/ *deler* и т. п., — см. с. 119). Совпадение корневой морфемы со слогом, приводящее к сокращению /ie/, /uo/, /yø/, происходит в первую очередь в сложных словах (Ejskjær, 1954, 18-22), где выделение корня имеет особое значение.

Мы видели, что еще при существовании различий в типе слога деления, т. е. при корреляции контакта, существует тенденция к увеличению количества слов с плотным и сверхплотным примыканием, в которых слоговая граница совпадает с морфологической границей. Этот процесс во многих датских диалектах происходит еще при сохранении /ə/, которое является показателем целого ряда грамматических категорий (см. выше). Во многих случаях грамматические различия, передаваемые наличием /ə/ или его отсутствием, дублируются просодическими или фонемными различиями (ср., напр., датск. литер. /hu's/ - /hu'sə/ *hus, huse*; /fi'n/ - /fi'nə/ *fin, fine*; /glað/ - /gla'ðə/ *glad, glade*; /hun'/-/hunə/hund, hunde). В целом ряде случаев в датских диалектах значение суффикса /ə/ дублируется изменением фонемного состава корневой морфемы (ср., напр., противопоставление трех форм глагола на западном фюне, где /kyylə/-/ky'lə/-/ky'l/ датск. литер. *kyle, kyiede, kyilet*; /däi'lə/-/di'lə/-/di'l/ *dele, delte, delt*. Окончание /ə/ в формах подобного рода фактически избыточно, поскольку корневые чередования /hu's/-/hu's-;/ /däi'l-/-/di'l-/-/di'l/ и т. п. однозначно передают грамматическую информацию. Хотя во многих типах слов значение /ə/ дублируется корневыми чередованиями, в словах с шумными согласными только наличие или отсутствие /ə/ оказывается морфологическим показателем (ср. /hog/-/hogə/ датск. литер. *huk, hukke*; /flåg/-/flågə/ *flok, flokke* и т. п., что и позволяет нам говорить о грамматической релевантности /ə/.

Поскольку в большинстве слов грамматическая информация дублируется, постольку существует предпосылка к отпадению /ə/. Апокопа, как мы видели выше, происходит и в диалектах с моросчитанием и в диалектах со слоговым равновесием, однако здесь она никогда не бывает полной и затрагивает обычно лишь некоторые типы слов. Только в диалектах с корреляцией контакта мы встречаемся с полной апокопой.

В большинстве древнедатских памятников еще сохраняются написания с е или æ, которые обозначают реду-

цированную флективную морфему (Skautrup, 1944, 25-227), однако в некоторых ютландских рукописях XIV в. наблюдается уже состояние, близкое к полной апокопе, — ср., напр., написания *vær, foll, keer, gaat* и т. п. вместо *være, kære, falde, gade* (Jensen E., 1949, 245-249). Датские ученые справедливо считают центром распространения апокопы Ютландию (Skautrup, 1955, 227), причем самое большое количество апокопированных форм имеет самый южный ютландский памятник «Фленсбургское городское право» (Jensen, 1949, 245), много апокопированных форм и во фленсбургской рукописи ютландского права (Kock, 1889, 66-70). В Ютландии в средние века апокопа продвигалась с юга на север. Любопытно отметить, что в нижненемецких диалектах, для которых сейчас также характерна апокопа, предполагают продвижение апокопы с севера на юг. Южная Ютландия оказывается центром распространения апокопы и в ютских, и в нижненемецких, и в северофризских диалектах.

Отпадению конечного /ə/, которое связано с внутренней тенденцией к слогоморфемности и аналитизму, способствовало контактирование диалектов разных германоязычных народов. Апокопа проходила здесь, вероятно, по модели, которую предложил О. Есперсен для объяснения английской апокопы. Редукцию и отпадение окончаний в английском он связывал с датским завоеванием, в результате которого начались контакты двух германских народов, языки которых обладали похожими корнями, но разным словоизменением. Именно такое сходство корней, но различие окончаний способствовало более быстрой редукции и апокопе (Jespersen, 1923, 80). По-видимому, таким же образом проходила редукция и апокопа на юге Ютландии, где на протяжении нескольких веков в постоянном контакте находились три германоязычных народа — датчане, фризы и потомки саксов, языки которых отличались прежде всего словоизменением, но во многом совпадали по составу корней. Как показывают данные фризских и нижненемецких диалектов, апокопа проходила в них в период существования корреляции контакта. Из области южно-ютландско-фризско-нижненемецкой контактной зоны апокопа стала распространяться дальше и на север, в Данию и на юг, в северную Германию, и ее распространение соответствовало общей тенденции развития датских диалектов.

Вторым центром апокопы была западная Ютландия. В данном случае более быстрому, чем в островных диалектах, развитию способствовали, вероятно, англо-

датские контакты эпохи Кнута Могучено (Кузьменко, 1991).

У нас нет возможности проследить процесс апокопы в Ютландии, где она завершилась в средние века, однако данные современных датских диалектов с факультативной апокопой могут помочь нам установить картину давно прошедших звуковых изменений. Современные датские диалекты с факультативной апокопой показывают нам, что полная апокопа происходит в диалектах с корреляцией контакта. Об этом свидетельствуют прежде всего Zealandские формы чередования типа /tönə/ ~ /tön˘/, /hobə/ ~ ²/hob/, Fynские формы типа /fulə/ ~ /ful˘/, /jämə/ ~ /jäm˘/ и формы, распространенные на островах, расположенных к югу от Fyna, /hogə/ ~ ²/hog˘/ и т. п. (с. 126), где плотный контакт полных форм сменяется сочетанием /VC˘/ в апокопированных формах. В связи с этим вряд ли правомерно сопоставление ютской апокопы с апокопой в шведских и норвежских диалектах, которое проводит К. Рингор. Он считает, что в ютских диалектах апокопа прошла при существовании долгих согласных (т. е. при слоговом равновесии), которые сохранялись и при отпадении /ə/, т. е. /hun:ə/ > /hun:/ дат. hunde (Ringgaard, 1959, 48). Однако датские диалекты со свободной апокопой показывают, что апокопа проходила здесь в период господства корреляции контакта и форма типа /hun˘/ сменяет не /hun:ə/, а /hunə/. В тех датских диалектах, где наиболее ярко выражена силлабемность, произошла не только апокопа /ə/, соответствующего древнедатскому неприкрытому гласному, но и отпадение нового /ə/, явившегося продуктом развития /ər/. Так мы встречаем в Ютландии формы типа /kuon/-/kwon/ датск. литер. kone, koner; /fry's/-/fry's/ fryse, fryser; /skən˘/ - /skən˘/ skinne, skinner. И в данном случае можно отметить факт дублирования передачи грамматического противопоставления в говорах без апокопы исконного /er/, когда грамматическая информация передается и флексией, и чередованием в корневой морфеме (ср., напр., в Химмерлане /ku'n/-/kwunə/ kona, koner; /gri'v/-/griv'ə/ gribe, griber, /fry's/-/fry'sə/ fryse, fryser — см. с. 120). Если в говорах без апокопы /ər/, но с апокопой /ə/ чередование корневых морфем дублируется противопоставлением Ø- /ə/, то в датской литературной норме, где апокопа еще не прошла, чередование вида контакта дублируется чередованием флексий /ə/-/ʌ/ (/fry'sə/ - /fry'sʌ/ fryse, fryser и т. п.).

Таким образом, и апокопа /ʌ/ < /ər/ не нарушает

в большинстве случаев грамматических противопоставлений, а оставляет только один (корневой) способ их передачи.

Тенденция к аналитизму и слогоморфемности действует во всех германских языках, однако наиболее ярко она проявляется в областях их контактов друг с другом. При этом проявляется эта тенденция не только в апокопе. Со становлением аналитизма связано, вероятно, исчезновение грамматического рода в южно- и западноютландских диалектах, исчезновение флективного выражения родительного падежа, ряд других грамматических изменений. Ограничимся, однако, указанием только на те изменения, которые непосредственно связаны с фонологическим выражением силлабемности. Наиболее важным изменением такого типа была замена суффигированного выражения категории определенности аналитическими средствами. Как мы видели выше (см. с. 119), в южной и западной Ютландии суффигированный артикль уступил место свободностоящему артиклю. Эта замена также, вероятно, была следствием фризско-нижненемецкого влияния (и во фризском, и в нижненемецком определенная артикль — свободностоящий). Именно это изменение оказалось решающим на пути к полной силлабемности, поскольку в говорах с апокопой слоговая граница могла не совпадать с границей морфологической только в позиции перед суффигированными артиклями (ср., напр., в Химмерланне, где апокопа уничтожила позиции несовпадения слоговых и морфологических границ в типе /CV-C|ə/, но сохранились суффигированные артикли, что обеспечивает фонемное членение в словах типа /no'ln̩/ n̩len, — см. с. 124). С одной стороны, замена суффигированного артикля свободностоящим артиклем является выражением тенденции к аналитизму, с другой — она наносит последний удар по фонемному членению, поскольку при таком изменении исчезают последние позиции несовпадения слоговых и морфологических границ.

Апокопа и превращение суффигированного артикля в препозитивный и привели к резкому увеличению количества односложных слов. Такое изменение ведет к исчезновению релевантности видов слогаделения (для

* Еще Р. Раск в своей небольшой работе «О креольских языках» отмечал, что смешение языков ускоряет естественный процесс изменения флективного строя языка в аналитический (Rask, 1960, 162-164). Подробнее о взгляде Р. Раска на развитие германских языков см.: Кузьменко, 1984, 46-53.

реализации этого противопоставления нужны были как минимум двусложные слова). Причем просодическая структура диалекта с апокопой и со свободностоящими артиклями меняется настолько, что даже в немногочисленных словах типа CV'Сэ граница слога проходит после конечноморфемного согласного, т. е. совпадает с морфологической границей. Как мы видели в синхронной части, Б. Нильсен отмечает, что в говоре Бьерре нет слогоначальных согласных и в словах, соответствующих словам *tærsker* или *ogne* датской литературной нормы, граница слога проходит после конечноморфемного согласного /tã'sg-ə/, /o'n-i/ (см. с. 118). В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда длительность гласного перестает быть показателем вида слога деления, как в системах с корреляцией примыкания и становится признаком моносиллабического корня. С исчезновением корреляции четырехчленного примыкания, связанным с установлением полной силлабемности и апокопой, изменяется функция и фонетическая реализация просодических различий. Если в говорах с корреляцией контакта толчок и длительность гласного являются показателями вида примыкания, то в слоговых говорах они теряют эту функцию и становятся акцентными приметами моносиллабического корня.

Таким образом, в ютландских диалектах появляются пять просодических типов силлабем, пять «тонов», о которых писал еще К. Лунгбю (CVC, CV'С, CV'С, CVC', CVC').

О том, что ютландские диалекты стали слоговыми и типологически имеют сходство со слогоморфемными языками Азии, может свидетельствовать ударение сложных слов. Две корневых силлабемы в сложном слове имеют равновесную интонацию, которую П. Андерсен обозначает как *fortis + fortis*. Проявлением тенденции к силлабемности следует, вероятно, считать и появление в ютландских диалектах ударных предлогов в препозиции. Ударными становятся предлоги и в предложении типа *han gikk fra mig* зап. ютл. /han gik fræ' mai/, и в предложении типа *han tog kærpen fra drengen* /han tou' æ kæp fræ' æ dræŋ'/. Датские диалектологи приводят богатый материал, свидетельствующий об ударности ютландских предлогов (Jensen E., 1956, 287-295; Ejskiær, 1978, 115-130). Ударность предлогов стала такой распространенной, что И. Эйскьер отмечает, что она может быть шиболетом для всех ют-

* /æ/ — свободностоящий определенный артикль.

ландцев (Ejskjær, 1978, 121-124).

Появление ударных предлогов также интерпретируется нами как свидетельство становления изолирующего слогоморфемного строя в ютландских диалектах. В этих диалектах предлоги фонологически не отличаются от значимых слов точно так же, как в языках Юго-Восточной Азии предлоги (или чаще послелогои) могут иметь такое же ударение, как полнозначные слогоморфемы (Солнцев, 1963, 170-171).

Появление ударных предлогов, равновесомой ударение сложных слов и одинаковое ударение слов, т. е. корневых морфем, во фразе свидетельствует о том, что в южно- и западноютландских диалектах фонологически равнозначными могут быть любые части речи.

Становление слогоморфемности привело к изменению функций длительности и толчка, тех фонетических характеристик, которые использовались при корреляции контакта как показатели вида слогаделения. И толчок, и длительность стали в слогоморфемных диалектах признаками неделимых на фонемы слогоморфем. Изменение от корреляции контакта к слогоморфемности является в сущности синтагматическим изменением, которое привело к изменению парадигматическому. Точно так же, как постепенное исчезновение одноморных корневых морфем привело к замене моросчитания слоговым равновесием, постепенное распространение плотного и сверхплотного контакта в позиции перед конечным слогом типа -VC и постепенное распространение апокопы привели к исчезновению противопоставления типов слогаделения и к победе полной силлабемности даже в словах типа CV'CV (см. выше). Именно с этого момента и длительность, и толчок теряют свою функцию показателя примыкания.

Хотя в слоговых языках различия между сегментными и супрасегментными единицами имеет иной характер, чем в языках фонемных, обычно говоря о слогоморфемных тонах отмечают, что они могут состоять из комплекса признаков, среди которых наряду с мелодическими характеристиками используются и динамические, и темпоральные различия, и различия гортанной и глоточной артикуляций.

В датских диалектах мы встречаемся с разной реализацией тонов, в одних диалектах сохраняются еще в значительной степени динамические и темпоральные различия, в других заметны мелодические различия. Несмотря на возможность использования разных фонетических характеристик в качестве слогоморфемных тонов, мы наблюдаем в датских диалектах ясную тенденцию к замене динамических характеристик «тонов» мелодическими характеристиками. Принято было считать,

что тональные различия в датских диалектах — это архаизм, и что датские мелодические противопоставления являются прямыми потомками шведско-норвежских акцентов I и II (см. выше). Однако вряд ли случайно, что в датских диалектах без апокопы нет мелодических противопоставлений, а есть толчок, а мелодические различия характерны для говоров с самой большой степенью слогоморфемности. По-видимому, мелодические различия в датских диалектах не архаизм, а инновация, связанная со становлением слогоморфемности. Смычногортанный или сжатогортанный толчок был очень удобным средством для выражения вида примыкания — он отделял гласный от согласного при сверхсвободном контакте и прибавал согласный к гласному при сверхплотном контакте, однако, потеряв функцию показателя примыкания, он теряет свои динамические характеристики и усиливает мелодические характеристики.

Датские диалектологи часто обращают внимание на то, что в говорах с сохранившимися /ə/ (т.е. в говорах с корреляцией контакта) толчок сильный, а в говорах с апокопой толчок слабый, он описывается как «легкое торможение» на гласном или как «слабая волна посредине гласного» (Andersen P., 1958, 34, 37). В говорах с полной и факультативной апокопой толчок сопровождается движением тона, и именно это движение тона — характерный признак реализации толчка у большинства жителей фюна (см. выше). Важной для реконструкции изменения толчка является реализация толчка в говорах Химмерланна (где прошла апокопа, но сохранились суфигированные артикли). В двусложных словах толчок, сохраняющий функцию показателя слогоделения, сильный и сходен с толчком датской литературной нормы — /no'lən/ n'alen. Противопоставление же α- и β- односложных слов обеспечивается противопоставлением восходяще-нисходящего движения тона (бывший толчок) — ровному или равно-нисходящему (см., напр., [^]/bi'l/ bil — /bi'l/ bile, — см. с. 124). Как только ареной просодических противопоставлений оказываются односложные слова, толчки имеют тенденцию превращаться в тоны не только функционально, но и фонетически. Даже в тех говорах с апокопой, где не отмечают мелодического характера просодических противопоставления в односложных словах, говорят об особой реализации толчка «падающего одновременно на гласный и на согласный» (Nielsen B., 1968, 28), что свидетельствует об исчезновении у толчка функции показателя слогоделения. Тенденция к замене динамических противопоставлений музыкальными сильнее всего

там, где большая степень силлабизма. В южной Ютландии, которая оказалась центром распространения апокопы, «музыкальное ударение» является таким важным территориальным признаком, что оно проникло даже в самый крупный южноютландский город Обенро. При замене противопоставления толчок-нетолчок противопоставлением мелодическим следует различать два этапа. Сначала оппозиция /hu's/-/hu'sə/ превращается в слогоморфемную оппозицию /hu's/-/hu's/ с противопоставлением глоттализации и экстенсии на вокалической части слогоморфемы. Затем происходит перефонологизация и глоттализация заменяется чаще всего высоким тоном, а экстенсия — низким. Именно со вторым типом изменения мы и встречаемся в южной Ютландии, где противопоставление, соответствующее противопоставлению литературной нормы hus-huse, представлено как противопоставление двух слогоморфем, отличающихся регистром тона -/hu's/ < /hu's/ — высокий тон, -/hu's/ < /hu'sə/ — низкий.

Мы отмечали выше, что существует много фактов, свидетельствующих о возможности фонетического изменения гортанной смычки или гортанного сжатия в тон. Причем в разных языках гортанная смычка обычно замещается повышающимся или высоким тоном в диахронии, а в синхронии гортанной смычке обычно сопутствует высокий тон, тогда как «creaky voice» связывается с понижением тона (Hombert et al., 1979, 50-51). Именно повышающийся или высокий тон сменяет толчок на юге Ютландии, на фюне и островах, находящихся к югу от фюна.

Фюнские диалекты показывают, что замена типов примыкания (в частности противопоставления толчок-нетолчок) мелодическими различиями может происходить вначале только в некоторых фонетических типах слов, причем появление тональных противопоставлений вместо видов примыкания не всегда связано с апокопой, т. е. со стремлением системы различать исконные α- и β-слова. На фюне, где движение тона «становится наиболее распространенной манифестацией толчка» (Anderesen P., 1958, 34), мелодические различия сменяют противопоставления вида контакта в первую очередь в словах с гласными высокого подъема (ср., напр., /hun/ с восходящим тоном — датск. литер. /hun'/ hund, но /'hun/ с ровными или нисходящим тоном — датск. литер. /hun/ hun). В фюнских диалектах вытеснение толчка как показателя примыкания высоким тоном — живой процесс, и здесь мы встречаем чередования типа [bäi'] ~ [-bäi] beg, но всегда /-väi/ vej или [grii'n] ~ [-grii'n] grin (см. выше). Возможно, тот

факт, что высокий тон сменяет толчок в первую очередь в словах с гласными высокого подъема, связан с фонетической характеристикой высоких гласных, основная частота которых выше, чем у других гласных (Petersen N., 1978, 177).

Противопоставление толчок-нетолчок на фоне может заменяться и противопоставлением степеней длительности. На южном фоне, в частности там, где уже нет толчка, различаются краткие слоги (как, напр., в слове /tåu/ датск. литер. tov и tog), полудолгие слоги (как в слове /skå.u/ датск. литер. skov) и долгие слоги в β-словах — /skå'u/ skove (Andersen, 1954, 30-31). Степень длительности оказывается в данном случае показателем слогоморфемного тона. Не исключено, что различия в длительности сопровождаются и мелодическими различиями, поскольку краткие гласные в датских диалектах имеют обычно более низкий тон (см. выше). Заметим, что различие по длительности может быть свойственно и слогоморфемным языкам Юго-Восточной Азии (см., напр., Гордина, Быстров, 1970а, 199; 1970б, 207-208; Москалев, 1970, 261), а длительность является в них признаком слогоморфемы.

Как мы видели в синхронной части работы, слогоморфемные тоны связаны с качеством вокалическо-консонантной основы слогоморфемы, при этом пять типов противопоставлений (пять тонов) возможны в слогоморфеме типа CV + сонант и только два типа противопоставлений возможно в слогоморфеме типа CV + смычный согласный, а во многих диалектах противопоставление «тонов» на слогоморфеме такого качества вовсе невозможно. При апокопе слов типа /hunde/ датск. литер. hunde отпадение /ə/ сопровождается чаще всего удлинением согласного /hunə/ > /hun˘/, причем сонорный согласный сохраняет свой импловзивный характер.

В слоговых языках Юго-Восточной Азии конечноморфемный согласный не может быть эксплозивным ни в абсолютном исходе, ни перед последующим гласным, поскольку слоговая граница всегда совпадает в этих языках с морфологической и эксплозивные согласные возможны здесь только перед гласной той же морфемы, а импловзивные только после гласной той же морфемы (Солнцев и др., 1960, 19; Касевич, 1976, 124). При апокопе слов типа /kabe/ карре с поствокалическим конечноморфемным шумным смычным удлинением согласного никогда не происходит, поскольку долгие смычные, как правило, имеют эксплозивный характер (см., напр., долгие смычные в диалектах со слоговым равновесием), а эксплозивность равнозначна слогоначаль-

ности. Возможны несколько вариантов изменений слов типа /kabə/ при апокопе: в одних диалектах апокопа приводит к полному совпадению α- и β-слов, в других β-слова сохраняют просодическое отличие от α-слов, причем в качестве фонетического коррелята слогоморфемного тона используется либо длительность гласного /kabə/ > /kaˈp/, либо преглоттализация согласного (западнонорвежский толчок — /kabə/ > /kaʔb/), либо мелодическое отличие от α-слов — /kabə/ > /²kab/.

Вполне вероятно, что западнонорвежский толчок после краткой гласной перед смычными согласными является только первым шагом на пути к полному исчезновению этих согласных и к появлению краткого обрывающегося тона. В языках Юго-Восточной Азии краткий обрывающийся тон появился вследствие отпадения конечных смычных (см., напр., Софронов, 1978, 63).

При удлинении гласных /kabə/ > /kaˈp/ новые слова типа CVˈCə не совпадают с апокопированными формами слов CVˈCə, поскольку в типе CVˈCə невозможны шумные смычные — конечноморфемные шумные согласные в исконном типе CVˈCə либо превратились в составные части дифтонгов, либо стали звонкими щелевыми или аппроксимантами /ɣ, v, ɔ/ (см. выше). Таким образом, оказывается, что в фонетическом типе шумный смычный возможно противопоставление только двух слогоморфемных тонов.

В фонетическом типе CV возможно противопоставление трех типов слогоморфемных тонов, которые также могут иметь разную реализацию в разных диалектах: в одних говорах противопоставляются краткий(+ фарингализованный), долгий глоттализированный и долгий простой; в других говорах краткий (фарингализованный, низкий), высокий (долгий или краткий), низкий (+ долгий), в третьих говорах противопоставляются три степени длительности (см. выше).

В фонетическом типе CV + глухой щелевой противопоставляется четыре типа слогоморфемных тонов: CVC-CVˈC-CVCˈ-CVˈC, которые также могут иметь разные реализации в разных диалектах.

Таким образом, при становлении слогоморфемности и появлении значения слогоморфемных тонов у просодических характеристик важную роль играют фонетические качества вокалической и консонантной части слогоморфемы. Связь просодических и сегментных характеристик мы наблюдали и при четырехчленном примыкании, когда сверхплотное примыкание (т. е. толчок на согласном) было невозможно в фонетическом типе CV + глухой согласный, эта связь становится еще заметнее в слогоморфемных диалектах, где количество противопоставля-

ющихся слогоморфемных тонов, а в некоторых случаях и их качество (см., напр., западнонорвежский толчок или мелодические противопоставления в типе CV + шумный смычный в зеландских диалектах) зависят от качества консонантной части слогоморфемы.

Хотя наибольшая степень слогоморфемности характерна не для датской литературной нормы, а для диалектов, прежде всего диалектов Ютландии, исследование современного языка Копенгагена показывает, что тенденция к слогоморфемности и к передаче грамматической информации чередованиями слогоморфем очень сильна и в литературной норме. Она проявляется не только в увеличении количества слов, в которых морфологическая граница совпадает со слоговой (в результате сокращения гласного и перескока толчка (как в типе /ti'-ðən/ < /tið'-ən/, подробнее об этом см. выше), но и в апокопе. Э. Фишер-Ёргенсен замечает, что «датские слоги со шва перцептивно слабее, чем соответствующие немецкие слоги; /ə/ очень краткое и может исчезать в связной речи...» (Fischer-Jørgensen, 1982, 142). В словах с конечноморфемными смычными шумными или глухими щелевыми согласными при апокопе не происходит никаких изменений и они совпадают с α-словами (ср. /sdeg/ < /stegə/ stikke и /sdeg/ stik, /læs/ < /læsə/ læsse и /læs/ læs, — Brink, Lund, 1975, 195). В словах на сонорный согласный апокопа не приводит к исчезновению слога, а превращает конечноморфемный согласный в слоговой (ср. [glaðǫ] glade, [menŋ] minde, — Brink, Lund, 1975, 191-193). Э. Фишер-Ёргенсен отмечает, что ощущение второго слога сохраняются благодаря сохранению части движения тона двусложного слова (Fischer-Jørgensen, 1982, 143), а Н. Торсен — что мелодически слова типа [glaðǫ] и [gla'ðə] или [menŋ] и [menə] отличаются друг от друга (Thorsen, 1978, 37).

Хотя, судя по данным датских фонетистов, формы типа [menŋ] и [menə] различаются не количеством слогов, а только реализацией второго слога, такое изменение является первым шагом на пути к изолированному строю, поскольку грамматическая информация передается в словах типа [menŋ] не флексией /ə/, а слоговым сонантом, относящимся к корню. Возможно, именно таким был первый этап апокопы в диалектах Ютландии, где от слогового сонанта осталась только экстенсия /menə/ > /men'/, однако зеландская факультативная апокопа с формами типа [men'] ~ [menə] (см. выше) свидетельствует о том, что этапа слоговых сонантов в Ютландии могло и не быть.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на влияние школы и средств массовой информации, в датской литературной норме начались те изменения, которые привели в диалектах к почти полной слогоморфемности.

Совпадение слоговых и морфологических границ означает не только изменение функций длительности, глоттализации, мелодических различий, которые становятся показателями слогоморфемных тонов, оно способствует многочисленным изменениям в комплексе VC, более тесному фонетическому сочленению гласной и согласной части силлабемы.

Как мы видели, изменения такого типа начинаются еще в эпоху корреляции контакта, при которой в словах с плотным и сверхплотным контактом слоговая граница совпадает с морфологической (образование дифтонгов из сочетаний VC и их монофонетизация, монофонемизация сочетаний V η и т. п., — см. выше). Однако наиболее явно эта тенденция проявляется в слогоморфемных диалектах. Одним из проявлений тенденции к тесному фонетическому сочленению VC является появление назализованных гласных и назализованных дифтонгов на -i или -u. Назализованные i-дифтонги являются рефlekсами палатализованного n, а назализованные u-дифтонги восходят к сочетаниям V + η — ср. /lãĩ'/ датск. литер. /lan'/, /mãĩ'/ mand, /kõũ'/ konge, /ãũ'/ ung, /tãũ'/ tunge, /bjö'/' begynde, /sã'/' sende и т. п. (см., напр., Frederiksen, 1982, 75-100; Nielsen B.J., 1982, 53-74; Pedersen K., 1982, 101-122). В говорах со свободной апокопой морфологически обусловленное слоговое деление сохраняется (ср. /bjö'/' /bjö'ə/, — Frederiksen, 1982, 77-79) и перед безударным гласным не появляется слогоначальное n.

В слогоморфемных языках Азии можно наблюдать изменения, сходные с изменениями группы VC в датских слогоморфемных диалектах. Сочетания V+n превращаются во многих случаях в назализованные гласные или назализованные дифтонги (в одних диалектах отмечают реализацию Vn, в других \tilde{V} , в третьих Vn и \tilde{V} свободно чередуются, — см., напр., Юань Цзяхуа, 1965, 26-27; Завьялова, 1979, 50-61, 58-59; Алексахин, 1984, 3-4). Появление назализованных гласных и дифтонгов в китайских диалектах связывают с тенденцией к открытому слогу (Алексахин, 1984, 6). Однако думается, что в данном случае проявляется не столько стремление слога стать открытым, сколько обусловленная слогоморфемным характером языка тенденция к тесной фонетической связи вокалической и консонантной частей слогоморфемы. Для китайского языка характерна и вокализация /r/, с которой мы также сталкиваемся и в

датских слогоморфемных диалектах, и во всех германских языках с корреляцией контакта. Хотя китаисты считают, что эризованные китайские гласные фонологически разлагаются на два слога несмотря на то, что фонетически являются одним слогом (Касевич, Спешнев, 1974, 64), думается, что и в данном случае мы имеем дело с эризацией как признаком единой слогоморфемы, причем и в китайском языке эризация может быть грамматическим показателем (ср. датск. /dö' / - /dö^' / /dø-dør).

Что касается вокализации исконных шумных поствокалических согласных, то здесь типологическое сходство можно найти не только в языках Юго-Восточной Азии, где исчезновение конечных согласных часто оставляет след в виде дифтонгизации гласного (Софронов, 1978, 63), но и в африканских языках с большой степенью слогоморфемности: в языке хауса, например, в исходе закрытого слога исконные b, f, p, m, k, g, k' превращаются в неслоговое u и становятся составной частью u-дифтонга, а n, t переходят в ŋ (Ольдерогге, 1954, 18).

Тенденция к вокализации согласных привела в датских диалектах к тому, что в состав большинства слогоморфем стали входить разного рода дифтонги; такое строение слогоморфемы находит соответствие в строении китайских слогоморфем, поскольку «большинство китайских гласных фонем представляют собой дифтонги и трифтонги» (Драгунов, 1980, 6).

Типологическое сходство строения корневой морфемы в датских диалектах со строением слогоморфем в слоговых языках объясняется действием общих тенденций к фонетически более тесному соединению неделимой на фонемы слогоморфемы. Сходство строения датских, африканских и азиатских слогоморфем проявляется и в одинаковом использовании твердого приступа. Во многих языках Африки с большой степенью слогоморфемности и в слогоморфемных языках Юго-Восточной Азии перед начальным гласным всегда употребляется твердый приступ (см., напр., Ольдерогге, 1954; Москалев, 1970, 261), который не допускает слогового переразложения морфемы предыдущего слова. Эту же функцию выполняет и твердый приступ в западногерманских языках, и в датской литературной норме, и датских диалектах. В датской литературной норме в словах со сверхплотным контактом твердый приступ и толчок на согласном как бы зажимают морфему в тисках эксплозивного и имплозивного гортанного смычного (ср., напр., /ʔij' / датск. ild). Хотя в строении датских слогоморфем и слогоморфем языков Юго-Восточной Азии

много общего, существуют значительные различия в их функционировании. В языках Юго-Восточной Азии слогоморфемными тонами различаются главным образом лексические значения, а не грамматические формы одного и того же слова (Wang, 1967, 93-94). В датских диалектах противопоставление тонов обеспечивает противопоставление ряда грамматических категорий — в первую очередь тех категорий, которые в норме различаются окончаниями /ø/ и /ə/, — см. напр. /hu's/-/hu's/ или ¹/hu's/-²/hu's/ датск. литер. hus, huse и т. п. Этим качеством тоны датских слогоморфемных диалектов походят на тоны ряда африканских языков, где тональные различия используются для противопоставления грамматических форм (Wang, 1967, 94). Важной особенностью датских слогоморфем является использование для передачи грамматической информации не только тонов, но и качественных чередований в слогоморфеме — см., напр., /pij̥'l/-/pij̥'l/-/pi'l/ pil, pile, pile-ne; /van̥'/-/vānj̥'/-/vānj̥'/ vønne, vønnede, vønnet; /hō'/-/hō'/-/hō'/ høre, hørde, hørdt; /ku'n/-/kwon/kone, koner и т. п.

Западногерманские языки

Тенденция к силлабизму сильна и в западногерманских языках и ее действие обеспечивается теми же факторами, что и в скандинавских языках, — увеличением количества односложных слов (за счет исконных двусложных) и увеличением количества биморфемных двусложных слов с плотным примыканием, т. е. с совпадающей слоговой и морфологической границей. Так же как и в датских диалектах, эти изменения приводят к постепенному исчезновению корреляции контакта, которая характеризуется противопоставлением типа контакта (и типа слогаделения) внутри биморфемного слова.

Одним из основных факторов исчезновения противопоставления типа контакта в двусложных словах в западногерманских языках явилась апокопа, которая привела к превращению двусложных слов в односложные. Обычно апокопу связывают с концентрацией ударения на первом слоге, что и приводит к ослаблению и отпадению второго. Однако и данные истории языка, и данные современных германских диалектов показывают, что апокопа — явление грамматически обусловленное и что редукции и апокопе подвергались лишь утратившие значимость суффиксальные морфемы (Жирмунский, 1953, 84). Об этом свидетельствует разная судьба фонетически одинаковых, но морфологически различных единиц (ср., напр., сохранение комплекса en в слове beacon

др.-а. *beasen*, где это *en* относится к корню, но отпадение суффиксального *en* в др.-а. *beatan* — совр. *beat* (Клейнер, 1979, 17) или отпадение /э/ как показателя дательного падежа, но сохранение /э/, относящегося к основе в современных немецких диалектах (Lindgren, 1953, 195). О грамматической обусловленности апокопы свидетельствует и тот факт, что она проходила в германских языках в разное время в разных грамматических категориях, начавшись в падежной флексии и окончившись окончаниями прилагательных. Последовательность отпадения суффикса /э/ оказывается одинаковой несмотря на то, что апокопа проходила в разных западногерманских языках в разное время. В английском апокопа началась с отпадения /э/ показателя *Dat. sg. masc.* в XIII–XIV вв., а закончилась апокопой окончаний прилагательных (Brunner, 1950, 289; Добронеецкая, 1978, 117). Хотя А. Лаш утверждает, что апокопа редка в средненижнегерманском (Lasch, 1914, 120) и в этот период можно наблюдать свободную апокопу у существительных в *Dat. Gen. Acc.* при том, что в прилагательных и формах множественного числа /э/ сохраняется (Sarauw, 1921, 52, 61–62). В части нижнегерманских диалектов /э/ в прилагательных сохраняется до сих пор (Maskel, 1905, 128). В верхнегерманской области апокопа прошла во франкских, тюрингских и баварских говорах (Жирмунский, 1956б, 151). Неодновременность и грамматическую обусловленность отпадения /э/, отмеченную по памятникам, можно наблюдать, сравнивая апокопу в разных областях ее распространения (Жирмунский, 1956б, 152). Апокопа в первую очередь характерна для областей контактов германских языков между собой и с другими языками. Так, апокопа прошла только во фризских диалектах нижнегерманско-фризско-датской контактной зоны — во всех островных и части континентальных северофризских диалектов апокопы нет (Bremer, 1888, 5–7; Selmer, 1921, 117, 125; Löfstedt, 1933, Tab. 1A). Именно эта зона и явилась одним из центров распространения апокопы. Общеизвестен и пример английского языка, апокопа и становление аналитизма которого были ускорены англо-датскими контактами (Poussa, 1982, 69). Диалектные смешение и контакты с английским и немецким языком способствовали апокопе и становлению аналитизма и в африкаансе — в XVII в. в Южную Африку отправились колонисты из всех провинций Нидерландов, в начале XIX в. около 30% европейского населения Южной Африки составляли выходцы из северной Германии (Withmann, 1928, 13, 53; Миронов, 1969, 9). О связи грамматических изменений с апокопой свидетель-

ствует и тот факт, что именно в областях распространения апокопы происходят и другие изменения, связанные с исчезновением флективного словоизменения. В части нижненемецких диалектов трехродовая система сменяется двухродовой (Bock, 1933, 41), в английском и африкаансе вообще исчезает грамматический род. В части нижненемецких и голландских диалектов исчезает показатель 3-го лица ед. числа презенса -t (Panzer, 1972, 142), в некоторых нижненемецких диалектах либо частично, либо полностью исчезают формы дентального претерита (ср. формы типа /dax/, /kân/ нем. литер. dachte, kannte), в некоторых говорах заменяясь аналитической конструкцией с глаголом doon (нем. литер. tun) (Bock, 1933, 167; Jørgensen P., 1954, 2125; Rohdenburg, 1986, 100, 109). Во многих нижненемецких, фризских и голландских диалектах исчезает даже possessивный родительный (последний оплот флективного падежа), заменяясь конструкцией типа н.-нем. /mi'n fa't si'n hus/ нем. литер. mein Vater sein Haus 'дом моего отца'.

Исчезновение противопоставления типов контакта внутри слова, связанное с апокопой, проходит по двум моделям. В одних областях такое исчезновение не связано с появлением тонов (ср., английский и африкаанс), в других (нижненемецкий, франкский), так же как в датском, появляется противопоставление тонов в односложных словах (см. с. 129-135). Так в рамках корреляции контакта складывается противопоставление тонов, характерных только для моносиллабов. Однако в отличие от датских диалектов, где апокопе предшествовало существование четырех видов контакта и в результате апокопы появилось пять просодических типов моносиллабов (пять тонов), в нижненемецких и франкских диалектах появляется только четыре типа моносиллабов. Подобно тонам в датских диалектах тональные противопоставления здесь морфологизованы (ср., нижненемецкие диалекты /dâif/ Dieb - /dâif/ Diebe и т. п.), поскольку тоны выполняют ту же функцию, что и суффиксальное /ə/ в литературном немецком и голландском языках. Неодинаковое количество тонов на разных фонемных базисах (и отсутствие тонального противопоставления на сочетании + глухой смычный), которое рассматривается С. Д. Кацнельсоном как след древней германской комбинаторной акцентуации (Кацнельсон, 1966), определяется скорее всего чисто фонетическими закономерностями - в данном случае качеством согласного. Напомним, что в слоговых языках на базе V + глухой смычный возможно наименьшее количество тонов (как мы писали, в шанхайском диалекте китай-

ского языка на этом базисе возможны только два «кратких, входящих тона» из пяти тонов, возможных на других базисах).

При апокопе /ə/ иррелевантные просодические различия, сопровождающие различия односложных и двусложных слов (квантитативные, динамические и мелодические), становятся релевантными в части нижненемецких и франкских диалектов. Говоря о появлении просодических противопоставлений в нижненемецком говоре четырех земель под Гамбургом, О. фон Эссен пишет так: «... хорошо известен и физиологически обоснован факт, что движение тона, там, где оно что-то значит для понимания сказанного, удерживается довольно последовательно даже тогда, когда исконный носитель соответствующего тона давно исчез» (Essen, 1958, 112). Скорее всего фонологическое изменение, т. е. установление релевантности просодических различий корня, установилось до отпадения /ə/ — ср. мысль Л. Р. Зиндера о фонологизации предшествующей совпадению окружения (Зиндер, 1957, 76). В части нижненемецких и франкских диалектов тоны обеспечивают сохранение грамматических противопоставлений, оставляя иной способ их реализации (тональные противопоставления в корневой морфеме), продолжая фактически традицию германских аблаутов, умлаутов и преломлений.

Сложнее решить вопрос о том, как появились акцентные различия в тех франкских диалектах, где акцент апокопы возможен и в исконных односложных, и в сохранившихся двусложных словах особой фонемной структуры, — ср., напр., центральнофранкское /vaɪsə/-/vaɪsə/ *weisen, weißen*.

Существование подобной акцентуации и наличие акцента I (коррепции) в словах с апокопой в центральнофранкских диалектах делают возможным предположение об отсутствии связи апокопы с появлением акцентов и о древности франкской акцентуации. Т. Фрингс отказался считать коррепцию продуктом апокопы, поскольку апокопа должна была, по его мнению, привести к удлинению, а не к сокращению базиса, — следовательно, апокопа является следствием коррепции, а не ее причиной (Frings, 1916, 78-98). Спонтанная коррепция по Фрингсу — следствие большой энергии, характерной для широких долгих гласных *a, o, e*. Возникновение коррепции он относит к долитературной эпохе и связывает с романским влиянием (Frings, 1916, 86). Комбинаторную коррепцию он объясняет другими причинами, связывая ее с тенденцией к словесной изохронии (в исконных словах типа CV:CV еще до отпадения /ə/ сократился гласный *i*, таким образом, но-

вое CVCV (< CV:CV) количественно совпало с исконными односложными словами (Frings, 1916, 88-90). Идею Т. Фрингса о первичности коррепции и вторичности апокопы развил С. Д. Кацнельсон, который возвел ее к общегерманскому периоду. Далекое не все в объяснении Фрингса и его последователей кажется убедительным, особенно если мы сравним центральнофранкскую просодику с просодикой нижефранкской, где акцентом апокопы и акцентом комбинаторной сферы оказывается экстенсия (акцент II), ниже немецкой просодикой, где нет спонтанной акцентуации и акцентом апокопы также оказывается экстенсия, с центральнофранкской просодикой, где также нет спонтанной акцентуации, но акцентом апокопы является коррепция. Все эти диалекты никак не укладываются в объяснение, предложенное Фрингсом. Самый веский аргумент в пользу вторичности коррепции (и экстенсии) является то, что эти акценты релевантны только в говорах с апокопой. Однако при предположении о первичности апокопы встает вопрос о спонтанной акцентуации: как увязать ее наличие с апокопой. Развивая идеи Фрингса, А. Бах выдвинул единое объяснение спонтанной и комбинаторной коррепции, учитывая общезвончатые закономерности. По А. Баху коррепция связана с уподоблением длительности широких гласных — длительности узких (поскольку узкие гласные короче широких) и более краткой длительностью гласных перед глухими согласными (как известно, перед глухими согласными гласные короче, чем перед звонкими). Состояние описываемого им говора Арцбаха (и соответственно нижефранкское состояние с маркированным акцентом II) является по А. Баху вторичным (Bach, 1921, 282-284). Это предположение до сих пор считается одним из наиболее обоснованных (Schmidt, 1986, 138). Однако при любом объяснении, отвергающем зависимость слоговых акцентов от апокопы, неясным остается, когда противопоставление слоговых акцентов стало фонологически релевантным. Если же старое предположение о первичности апокопы и вторичности акцентов справедливо, то для объяснения спонтанной акцентуации мы можем вспомнить фонетическое объяснение Баха, представив его в несколько ином виде. В момент апокопы, когда растяжение фонемного базиса стало одним из ведущих признаков акцента апокопы, большая фонетическая длительность широких гласных и большая длительность гласных перед звонкими согласными стали восприниматься как признаки акцента II — именно это и произошло в нидерландских диалектах со спонтанной и комбинаторной экстенсией. Точно такой же процесс был характерен и

для мозельскофранкского говора Арцбаха. При такой реконструкции первоначальное состояние отражают не центральнофранкские диалекты с маркированной коррпцией (спонтанной и комбинаторной), а нижнефранкские диалекты с маркированной экстенсией. Такое объяснение оставляет вопрос о том, чем была вызвана перемаркировка акцентов, т.е. каким образом нижнефранкские формы типа /stî:f/ Stiefe, /stî'f/ stief сменились центральнофранкскими формами /stî'f/ Stiefe, /stî'f/ stief (впрочем, подобный вопрос остается и при объяснении А.Баха, который предполагает обратное развитие). Возможно, такое изменение связано со вторым этапом апокопы (с апокопой прилагательных). Механизм такой перемаркировки остается не вполне понятным, однако то, что именно один из этапов апокопы может способствовать просодической перемаркировке, видно при сравнении изохронических баварских диалектов в апокопой и без нее (ср. /šmi:d/-/smi:də/ и /tiš:/-/tiš:ə/ в баварских диалектах без апокопы, но /smi:d/-/smit:/, /ti:š/-/tiš:/ в баварских диалектах с апокопой).

В ниже- и центральнофранкских диалектах при существующей корреляции контакта складываются тоны (просодические противопоставления в основном моносиллабов). Образование тонов можно наблюдать и в современном английском, где материалом для их появления служит гортанная смычка (glottal stop), которая подобно западнонорвежскому толчку может «съедать» последующий согласный. Западнонорвежский толчок мы интерпретировали как «входящий тон», подобная интерпретация английской гортанной смычки в норме вряд ли правомерна, поскольку гортанный смычный возможен и в двусложных словах (Lieberman, 1972, 47), однако отношение согласного с гортанной смычкой к тому же слогу, что и предшествующий гласный (O'Connor, 1952, 217-218), свидетельствует о тенденции к превращению слога с гортанной смычкой в слоговой тон. Обычно английская гортанная смычка рассматривается как след общегерманской и даже общеиндоевропейской акцентуации (см., напр., Кацнельсон, 1966, 212; Lieberman, 1972, 51-53; Кортланд, 1985). Однако принимая во внимание, что существует она в наиболее слогоморфемных западнонорвежских и английских диалектах, более вероятно говорить в данном случае о типологической общности, связанный со сходным качеством согласных и о единой тенденции к слогоморфемности, а не о генетической общности. Отличие английской гортанной смычки от западнонорвежского толчка состоит и в том, что в английском она только находится на пути к фо-

нологизации, тогда как в западнонорвежском является фонологически релевантным «входящим тоном».

Второй процесс, связанный с исчезновением противопоставления типа контакта в западногерманских языках и со становлением силлабемности, — смена типа контакта (свободный > плотный), которая происходила прежде всего в двусложных словах и формах, но который затронул и односложные слова. Первые примеры изменения типа контакта появления дифтонгов из изохронического типа V:C (т.е. изменение типа ср.-а. /e:jə/ > /eiə/ *eue*, — см. с. 222). Это изменение, как мы пытались показать выше, не было связано с апокопой — оно было характерно как для односложных, так и для двусложных слов и определялось в значительной степени качеством поствокалического согласного (изменялся тип контакта и образовывались монофонемные дифтонги прежде всего в сочетании V + j, w, — см. с. 221). Установлено, что фонетически степень примыкания гласного к согласному, так же как и длительность, связана с качеством гласного и поствокалического согласного (Gondaillier, 1973, 12). Более плотно примыкают к предшествующим согласным глухие смычные, менее плотно — сонанты (кроме m). Причем и глухие смычные различаются по степени примыкания — /t/, например, более плотно примыкает к гласному, чем /k/; узкие гласные обеспечивают более плотное примыкание, чем широкие, т.е. самое плотное примыкание в типе + глухой имеют последовательности /it/, /ut/, самое свободное /ak/ (Gondaillier, 1973, .57). Увеличение корневых морфем с плотным примыканием в период господства корреляции контакта в западногерманских языках связано с этими фонетическими закономерностями. Тенденция к совпадению корня со слогом определяет направление изменения, а очередность этого изменения связана с чисто фонетическими закономерностями. Первыми меняют тип контакта узкие гласные в сочетании с глухими согласными. Процесс изменения такого типа характерен для фризской литературной нормы, где мы встречаемся с плотным контактом в исконных, словах с долгим гласным (ср. /dik/ *дук*, /buk/ *бук*, /boek/ *бок*, /bite/ *бите*, но /ri'zə/ *ризе* и /ti'dən/ *тиден*). Во многих случаях изменение уже полностью прошло и установился плотный контакт, в других мы встречаемся с факультативным чередованием типа контакта — ср., напр., [bruk] ~ [bru'k] *броек*, [sik] ~ [si'k] *сиик* (Жлуктенко, Двужилов, 1984, 101), причем плотный контакт начинает проникать и в слова с сочетанием узкий гласный + звонкий согласный [gli'd] ~ [glid] *глизе*, [ri'd] ~ [rid], обеспечивая

и в этом фонетическом типе неотделение слоговой границей звонкого согласного от предшествующего гласного. Эта же тенденция характерна и для фризских диалектов (см. с. 70).

Сокращение узких гласных, т. е. смена типа контакта, произошла в голландской литературной норме. Здесь она затронула все типы сочетаний /i·, /u·/ и /y·/ с согласным, кроме сочетания V + r, сохранившего свободный контакт (см. с. 91). Процесс смены контакта такого типа можно наблюдать в голландском говоре Зволле, где в языке старшего поколения 50-х гг. исконный тип i:C, u:C, y:C сохранял свободный контакт (ср. формы типа /ni't/ niet, /xu't/ goed, /blu'mə/ bloeme и т. п.), тогда как молодое поколение использовало формы с плотным контактом (типа /xut/ и /blumə/); свободный контакт сохраняется в языке молодого поколения только перед /r/, /v/, /z/, /ʒ/ (Shetter, 1958); напомним еще раз, что в литературной норме свободный контакт сохраняется только перед фонетически наиболее благоприятным для свободного контакта /r/: buur, boer, bier. Изменение типа контакта характерно и для самых узких гласных в нижне-немецких говорах (ср. формы типа /hus/ и /tit/ Haus, Zeit).

По-видимому, таким же образом началось изменение типа контакта и в английском языке, где свободный контакт сменился плотным в исконном типе u + глухой смычный (ср., напр., англ. литер. /luk/-/lukiŋ/ look-looking, но сохранение свободного контакта /lu'k/-/lu'kiŋ/ в северных диалектах и формы типа moon в современной норме). На первом этапе этого изменения произошла замена типа контакта в словах типа look, looking, но сохранялось свободное примыкание в словах с исконным изохроническим типом V:C (типа making или beating). Судя по данным Кукольщиковой и Селькирк, плотный контакт проникает и во все исконные слова типа V:C > V·C с глухими согласными (см. с. 68), т. е. формы типа reatu и pity перестают различаться по типу контакта и слогоделения и начинают различаться только по качеству гласных /pitɪ/-/piti/. Сочетание V + звонкий или сонорный сохраняют противопоставления по типу контакта.

В английском языке изменение типа контакта в сочетании V + глухой смычный сочетается с появлением перед глухим смычным гортанного смычного (glottal stop), по дистрибуции и реализации несколько напоминающего западнонорвежский кратковокалический толчок. Но если в западной Ютландии этот толчок релевантен (ср. противопоставление типа /dre?k/-/drek/ drikka-

drikk) и является слоговым «входящим» тоном (см. выше), то в английском гортанный смычный не стал еще фонологически релевантным, хотя случаи «поглощения» этим гортанным смычным последующего согласного (типа [wɔ?] what или /lʌ?/ luck говорят о тенденции к образованию «восходящего тона» и в английском.

Тип контакта может измениться и под действием других фонетических закономерностей. Среди них влияние второго слога с сонантическим исходом, который может реализоваться как слоговое l, r и n, образуя тем самым особый тип закрытого слога. Мы отмечали, что сонантический исход благоприятствовал изменению VC > VC: — при смене моросчитания изохронией этот же фактор способствовал и изменению типа контакта в исконных словах V:C (V'C > VC).

Изменение типа контакта в двусложной форме произошло и в большом количестве фризских слов с расширяющимися дифтонгами; восходящими к долгим гласным. Причем в односложных формах сохраняется свободный контакт (foet /fu'ət/, stien /sti'ən/ и т. п.), а в двусложных формах произошла смена контакта — он стал плотным (foetten /fʊtən/, stiennen /stjɛnən/), т. е. в двусложной форме, где свободный контакт способствует ресиллабации, он заменяется на плотный, тогда как в односложной форме сохраняется свободный контакт. При этом расширяющийся нисходящий дифтонг меняется на краткий расширяющийся восходящий дифтонг, что естественно, поскольку нисходящая дифтонгизация всегда является признаком свободного контакта и невозможна в типах с плотным контактом (в отличие от изохронии, где могут существовать и краткие (в позиции VC:), и долгие (в позиции V:C) дифтонги, как в исландском или баварских диалектах).

Апокопа и увеличение количества моносиллабов и биморфемных двусложных слов с плотным контактом, в которых конечноморфемный согласный не становится слогоначальным, способствует уничтожению различия между внутренним и внешним сандхи, т. е. различия между морфемными и словесными границами. Основной языковой единицей становится не многоморфемное слово типа корень + суффиксы, а морфема (прежде всего корневая), что характерно именно для слоговых языков.

Изменения, характерные и для датских слоговых диалектов, связанные с качественным объединением вокалического и консонатного элемента силлабемы, можно наблюдать и в западногерманских языках. Это образование дифтонгов и трифтонгов, носовых гласных монофоне́м из сочетаний Vn (см. с. 212-214, 221-224).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Просодические и фонемные изменения в германских языках были связаны с изменением соотношения фонологического и морфологического компонента в корневой морфеме. Мысль о том, что фонологическая система языка может быть связана с грамматическим типом языка, с ведущей грамматической тенденцией, неоднократно высказывалась (Кацнельсон, 1965, 71; Мельников, 1972, 198-203). Наиболее заметна эта связь в корнеизолирующих языках, фонологический строй которых характеризуется отсутствием сегментных фонологических единиц меньше слога (фонем) и совпадением наименьшей сегментной единицы со слогом. История германских языков показывает нам, какие фонологические изменения могут происходить при изменении морфологического типа языка. Каждый из четырех этапов развития просодического типа корневой морфемы в германских языках (моросчитание, слоговое равновесие, контакт, слогоморфемность) представлен в соответствующих диалектах. И изменение от моросчитания к слогоморфемности определяется увеличением связи фонологического и морфологического компонента корневой морфемы.

В древних германских языках ударным, т. е. выделенным по отношению к суффиксальным морфемам, могут быть только биморные корневые морфемы, поскольку просодическое равенство $MM+MCM$ означает просодическую равноценность двух мор в комплексе MCM - о такой просодической равноценности свидетельствует и равновесный акцент в типе MCM . Корневые морфемы оказываются, таким образом, двух типов. В одних (биморных) корневых морфемах длительность или морные акценты определяют их отличие от суффиксальных морфем (таких корневых морфем большинство), другие (одноморные) корневые морфемы не выделены по отношению к суффиксальной морфеме (таких морфем меньшинство). Следующий этап развития корневых морфем заключается в том, что все корневые морфемы становятся одинаково долгими. Одним из факторов такого изменения явилась частотность биморных корневых морфем в тексте, намно-

го превышающая частотность одноморных корневых морфем. Только после этого изменения (становления слогового равновесия $V:C \sim VC:$) все корневые морфемы становятся одинаково ударными по отношению к суффиксальной морфеме. Ни первый (моросчитание), ни второй (слоговое равновесие) этапы изменения просодической структуры корневой морфемы не связаны с различием в слогоделении, т. е. слогоделение и в моросчитающих диалектах, и в диалектах со слоговым равновесием остается иррелевантным. Новое изменение просодической природы корневой морфемы связано с установлением релевантности места слогораздела внутри слова, т. е. с появлением корреляции контакта.

В языках фонемного типа конечноморфемный согласный перед гласным следующего слога становится слогоначальным и тип связи гласного с согласным характеризуется разомкнутостью (свободный контакт). В языках слогового типа граница слога всегда совпадает с границей морфемы и фонетический тип соединения гласного с согласными характеризуется сомкнутостью (плотный контакт). В германских языках с корреляцией контакта эти два типа слогоделения и два типа соединения гласного с согласным противопоставляются. В одних словах слоговая граница не совпадает с границей морфологической (свободный и сверхсвободный контакт), в других слоговая граница совпадает с морфологической (плотный и сверхплотный контакт). Германские языки с корреляцией контакта занимают, таким образом, промежуточное положение между фонемными и слогоморфемными языками. Они как бы находятся на полпути к слогоморфемности.

Уже в рамках корреляции контакта начинается постепенное увеличение количества слов, в которых слоговая граница перемещается и совпадает с морфологической. Такое изменение начинается при неотпавшем /ə/. Однако всеобщее совпадение слоговой и морфологической границы происходит в диалектах с апокопой — таким образом некоторые датские диалекты достигают полной слогоморфемности.

Слоговое равновесие и контакт устанавливались в германских языках в разное время, и стадияльно сходные просодические типы в разных языках могли значительно отличаться по времени. В частности, в остготском слоговое равновесие установилось в эпоху Теодориха Великого, в древнидерландском — в X в., а в шведском и норвежском — в XIII–XIV вв. и сохраняется до сих пор.

Типологическое сходство просодических изменений корневой морфемы в германских языках моросчитание →

слоговое равновесие → контакт → силлабемность объясняет и сходство изменения гласных фонем, обусловленных сходными просодическими сдвигами. И сходство это тем больше, чем больше сходство исходных вокалических систем.

Таким образом, тенденция к просодическому выделению корневой морфемы и к перенесению грамматической информации с окончания на порядок слов и на корень, которая начала проявляться в эпоху морфологизации аблаутов, умлаутов и преломления, нашла свое завершение в современных германских слоговых диалектах.

Каждый из современных германских языков и диалектов занимает свое место на диахронической оси моросчитание → силлабемность, и если диахроническая фонология в состоянии давать прогнозы, то можно было бы предположить, что самые архаичные современные германские диалекты пройдут тот же путь, который прошли наиболее изменившие просодический облик корневой морфемы языки и диалекты. Прогноз такой, однако, не может быть абсолютно достоверным, поскольку в современном быстро меняющемся мире множество внешних факторов оказывает влияние на языковое развитие. Вероятно, можно применить установленную на германском материале модель изменения от языка фонемного типа к языку слогового типа (моросчитание → слоговое равновесие → контакт → силлабемность) для установления этапов изменения современных слоговых языков других семей, в частности языков Юго-Восточной Азии. Об этапе корреляции примыкания, предшествующей полному силлабизму, в этих языках могут свидетельствовать, в частности, противопоставления типа $\bar{C}\bar{V}C-\bar{C}\bar{V}C$.

Представление о том, что языковое развитие шло в индоевропейских языках от корнеизолирующего типа через агглютинацию и фузию к аналитическому типу, сложилось уже в конце XVIII-начале XIX в. Причем движение от флективного строя к аналитическому рассматривали как своего рода совершенствование. И.Аделунг считал, в частности, что немецкий язык совершеннее латыни, поскольку почти все грамматические значения передаются в нем значимыми словами (см., напр., Jellinek, 1913, 341-342). Модель И.Аделунга изменения языков от корнеизолирующего через флективный к аналитическому позднее почти без изменения повторил Я.Гримм (Grimm, 1862, 52-53). Р.Раск считал, что языки изменяются по спирали и новый язык, в котором все грамматические значения передаются значимыми словами, всегда чем-то должен отличаться от своего

далекого предка (Rask, 1960, * 162-163). Однако Р. Раск был гораздо более осторожен в своих суждениях о том, какой язык совершеннее. Для него было ясно, что при изменении от одного типа к другому язык что-то теряет, но что-то приобретает (Rask, 1960, 164). Современные лингвисты разделяют точку зрения Р. Раска. Изменения от флективного типа к аналитическому или изолирующему «не имеют реальной ценности» с точки зрения теории информации (Sigurd, 1969 (1961), 34).

Хотя представление о том, что «первый язык» был языком изолирующего строя, подвергалось критике и в XIX (см., напр., Гумбольдт, 1859, 366) и в XX в. (Вандриес, 1937, 315). Вполне вероятно, что на одном из этапов своего существования (в раннеиндоевропейский период) индоевропейский праязык был языком силлабемного типа (см., напр., Клычков, 1963, 4-5; Герценберг, 1981, 3). Если это предположение справедливо и верны наши выводы о тенденции к силлабемности в современных германских языках, эти языки, и прежде всего датские диалекты, прошли за несколько тысячелетий тот путь развития, о котором писал Р. Раск.

Хотя в германских языках и диалектах с корреляцией контакта тенденция к силлабизму несомненна и часть датских, голландских и немецких диалектов, английский язык и африкаанс прошли на пути к силлабизму довольно далеко, это изменение остается всего лишь тенденцией, однако тенденцией, определяющей основную линию развития фонематики и просодики современных германских языков.

В этой книге мне хотелось показать, как изменялся просодический облик экспонента корневой морфемы в германских языках на протяжении последнего тысячелетия и какие последствия имели сдвиги сегментной просодики корневой морфемы для вокалических изменений.

* Работа Р. Раска «Взгляд на креольские языки», в которой он излагает свои взгляды на языковое развитие, была написана в 1807 г., но оставалась неопубликованной до 1960 г.

** Раск считал, что полный цикл развития завершился в голландском креоле, распространенном в XVIII-XIX вв. на Датских Антильских островах (совр. Виргинские о-ва, США). В этом языке «каждое понятие выражено одним маленьким словом» (Rask, 1960, 164). Судя по нашим подсчетам, тексты на этом языке обладают очень большой степенью моносиллабизма — в них около 90% односложных слов; подсчет проводился по текстам, приведенным де Йонгом (Josselin, 1926; см. также Hesselning, 1905).

Что касается движущих сил изменения от моросчитания к силлабемности, то, хотя очередность просодических сдвигов могла быть обусловлена и фактором частотности того или иного просодического типа, и чисто фонетическими факторами, основное направление изменения просодического облика корневой морфемы задается, вероятно, изменениями в грамматической структуре, что наиболее отчетливо видно при переходе от корреляции контакта к силлабемности. Однако окончательный ответ на вопрос о том, каким образом изменения грамматической структуры влияли на изменения просодического облика экспонента корневой морфемы, смогут дать новые исследования.

SUMMARY

Phonological evolution of the Germanic languages

The aim of this book is to examine the basic phonological changes in the Germanic languages over the last millenium. The subject is prosodic changes of the root morpheme and vocalic changes. The first part of the book deals with prosodics and vocalism of the modern standard Germanic languages and dialects. The second part is devoted to the reconstruction based on the data given in the first part. Modern Germanoc dialects play a significant part in the reconstruction, some of them preserving phonological <relics> corresponding to the Old Germanic state, others showing phonological changes that are more <advanced> as compared to those of the standard languages.

Part I. Synchronic description.

Mora-counting. In some Swedish and Norwegian dialects the original opposition of free quantity (CVC, CVC̄, CVC̄C, CVC̄C̄) is preserved. Prosodic equivalence of the long syllable to two short ones indicates that the quantity here is mora-counting. In a great number of Scandinavian dialects of this type the bimoric complexes have moric peak accents: accents I and II on bimoric roots and level stress on bisyllabics with monomoric roots. In this case sequences CVCV(V) have here open syllables irrespective of vowel quantity. Four types of quantity are also preserved in High Allemanic and South Bavarian dialects which have similar type of syllabification, but in contrast to Scandinavian mora-counting dialects the vowel quantity can be dependent here on the quality of the postvocalic consonants, fortes being prosodically long and lenes – short. No dialects of this type has preserved original Germanic quantity in all words, and various stages of the CVC- lengthening and thereby the disappearance of the mora-counting can be

reconstructed. The vocalism of the High German dialects of this type is as a rule archaic and corresponds to the Middle High German vocalism, whereas the vowels of Scandinavian mora-counting dialects correspond to the vocalism of the Scandinavian dialects with isochrony.

Isochrony. In all standard Scandinavian languages except Danish and in a great part of the Scandinavian dialects every stressed syllable (=root morpheme) is always long and consists either of a long vowel (+short consonant) or a short vowel + a long consonant (or two consonants). In the majority of Swedish and Norwegian dialects and in standard Swedish and Norwegian the isochrony is combined with two syllable accents (accents I and II) characterizing the root morphemes in polysyllabic words.

The same type of prosodic correlation (isochrony) is characteristic of the North and Central Bavarian dialects, where VC: = V+fortis, V:C = V:+lenis. The syllable division in the languages with isochrony is irrelevant and CVC:V words can have both CV-C:V and CVC-CV syllabification, in both cases morpheme final consonants are syllable initials. Since long and short vowels can occur before long and short consonants respectively (V:C-VC:), the length of each particular phoneme is redundant. The number of vowels in V:C and VC: prosodic positions coincides or nearly coincides (short and long vowels being prosodic allophones alternating within the same morpheme).

In Scandinavian languages we have two types of vowel systems. In the area with preserved original diphthongs the great part of original distinctions $\bar{V}-\bar{V}$ is reflected as opposition diphthong (original long vowel) - monophthong (original short vowel). In the area of metaphony (tilljämning) and contructed original diphthongs there are no new diphthongs (< \bar{V}). The vocalism of the North and Central Bavarian dialects where the original diphthongs are preserved is very rich in diphthongs which can be both long and short according to the syllable type (as in Icelandic, Faroese and Norwegian dialects).

Contact correlation. The correlation of contact (or syllable cut) which is characteristic of West Germanic languages and Danish is distinguished by the relevance of syllable division within the word and the lack of long consonants belonging to the same morpheme. In loose contact words the syllable

boundary separates the morpheme final consonant from the preceding vowel, in close contact words the syllable is always closed. Two types of contacts and two types of syllable and morpheme boundary relationships are opposed here. In West Germanic languages there are two types of contact whereas in Danish the <stød> provides for two more types of contact: hyperloose as in *huset* and hyperclose as in *finder*. The hyperclose contact in the words like *finder* provides for a complete coincidence of syllable and morpheme boundaries. In English, Low German, Frisian and some Dutch, High German and Danish dialects new diphthongs can reflect both isochronical long vowels and original sequences V+C. In Standard Danish the monophonemization of original sequences is in progress.

Between isochrony and contact. In some Swedish dialects of Southern Sweden isochrony and contact correlation coexist and are so called janusprosodemes.

Morphosyllabism. In some Danish dialects monosyllabic words prevail, in bisyllabic words the syllable boundary always coincides with the morpheme one. The syllable division and contact type within the word do not oppose here. The syllable and morpheme boundary correlation is here the same as in a syllabic language of the Chinese type. Prosodic features of the root morphemes (tonal, quantitative and dynamic) are to be considered here as morphosyllabic tones. Accordingly the stød in the Danish dialects of this type is a syllabic tone, but is not any longer the marker of contact type. In some Low German and central Franconian dialects suprasegmental distinctions are also peculiar only to monosyllabics, whereas in Franconian dialects with so called spontaneous and combinatory Schärfung these distinctions remaining chiefly the features of monosyllabics can characterize root morphemes in bisyllabic words.

Morphosyllables are characterized by the close cohesion of the vocalic and postvocalic elements which in particular is manifested in various kind of diphthongizations and nasalizations.

Part II. Reconstruction.

From mora-counting to isochrony. Free quantity, mora-counting and open syllables both in CVCV and CVCV were characteristic of all old Germanic languages (this state is preserved in modern-counting dialects). Toward the <middle Germanic> period monomo-

ric roots became bimoric which resulted in the lengthening of vowels or consonants in original CVC-roots. This change can be observed when comparing written sources with the development in modern dialects. The disappearance of the last monomoric root signifies that all root morphemes obtained equal quantity and became distinguishable from inflections which remained short. The change CVC > CVC̄, CVC̄ also indicates the end of mora-counting. In Swedish and Norwegian dialects. The establishment of isochrony has resulted in the transformation of moric peak accents into stressed syllable (=root morpheme) accents of bisyllabic words. The transition from mora-counting to isochrony has led in all <middle> Germanic languages to numerous phonemic changes caused by the elimination of the quantitative oppositions, quantity being replaced by quality (V̄-V̄ > V1-V2). In the languages with preserved original diphthongs originally long vowels tend to become diphthongs. In the languages with constructed original diphthongs the change V̄-V̄ > V1-V2 was of another character.

From isochrony to contact. The next stage in the evolution of Germanic languages comes when the relevance of the syllable boundary within the word becomes established. The isochrony was replaced by the contact in West Germanic languages and in Danish. In Danish this change was followed by the transformation of the syllable accents into markers of the contact type. In close contact words the syllable boundary has coincided with the morpheme one and all long consonants belonging to the same morpheme have been shortened (i.e. have lost their syllable initial part). The coincidence of syllable and morpheme boundaries in close contact words has resulted in the monophonemization of those original sequences V+C where V and C can not be separated from each other by either syllable or morpheme boundaries. In English, Frisian, Dutch and some Danish dialects these new diphthongs have been a pattern for diphthongisation of original monophthongs in loose contact position which in its turn could lead to vowel shifts (cf. the Great vowel shift).

From contact to morphosyllabism. Within the framework of the correlation of contact there are syntagmatic changes that result in the increased number of close contact words (thereby increasing the number of words with the coinciding syllable and morpheme boundaries). This change is especially

noticeable in English, Frisian, Dutch, Low German and Danish. The number of morphosyllables has also increased in these languages owing to the grammatically conditioned apocope. The predominance of words with coinciding syllable and morpheme boundaries has caused the shifting of the syllable boundary in the remaining few disyllabic words with original loose contact. This development in some Danish Jutlandic dialects has changed the function of the <stød> which is no more a contact marker but a syllabic tone corresponding to the tones in the syllabic languages of South East Asia. The processes of formation of syllabic tones are characteristic of Low German, English and Franconian dialects. The increase in difference between morphosyllable initials and finals and the formation of phonologically indivisible complexes (diphthongs, triphthongs, nasalized vowels, vowel+unreleased consonants) are feature common to all modern Germanic syllabic dialects.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексахин А.Н.. 1984. Об открытом характере слогов в китайском языке (на материале пекинского и мэйсянского диалектов) // II Конференция по китайскому языкознанию. Сб. тез. М.

Берков В.П. 1983. Языковое положение в Норвегии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л.

Бродович О.У. 1986. Структурная роль слога в английском языке: данные диалектов // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 2.

Валл М.Н., Канакин У.А. 1986. Фонологические системы немецких диалектов. Новосибирск.

Вандриес Ш. 1937. Язык. М.

Герценберг Л.Г. 1981. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л.

Глазова М.Г. 1970. К описанию фонологических систем некоторых языков Юго-Восточной Азии // Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии. М.

Гордина М.В. 1966. О различных функциональных единицах языка // Исследования по фонологии. М.

Гордина М.В. 1981. Линейные фонологические единицы слоговых и неслоговых языков // Теория языка, методы его исследования и преподавание. Л.

Гордина М.В., Быстров У.С. 1970. О фонетическом строе некоторых центральных говоров вьетнамского языка // Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии. М.

Гордина М.В., Быстров У.С. 1970б. Некоторые фонологические критерии классификации диалектов вьетнамского языка // Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии. М.

Грамматика литовского языка. 1985 / Под ред. В. Амбразаса. Вильнюс.

Гумбольдт В. 1859. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода (пер. с нем.). СПб.

Гухман М.М. 1958. Готский язык. М.

Добронецкая Э.Г. 1978. Специфика функционирования и отрицания согласовательных категорий прилагательных в истории английского языка. Казань.

Драгунов А.А. 1980. Фонологическая система современного китайского языка // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. М.

Жаров Б.С. 1969. Датское произношение. Л.

Жирмунский В.М. 1953. К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. Т. 5. Л.: М.

Жирмунский В.М. 1956а. История немецкого языка. М.

- Жирмунский В.М.* 1956б. Немецкая диалектология. М.;Л.
- Жирмунский В.М.* 1959. Готские ai и au с точки зрения сравнительной грамматики и фонологии // ВЯ. N 4.
- Жирмунский В.М.* 1965. Общие тенденции фонетического развития германских языков // ВЯ. N 1.
- Жлуктенко Ю.А., Двужилов А.В.* 1984. Фризский язык. Киев.
- Завьялова О.У.* 1979. Диалекты Ганьсу. М.
- Зиндер Л.Р.* 1957. О звуковых изменениях (в языке) // ВЯ. N 1.
- Зиндер Л.Р.* 1979. Общая фонетика. М.
- Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* 1965. Историческая фонетика немецкого языка. М.;Л.
- Зубриенко Е.Г.* 1988. Развитие консонантизма лондонского диалекта английского языка (кокни): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.
- Иванов А.У., Полуванов Е.Д.* 1930. Грамматика китайского языка. М.
- Иванова У.П.* 1966. О возможных фонологических и фонетических факторах «Великого сдвига гласных» в английском языке // Семинар по диахронической фонологии. Тез. докл. М.
- Иванова У.П., Мячинская Э.У.* 1988. Вокализация /l/ в литературном английском языке и диалектах // Системный анализ лингвистических явлений в тексте. Владивосток.
- Касевич В.Б.* 1974. О соотношении незнакомых и знакомых единиц в слоговых и неслоговых языках // Проблемы семантики. М.
- Касевич В.Б.* 1976. Начальные и конечные согласные в слоговых и неслоговых языках и их восприятие // Вестн. ЛГУ. N 2. Вып. 1.
- Касевич В.Б.* 1983. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.
- Касевич В.Б., Спешнев Н.А.* 1974. Фонетика и фонология эризации в китайском языке // Учен. зап. ЛГУ. N 374. Востоковедение 1. Вып. 17. Л.
- Кацнельсон С.Д.* 1949. Историко-грамматические исследования. М.;Л.
- Кацнельсон С.Д.* 1965. Основные задачи лингвистической типологии // Лингвистическая типология и восточные языки. М.
- Кацнельсон С.Д.* 1966. Сравнительная акцентология германских языков. М.;Л.
- Кацнельсон С.Д.* 1973. Об обязательной и факультативной апокопе // Philologica. Л.
- Кацнельсон С.Д.* 1979. Очерк типологии германских просодических систем // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л.
- Квятковский В.А.* 1966. Фонологические проблемы «Великого сдвига гласных» в английском языке // Исследования по фонологии. М.
- Клейнер Ю.А.* 1979. Безударный вокализм английского языка (современное состояние и диахрония); Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.
- Клычков Г.С.* 1963. Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка // ВЯ. N 5.
- Кортланд Э.* 1985. Праиндоевропейские глоттализированные смычные (сравнительно-исторические данные) // ВЯ. N 4.
- Кузьменко Ю.К.* 1980. Взаимодействие диалектов и фонологические изменения // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л.

- Кузьменко Ю.К. 1983. Истоки скандинавской метафонии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.
- Кузьменко Ю.К. 1984а. Шведское <u> // ЛИ. 1984. М.
- Кузьменко Ю.К. 1984б. Лингвистическая концепция Расмуса Раска // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. Л.
- Кузьменко Ю.К. 1985. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л.
- Кузьменко Ю.К. 1986. Западнотский толчок // ЛИ. 1986. М.
- Кузьменко Ю.К. 1991. Этнические контакты в Ютландии и языковые изменения в датских диалектах // Этнолингвистические исследования: Этнические контакты и языковые изменения. Л.
- Кукольщикова Л.Е. 1981. Еще раз о долготе английских гласных // Фонетика и психология речи. Вып. 3. Иваново.
- Кукольщикова Л.Е. 1984. Об одном спорном случае слогоделения в английском языке // Экспериментально-фонетический анализ речи. Л.
- Кукольщикова Л.Е., Степашкин В.В. 1986. Об одном аспекте фонетической аппроксимации (на материале длительности английских гласных) // Фонетика и письмо. Устинов.
- Либерман А.С. 1965. К истории долготы в среднеанглийском // Филологические науки. N 1.
- Либерман А.С. 1971а. Что обозначают двойные буквы в «Ормулуме» // Ленингр. технологический ин-т холодильной промышленности. Сб. ст. каф. ин. яз. Вып. 5. Л.
- Либерман А.С. 1971б. Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков // ВЯ. N 3.
- Либерман А.С. 1971в. Исландская просодика. Л.
- Либерман А.С. 1971г. Фонема или различительный признак // Фонетика, фонология, грамматика. М.
- Лисенко Е. 1969. Артикуляторна динамика і модифікація німецьких голосних фонем /a:/-/a/ // Вісн. Київського ун-ту. Сер. Іноземна філологія. вып. 3.
- Малова В.У. 1975а. Ударный вокализм суффолкского диалекта ЛИ. 1975. Ч. 1. М.
- Малова В.У. 1975б. Скандинавское и французское влияние в Суффолке? // ЛИ. 1975. Ч. 1. М.
- Мельников Г.П. 1971. Доминанта — ведущая грамматическая тенденция языка // Фонетика, фонология, грамматика. М.
- Мельников Г.П. 1972. Системный подход в лингвистике // Системные исследования. М.
- Миронов С.А. 1969. Язык африкаанс. М.
- Миронов С.А. 1973. Становление литературной нормы современного нидерландского языка. М.
- Морев Л.Н. 1983. Шанский язык. М.
- Москалев А.А. 1964. Система слогов джуанского языка // Вопросы структуры языка. М.
- Москалев А.А. 1970. Предварительные замечания по фонологии говора Тяньба // Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии. М.
- Мячинская Э.У. 1979. Отражение Великого сдвига гласных в современных английских диалектах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.
- Мячинская Э.У. 1985. Количественные отношения в фонологической системе среднеанглийского языка // Вестн. ЛГУ. N 2.
- Мячинская Э.У. 1986. Некоторые аспекты Великого сдвига

гласных и удлинения в открытом слоге в истории английского языка // Kalbotyra. Т. 36. N 3.

Мячинская Э.У., Клейнер Ю.А. 1980. Корреляция усечения слога и ее использование в изучении вокализма английского языка // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 4. Взаимодействие языковых структур в системе. Л.

Найдич Л.Э. 1978. Квантитативные и просодические явления в швейцарских диалектах немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.

Найдич Л.Э. 1979. Просодические явления в швейцарско-немецких диалектах // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л.

Найдич Л.Э. 1984. Дифтонгизация долгих гласных в южнонемецких диалектах. // ЛМ, 1984 М.

Найдич Л.Э. 1990. Фонетические и фонологические особенности швейцарско-немецких диалектов // Романогерманская контактная зона: Языки и диалекты Швейцарии. Л.

Озиева А.Х. 1987. Эволюция системы долгих гласных в северных диалектах Англии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.

Ольдерогге Д.А. 1954. Язык хауса: Краткий очерк грамматики, хрестоматия и словарь. Л.

Падура М.Ф. 1971а. Эволюция квантитативных отношений в истории гласных немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев.

Падура М.Ф. 1971б. Дисимілятивна нейтралізація як фактор формування німецької фонетичної системи // Іноземна філологія. Вып. 25.

Педерсен А.А. 1978. О локализации слоговой границы как функции коммуникативно-значимого направления движения частоты основного тона (в структурах доведствительной фразы и общего вопроса на материале английского и датского языков) // Английская фразеология и устойчивые нефразеологические словосочетания. М.

Педерсен А.А. 1980. Сопоставительный анализ слоговых структур в английском и датском языках (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.

Петров Г.П. 1972. К вопросу о фонеме /ɲ/ в английском языке // Учен. зап. Горьковского пед. ин-та. 1972. Вып. 51.

Плоткин В.Я. 1976. Очерк диахронической фонологии английского языка. М.

Плоткин В.Я. 1979. О фонологической природе датского толчка // Фонология, фонетика, интонология. М.

Плоткин В.Я. 1982. Эволюция фонологических систем. М.

Потапова Р.К. 1981. О «типах» примыкания в германских языках // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л.

Потапова Р.К. 1986. Слоговая фонетика германских языков. М.

Потапова Р.К., Камышная Н.Г. 1975. Слог и его перцептивно-временные корреляты // ВЯ. N 4.

Проколова Л.У. 1973. Структура слога в немецком языке. Киев.

Прокош Э. 1954. Сравнительная грамматика германских языков (пер. с англ.). М.

Раевский М.В. 1966. Возникновение фонемы /ɲ/ и ее место в фонологической системе немецкого языка // ВЯ. N 3.

Рапопорт М.Я. 1977. Сдвиги гласных в истории нидерландского языка // ВЯ. N 1.

Рождественский Ю.В. 1964. О некоторых предпосылках флексии и изоляции // Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии. М.,

Рябухина Ю.В. 1991. К вопросу о двойных согласных в среднеанглийской письменности // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. Вып. 1.

Смирницкий А.У. 1962. Сравнительная фонетика новогерманских языков. М.

Смирницкий А.У. 1965. История английского языка. М.

Соколов М.В. 1965. Экспериментальное исследование тонов шанхайского диалекта // *Phonetica*. V. 12. N 3-4.

Солнцев В.М. 1963. К сопоставлению вьетнамской предложной и китайской предложно-последложной систем // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М.

Солнцев В.М. 1970. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков) // Языки Юго-Восточной Азии: Вопросы морфологии, фонетики и фонологии. М.

Солнцев В.У., Лecomцев Ю.К., Мхитарян Т.Т., Глебова У.Н. 1960. Вьетнамский язык. М.

Соссюр Ф. де. 1977. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языковедению. Л.

Софронов М.В. 1978. Тоногенетические процессы в языках Юго-Восточной Азии: Проблемы реконструкции. Тез. докл. М.

Стеблин-Каменский М.У. 1953. История скандинавских языков. М.; Л.

Стеблин-Каменский М.У. 1966. К теории звуковых изменений // ВЯ. N 2.

Стеблин-Каменский М.У. 1979. Древнескандинавская литература. Л.

Сырохватова В.П. 1976. Возникновение дифтонгов нового типа в раннесреднеанглийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.

Текорус А. 1968. Временная характеристика отступа долгих и кратких гласных в ударных слогах немецкого языка // Доклады респ. конференции по вопросам германской романской и классической филологии. Вильнюс.

Торсуев Г.П. 1975. Строение слога и аллофоны в английском языке (в сопоставлении с русским). М.

Тронский У.М. 1962. Древнегреческое ударение. М.; Л.

Трубецкой Н.С. 1960. Основы фонологии (пер. с немецкого). М.

Шин У.А. 1982. Вокализм ланкаширского диалекта (современное состояние и диахрония): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.

Щерба Л.В. 1983. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л. (СПб., 1912).

Янь-Цзяхуа. 1965. Диалекты китайского языка. М.

Яхонтов С.Е. 1965. Древнекитайский язык. М.

Ahlbäck O. 1952. Jöns Buddes språk och landsmansskap // SSLF. N 336. Helsingfors.

Allen W.S. 1968. Vox graeca. The pronunciation of classical Greek. Cambridge.

Alving Hj. 1917. Kalmarmålets ljudsystem // Svlm. N 1 (137).

- Andersen B.* 1971. Varianter, manifestation og kvantitet Studier i dansk dialektologi og sproghistorie, tilegnede P. Andersen / Red. K.Hald, Ch.Lisse, J.K.Sørensen. København.
- Andersen H.* 1948. Om stødets alder // SoK. Bd 16. N 3-4.
- Andersen N.* 1897. Den musikalske akcent i østslavisk // Dania. Bd 4.
- Andersen P.* 1954. Orientering i dansk dialektologi. Fremstillet som manuskript. København.
- Andersen P.* 1958. Fonemsystemet i østfynsk. På grundlag af dialekten i Revninge sogn // UFP. Ser. A. 14. København.
- Andersen P.* 1965. Om det finale r i dansk // Danske studier. København.
- Andersen P., Hjelmlev L.* 1966. Fonetik. Særtryk af Nordisk lærebog for talepædagoger. 2 udg. København.
- Areskoug H.* 1957. Studier över sydöstsånska dialekrområdet. Lund.
- Arnason K.* 1980. Quantity in historical phonology: Icelandic and related cases. Cambridge.
- Avedyk W.* 1975. The syllable theory and old English phonology. Wrocław.
- Bach A.* 1921. Die Schärfung in der moselfränkischen Mundart von Arzbach (Unterwesterwaldkreis) // PBB. Bd 45.
- Bannert R.* 1976. Mittelbairische Phonologie auf akustischer und perzeptorischer grundlage. Lund. (TILL. 10).
- Basbøll H.* 1969. The phoneme system of advanced Standard Copenhagen // ARIPUC. 3. 1968. Copenhagen.
- Basbøll H.* 1972. Some conditioning phonetic factors for the pronunciation of short vowels in Danish with special reference to syllabification // ARIPUC. 6. 1972. Copenhagen.
- Basbøll H.* 1975. On the phonological interpretation of the falling diphthongs in Danish // ARIPUC. 9. 1975. Copenhagen.
- Basbøll H.* 1977. Dansk fonetik og fonologi: Skitse til en systematisk indføring. Odense.
- Basbøll H.* 1980. Phonological syllabification in Danish once more: a propos Molbæk's paper // ARIPUC. 14. Copenhagen.
- Beck R.* 1976. Glides and vowels in Gothic // Die Sprache. Bd 22. N 1.
- Benediktsson H.* 1959. The vowel system of Icelandic: A survey of its history // Word. V. 15. N 2.
- Benediktsson H.* 1963. The nonuniqueness of phonemic solutions: Quantity and stress in Icelandic // Ph. V. 10.
- Benediktsson H.* 1974. The Common Nordic vowel system // SS. V. 46. N 2.
- Bennike V., Kristensen M.* 1898-1912. Kort over de danske folkemål med forklaringer. Bd 1(1889); Bd 2 (1911). København; Kristiania.
- Benson S.* 1956. Blekingska dialektstudier. Lund.
- Berg van den B.* 1960. Foniek van het Nederlands. den Haag. (2. dr.).
- Berger J.* 1913. Die Laute der Mundarten des St. Galler Rheintals. Frauenfeld.
- Bergroth H.* 1922. Om kvantitetsförhållandena i den bildande finlandssvenska // SSLF. 162. Helsingfors.
- Bergsveinsson Sveinn.* 1941. Grundfragen der isländischen Satsphonetik. Kopenhagen; Berlin.
- Billing G.* 1890. Åsbomålets ljudlära. Stockholm; Norstedt (SvLm. 10. 2).

- Bjerrum M. 1948. Felstedmålets tonale accenter // Humanistiske studier. N 3. Aarhus.
- Bjørset K. 1900. Syd-Lesje- og Nord-Dovremålets lyd- og formlære. Fremstillet i sine hovedtræk paa grundlag af Joh. Storms «Kortere ordliste» // Aarsberetning for skoleaaret 1899-1900. Drammen.
- Bjørset K. 1902. Nord-Rollag-målets lyd- og formalære i kort omrids tillige med målprøver fra Numedal og Dovre/Drammen.
- Boberg V. 1896. Undersøgelse om de danske vokalers kvantitet // ANF. Bd 12(8).
- Bock K.N. 1933. Niederdeutsch auf dänischem Substrat. Kopenhagen; Marburg. (Deutsche Dialektgeographie. N 34).
- Bogh N.P. 1928. Bemærkninger om Tyrstrupmålet // DF. Aarg. 3. N 7-8.
- Borg A. 1973. Jamning // SvLm. N 298.
- Borgström M. 1913. Askermålets ljudlära. Stockholm (SvLm. N 127).
- Braune W. 1955. Althochdeutsche grammatik. Halle (Saale).
- Bremer O. 1888. Einleitung zu einer Amringisch-Föringischen Sprachlehre. Leipzig.
- Bremer O. 1928. Der Schleifton im Nordniedersächsischen // NJb. 1927. Bd 53.
- Brink L., Lund J. 1975. Dansk rigsmål. Lydudviklingen siden 1840 med særlig henblik på sociolekten i København. Bd 1, 2. København.
- Brunner K. 1950. Die englische Sprache. Ihre geschichtliche Entwicklung. Bd 1. Halle (Saale).
- Brøndum-Nielsen J. 1928, 1932. Gammeldansk grammatik i sproghistorisk fremstilling. Bd 1 (1928); Bd 2 (1932). København.
- Brøndum-Nielsen J. 1951. Dialekter og dialektforskning. København (1927).
- Chao Y.R. 1980. Chinese tones and English stress // The melody of language. Baltimor.
- Chapman K.G. 1962. Icelandic-Norwegian linguistic relationships // NTS. Suppl. 7.
- Chen M. 1970. Vowel length variation as a function of the voicing of the consonant environment. // Ph N 22.
- Christiansen H. 1933. Gimsøy-målet. Fonologi of ordannelse // SNVA. N 3. Oslo.
- Christiansen H. 1946-1948. Norske dialekter. H. 1 (1946), H. 2 (1947), H. 3 (1948). Oslo.
- Cohen A., Ebeling C.L., Eringa P. 1959. Fonologie van het Nederlands en het Fries. S'Gravenhage.
- Colman F. 1983. «Vocalisation» as nucleation // SL. V. 37. N 1.
- Dahlstedt K.-H. 1966. Svårigheter i svenskans uttal // Modersmålläraernas förenings årsskrift.
- Dalene H. 1953. Lydverket i Solumsmålet. SNM. 1953. Oslo.
- Danell G. 1905. Nuckömålet I. Inledning och ljudlära. Stockholm (Uppsala).
- Danell G. 1966. Svensk ljudlära. 4 ippl. Stockholm (1937).
- Danske dialekttexter. 1967-1977. UFP. Ser. E. N 1-5. København.
- Delattre P. 1962. Some factors of vowel duration and their crosslinguistic validity // JASA. V. 3. N 8.
- Delattre P. 1964. German phonetics between English and

French // Linguistics. V. 8.

Diderichsen P. 1957. Udtalen af dansk rigssprog // Danske studier.

Dobson E.J. 1957. English pronunciation 1500-1700. V. II. Oxford.

Dobson E.J. 1963. Middle English lengthening in open syllables // TPhS. 1962.

Dols W. 1941. Een phonologisch problem der Limburgsche dialecten // Onze taaltuin. N 7.

Dotter Fr. 1975. Das Vokalsystem der südmittelbairischen Mundart von Maria Alm (Pinzgau, Salzburg) // Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft. N 2/3.

Efremova I.B., Fintoft K., Ormestad H. 1963. Intelligibility of tonic accents // Ph. N 10.

Ejskjær I. 1954. Brøndum-malet. Lydsystemet i en Sallingdialekt // UFP. Ser. A. 10. København.

Ejskjær I. 1970. Fonemsystemet i Østsjællandsk. På grundlag af dialekten i Strøby sogn // UFP. A-24. København.

Ejskjær I. 1978. Om præpositioners tryk i verbale tryktabshelheder i Salling-Thybo, Hanherreds- og Vendelbodialekter // DF. Aarg. 21. N 2.

Ekblom R. 1930. Entstehung und Entwicklung der slavo-baltischen und der nordischen Akzentarter // Skr. utg. af Kungl. Human. Vetenskapssamfundet 26.2. Uppsala.

Ekblom R. 1954. Die nordischen Akzentarten in historischer und experimenteller Beleuchtung. Uppsala Årskr. 10. Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala förhandlingar. Januar 1952-december 1954. Uppsala; Wiesbaden.

Elert Cl.-Chr. 1955. Svenska fonem och deras structurella relationer // Nordisk sommeruniversitet 1954. Modern videnskab. Orientering og debat. 4, København.

Elert Cl.-Chr. 1957. Bidrag till en fonematisk beskrivning av svenska // ANF. Bd 72. N 1-2.

Elert Cl.-Chr. 1964. Phonologic studies of quantity in Swedish. Stockholm; Uppsala.

Elert Cl.-Chr. 1966. Allmän och svensk fonetik. Stockholm.

Elert Cl.-Chr. 1972. Tonality in Swedish: rules and a list of minimal pairs // Studies for E.Haugen. The Hague; Paris.

Eliasson S., La Pelle S.N. 1973. Genetativa regler för svensk kvantitet // ANF. Bd 88.

Elstad K. 1978. Det nordnorske circumflextonemet. Lund (TILL. 1).

Eriksson U. 1960. Die Phonemate der Åsele Mundart // SL. V. 14. N 1.

Essen O. von. 1958. Die Vokale der niederdeutschen Mundart von Kirchwerder // ZPh. Bd 11. N 2-3.

Essen O. von. 1961. Trubezkoy's fester und loser Anschluß in experimentalphonetischer Sicht // Proceedings of the 4 International congress of phonetic sciences. Helsinki.

Essen O. von. 1968. Allgemeine und angewandte Phonetik. 4. Aufl. Berlin.

Fang Kuei Li. 1970. Some tonal irregularities in the Tai languages // Studies in general and oriental linguistics presented to Chiro Hattori. Tokyo.

Fintoft K. 1965. Some remarks on word accents // Ph. V. 13. N 4.

Fintoft K. 1970. Acoustical analysis and perception of tonemes in some Norwegian dialects. Oslo.

- Firth J.R. 1948. Sounds and prosodies // TPhS.
- Fischer-Jørgensen E. 1941. Løs og fast tilslutning // Nordisk tidsskrift for tale og stamme. Aarg. 5. N 3.
- Fischer-Jørgensen E. 1960. Almen fonetik. 3. udg. København.
- Fischer-Jørgensen E. 1969. Untersuchungen zum sogenannten festen und losen Anschluss // Kopenhagener germanistische Studien. Bd 1. Kopenhagen.
- Fischer-Jørgensen E. 1982. Segment duration of Danish words in dependence on higher level phonological units // ARIPUC. 16.
- Fliflet A.L. 1954. Gudbrandsmålets kvantitetssystemer // MM. N 1-4.
- Fliflet A.L. 1963. Syllable type and syllable perception // Ph. 10. N 2-3.
- Flydal L. 1971. Nokre merknader om trykksterke kortstavingar i moderne austnorsk // Mål og namm. Oslo.
- Fokkema K. 1937. Het stadsfries. Een bijdrage tot de geschiedenis en de grammatika van het dialekt van Leeuwarden. Assen.
- Fokkema K. 1959. De consonanten- en klinkerphonemen in het Fries // Zmf. Jg 27. N 1.
- Frederiksen B.O. 1982. Ømønske n-kombinationer // DF. Bd 24.
- Freudenthal A.O. 1889. Vöråmålet, Ljud- och formlära, ordlista med register, språkprov. Helsingfors (SSLF. N 12).
- Frings Th. 1916. Die rheinische Accentuirung. Vorstudie zu einer Grammatik der rheinischen Mundarten. Marburg (DDG. 16).
- Frøkjær-Jensen B. The Danish long vowels // ARIPUC. 1 (reprint). Copenhagen.
- Førsund R. 1972. Nokre notat om tonelag i norsk // MM. N 3-4.
- Gabriel E. 1969. Die Entwicklung der althochdeutschen Vokalquantitäten in den oberdeutschen Mundarten. Wien. (Studien zur österreichisch-bairischen Dialektkunde. N 5).
- Geijer H. 1921. Några bidrag till frågan om tilljämningens och apokopens utbredningsvägar. Stockholm (SvLm. N 153).
- Gimson A.G. 1945-1949. Implications of the phonemic/chronemic grouping of English vowels // AL. V. 5. N 2.
- Gladiator K. 1971. Untersuchungen zur Struktur der mittelbairischen Mundart von Großberghofen. München.
- Gondaillier J.P. 1973. Coup ferme et coup lâche, application de ces conception, au passage voyelle-consonne occlusive en koiné de Luxembourg-ville // TPhS. N 5.
- Grimm J. 1962. Über den Ursprung der Sprache. Berlin.
- Grip E. 1901. Skuttungemålets ljudlära. Stockholm (SvLm. N 18.6).
- Gårding E. 1974. Kontrastiv prosodi. Lund.
- Gårding E. 1977. The Scandinavian word accents. Lund (TILL. 1978. N 11).
- Götz U. 1987. Die Mundart von Kallmünz. Phonetisch-phonologische Untersuchung unter diachronem und synchronem Aspekt // Sprachwissenschaft. Bd 12.
- Hadding-Koch K. 1961. Acoustic-phonetic studies in the intonation of Southern Swedish. Lund.
- Hadding-Koch K., Abrahamson A.S. 1964. Duration versus

spectrum in Swedish vowels // SL. V. 18. N 2.

Hagfors K.J. 1981. Gamlakarlebymålet. Ljud- och formalära samt språkprov. Stockholm (SvLm, 12.2).

Hamp E. 1958. Gothic ai and au again // Lg. V. 31, N 3.

Hannaas T. 1973. Sætedalsmålet // Fra norsk målføregranskning utvalde utgreiningar / Ved. O.Beito og I.Hoff. Oslo.

Hansen Aa. 1931. Om kvantitetsudviklingen i dansk rigtalessprog // APHS. Bd 6.

Hansen Aa. 1967. Moderne dansk. København. Bd 1-3.

Hansen Aa. 1968. Udtalen i moderne dansk. 2 opl. København.

Hansen Aa. 1969. Den lydlige udviklingen i dansk fra ca 1300 til nutiden. 1. Vokalismen. København.

Hansson Å. 1969. Fonetiska studier i skånska dialekter // LSNS. Ser. A. N 19.

Hansson Å. 1980. Vokalfonem i sydvästerbottnisk dialekt // SvLm. Åg. 103 (304).

Hashimoto M.J. 1982. Linguistic diffusion of Chinese tones // Journ. of Chinese linguistics. V. 11. N 2.

Haugen E. 1942. On the stressed vowel system of Norwegian // Scandinavian studies presented to G. Flom. Illinois studies in languages and literature. V. 29. N 1.

Haugen E. 1949. Phoneme or prosodeme // Lg. V. 25.

Haugen E. 1967. On the rules of Norwegian tonality // Lg. V. 43. N 1.

Haugen E. 1976. The Scandinavian languages. Cambridge Mass.

Hedevid B. 1967. The dialect of Dentdale in the West riding of Yorkshire. Uppsala.

Heger S. 1975. Tale og tegn. Elementær dansk fonetik. København.

Hesseling D.C. 1905. Het negerhollands der Deense Antillen. Leiden.

Hesselman B. 1902. Stavelseförlängning och vokalkvalitet i östsvenska dialekter. Uppsala.

Hesselman B. 1952. Huvudlinjer i nordisk språkhistoria. 1, 2. Uppsala; Stockholm; Oslo; København.

Heusler A. 1932. Altisländisches Elementarbuch. Heidelberg.

Hickey R. 1987. Remarks on syllable quantity in Late Old English and Early Middle English // NphM. V. 88. N 1.

Hill A. 1954. Juncture and syllable division in Latin // Lg. V. 30. N 4.

Hinderling R. 1980. Lenis und Fortis im Bairischen // ZDL. N 1.

Hjelmslev L. 1948-1949-1950. Grundtræk af det danske udtrykkssystem med særlig henblik på stødet // Selskab for nordisk filologi.

Hoel Th. 1981. An intonation analysis of the Oslo dialect / Th. Fretheim (ed.) // Nordic prosody II. Papers from a symposium.

Hoff I. 1954. Nokre drag fra eit austfoldsk bymål // MM. N 1-4.

Hoff I. 1962. Opning og lågning // MM. N 3-4.

Hofmann D. 1969. Die «spätgermanische» Silbenquantitätsverschiebung und die Doppelschreibung alter kurzer Konsonanten in den altwestfriesischen Quellen // Studia Frisica in memoriam prof. dr. K.Fokkema. Wolters, Noordhoff.

Holt J. 1949. La frontière syllabique en danois // TCLC. V. 5.

- Hombert J.-M., Ohala J.J., Ewan W.G. 1979. Phonetic explanations for the development of tones // *Lg.* V. 55. N 1.
- Horne H. 1917. Aksept og kvantitet i Vaagaamaalet // *BNF.* III. Kristiania.
- Hötzenköcherle R. (hrsg). 1962, 1965-1984. *Sprachatlas der deutschen Schweiz.* N 144 (1962, 1965); N 45-88 (1984). Bern.
- Ingers I. 1939. Studieröverdetsydvästskånska dialektområdet // *SL.* Lund.
- Isačenko A.V. 1963. Der phonologische Status des velaren Nasals im Deutschen // *ZPh.* Bd 16. N 1-3.
- Jacobsen L. (f. Rubin). 1910. Studier til danske rigssprogs historie fra Eriks lov til Christian III.s bibel. København; Kristiania.
- Janikowski K. 1971. Phonologie der dänischen Diphthonge // *Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, Rozprawy Komisji językowe.* 8. Wrocław.
- Jellinek M.H. 1913. Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von den Anfängen bis auf Adelung. Heidelberg.
- Jensen E. 1949. Jyske Maal. Iagttagelser og Undersøgelser // *DF.* N 15.
- Jensen E. 1956. Om præpositioners trykforhold i jysk // *Festskrift till P.Skautrup.* Aarhus.
- Jensen E. 1979. De lange vokaler i Alsisk // *DF.* Bd 22. N 1.
- Jensen E., Nyberg M. 1977. Emmerlavdialekten. Bidrag till beskrivelse af en vestslesvigsk dialekts lydssystem // *UFP.* A. 27.
- Jensen H.M. 1926. Brenderup-målet. Nordvestfyn. København.
- Jensen J.M. 1897-1902. Et Vendelbomåls lyd- og formlære. København.
- Jensen M. Kloster. 1959. Bokmålets tonelagspar (<Vippere>) // *Universitet i Bergen. Årbok 1958.* N 2. Bergen.
- Jensen M. Kloster. 1961. Tonemicity. Bergen; Oslo.
- Jensen M. Kloster. 1964. Språklydlære. Fonetikk, fonemikk. Bergen; Oslo.
- Jespersen O. 1891. Studier over engelske kasus. København.
- Jespersen O. 1897. Stød og musikalisk aksept // *Dania.* Bd 4. København.
- Jespersen O. 1897-1899. Fonetik. En systematisk fremstilling af læren om sprøglyd... København.
- Jespersen O. 1913. Det danske stød og urnordisk synkope // *ANF.* Bd 29.
- Jespersen O. 1923. Growth and structure of the English language. Leipzig.
- Jones D. 1948. An outline of English phonetics. 6. ed. Cambridge.
- Jones O.F. 1965. The case for a long u-phoneme in Wulfillian Gothic // *Orbis.* T. 16. N 2.
- Josselin de Jong J.B. 1929. Her huidige negerhollandsch // *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van wetenschappen te Amsterdam. Afd. Letterkunde.* N.R. d., 26, N 1. Amsterdam.
- Jutz L. 1931. Die allemanische Mundarten. Abriss der Lautverhältnisse. Halle (Saale).
- Jørgensen H.P. 1969. Über den Intensitätsverlauf beim sogenannten losen und festen Anschluß im Deutschen // *Kopenhagener germanistische Studien.* Bd 1. Kopenhagen.
- Jørgensen P. 1945. Zu den syltenfriesischen Diphthongen ia und ua // *TCLC.* V. 1.

- Jørgensen P. 1954. Zum schleswiger Niederdeutsch // DVS. Bd 34. N 2.
- Karllsson S. 1964. Gömul hljóðvol i ungum rímum // Ít. Árg.5.
- Karsten A. 1891. Kökarmålet. Ljud- och formlära. Helsingfors.
- Keller R.E. 1961. German dialects. Phonology morphology with selected textes. Manchester.
- Kern J.H. 1910. Zum Verhältnis zwischen Betonung und Laut in niederländisch-limburgischen Mundarten // Indogermanische Forschungen. 1909. Bd 26.
- Klintberg M. 1885. Laumålets kvantitet och aksent. Stockholm. (SvLm 6.1).
- Kock A. 1878-1885. Språkhistoriska undersökningar om svensk akcent. T. 1 (1878); T. 2 (1884-1885). Lund.
- Kock A. 1886. Kritiska anmärkningar om svensk akcentuering // SvLm. 6.1. Stockholm.
- Kock A. 1889. Bidrag till forndansk ljudlära // ANF. Bd 5.
- Kock A. 1901. Die alt- und neuschwedische Accentuierung. Strassburg.
- Kock A. 1906, 1921. Svensk ljudhistoria. D. 1 (1906); D. 4 (1921). Lund; Leipzig.
- Koefoed H.-A. 1964. Er det findle r en vokal i rigdansk // Danske studier. København.
- Koekkoek B.J. 1955. Phonologie der Wiener Mundart // Beiträge zur deutschen Philologie. Bd 6. Gießen.
- Kranzmayer E. 1956. Historische Lautgeographie des gesamt-bairischen Dialektraumes. Wien.
- Kristensen M. 1899. Stødet i dansk // ANF. Bd 15.
- Kroman E. 1947. Musikalsk akcent i dansk. Med tillæg: Svenske invandringer i Danmark i Oldtiden. København.
- Kufner H.L. 1957. History of the Middle Bavarian vocalism // Lg. V. 33. N 4(1).
- Kufner H.L. 1957. Zur Phonologie einer mittelbairischen Mundart // ZMf. Bd 25.
- Kuryłowicz J. 1937. Zagadnienie akcentuacji skandynawskiej // Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres. N 7-10.
- Kuryłowicz J. 1948-1949. Latin and German mètre // English and Germanic studies. V. 11.
- Kuryłowicz J. 1952. L'accentuation des langes indo-européennes // Polska akad. umiejn. Prace Kom. jezyk. N 37. Krakow.
- Kuryłowicz J. 1975. Metrik und Sprachgeschichte. Wrocław.
- Larsen A.B. 1894. Lydlæren i den solørske dialekt især i dens forhold til oldsproget // SVS. N 4.
- Larsen A.B. 1908. Selbygmålets lydlære // Norvegia. Bd 2.
- Larsen A.B. 1913. Om vokalharmoni, vokalbalangse og vokaltilljævning i de norske bygdemål // FVS. 1913. N 7. Kristiania.
- Larsen A.B. 1915. Om de trondhjemske dialekters <apokope> // FVS. 1914. N 1. Kristiania.
- Larsen J. 1971. De sjællandske <toastavelseord>. En manifestations-undersøgelse // Studier i dansk dialektologi og sproghistorie tilegnede P.Andersen. København.
- Larsson H. 1917. Lautstand der Mundart der Gemeinde Altengamme (in den Vierlanden bei Hamburg). Hamburg.
- Lasch A. 1914. Mittelniederdeutsche Grammatik. Halle

(Saale).

- Lass R. 1983. Quantity resolution and syllable geometry // *Folia linguistica historica*. T. 4. N 2.
- Lejeune M. 1972. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris.
- Lessiak P. 1959. Die deutschen Mundart von Zarz in Oberkrain. Marburg.
- Lessiak P. 1963. Die Mundart von Pernegg in Kärnten. Marburg.(DDG. Bd 61).
- Levander L. 1909. Älvdalsmålet i Dalarna // *SvLm*. V. 1. N 3.
- Levander L. 1920. Apokope i Älvdalsmålet // *SvLm*. N 4. 3.
- Levander L. 1925, 1928. Dalmålet. Beskrivning och historia. Uppsala. Bd 1 (1925); Bd 2 (1928).
- Levin P. 1974. *Dansk fonetik*. København.
- Lieberman A.S. 1972. The glotal stop in English as viewed against its Germanic background // *Kalbotyra*. V. 23. N 3.
- Lieberman A.S. 1979. On the history of quantity in Germanic // *Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science*. IV. Current issues.
- Lieberman A.S. 1982. Germanic accentology. I. The Scandinavian languages. Minneapolis.
- Lindblom K.G. 1938. Utkast till ljudlära för Kristvallamålet // *SvLm*. N 1 (228).
- Lindgren K.B. 1953. Die Apokope des mittelhochdeutschen -e in seinen verschiedenen Funktionen. Helsinki (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. Ser. B. T. 78, 2).
- Linell P. 1973. /u/ /. On the phonology of the Swedish vowel system // *SL*. Bd 27, N 1-2.
- Lockwood W.B. 1955. *An introduction to Modern Faroese*. Copenhagen.
- Lockwood W.B. 1965. *An informal history of the German language*. Cambridge.
- Loey A. van. 1971. *Middel nederlandse Spraakkunst*. Klankleer. Groningen.
- Lorentz O. 1981. Adding tone to tone in Scandinavian dialects / Th.Fretheim (ed.) // *Nordic prosody II*.
- Luick K. 1964. *Historische Grammatik der englischen Sprache*. Bd 1, 2. Cambridge Mass. (Stuttgart, 1913).
- Lyngby K.J. 1958. *Bidrag til sønderjysk sproglære, Sprogartens forhold til de øvrige danske. Dens forgreninger. Sproglære for Braderup (Kær Herred)*. København.
- [Lyngby K.J.] 1942. *Lyngbys jyske grammatik tillige med et udvalg af hans breve / Udg. af A.Bjerrum*. København.
- Löfstedt E. 1933. Beiträge zur nordfriesischen Mundartforschung // *LUÅ*. Avd. 1. Bd 29. N 2.
- Mackel E. 1905. Die Mundart der Prignitz // *NJb*. Jg. 31.
- Malmberg B. 1945. Die Quantität als phonetisch-phonologischer Begriff // *LUÅ*. Bd 41. N 2. Lund.
- Malmberg B. 1953. Sydsvensk ordaccent. En experimentalfonetisk undersökning // *LUÅ*. Bd 49. N 2. Lund.
- Malmberg B. 1955. The phonetic basis for syllable division // *SL*. V. 9. N 2.
- Malmberg B. 1956a. Distinctive features of Swedish vowels: some instrumental and structural data // *For Roman Jakobson*. The Hague.
- Malmberg B. 1956b. Questions de methode en phonétique synchronique // *SL*. V. 10. N 1.

- Malmberg B. 1959. Bemerkungen zum schwedischen Wortakzent // ZPh. 1959. Bd 12. N 1-4.
- Malmberg B. 1962. Nya vägar inom språkforskningen. 2. uppl. Stockholm.
- Malsch D.L. 1976. Syllable, mora and length in the development of English // Current progress in historical linguistics (ed. W.M.Christie). North-Holland linguistic. Ser. 31. Amsterdam; New York.
- Marchand J.W. 1955. Vowel length in Gothic // General linguistics. V. 1. N 3.
- Marchand J.W. 1973. The sounds and phonemes of Wulfilas Gothic. The Hague;Paris.
- Markus M. 1987-1988. Nocheinmal: Zur. m.e. Vokaldehnung in offener Silbe // KBS. Bd 13-14.
- Martinet A. 1937. La phonologie du mot en danois // BSL. T. 38.
- Martinet A. 1955. La modalité anglaise de l'isochronie et le <great vowel shift> // A.Martinet. Economic des changements phonétique. Berne.
- Martinet A. 1969. Coup ferme et coup lâche // Mélanges pour Jean Fourquet. Paris.
- Meyer E.A. 1937. Die Intonation im Schwedischen. I. Die Sveamundarten // SSSPh. 10. Stockholm.
- Meyer E.A. 1954. Die Intonation im Schwedischen. 2. Die norrländischen Mundarten. Anhang: Ostschwedisch // SSSPh. 11. Stockholm.
- Minkova D. 1982. The environment for open syllable lengthening in Middle English // Folia ling, historica. N 3.
- Minkova D. 1984. On the hierarchy of factors causing schwa loss in Middle English // Neuphilologische Mitteilungen. Bd 85. N 4.
- Mo E. 1915. Ei lita utgreiding um stavingsdeling i Rindalsmaale serleg um deling paa vokal // FVS. 1914. N 2. Kristiania.
- Mo E. 1923. Tonelagstilhøve i Rindalsk // VSS, 1922. N 1. Kristiania.
- Molbech Chr. 1837. Fortællinger og Skildringer af den danske historie. København.
- Molbæk P. Hansen. 1978. Stød and syllabicity in a Jutlandic dialect // ARIPUC. V. 12. 1978. Copenhagen.
- Molbæk P. Hansen. 1979. A comment on Bashøll's phonological syllabification as applied to Danish // ARIPUC. V. 13. 1979. Copenhagen.
- Morciniec N. 1966. Procesy dyftongizacyjne na holenderski obszarze językowym // Rozprawy komisiji językowej. VI. Wrocław.
- Morsbach L. 1896. Mittelenglische Grammatik. Halle.
- Moulton W.G. 1961. Zur Geschichte des deutschen Vokalsystems // PBB. Bd 83. N 1-2. Tübingen.
- Moulton W.G. 1962. The vowels of Dutch. Phonetic and distributional classes // Studia gratulatoria dedicated A. van de Groot. Amsterdam.
- Moulton W.G. 1963. The sounds of English and German. 2 ed. Chicago.
- Murray A., Vennemann T. 1983. Sound change and syllable structure in Germanic phonology // Lg. V. 59.
- Møller Chr. 1929. Lydforestilling i syntetiske og analytiske sprog // Acta jutlandica. Bd 1. N 1. Århus.

- Nielande M. 1981. The phoneme theory. The syllabic structure of English. Riga.
- Nielsen B.J. 1968. Et Bjereherresdmål. København (UFP. Ser. A, N 23).
- Nielsen B.J. 1982. Himmerlandske korrespondenser til nd. // DF. Bd 24.
- Nielsen G. 1959. Musikalisk accent i Rømøområdet. København (UFP. A. 17).
- Nielsen N.Å. 1959. De jyske dialekter. København.
- Nielsen S.-P. 1902. Sproget i Tågeby // Dania. Bd 9. København.
- Noreen A. 1879a. Dalbymålets ljud och böjningslära. Stockholm (SvLm. 1.3).
- Noreen A. 1879b. Faröomålets ljudlära. Stockholm (SvLm. 1.8).
- Noreen A. 1881. Dalmålet // SvLm. IV. N 1,2.
- Noreen A. Vårt språk. Bd 1 (1903); Bd 2 (1907). Lund.
- Noreen A. 1913. Geschichte der nordischen Sprachen. 3 Aufl. Strassburg.
- Nooteboom S.G., Slis I.H. 1972. The phonetic feature of vowel length in Dutch // LaS. V. 15. N 4.
- Oftedal M. 1952. On the origin of the Scandinavian tone distinction // NTS. Bd 16.
- Olsen K.M. 1949. Synchronisk beskrivelse af aabenraabymaal // DF. 16. Aarg. N 1-4.
- Olseni N. 1887. Södra Luggudemålets ljudlära. Stockholm (SvLm. 64).
- Olsson O. 1958. Brønnøymålet. Lydverket. Oslo (SNM. 13).
- Panzer B. 1972. Morphologische Systeme niederdeutscher und niederländischer Dialekte // Niederdeutsches Wort. Bd 12.
- Paul H. 1956. Deutsche grammatik. Bd 1. Halle(Saale). 4. Aufl..
- Pedersen I.L. 1978. Glidere og langvokaler i vestfyensk // DF. 21 Årg. N 2.
- Pedersen K.M. 1982. Lollandske n-kombinationer // DF. Bd 24.
- Penzl H. 1968. The history of third nasal of Modern German // PMLA.
- Petersen N.R. 1978. Intrinsic fundamental frequency of Danish vowels // JPh. N 6.
- Petersen Pia Riber. 1973. An instrumental investigation of the danish <stød> // ARIPUC. 1972. V. 7. Copenhagen.
- Pfalz A. 1911. Phonetische Beobachtungen an der Mundart des Marchfeldes in Niederösterreich // ZdMa. Bd 12.
- Pfalz A. 1913. Die Mindart des Marchfeldes // Sitzungsberichte der Kaiser. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. kl. Bd 170. 6. Abt. Wien.
- Pfalz A. 1983. Zur Phonologie der bairisch-österreichischen Mundart // Die Wiener dialektologische Schule. Grundsätzliche studien aus 70 Jahren Forschung / Hrsg. P.Wiesinger. Wien (Wiener Arbeiten zur germanischen Altertumskunde und Philologie. 1983. Bd 23).
- Phillips B.S. 1983a. Middle English diphthongization; phonetic analogy and lexical diffusion // Word. V. 34. N 1.
- Phillips B.S. 1983b. Constraints on syllable and quantitative changes: Early Middle English // Linguistics. V. 21. N 6.

- Pihl C. 1924. Överkalixmålet I. Uppsala (Stockholm).
- Pilch H. 1982. Die Entstehung von Diphthongen und komplexen Vokalen. Zur Typologie lautgeschichtlicher Vorgänge // Philologie und Sprachwissenschaft. Akten der 10. Österreichischen Linguisten-Tagung. Innsbruck.
- Plotkin V. Ya. 1974. Is length phonologically relevant in Icelandic // Ph. V. 30. N 1.
- Popperwell R.G. 1963. The pronunciation of Norwegian. Cambridge.
- Poussa E. 1982. The evolution of Early Standard English: the creolisation hypothesis // Studia anglica posnaniensia. 14. Poznań.
- Predota S. 1983. Streitfragen der phonologischen Wertung im Niederländischen // Kwartalnik neofilologiczny. R. 29. N 1-2.
- Priewe O., Teuchert H. 1928. Dialektgeographische Forschungen östlich der unteren Oder // Teuthonista. Jg 4. H. 3/4.
- Prince A.A. 1972. A History of English phonemes. From Indo-European to present day English. Leiden.
- Rask R. 1938. De fynske bønders sprog. København (UFP. Ser. A. N 2).
- Rask R. 1960. Betragtninger i anledning af dæ Kreolske sprog // P. Diderichsen. Rasmus Rask og den grammatiske tradition. Studier over vendepunktet i sprogvidenskabens historie. Med tillæg fra Rasks og N.M.Petersens papirer. København.
- Rasmussen B. 1937-1937. Lidt om gammelkøbenhavnsk // DF. Årg. 10. N 5-8.
- Rehling E. 1965. Det danske sprog 3 udg. København.
- Rein K. 1972. Die «Kärtner Dehnung». Ein Beitrag generativer Phonologie zut bairischen Lautgeschichte // ZDL. N 2.
- Reitan J. 1906. Aalens maalføre // SVS. II kl. 1906. N 4. Christiania.
- Reitan J. 1928. Oplysninger om målet i Bardo og Målselven // MM. N 1.
- Reuter M. 1973. Kvantitetsförhållanden i helsingforssvenskan // Fm. Bd 23.
- Ringgaard K. 1958. Sproget // Bogen om Himmerland / Red. P.Huhle. Aabenraa.
- Ringgaard K. 1959. Når tostavelseord bliver enstavelses. Et bidrag til studiet af den jyske apokope // SoK. Bd 21. N 2.
- Ringgaard K. 1960. Vestjysk stød. Aarhus.
- Ringgaard K. 1978. Distribution af stød og tonal accent i danske dialektområder // TILL. 13.
- Ringgaard K. 1981. Fundamental frequency and glottal stop / Th.Fretheim (ed.) // Nordic prosody II. Papers from a Symposium.
- Rischel J. 1960. Über die phonematische und morphonematische Funktion der sogenannten Worttöne im Norwegischen // ZPh. Bd 13. N 2.
- Rischel J. 1963. Morphemic tone and tone in Eastern Norwegian // Lg. V. 10. N 3-4.
- Rischel J. 1970. Acoustic features of syllabicity in Danish // Proceedings of the VI Intern. Congress of phonetic sciences. Prague. 1967. Praha.
- Rischel J. 1969. Notes on the Danish vowel pattern // ARIPUC. 1968.

- Ritt N. 1987-1988. Aspekte der englischen Silbengeschichte: Zur Dehnung vor homorganen Gruppen // KBS. Bd 13-14.
- Robins R.H. 1970. The phonology of the nasalized verbal forms in Sunndanese // Prosodic analysis / Ed. by F.R.Palmer. London.
- Rogby O. 1967. Niederdeutsch auf friesischem Substrat. Die Mundart von Westerhever in Eiderstedt (Schleswig-Holstein). Uppsala (Stockholm).
- Rohdenburg G. 1986. Phonologisch bedingte Variation in der Verbalsyntax des Nordniederdeutschen // Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung. Bd 109.
- Ross H. 1905, 1906, 1907. Norske bygdemaal. I // SVS. II kl. N 2 (1905); II // SVS. II kl. N 3 (1906); III-VI // SVS. II kl. N 5 (1907). Christiania.
- Roudet L. 1910. Eléments de phonétique générale. Paris.
- Russ Ch. V.S. 1969. Die Ausnahmen zur Dehnung der Mhd. Kurzvokale in offener Silbe // ZDL. Bd 36. N 1.
- Ruthberg H. 1924. Folkmålet i Nederkalix och Töre-socknar. Stockholm.
- Sandvad H. 1931. Stauningmålet. Udg. af Jysk forening for historie og sprog. Aarhus.
- Sarauw Ch- 1921. Niederdeutsche Forschungen. Vergleichende Lautlehre der niederdeutschen Mundarten in Stammlande // DVSM (Det Kong. videnskabernes selskab. Hist.-filol. Meddelelser). V. N 1. København.
- Scheutz H. 1984. Quantität und Lenis - Fortis im Mittelbairischen // Beiträge zur bairischen und ostfränkischen Dialektologie. Ergebnisse der 2. Bayerisch-österreichischen Dialektologentagung / Herausgegeben von P.Wiesinger. Wien (Göppinger Arbeiten zur Germanistik. N 409).
- Schmidt J.B. 1986. Die mittelfränkischen Tonakzente (Rheinische Akzentuierung). Stuttgart.
- Schmitt E.H. 1986. Syn- und diachronische Untersuchungen zum Vokalismus von Nackenheim. Stuttgart.
- Schönfeld M. 1937. Historiese grammatika ven het nederlands; schets van de Klankleer, vormleer en woordvorming. 3 dr., Zutphen. W.J. Thjeme.
- Schulze J.A. 1951. Noko om målet i austre Aker, med ei samanlikning med andre bygder // MM. N 1-2.
- Scott N.C. 1970. A phonological analysis of the Szechuanese monosyllable // Prosodic analysis / Ed. by F.R.Palmer. London.
- Seip D.A. 1931. Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo.
- Selkirk E. 1982. <The syllable> / Ed. Hulst van der H, Smith N. The structure of phonologivcal representations. T. 2. Dordrecht.
- Selmer E.W. 1921. Syltenfriesische Studien // SVS. Bd1.N1.
- Selmer E.W. 1930. Apokope und Zirkumflex I // SNV. II kl. 1930. Bd. 2, N 10. Oslo.
- Shetter W.Z. 1958. Pholemsics of Zwolle dialect // Lg. V. 34. N 1.
- Sievers E. 1901. Grundzüge der Phonetik zur Einführung in des Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen. 5. Aufl. Leipzig.
- Sievers E., Brunner K. 1951. Altenglische Grammatik. 2. Aufl. Halle.
- Sievers H. 1914. Die Mundart der Stapelholmer. Marburg.

- Siegurd B. 1961. The code shift in Old Norse // SL. V. 15. N 1.
- Sjödahl N. 1922. Gammal kort stavelse i västerdalmålen. Stockholm.
- Skaličková A. 1965. The problem of the English vowel oppositions // ZPh. Bd 8. N 6.
- Skautrup P. 1944, 1947. Det danske sproghistorie. Bd 1 (1944); Bd 2 (1947). København.
- Skjekkeland M. 1976. Vokalsystemet i Kvinesdalsmålet // MM. N 1-2.
- Sljekkeland M. 1947. Målføre og skriftmål. Oslo.
- Skomedal T. 1971. Vokalsystemet i Sætedalsmålet // Mål og Namn. Oslo; Bergen; Tromsø.
- Skånlund E.B. 1973. Cirkumflekstonelaget i Salta-målet // Fra norsk målføregranskning utvalde utgreiingar / Ved. O.Beito og I.Hoff. Oslo.
- Smith I. 1982. Abstractness in phonology: the English velar nasal // Linguistics. V. 20. N 5-6.
- Smith Sv. 1944. Bidrag til løsning problemer vedrørende stødet i dansk rigssprog // NTTS. Aarg. 8. N 1-2.
- Solstrand V. 1924. Svensk stavelseförlängning med särskild hänsyn till språket i Åland och Uppland. Helsingfors.
- Sommerfelt A. 1924. The importance of the phonemic point of view in a guide to pronunciation. The case of the Norwegian u // Linguistics. V. 5.
- Spenter A. 1968. Der Vokalismus der akzentuierten Silben in der Schiermonnikooger Mundart. Kopenhagen.
- Standwell O.J. 1975. Norwegian phonology // Acta linguistica. T. 25. N 3-4. Budapest.
- Steblin-Kamenskij M.I. 1965. Phonemic merger and janus phonemes (old Icelandic q anew) // Philologica Pragensia. R. 8. . 2-3.
- Steinhauser W. 1961. Zur bairisch-österreichischen Lautgeschichte // Zmf. Bd 28. N 2.
- Steinitz W. 1964. Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus. 2. Aufl. Berlin.
- Steponavičius A. 1987. English Historical Phonology. Moscow.
- Storm J. 1884-1908. Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken // Norvegia. Bd 1.
- Sturluson Snorri. 1968. Edda. Gylfaginning og prosa for tolkingene av Skáldskaparmál / Utg. av. A.Holtsmark og J.Helgason. København.
- Sturtevant E.H. 1940. The pronunciation of Greek and Latin. 2 ed. Philadelphia.
- Stutterheim C.F.P. 1968. Gothic and phonology // Lingua. V. 21.
- Suzuku S. 1985. The role of syllable structure in old English poetry // Lingua. V. 67. N 2/3.
- Sweet H. 1873-1874. On Danish pronunciation // TPhS.
- Sweet H. 1873-1874. The history of English sounds // TPhS.
- Sweet H. 1906. A primer of phonetics. Oxford.
- Sweet H. 1922. A primer of spoken English. Oxford.
- Svenning J. 1917, 1931, 1932. Folkmålet i Listers härad // SvLm. N 4 (140) (1917); N 3 (195) (1931); N 2 (199) (1932).
- Swiggers P. 1984. The relevance of autosegmental phonology for diachronic linguistics // Folia linguistica historica. T. 5. N 2.

Söderström S. 1972. Om kvantitetsutvecklingen i norrländskafolkmål. Uppsala.

Søndergaard G. 1975. Diftonger og monoftonger i en vendelbodialekt. Odense (Odense university studies in Scandinavian languages and literatures. V. 5).

Ternes E. 1980. Über Herkunft und Verbreitung der Überlänge in deutschen Dialekten // Phonologica. 1980. Innsbruck. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft / Hrsgg. von W.Meid. Bd 36).

Thomsen V. 1908. Lydlære // J.C.S.Espersen. Bornholmsk ordbog. København.

Thorsen N. 1978. An acoustical analysis of Danish intonation // Journal of phonetics. V. 6.

Thorsen P.K. 1894. Sprogarten på Sejerø. København.

Thorsen P.K. 1929. En række fortidsformer og fortidstil-lægsformer af svagt bøjede udsagnsord i dansk // P.K.Thorsen. Afhandlinger og breve. 2. København.

Thorsen P.K. 1929. Den berømteste dialektgrænse i Danmark P.K.Thorsen. Afhandlinger og breve 2. København.

Thurman J.A. 1888-1900. Pargasmålets ljud- och formlära. Stockholm (SVLm. 15.4).

Trautmann M. 1884. Orm's Doppelkonsonanten // Anglia. Bd 7. Anzeiger.

Trost P. 1970. Vokalquantität und Silbe im Deutschen // Proceedings of the VI. International congress of phonetic sciences. Prague, 1967. Praha.

Trubezkoy N.S. 1938. Die phonologischen Grundlagen der sogenannten Quantität // Scritti in onore di A.Trombetti. Milano.

Uldall H.J. 1936. The phonematics of Danish // Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences. Cambridge.

Vachek J. 1961. Some less familiar aspects of the analytical trend of English // Brno studies in English. V. 3. Praha.

Vachek J. 1963. The phonematic status of Modern English long vowels and diphthongs // Philologica pragensia. N 1 (46).

Valentin P. 1969. L'isochronie syllabique en nha.ancien // Mélanges pour J.Fourquet. Paris;München.

Vanvik A. 1956. Norské tonelag // MM. N 1-4.

Vanvik A. 1969. Norwegian prosody // NTS. Bd 23.

Vanvik A. 1972. A phonetic phonemic analysis of Standart Eastern Norwegian // NTS. Bd 26. N 2.

Varming J. 1892. De jyske folkesprog grammatisk fremstillet. København.

Vendell H. 1892. Pedersöre-Purmo-målet. Ljud- och formlära samt språkprof. Helsingfors.

Vennemann Th. 1970. The German velar nasal. A case for abstract phonology // Phonetica. V. 22. N 2.

Vennemann Th. 1974. Restructuring // Lingua. V. 33. N 2.

Vennemann Th. 1988. Preference law for syllable structure and the explanation of sound change: With special reference to German, Germanic, Italian and Latin. Berlin etc.

Walker A.G.H. 1980. Die nordfriesische Mundart der Bökingharde // ZDL. N 23.

Wang W.S.-Y. 1967. Phonological features of tone // International Journal of American Linguistics. V. 33. N 2.

- Weber B.A. 1948. Zürichdeutsche Grammatik. Zürich.
- Weijnen A. 1958. Nederlandse dialektkunde. Assen.
- Weissmann E. 1970. Phonematische Analyse des Stadtdialektes von Bristol // *Phonetica*. V. 21. N 3.
- Wessén E. 1958. Svensk språkhistoria. Bd 1. Stockholm.
- Westin Kj., Buddenhagen K.G., Obrecht D.H. 1966. An experimental analysis of the relative importance of pitch: Quantity and intensity as cues to phonetics distinctions in southern Swedish // *LaS*. V. 9. P. 2.
- Wiesinger P. 1975. Strukturgeographische und strukturhistorische Untersuchungen zur Stellung der bergischen Mundarten zwischen Ripuarisch, Niederfränkisch und Westfälisch // *ZDL* (Beihefte N.F. 13).
- Wiesinger P. 1983. Phonologische Vokalsysteme deutscher Dialekte. Ein synchronischer und diachronischer Überblick // *Dialektologie* / Hrsg. Besch W. et al. Bd 1, 2, Berlin; New York.
- Wiesinger P. 1983. Dehnung und Kürzung in den deutschen Dialekten // *Dialektologie*. Bd 1.2. Berlin; New York.
- Wigforss E. 1913-1918. Södra Hallands folkhäl, ljudlära. Stockholm (SVLm. 123, 131, 138, 141).
- Wijk N. van. 1941. <Silbenschnitt> en quantiteit // *Onze taaltuin*. Jrg 9. N 8.
- Winteler J. 1876. Die Kerenzer Mundart des Kanton Glarus. Leipzig; Heidelberg.
- Wirth van Wijk L.E. 1983. Tweeklanken; oud en nieuw // *Tijdschrift voor nederlands taal- en letter kunde*. D. 99. N 3.
- Wittmann J. 1928. Die sprachgeschichtliche Entwicklung des Deflexionstypus im Afrikaans. Bonn.
- Wurzel W.U. 1975. Der gotische Vokalismus // *Acta linguistica*. T. 25. N 3-4. Budapest.
- Wyld H. 1936. A History of modern colloquial English. Oxford.
- Þórólfsson Björn. 1929. Kvantitetsomvæltningen i islandsk // *ANF*. Bd 45.
- Zabrocki L. 1963. Z rozwoju dityngow ie, ai, au, ou w językach germanskich // *Prace filologiczne*. T. 18. Cz. 1.
- Zehetner Z. 1978. Die Mundart der Hallertau. Systematische Darstellung der Phonologie (diachronisch) und Dialektographie eines Gebiets im Nördlichen Randbereich des Mittelbairischen (DDg. N 105). Marburg.
- Åström P. 1888. Språkhistoriska studier öfver Degerforsmålets ljudlära. Stockholm (SVLm. 6.6).
- Österberg K. 1914. Ovikens bygdemål i Jämtland. Lund.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВЯ - Вопросы языкознания
 ЛМ - Лингвистические исследования
 AL - Acta linguistica (Copenhagen)
 ANF - Arkiv för nordisk filologi
 ANVA - Avhandlingar utg. av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II hist.-filos. Klasse
 APHS - Acta philologica Scandinavica
 ARIPUC - Annual report of the Institute of Phonetics. University of Copenhagen
 BFNF - Bidrag till kännedom af Finlands natur och folk
 BNF - Bidrag til nordisk filologi av studerende ved Kristiania (Oslo) universitetet
 BSL - Bulletin de la société linguistique de Paris
 DF - Danske folkemaal
 DVS - Det Kongl. danske videnskabers selskabs skrifter
 Fm - Folkmålsstudier
 FVS - Forhandlingar utg. af Videnskabselskabet i Kristiania
 GHÅ - Göteborgs högskolas årsskrift
 ÍT - Íslensk tunga
 KBS - Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft
 LaS - Language and speech
 Lg - Language
 LSNS - Lundastudier i nordisk språkverenskap
 LUÅ - Lundsuniversitetets årsskrift
 MM - Maal og minne
 NB - Norske bygder
 NJb - Niederdeutsche Jahrbücher
 NM - Norske maalføre
 NTS (NJL) - Norsk tidsskrift for sprogvidenskap (c 1978 - Nordic Journal of Linguistics)
 NTTS - Nordisk tidsskrift for tale og stæmme
 PBB - Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
 Ph - Phonetica
 SL - Studia linguistica
 SNM - Skrifter fra Norsk maalførearkiv
 SNVA - Skrifter utg. av det Norske Videnskapsakademi i Oslo. II hist.-filos. Klasse
 SoK - Sprog og Kultur
 SS - Scandinavian studies
 SSLF - Skrifter utg. av Svenska litteratursällskapet i Finland
 SvLm - Nyare bidrag till kännedomen om de svenska landsmålen och svenskt folkliv (c 1917 r. - Svenska landsmål och svenskt folkliv)
 SVS - Skrifter utg. af Videnskabselskabet i Kristiania (Christiania). II Klasse

- SVST - Det Kongelige Norske videnskabersselskabs skrifter
- TCLC - Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen
- TCLP - Travaux du Cercle linguistique de Prag
- TILL - Travaux de l'Institut linguistique de Lund
- TPhS - Transactions of the Philological society
- UFP - Udvalg for folkemaalspublikationer
- UUA - Uppsalauniversitetets årsskrift
- ZDL - Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik
- ZMf - Zeitschrift für Mundartforschung
- ZPh - Zeitschrift für Phonetik, allgemein Sprachwissenschaft
und Kommunikationsforschung

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ I. СИНХРОНИЯ. МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ	6
1. Моросчитание	10
Просодика	10
Скандинавские языки	10
Западногерманские языки	25
Вокализм	31
Скандинавские языки	31
Западногерманские языки	33
2. Слоговое равновесие (изохрония)	34
Просодика	34
Скандинавские языки	34
Западногерманские языки	43
Вокализм	49
Скандинавские языки	49
Западногерманские языки	55
3. Корреляция контакта	59
Просодика	59
Западногерманские языки	59
Скандинавские языки	70
Вокализм	79
Западногерманские языки	86
Немецкий язык	86
Голландский язык	90
Африкаанс	93
Фризский язык	94
Английский язык	97
Скандинавские языки	100
4. Между изохронией и контактом	110
Просодика	110
Вокализм	114
5. Силлабемность	118
Скандинавские языки	118
Западногерманские языки	128
ЧАСТЬ II. ДИАХРОНИЯ. РЕКОНСТРУКЦИЯ	136
1. От моросчитания к слоговому равновесию	136
Просодика	136
Скандинавские языки	147
Западногерманские языки	157
Вокализм	171
Скандинавские языки	172
Западногерманские языки	188
2. От слогового равновесия к корреляции контакта	198
Просодика	198
Скандинавские языки	199
Западногерманские языки	208
Вокализм	211

<i>Скандинавские языки</i>	213
<i>Западногерманские языки</i>	220
3. От корреляции контакта к силлабемности	228
<i>Скандинавские языки</i>	228
<i>Западногерманские языки</i>	242
Заключение	251
Summagu	256
Список литературы	261
Список сокращений	281

Юрий Константинович Кузьменко

**ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ**

*Утверждено к печати
Институтом языкознания
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Г. Степанова*
Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *Л. Ю. Васильева*

ИБ N 44626

Сдано в набор 14.01.91. Подписано к печати 05.07.91.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная N 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18.0. Усл. кр.-от. 18.12. Уч.-изд. л. 17.76.
Тираж 750. Тип. зак. N 1047. Цена 3 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

В издательстве «Наука» готовится к печати книга:

Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII - начала XIX в.

В монографии сотрудников группы исторической лексикологии Словарного отдела Института русского языка АН СССР описываются стили русской художественной литературы середины и конца XVIII - начала XIX в. прежде всего стилистика произведений Н.М. Карамзина, а также и стиль научных произведений XVIII в., их роль в становлении и развитии русского литературного языка.

Для специалистов по исторической лексикологии и всех, кто интересуется проблемами становления русского литературного языка на национальной основе.

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА” МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО
ЗАКАЗАТЬ В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ „АКАДЕМКНИГА”,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ ИЛИ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ.**

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин „Книга – почтой” Центральной конторы „Академкнига”;
- 252107 Киев, Татарская ул., 6, магазин „Книга – почтой”;
- 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин „Книга – почтой” Северо-Западной конторы „Академкнига”
или в ближайший магазин „Академкнига”, имеющий отдел „Книга – почтой”;
- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 („Книга – почтой”);
- 370091 Баку, Коммунистическая ул., 51 („Книга – почтой”);
- 232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
- 690088 Владивосток, Океанский пр., 140 („Книга – почтой”);
- 320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 („Книга – почтой”);
- 734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 („Книга – почтой”);
- 375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 („Книга – почтой”);
- 420043 Казань, ул. Достоевского, 53 („Книга – почтой”);
- 252030 Киев, ул. Ленина, 42;
- 252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
- 252025 Киев, ул. Осипенко, 17;
- 277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 („Книга – почтой”);
- 343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 („Книга – почтой”);
- 660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
- 443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 („Книга – почтой”);
- 191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
- 199034 Ленинград, Таможенный пер., 2;
- 194064 Ленинград, Тихорецкий пр., 4;
- 220012 Минск, Ленинский пр. 72 („Книга – почтой”);
- 103009 Москва, ул. Горького, 19а;

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 („Книга – почтой”);
142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 Пущино, Московской обл., МР „В”, 1 („Книга – почтой”);
620252 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 („Книга – почтой”);
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 („Книга – почтой”);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 („Книга – почтой”);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 („Книга – почтой”);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 („Книга – почтой”).

Ю. К. Кузьменко

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
ГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

3 р. 80 к.

· НАУКА ·
Ленинградское отделение

Ю. К. Кузьменко ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ